

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XVI _ nr. 1

IN MEMORIAM

**Dr.hab. OLEG LEVIȚKI
(1956-2020)**

Revistă indexată în bazele de date

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2020

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

**INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE**

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki†

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – dr. **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посыпать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Eugen Mistreanu (<i>Chișinău</i>), Marcin M. Przybyła (<i>Kraków</i>). Despre planimetria aşezării gumelniteșene Taraclia I în cercetări vechi și noi	5
Майя Кашуба (Санкт-Петербург), Игорь Сапожников (Киев). История находки Бородинского (Бессарабского) клада	21
Aurel Mototolea (<i>Constanța</i>), Simina Margareta Stanc (<i>Iași</i>), Andreea Andrei (<i>Constanța</i>). The roadside inns (<i>khâns</i>) in Ottoman Dobrudja	48

MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Валерий Манько (Киев), Гурам Чхатарашвили (Батуми). Раннеголоценовая стоянка Джварцхма в Западной Грузии	63
Oleg Levițkiț, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chișinău</i>). Rezultatele investigațiilor arheologice efectuate în cadrul sitului Trinca-Izvorul lui Luca în anul 2001	78
Виталий Синика (Тирасполь), Сергей Лысенко (Киев), Сергей Разумов (Тирасполь), Николай Тельнов (Кишинэу). Курган 2 группы «Рыбхоз» в Нижнем Поднестровье и скифские кремации Северо-Западного Причерноморья	99
Александр Симоненко (Киев). Ритуальный депозит II-I вв. до н.э. из Брэвичень	108

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Vasile Haheu (<i>Chișinău</i>). Sistemul defensiv al fortificațiilor traco-getice (particularități constructive și principii de apărare)	121
Елена Журухина (Киев). Производство стеклянных изделий (по материалам ремесленных мастерских Киевского Подола XII – первой половины XIII века)	130

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Roman Croitor (<i>Aix-en-Provence</i>), Vitalie Burlacu (<i>Chișinău</i>). The Middle Paleolithic site of Buzdujeni 1 (Northern Moldova): evidence on periodic occupation by cave hyena	136
Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chișinău</i>), Vasile Diaconu (<i>Târgu-Neamț</i>), Nicoleta Vornicu (<i>Iași</i>). Despre vasul de cupru medieval descoperit la Cetatea Neamțului (județul Neamț, România). Noi considerații	145
Mariana Gugeanu (<i>Iași</i>). Textilă liturgică arheologică – <i>Mâneceuță</i> . Conservare și restaurare	157

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Kirsten Hellström, *Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet*

(2. Jh. v. Chr. - 3. Jh. n. Chr.). Arhäologie in Eurasien 39, Bonn, 2018,
284 pagini și 94 planșe, ISBN 978-3-7749-3948-6
(Vasile Iarmulschi, Berlin) 163

IN HONOREM

Dumitru Boghian la 65 de ani (Sergiu-Constantin Enea, Târgu-Frumos) 165

IN MEMORIAM

La adio Oleg Levički: Omul și Savantul (1956-2020)
(Vasile Haheu, Chișinău) 168

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 172

INFORMATII ȘI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 173

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL
MAGAZINE 174

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Eugen Mistreanu, Marcin M. Przybyła

Despre planimetria aşezării gumelnițene Taraclia I în cercetări vechi și noi

Keywords: Prut-Dniester interfluve, North-Western Black Sea region, Eneolithic, Taraclia I settlement, Gumelnița-Kodjadermen-Karanovo VI cultural complex, Bolgrad-Aldeni, fortified settlement.

Cuvinte cheie: interfluviul pruto-nistrean, nord-vestul Mării Negre, Eneolic, aşezarea Taraclia I, complexul cultural Gumelnița-Kodjadermen-Karanovo VI, Bolgrad-Aldeni, aşezare fortificată.

Ключевые слова: Прото-Днестровское междуречье, Северо-Западное Причерноморье, энеолит, поселение Тараклия I, культурный комплекс Гумельница-Коджадермен-Караново VI, Болград-Алдень, укрепленное поселение.

Eugen Mistreanu, Marcin M. Przybyła

On the planimetry of Gumelnița settlement Taraclia I in old and new research

In the present article, the authors present the archaeological research carried out in the settlement of Taraclia I during 1979-1985, as well as the geophysical investigations undertaken in 2019. It presents the plan of archaeological excavations as well and a preliminary analysis of the results of the magnetometric scan. It highlights the layout of the settlement, confirming the existence of the ditch a defensive type structure, discovered in 1985. It also calls attention to a fortification model, quadrilateral with rounded corners, composed of two rows of ditches, with four entrances, arranged approximately in the middle of artificial fortifications, and surrounding the central area of housing. By type and shape, the highlighted structure has analogies both in the immediate vicinity, the settlements Chioselia Mare I and Cialic, as well as in Romania at Suceveni-Stoborani, but especially in the Eneolithic settlements of the cultural complex Gumelnița-Kodjadermen-Karanovo VI, in Bulgaria; the similarities being representative of the settlements from Poljanica, Radingrad, Goljamo Delčeve, Ovčarovo. Considering the new information, we can say that one of the arguments for trying to individualize the settlements in the Bugeac steppe and namely the lack of fortification / delimitation systems is no longer fully valid nowadays.

Eugen Mistreanu, Marcin M. Przybyła

Despre planimetria aşezării gumelnițene Taraclia I în cercetări vechi și noi

În articolul de față, autorii prezintă unele rezultate ale cercetărilor arheologice desfășurate în aşezarea Taraclia I în perioada anilor 1979-1985, cât și investigațiile geofizice întreprinse în anul 2019. Este prezentat planul săpaturilor arheologice și o analiză preliminară a rezultatelor scanării magnetometrice. Acestea scoate în evidență planimetria aşezării, confirmând existența structurii defensive de tip sănț, descoperită în 1985. De asemenea, se evidențiază un model de fortificare, patrulater cu colțurile rotunjite, compus din două rânduri de sănțuri, cu patru intrări, dispuse aproximativ pe mijlocul fortificațiilor artificiale, care înconjoară zona centrală, a locuințelor. Structura evidențiată, după tip și formă, își găsește analogii atât în imediata apropiere, în aşezările de la Chioselia Mare I și Cialic, cât și în România la Suceveni-Stoborani, dar mai ales în aşezările eneolitice ale complexului cultural Gumelnița-Kodjadermen-Karanovo VI, în Bulgaria, reprezentativ fiind asemănările cu aşezările Poljanica, Radingrad, Goljamo Delčeve, Ovčarovo. Cu aceste noi informații, putem afirma că unul din argumentele prin care se încerca individualizarea aşezărilor din stepa Bugeacului, și anume lipsa unor sisteme de fortificare / delimitare nu mai este astăzi pe deplin valabil.

Еужен Мистреану, Марчин М. Прзбила

О планиметрии гумельницкой поселений Тараклия I в старых и новых исследованиях

В этой статье авторы представляют археологические исследования, проведенные в поселении Тараклия I между 1979-1985 годами, а также геофизические исследования, проведенные в 2019 году. В нем представлены план археологических раскопок и предварительный анализ проведенного магнитометрического сканирования. Это подчеркивает планировку поселения, подтверждая существование оборонительного сооружения канавного типа, обнаруженного в 1985 году, также подчеркивает модель укрепления, четырехугольную с закругленными углами, состоящую из двух рядов ров, с четырьмя входами, расположенными приблизительно посередине искусственных укреплений, окружающие центральную площадь, жилищ. Выделенная структура по типу и форме находит свои аналогии как в непосредственной близости, поселения Кёселия Маре I и Чалык, так и в Румынии в Сучевень-Стоборэнь, но особенно в энеолитических поселениях культурного комплекса Гумельница-Коджадермен-Караново VI в Болгарии, представителем является сходство с поселениями Поляница, Радинград, Голямо Делчево, Овчарово. Имея эту новую информацию, мы можем сегодня сказать, что один из аргументов в пользу индивидуализации поселений в степи Буджак, а именно отсутствие систем фортификации / делимитации, сегодня уже не полностью действителен.

Introducere. Așezările gumelnițene din spațiul proto-nistrean

Grupul de așezări gumelnițene dintre Prut și Nistru ocupă partea de sud-vest a acestui spațiu, iar cartografierea siturilor ne permite să afirmăm că acestea se concentreză în zona de nord-est a comunităților de agricultori din eneoliticul timpuriu, care au migrat dinspre sud și vest, în a doua jumătate a mileniului V a.Chr. în acest spațiu. Fără a trece în revistă întregul istoric al cercetărilor așezărilor luate în discuție, acest aspect fiind abordat deja [Mistreanu 2019, 99-101], amintim aici despre aportul mai multor cercetători la identificarea, descrierea, evidențierea, încadrarea cronologică și culturală a noilor așezări descorebite, printre aceștia, desigur, se remarcă I.T. Cherniakov, T.S. Passek, E.K. Chernysh, S.N. Bibikov, L.V. Subbotin, V.S. Beilekchi, I. Manzura.

Până astăzi nu a fost stabilit exact statutul taxonomic al noilor așezări identificate, utilizându-se diverse formulări, variind între: *cultură*, *aspect*

cultural, *grup cultural*, *tip cultural*, *facies cultural*. Aceste încadrări au diferite denumiri în diverse lucrări: *Gumelnița*, *Gumelnița-Ariușd*, *Bolgrad*, *Aldeni II*, *Stoicanî-Aldeñi*, *Bolgrad-Aldeñi*. Rămâne neclară perioada, cauzele apariției și cea a dispariției respectivelor așezări. Astfel, ideea generală a cercetătorilor este că așezările întemeiate în zonă, aparțin unor populații de agricultori din spațiul danubian sau înrudite strâns cu acestea, reprezentând comunități gumelnițene timpurii, care își fac apariția în regiune la mijlocul mil. V. a.Chr. [Mistreanu 2019, 101]. Așezările sunt amplasate pe terasele joase ale râurilor, în preajma cursurilor de apă, pe văile laterale în apropierea izvoarelor și pe terasele marilor lacuri basarabene. Din cauza unei locuirile relativ de scurtă durată, comunitățile noi apărute nu au lăsat un model de locuire de tip *tell*, așezări întâlnite în nord-estul Munteniei și sudul Moldovei în România. În așezările gumelnițene din zona noastră de studiu nu a fost identificată o stratigrafie cronologică consecutivă, tipică, în

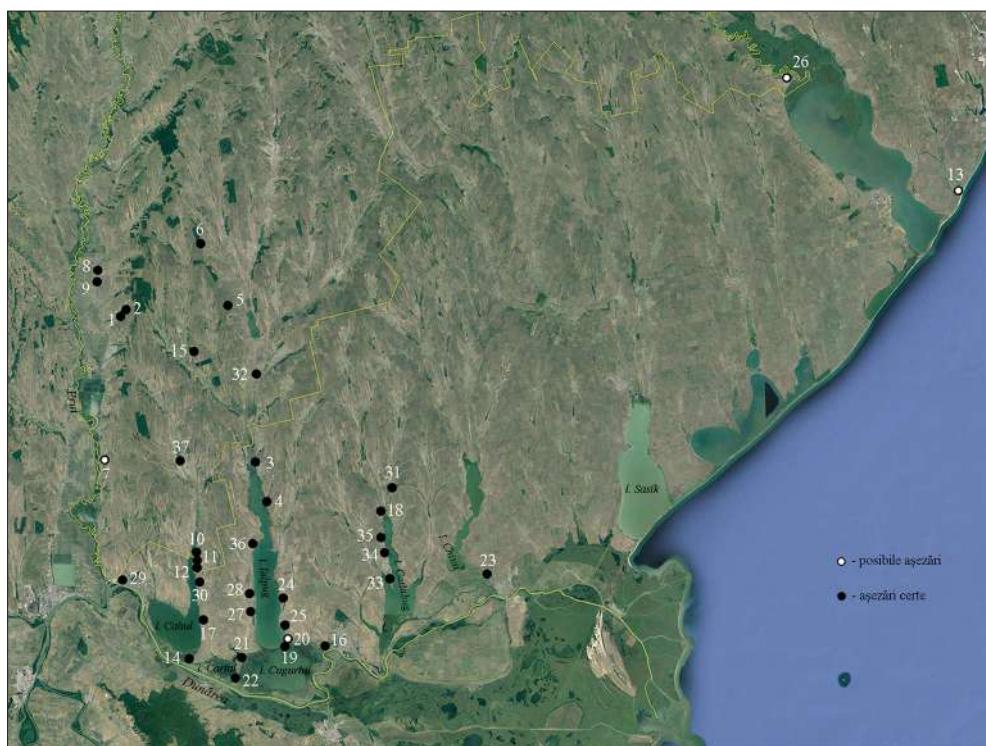

Fig. 1. Harta așezărilor gumelnițene din spațiul Prut-Nistru [după Mistreanu 2019, fig.1, 102].

Fig. 1. Map of Gumelnița culture settlements in the Prut-Nistru space [after Mistreanu 2019, fig.1, 102].

1. Andrușul de Sus I, 2. Andrușul de Sus II, 3. Bolgrad, 4. Bolgrad II, 5. Cealic, 6. Chioselia Mare I, 7. Colibaș I, 8. Cucoara I, 9. Cucoara II, 10. Etulia II, 11. Etulia V, 12. Etulia VI, 13. Gribivka IV, 14. Kartal (Orlovka I, Orlovka II), 15. Lopătica I, 16. Matros'ka, 17. Nagirne II, 18. Nova Nekrasivka IV, 19. Nova Nekrasivka I, 20. Nova Nekrasivka II, 21. Novosil's'ke I, 22. Novosil's'ke II, 23. Omarbija, 24. Ozerne, 25. Ozerne II, 26. Palanca, 27. Plavni I, 28. Plavni IV, 29. Reni, 30. Reniiskii II, 31. Suvorove VI, 32. Taraclia I, 33. Utikonosivka, 34. Utikonosivka I, 35. Utikonosivka II, 36. Vladichn' VIII, 37. Vulcănești II.

care să se succedă cronologic culturile arheologice, exceptie fiind situl de la Kartal [Bruiako et al. 2003, 56-61]. În aşezările studiate au fost identificate două niveluri de locuire. Stratul gumelnițean nefiind precedat și nici continuat imediat de alte culturi arheologice.

La momentul actual, sunt 33 de aşezări cert identificate aparținând culturii Gumelnița, dintre care 12 pe teritoriul Republicii Moldova și 21 în Ucraina (fig. 1). De la începutul descoperirii culturii Gumelnița în zona noastră de studiu până în prezent au fost investigate prin săpături arheologice 13 aşezări: Bolgrad (1962-1963, 1970, 1984, 1999), Cealic (2010-2012), Cucoara I (1972), Lopățica I (1965-1966, 1968), Nagirne II (1964, 1966, 1969, 1971, 1981, 1983-1991), Nova Nekrasivka II (2003), Novosil's'ke I (1984, 1988-1989), Ozerne (1963-1965), Taraclia I (1982-1985), Vulcănești II (1962-1963, 1965, 1969-1970). În anii '80 ai sec. XX au fost efectuate câteva sondaje în siturile Matros'ka și Reni. Începând cu anul 2000 reîncep săpăturile sistematice la Kartal, unde a fost confirmată prezența nivelului Bolgrad-Aldeni în situl Orlovka I [Mistreanu 2019, 112].

După o pauză *post sovietică* în cercetarea aşezărilor gumelnițene, la începutul secolului XXI au fost reluate săpăturile sistematice la situl de la Kartal [Bruiako et al. 2003; Bruyako et al. 2005, Govădarica, Manzura 2015]. În 2010 este cercetată o nouă aşezare gumelnițeană, Cealic de către I. Manzura, iar problema colonizării de către populațiile balcano-dunărene, a zonei de stepă (Bugeac) din spațiul pruto-nistrean, revine în actualitate [Govădaritsa et al. 2012; Govădarica, Manzura 2016; Bruiako 2016]. Ulterior, a fost descoperită o nouă aşezare, Chioselia Mare I, care în momentul actual este cel mai nordic punct existent în teren nu doar în publicații, al culturii Gumelnița (Bolgrad-Aldeni) în spațiul pruto-nistrean [Mistreanu 2013]. De rând cu acestea, sunt tratate aspectele funerare și antropologice ale comunităților gumelnițene [Dambri-court et al. 2010]. Se publică informații prețioase privind industria litică din aşezările gumelnițene [Kiosak, Subbotin 2016]. Este pus în discuție rolul comunităților Bolgrad-Aldeni în cadrul complexului cultural eneolic Balcano-Carpato-Pontic, prezentate ca o entitate culturală distinctă compusă din câteva grupuri teritoriale (Stoican, Aldeni II, Bolgrad) [Burdo 2018]. A fost reactualizat și completat catalogul aşezărilor [Mistreanu 2019].

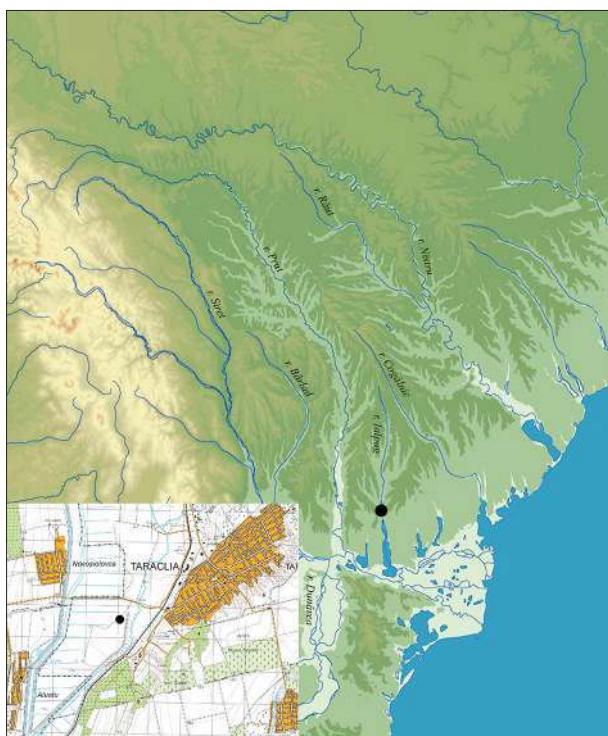

Fig. 2. Taraclia I. Localizarea sitului.

Fig. 2. Taraclia I. Location of the site.

Cercetarea geofizică nu mai este o nouă pentru mediul academic local, în ultimii ani fiind aplicată în studiul mai multor situri din Republica Moldova, istoriografia aplicării metodei respective în siturile neolitice și eneolitice a fost deja abordată exhaustiv [Țerna 2016]. Pornind de la cele menționate, ne-am propus să analizăm nivelul de implementare și impactul pe care l-au avut metodele geo-magnetometrice la aşezările gumelnițene din spațiul Prut-Nistru. Până astăzi, cercetări magnetometrice au fost întreprinse în aşezările Cialic și Chioselia Mare I [Manzura, Govădarica 2018], rezultatele fiind destul de spectaculoase, oferind informații inedite ce țin de planimetria, structura internă și amplasarea aşezărilor comunităților gumelnițene apărute în zonă. Totuși, trebuie să amintim că acestea nu au fost primele aşezări gumelnițene unde a fost aplicată noua metodă. În 1968, V.P. Dudkin și V.S. Beilekchi investighează situl Cucoara I, însă nu este clar ce suprafață a fost prospectată magnetometric. Cu toate astea, în urma obținerii hărții anomalilor magnetice, ținând cont de intensitatea și structura acestora, autorii ajung la concluzia că în aşezarea respectivă au putut exista doar locuințe adâncite și gropi, idee susținută și de faptul că pe suprafața sitului nu

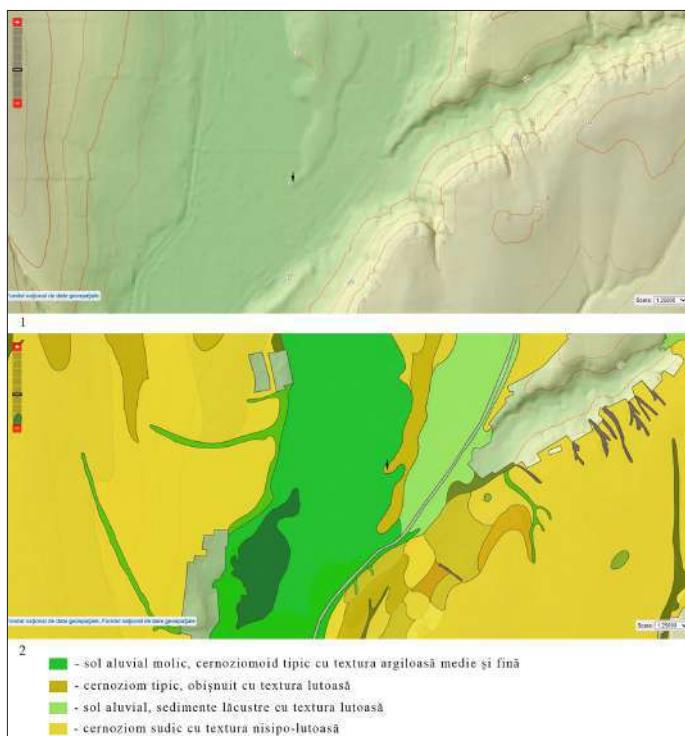

Fig. 3. Taraclia I. Localizarea sitului. 1. Harta reliefului. 2. Harta solurilor (sursă www.geoportal.md, accesat 12.02.2020).

Fig. 3. Taraclia I. Location of the site. 1. Relief map. 2. Soil map (based on geoportal.md, access 12.02.2020).

se întâlneau fragmente de lut ars, concentrații de fragmente ceramice, oase sau piatră, dar nici pete/aglomerări mari de cenușă [Beilekchi 1973, 1].

Taraclia I¹. Scurt istoric al cercetării arheologice

Pornind de la cele spuse mai sus, ne-am îndreptat atenția asupra unui sit arheologic, care a beneficiat de mai multe campanii de săpătură, rezultatele cărora nu au fost pe deplin valorificate. Situl a fost descoperit în 1979 de către T. Shcherbakova și S. Agulnicov, fiind localizat lângă orașul Taraclia (raionul Taraclia, Republica Moldova). Aceasta este situat la 1,5 km sud-vest de Taraclia și la 1 km sud de șoseaua Taraclia-Novosiolovca (fig. 2). Amplasat în valea râului Ialpug, pe un mic promontoriu, între râurile Ialpug și Lunga, format din

1. Utilizăm această denumire în conformitate cu *Registrul monumentelor Republicii Moldova ocrotite de stat, aprobat prin Hotărârea Parlamentului nr.1531-XII din 22 iunie 1993, anexat la Legea privind ocrotirea monumentelor, publicată în Monitorul Oficial al RM (nr 15-17) anul XVII (3548-3550) la data de 2 februarie 2010*. Amintim, totodată, că în alte referințe, acest sit se întâlnește cu denumirea de „Taraclia” [Dergaciov 2010]; „Taraclia II” [Beilekchi, Chirkov 2019].

sol cernoziom obișnuit, cu textura lutoasă, acesta fiind mărginit de lunca cu sol aluvial molic, cu structură argiloasă mediu și fină (fig. 3). La suprafața terenului se întâlneau fragmente de lipitură de lut arsă, ceramică și oase, în unele zone acestea fiind mai aglomerate. După concentrațiile de material s-a presupus existența a patru locuințe de suprafață, două fiind amplasate în partea de est a așezării, una la sud și alta la nord [Shcherbakova et. al. 1984]. Așezarea a fost atribuită comunităților gumelnițene, de tip (Bolgrad) Stoicanîi-Aldeni. De asemenea, a fost identificat și un strat slab de locuire medievală – nogaică, iar în perimetru așezării se mai afla și un tumul, care a fost cercetat parțial.

Între anii 1982-1985² au loc cercetări de salvare, fiind întreprinse de: 1982 – I. Manzura [Manzura, Sorokin 1990], 1983 – V. Sorokin [Sorokin 1984], 1984 – I. Manzura [Mishina, Chirkov 1986, 385; Savva et. al. 1984], 1985 – V. Beilekchi [Beilekchi et al. 1986; Beilekchi, Chirkov 2019], toate desfășurate în cadrul Expediției arheologice de salvare „Bugeac”, condusă de T. Shcherbakova.

Valorificarea acestora s-a concretizat printr-un articol dedicat săpăturilor din anul 1982 [Manzura, Sorokin 1990] și câte un mic rezumat despre săpăturile din alte trei sezoane, care au fost publicate ulterior [Mishina, Chirkov 1986; Beilekchi 1987]. Materialul antropomorf descoperit este publicat parțial, într-un studiu semnat de V. Beilekchi [Beilekchi 1989, 36-46]. În ceea ce privește alte piese individuale descoperite în acest sit, se face referință în alte lucrări cu caracter general [Dergaciov 2010, 242-248]. Recent, sunt publicate rezultatele investigațiilor din 1984-1985, împreună cu datele palinologice și osteologice [Beilekchi, Chirkov 2019].

Informațiile cu privire la cercetările de la Taraclia I se conțin în rapoartele de săpătură păstrate în Arhiva Arheologică a Muzeului Național de Istorie a Moldovei (MNIM) din Chișinău, iar materialul arheologic „de masă”, în depozitele MNIM. Având la dispoziție rapoartele de săpătură, am re-

2. Mulțumim și pe această cale domnilor dr.hab. E. Sava și dr. I. Manzura pentru permisiunea de a valorifica informațiile ce se conțin în rapoartele de săpătură din Arhiva Arheologică a MNIM.

Fig. 4. Taraclia I. 1. Locuință de suprafață nr. 1, descoperită în 1982, imagine generală dinspre nord-est (după Shcherbakova et al. 1984, foto 5). 2. Locuință de suprafață nr. 2 (6), descoperită în 1985, imagine dinspre nord [după Beilekchi et al. 1986, ris. 24].

Fig. 4. Taraclia I. 1. Dwelling No 1, discovered in 1982, general view from the north-east (after Shherbakova et al. 1984, foto 5). 2. Dwelling No 2(6), discovered in 1985, view from the north [after Beilekchi et al. 1986, ris. 24].

alizat planurile de săntier pentru toate cele patru campanii de săpătură, cu prezentarea complexelor descoperite: locuințe, gropi, șanțuri din nivelul eneolicic. Demersul nostru a fost îngreunat de lipsa documentației de săntier (planuri, profile, jurnal, desene), care s-a păstrat doar pentru campania arheologică din anul 1985. Calitatea grafică a planurilor din rapoartele arheologice este foarte slabă.

Săntierul din anul 1982 a fost trasat la marginea de sud a sitului, în zona existenței unei posibile locuințe de suprafață, loc unde se aflase o concentrație mare de fragmente ceramice și lipitură de lut arsă. Suprafața totală era de 32x30 m (640 m²). După finalizarea săpăturilor, la 2 m vest de săntier au fost trasate două secțiuni cu lungimea de 32 m și lățimea de 3 m, orientate pe direcția sud-nord. Astfel, în 1982 a fost decoperită o suprafață de 838 m², fiind descoperite o locuință de suprafață (fig. 4,1), trei gropi menajere, o vatră de lut și trei

morminte [Shcherbakova et. al. 1984].

Șantierul din anul 1983 a fost amplasat la est de suprafața cercetată în 1982. Au fost excavați 850 m², unde au fost descoperite două locuințe adâncite, o locuință de suprafață, trei gropi și două morminte [Sorokin 1984].

Șantierul din 1984 se afla în marginea de sud-est a așezării, la 15 m est de cel din 1983. A fost cercetată o suprafață totală 432 m², fiind descoperite trei gropi, care aparțin culturii Gumelnița; trei locuințe, șase gropi și o construcție în formă de tranșee, atribuite perioadei nomazilor târzii, precum și trei morminte încadrate în perioada epocii bronzului [Savva et al. 1984].

Cercetările din 1985 au fost efectuate în partea centrală a promontoriului, la nord de săntierul din 1984. Suprafața totală excavată a constituit 1308 m², fiind descoperite două locuințe de suprafață (fig. 4,2), o locuință adâncită (fig. 5), patru gropi menajere și un șanț de apărare, aparținând culturii Gumelnița [Beilekchi, Chirkov 2019]. De asemenea,

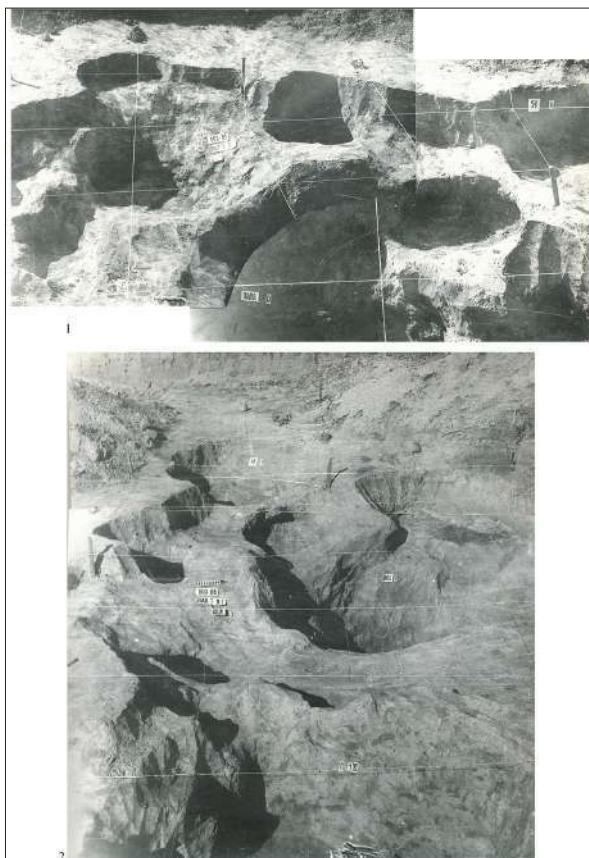

Fig. 5. Taraclia I. Locuință adâncită nr. 3. 1. Imagine dinspre nord. 2. Imagine dinspre est [după Beilekchi et al. 1986, ris. 34, 35].

Fig. 5. Taraclia I. Dwelling, pit-house No 3. 1. View from the north. 2. View from the east [after Beilekchi et al. 1986, ris. 34, 35].

Anul cercetării	Suprafața cercatată (m ²)	Locuințe adâncite	Locuințe de suprafață	Gropi	Vetre	Şanț
1982	838		1	3	1	
1983	850	2	1	3		
1984	432			3		
1985	1308	1	2	4		1
Total	3422	3	4	13	1	1

1

Anul cercetării	Piese din silex	Piese din piatră (rocă)	Piese din os, corn	Piese din lut (fusaiole, amulete și.a.)	Figuri antropomorfe, zoomorfe	Recipiente din lut, vase, linguri	Râșnițe	Total
1982	10	10	4		6		2	32
1983	22	19	2	6	11	5		65
1984	9	16	7	2	5		2	41
1985	28	56	7	12	16	10	10	139
Total	69	101	20	20	38	15	14	277

2

Fig. 6. Taraclia I. 1. Statistica suprafețelor cercetate și a complexelor descoperite. 2. Statistica artefactelor individuale descoperite [după Shcherbakova et. al. 1984; Sorokin 1984; Savva et. al. 1984; Beilekchi et al. 1986].

Fig. 6. Taraclia I. 1. Statistics of investigated areas and discovered complexes. 2. Statistics of individual artifacts [after Shcherbakova et. al. 1984; Sorokin 1984; Savva et. al. 1984; Beilekchi et al. 1986].

nea, două construcții, două șanțuri de scurgere și patru gropi au fost atribuite perioadei Hoardei de Aur, iar o groapă a fost încadrată în evul mediu târziu moldovenesc. Raportul mai menționează o groapă fără încadrare cultural-cronologică, alături de patru morminte convențional atribuite epocii bronzului [Beilekchi et al. 1986].

Concluzii și perspective

Situl Taraclia I se numără printre puținele obiective arheologice aparținând comunităților gumelnițene, care au fost cercetate exhaustiv (timp de patru campanii succesive) pe o suprafață atât de întinsă, în total fiind excavați 3420 m² (fig. 6,1). Studiul nostru se va axa pe planimetria și structura așezării, deocamdată evitând prezentarea materialui ceramic și a artefactelor. Analiza rapoartelor ne-a permis identificarea a 277 de piese individuale descoperite în cele patru campanii de săpătură, predominante fiind piesele din piatră și silex (fig. 6,2). Observăm că cea mai mare parte a acestora a fost descoperită în afara locuințelor, cu precădere la est, sud și nord, mai puțin la vest de locuințe, fapt ce susține ideea că piesele uzate erau aruncate în imediata apropiere, uneori sunt concentrate în grupuri, iar adeseori, în gropile gospodărești. Această distribuție a inventarului ne indică și posibila intrare în locuință. În interior se întâlneau vase de dimensiuni mari și piese individuale fragmentare, ceea ce sugerează faptul că locuințele au fost

abandonate până la incendiu. Având planul general al săpăturilor (fig. 7), am putut formula câteva observații. Au fost descoperite opt locuințe (patru de suprafață și patru adâncite), una dintre care doar identificată, nefiind cercetată. Locuințele de suprafață au fost descoperite la adâncimea de 0,2-0,6 m, iar conturul celor adâncite începând cu 0,6-0,8 m. Dimensiunile lor variau de la 4x5 m la 22x2-8 m, având formă aproximativ rectangulară în plan. În cadrul locuințelor de suprafață (nr. 5; 6) descoperite în 1985, sub rămășițele lor, au fost identificate câte cinci gropi, acestea fiind parte a complexului de locuit [Beilekchi, Chirkov 2019, 9, 12]. Notăm, de asemenea, descoperirea altor 13 gropi aparținând purtătorilor culturii Gumelnița, identificate ca fiind gropi gospodărești și/sau menajere. Constatăm că la trei dintre cele patru locuințe de suprafață există și o anexă, amplasată la vest sau/și respectiv, sud de locuință. Complexele de suprafață sunt orientate cu axul longitudinal pe direcția SSV-NNE, cu fațada la est. O situație similară se observă atât la locuințele de suprafață de la Vulcănești II [Chernysh 1965; Passek 1964; Passek, Chernysh 1965; Passek, Titov 1966, 76; Beilekchi 1983], Bolgrad, Ozeorne, Nagornoe II [Subbotin 1983, 14-29], cât și la unele locuințe de suprafață descoperite în mediul Stoicani-Aldeni la Drăgușeni-Tecuci, Lișcoteanca I, Suceveni-Stoborăni [Dragomir 1983, 24-26, 33-34]. Distanța minimă între acestea constituia 15-18 m, de altfel ca și distanța dintre cele două locuințe

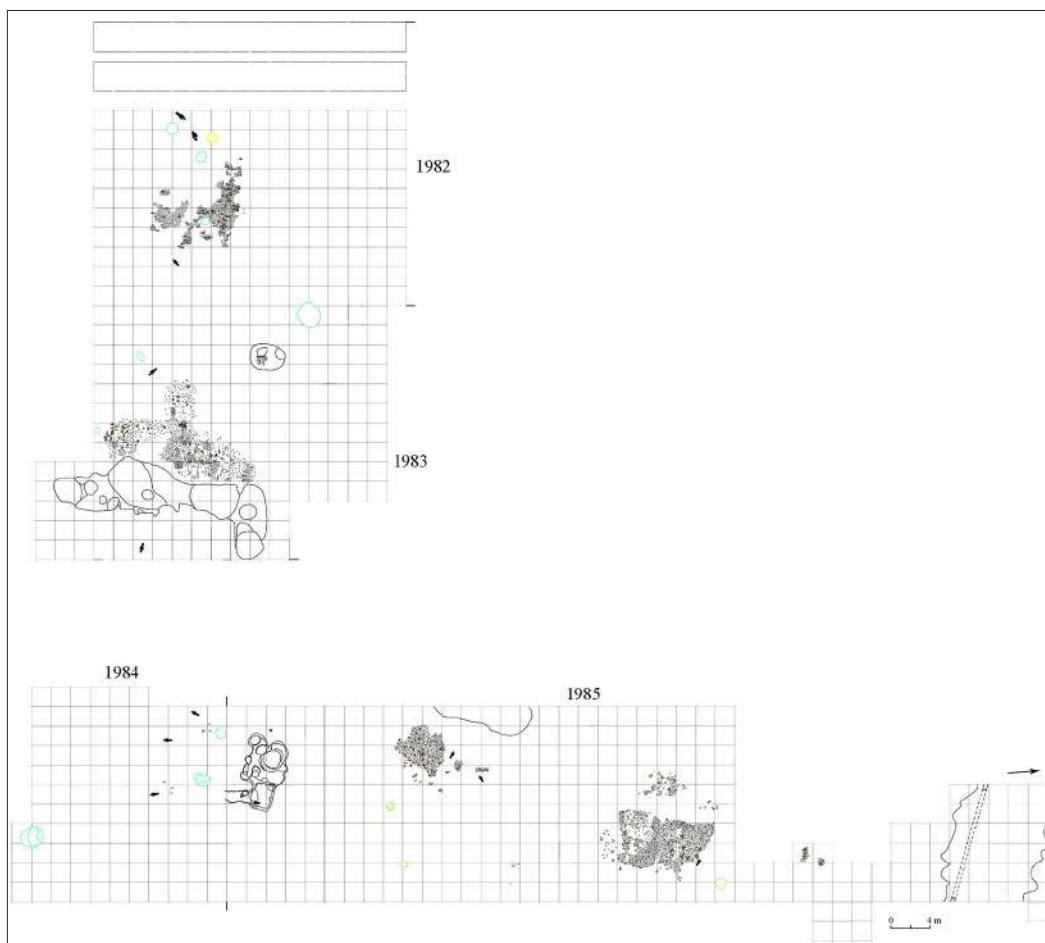

Fig. 7. Taraclia I. Planul general al suprafeței cercetate în perioada 1982-1985.

Fig. 7. Taraclia I. General plan of the entire area excavated in the period 1982-1985.

adâncite cercetate complet. Fragmentele de lut cu amprente de nuieli și bârne, erau orientate, în majoritatea cazurilor, dinspre est spre vest. Pe baza urmatorilor materiale putem presupune că locuința de suprafață nr. 2 (nr. 6) cercetată în 1985 este compusă din două camere. Locuințele adâncite descoperite la Taraclia I ne prezintă un tablou similar cu cel de la Bolgrad, Ozeorne, Nagornoie II [Subbotin 1983, 15-27], unde, de asemenea, se observă existența unor complexe de locuit adâncite mai mici și unele mai mari, în care puteau să locuiască mai mulți indivizi, ceea ce ne poate ajuta la interpretarea structurii sociale a comunităților. Identificarea a două tipuri de locuințe ne permite să admitem existența a două niveluri de locuire, separate cronologic: unul târziu, prin locuințele adâncite, și altul mai timpuriu în legătură cu cele de suprafață [Bibikov 1967, 58; 1971; Bibikov, Subbotin 1985, 263]. Conform unei alte scheme propusă de Beilekchi, acesta împarte în nivelul superior și inferior [Beilekchi 1978, 18-19].

Un alt element important descoperit este un șanț, care se pretinde a fi de apărare, construcție defensivă detectată prin săpătură pentru prima dată în aşezările gumelnițene din spațiul pruto-nistrean. Aceasta a fost cercetat pe o suprafață de 140 m², cu stabilirea profilelor de-a lungul pereților de est și vest a șantierului. Autorii cercetării ne prezintă un plan cu o lățimea de 8-10 m a acestui complex, orientat pe linia VNV-ESE, întreținând promontoriul. Pe o suprafață de 8 m spre sud complexul se adâncește treptat de la 0,25 până la 0,65 m. După care, pe o lățime de 2 m, se adâncește brusc, fiind fixate maximele de 2,35-2,95 m, dintre care 1,5-1,9 m sunt degajați în sol steril, având profilul de formă trapezoidală, pereții oblici îngustând treptat șanțul, fac ca lățimea fundului să fie de 0,3 m (fig. 8) [Beilekchi et al. 1986; Beilekchi, Chirkov 2019, 12-14]. Construcția cu lățimea de 8-10 m a acestui complex, acceptat a fi șanț (de apărare/delimitare) credem că este neobișnuit, aşa cum vom vedea mai

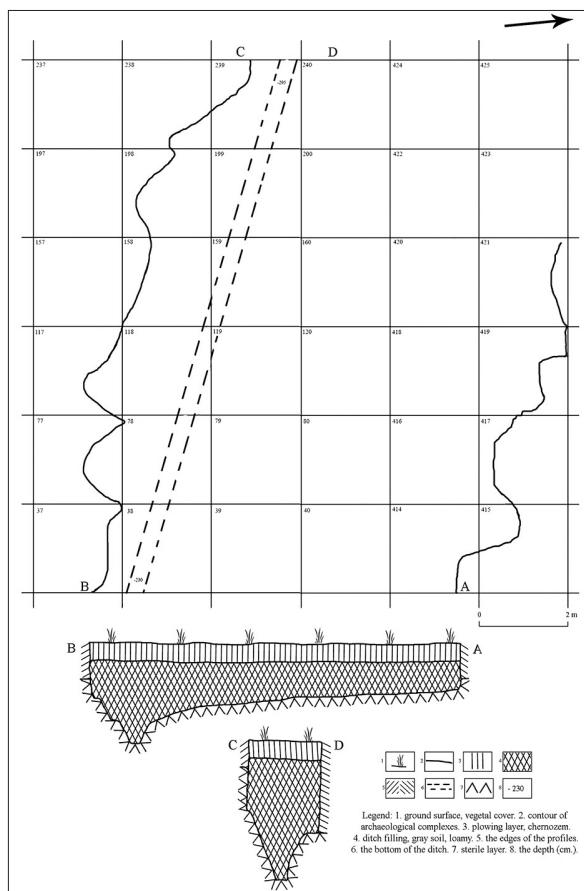

Fig. 8. Taraclia I. Sistemul defensiv descoperit în 1985. Planul și profile [redesenat, după Beilekchi et al. 1986, fig. 72].

Fig. 8. Taraclia I. Defensive system discovered in 1985. Plan and Profiles [redrawn, after Beilekchi et al. 1986, fig. 72].

jos. Acesta este spațiul dintre două structuri defensive, autorii nereușind să detecteze șanțul exterior.

Făcând paralele cu hărțile geomagnetice de la Cialic și Chioselia Mare I [Govedaritsa et al. 2012; Govedarica 2016; Manzura, Govedarica 2018], așări localizate la nord de situl Taraclia I, presupunem prezența a 3-5 locuințe de-a lungul liniei SSV-NNE. Acestea sunt aranjate în câteva rânduri, până la șanțul defensiv, formând o zonă de locuit circulară sau cu patru colțuri arcuite, situație caracteristică și pentru așezarea de la Taraclia I. Reamintim că acesta este primul sistem defensiv descoperit și cercetat în cadrul așezărilor de tip Bolgrad-Aldeni în spațiul Prut-Nistru, modelul de fortificații artificiale fiind documentat deja în așezările Stoicanî-Aldeni din România [Dragomir 1983, 18,19]. Este interesant faptul că aceste trei așezări se află la distanțe aproximativ egale (15-16 km) una de alta (fig. 9,1), indicând un posibil traseu și/sau legăturile unor comunități înrudite, ținând cont de capacitatele lor de mobilitate.

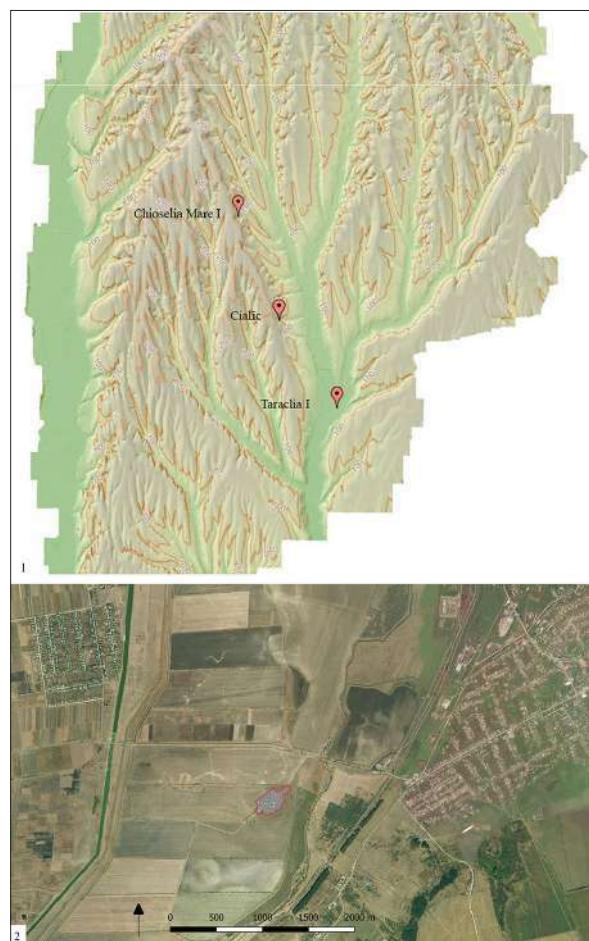

Fig. 9. 1. Harta reliefului cu localizarea celor trei situri unde au avut loc cercetări utilizând metoda magnetometrică (sursă www.geoportal.md). **2.** Taraclia I, localizare suprafeței prospectate magnetometric pe un ortofotoplan (sursă www.geoportal.md).

Fig. 9. 1. Relief map with the location of the three sites investigated using the magnetometry method (based on www.geoportal.md). **2.** Taraclia I, location of the magnetic prospection filed on ortophoto plan (based on www.geoportal.md).

Investigații non-invazive la Taraclia I³

Pornind de la informațiile existente, în primăvara anului 2019 (6-8 aprilie), o echipă de arheologi din Polonia și Republica Moldova⁴, au efectuat o

3. Cercetarea a fost realizată în cadrul proiectului: NCN, Opus 15, nr 2018/29/B/HS3/0116 „Gordinești-Stinca goală as a model example of development and decline of fortified settlements of the Tripolye culture at the end of the 4th mil. BC”, coordonat de dr. hab. Małgorzata Rybicka și susținut financiar de Universitatea din Rzeszów, Polonia. Rezultatele preliminare fiind deja prezentate și publicate [vezi: Mistreanu, Przybyla 2019; Mistreanu, Przybyla 2019a.; Sirbu et al. 2020, 28-30].

4. În afară de autorii acestor rânduri, la cercetările geomagnetice au mai participat Gh. Sirbu (responsabil), D. Król, M. Podsiadło, L. Sirbu, S. Heghea, cărora vrem să le aducem mulțumiri și pe această cale.

cercetare geomagnetică (fig. 9,2) a sitului Taraclia I. Prospecțiunea geomagnetică a avut mai multe obiective: determinarea limitelor aşezării; identificarea unor complexe arheologice, nivelul lor de conservare și distribuția spațială a acestora; stabilirea structurii interne și externe a aşezării; confirmarea existenței sau lipsei unor structuri defensive, de fortificare, gen palisadă, șanț, val ș.a.; semnalarea suprafețelor săpate anterioare (1982-1985).

Metoda magnetică ne-a permis să cercetăm rapid și să acoperim o suprafață destul de mare a sitului. Adițional, magnetometrul a fost setat pentru a depista anomalii liniare, cum ar fi gropile, șanțurile și alte construcții de fortificare [David et al. 2008, 16-21]. Măsurările geomagnetice s-au efectuat cu un Magnetometru (Fluxgate) [gradientmeter, Misiewicz 2006, 74-98] Foerster Ferrex 4.032 DLG, echipat cu două sonde cu o rezoluție de 0.2 nT. Liniile de măsurare aveau loc la un interval de 1 m, fiind înregistrate 10 măsurări (înregistrări) pe un 1 m^2 . Datele au fost colectate în modul bidirectional. Rezultatele obținute au fost prezentate pe harta magnetică, elaborată în softul Terra Surveyor 3.0.29.3.

Prospecțiunea geomagnetică a cuprins o suprafață de 3,87 ha. Identificarea anomaliei cu caracteristici arheologice a fost îngreunată de un drum contemporan, care întreține întreaga suprafață cercetată. Acest drum se pare că conține foarte multe concentrații de obiecte din fier, care mai erau împrăștiate în grupuri mici și pe întreaga suprafață cercetată. Aceste „gunoaie” sunt sursa unor anomalii tipice dipolare. În partea sudică a fost înregistrată o anomalie liniară, care este asociată cu o instalație subterană (țeavă de irigat/gaz). Cu toate acestea, datele colectate au permis autorilor să obțină un plan geomagnetic a unei zone, care pare a fi fortificată și aparține populațiilor gumelnițene. Mai mult ca atât, au fost detectate și o serie de anomalii care cu certitudine reprezintă urmele șantierelor arheologice anterioare (1982-

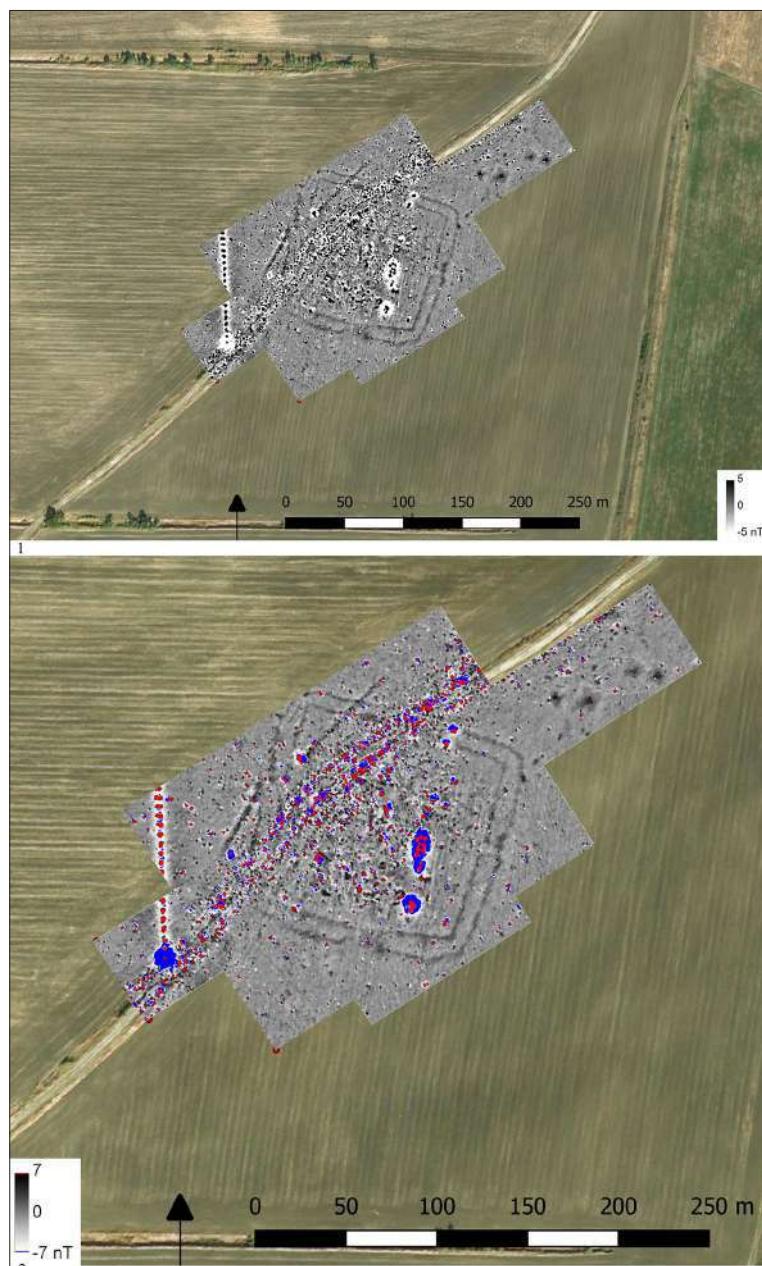

Fig. 10. Taraclia I. Harta magnetică în nuanțe de gri / greyscale suprapusă pe un ortofotoplan. 1. În intervalul -5/5 nT. 2. Cu valorile extreme, intervalul de -7/7 nT.

Fig. 10. Taraclia I. Magnetic map in greyscale, superimposed on the orthophotographic map. 1. In range -5/5 nT. 2. Extreme values, in range -7/7 nT.

1985) (fig. 10). Foarte vizibile sunt anomalii liniare pozitive, evidențiind șanțurile care formează o zonă fortificată sau și de delimitare, ce înconjoară spațiul locuibil (fig. 11, 2,1-2). Acestea alcătuiesc o aliniere patrulară, cu colțurile rotungite, unde diametrul anomaliei externe este de 130 m, iar al celei interne de 115 m. Distanța dintre aceste două șanțuri

Fig. 11. Taracia I. 1. Suprafață cercetată prin săpătură, suprapusă pe harta magnetometrică. 2. Harta magnetică cu anomalii prezentate în text. Culoare roșie – interferențe contemporane. Culoarea verde – anomalii asociate cu aşezarea culturii Gumelnița. Culoare albastră – anomalii asociate cu alte perioade cronologice. Culoare galbenă – zonă săpată. Culoare albas-tru închis – complexe excavate ale culturii Gumelnița.

Fig. 11. Taracia I. 1. Excavated area plan superimposed on the magnetic map. 2. Magnetic map with anomalies outlined in the text. Red colour – contemporary interference. Green colour – anomalies associated with the settlement of the Gumelnița culture. Blue colour – anomalies associated with other chronological periods. Yellow colour – excavated area. Dark blue colour – excavated features of the Gumelnița culture.

este de circa 10 m. Adițional, se mai observă un sănț mai scurt, în colțul de nord al fortificației, între sănțul nr. 1 și nr. 2 (fig. 11,2: 3). Oricum, o conexiune a acestuia din urmă cu cultura Gumelnița este nesigură pentru moment. În cadrul liniilor de la sănțuri se observă intrările foarte lizibil, amplasate în mijlocul fiecărei părți a fortificației. Portile/intrările dinspre est, sud și vest se observă foarte bine pe harta magnetometrică (fig. 11,2: A,B,C). Presupunem că există și o intrare dinspre nord, care din păcate nu a fost detectată. În zona unde ar trebui să se afle trecrea, în prezent este un drum de țară cu înveliș din piatră și multe deșeuri metalice, toate acestea fiind o sursă puternică de interferențe magnetice. Se pare că fiecare dintre intrări aveau o construcție puțin diferită. Intrarea dinspre sud pare a fi cea mai largă, cu lățimea de cca 15 m. Capetele ambelor sănțuri se îndreaptă unul spre celălalt, ceea ce ne face să presupunem că inițial acestea s-ar fi putut conecta. Intrările dinspre est și vest sunt semnificativ mai înguste (cca 5 m lățime). În ceea ce privește accesul dinspre est, în marginea de sud, sănțurile erau cel mai probabil conectate, formând o rețea unică transversală. În timp ce capetele de sănț dinspre partea de nord a intrării se bifurcă formând o aliniere în formă de Y. Construcția trecerii de vest este mai puțin evidentă. Dinspre sud pare să fie flancată de trei sănțuri, dar din păcate în apropiere au fost înregistrate interferențe de la surse contemporane, împiedicând o mai bună evidențiere a acestora.

Natura aranjamentului spațial al fortificației este imposibil să fie descris în detaliu, din cauza drumatului menționat mai sus și numeroasele anomalii dipolare cauzate de „gunoiul” din fier. De remarcat este faptul că în timpul cercetărilor arheologice efectuate în acest sit (fig. 11,1), s-a stabilit că locuințele de suprafață construite din lut, lemn, paie, pleavă, stuf, au fost arse. Anomaliiile magnetice provocate

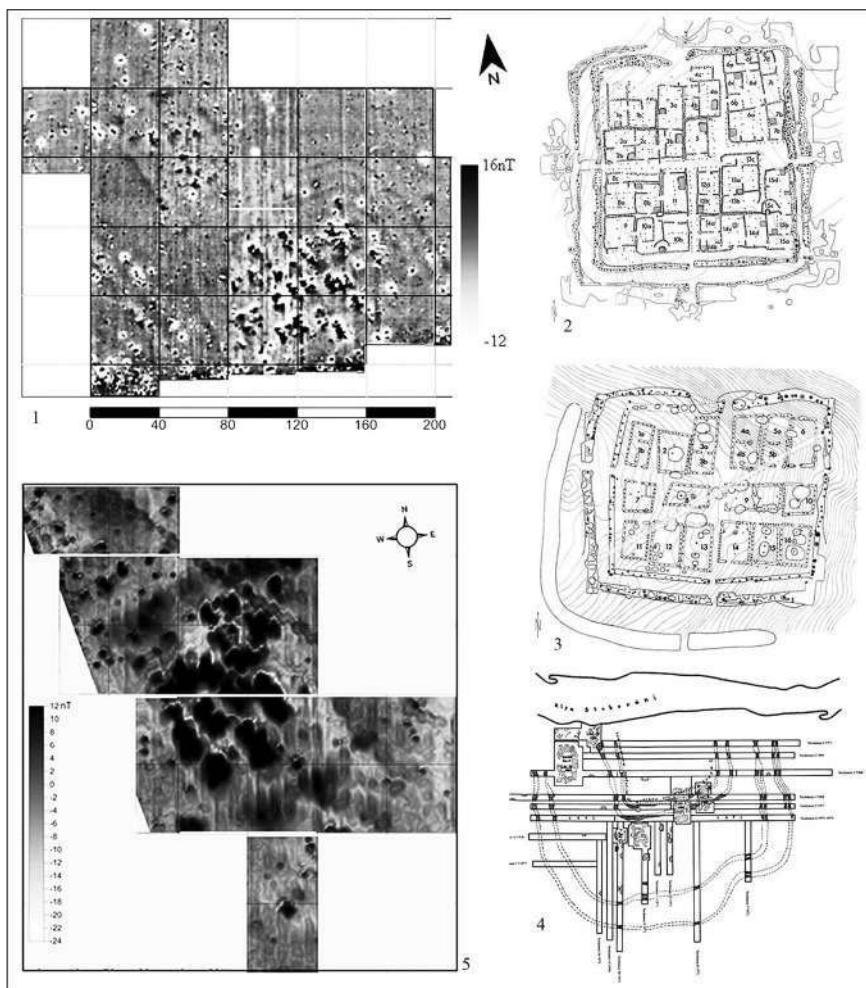

Fig. 12. Așezări cu sisteme defensive aparținând complexului cultural Gumelnița-Kodjadermen-Karanovo VI.

Fig. 12. Settlements with defense systems belonging to the cultural complex Gumelnița-Kodjadermen-Karanovo VI.

1. Chioselia Mare I, Republic of Moldova, magnetometric plan [Govedarica 2014a, 76, foto 2]. 2. Poljanica, Bulgaria [Todorova 1982, Abb. 163]. 3. Radingrad, Bulgaria [Todorova 1982, Abb. 175]. 4. Suceveni-Stoborani, România [Dragomir 1983, 128, fig.4]. 5. Cialic, Republic of Moldova [Govedarica et al. 2012, ris. 4,1].

de argila arsă au aceeași natură dipolară asemănătoare cu cele cauzate de obiectele din fier. Mai mult, conturul locuințelor descoperite în timpul excavării avea formă destul de neregulată și greu de identificat. Înținând cont de toate acestea, surprinderea unei structuri, locuințe particulare este și mai complicată. Cu toate acestea, autorii au reușit să identifice mai multe concentrații regulate de anomalii, caracterizate de un contrast ridicat de susceptibilitate magnetică, care în mare parte corespunde cu perimetrul de locuințe compacte a așezării fortificate. Aceasta are formă rectangulară cu dimensiuni

nile aproximative de 85x75 m (fig. 11,2: 4). În sud, vest și nord zona rezidențială este despărțită de șanțul intern printr-un spațiu de câțiva metri, semnificativ mai mare în partea de est, având lățimea de cca 25 m. Luând în considerație toate aceste detalii, autorii fac o încercare de a reconstituî amenajarea internă a spațiului fortificat. Așezarea constă dintr-un bloc compact, rectangular de locuințe, încunjurate cu două rânduri de șanțuri, cu patru intrări amplasate aproximativ simetric. În partea de est a fortificației, un spațiu gol se alătură șanțului din interior.

În partea centrală a sitului a existat o movilă funerară aparținând culturii Yamnaya, parțial distrusă în zona de sud-vest de construcția drumului (fig. 11,2: 5). Cercetată în 1983, avea mantaua construită utilizând pământ

din așezarea Gumelnița, drept dovedă fiind faptul că solul movilei era în amestec cu fragmente ceramice, lipitură de lut și oase de animale [Agul'nikov 2001, 87, 92; Sava et al. 2019, 52, 57]. În tumul au fost descoperite 23 de morminte, aparținând, în principal, epocii bronzului timpuriu (culturile Yamnaya și Catacombelor) și târziu (cultura Sabatinovka) [Sava et al. 2019, 12, tab. 1]. Alte 14 morminte (cultura Catacombelor – 2; epoca bronzului târziu – 12) au fost identificate la sud-est de movila funerară, pe teritoriul așezării [Agul'nikov 2001]. Deoarece zona cercetată a tumulului este suprapusă de drumul contemporan, a fost imposibil de identificat unele anomalii care ar putea fi asociate cu morminte sau alte construcții funerare. În partea de vest a sitului, mai există o altă anomalie liniară pozitivă, lizibilă, caracteristică pentru cea de tip șanț (fig. 11,2: 8), care taie șanțurile eneolitice (nr. 1 și 2). Considerăm că această structură ar putea fi asociată cu o altă locuire (mai timpurie sau târzie), decât cea a culturii Gumelnița. Alte câteva anomalii liniare, cu

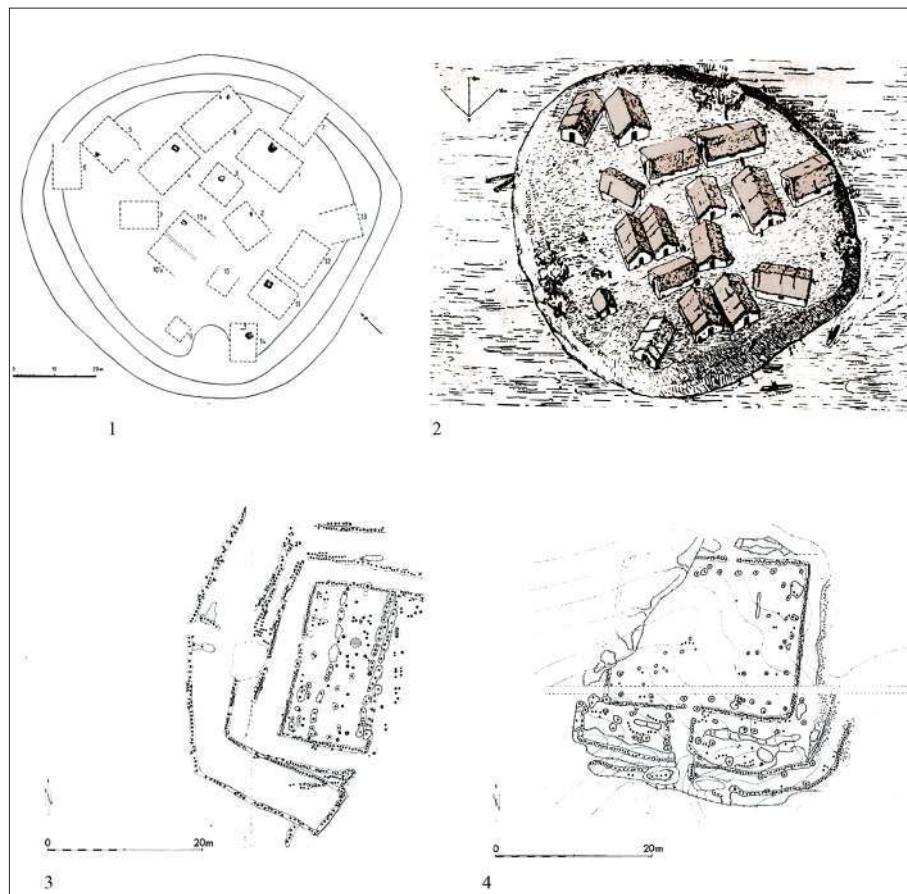

Fig. 13. Așezări cu sisteme defensive din epoca eneolică din regiunea Dunării de Jos.

Fig. 13. Defensive settlements of the Copper Age in the Lower Danube region.

1. Căscioarele, Gumelnița level, arrangement of dwellings [Dumitrescu 1965, 37]. 2. Căscioarele, reconstruction after V. Dumitrescu [Lazarovici C-M., Lazarovici G. 2007, 109, Fig. Vc.41]. 3. Goljamo Delcevo, general plan [Todorova 1982, Abb. 114, 183]. 4. Ovcharovo, general plan [Todorova 1982, Abb. 134, 193].

valori scăzute, care variază în forma traiectoriilor lor, au fost detectate în partea de sud a suprafeței prospectate (fig. 11,2: 6). Acestea au fost induse, cel mai probabil, de structuri naturale (geologice).

Totodată, în partea de nord a zonei de cercetare, a fost surprinsă o portiune dintr-o altă posibilă așezare nedatată. Aceasta constă din patru anomalii pozitive aproximativ patrulatere, având trăsături de tip caracteristice locuințelor adâncite, precum și o duzină de anomalii cu punct pozitiv foarte mici, a căror sursă este specifică unor complexe de tip groapă (fig. 11,2: 7).

Concluzii generale

Modelul de amplasare patrulateră a diverselor linii de fortificație, înconjurând zona centrală, regulară, rezidențială, unde construcțiile au fost dispuse în siruri, după un plan dinainte stabilit, este cunoscut și la alte așezări din epoca

eneolică, aparținând complexului cultural Gumelnița-Kodiadermen-Karanovo VI, descoperite în zona noastră de studiu (fig. 12; 13). Cele mai relevante exemple desigur sunt siturile de la Poljanica, Radingrad, Goljamo Delcevo și Ovcharovo din Bulgaria [Todorova 1982, Abb. 88-90, 159-160, 175-176, 114, 183, 134, 193], Cialic [Govedaritsa et al. 2012, ris. 4, 5; Govedarica 2014, foto 6] și Chioselia Mare I [Govedarica 2014a, 76, foto 2] în Republica Moldova, după cum am observat și în prezentarea autorilor [Manzura, Govedarica 2018] sau în așezarea de la Suceveni-Stoborăni din România [Dragomir 1970; 1971; 1983, 18-19; Adamescu 2011, 400, fig. 2]. Șanțul de apărare, ca element defensiv este documentat și în alte tipuri de așezări eneolitice din mediul gumelnițean. Un prim punct unde este amintită existența acestuia este în așezarea de la Drăgănești-Tecuci [Comşa 1963, 11], iar printre cele mai noi exemple docu-

mentate este aşezarea Pietrele-*Măgura Gorgana* [Hansen et al. 2004; Hansen et al. 2005; Hansen et al. 2009]. Aspectul aşezărilor gumelnițene fortificate a fost documentat și analizat pe larg deja [Lazarovici, Lazarovici 2007, 85-94, 124-127, 151, 157]. Notăm că deocamdată ne limităm la expunerea și prezentarea noilor descoperi fără a face o analiză exhaustivă a problemei aşezărilor gumelnițene din arealul nostru de studiu.

Cu toate acestea, nu putem să nu remarcăm că aşezarea Taraclia I reprezintă cea de-a treia aşezare (după Cialic și Chioselia Mare I), aparținând populațiilor purtătoare ale culturii Gumelnița, aspectului cultural (Bolgrad) Stoicanî-Aldeñi, toate fiind localizate în bazinul râului Ialpug, cu o distanță între ele aproximativ egală, care, se pare, dispuneau de un sistem defensiv. Chiar putem observa că ne sunt oferite unele imagini de ansamblu atât asupra planimetriei interne, cât și externe a incintelor fortificate, a dispunerii locuințelor și al-

tor complexe, a densității și dimensiunilor acestora, toate aceste rezultate rămânând a fi valorificate în viitor. Cu aceste noi informații, putem afirma că unul din argumentele prin care se încerca individualizarea aşezărilor din stepa Bugeacului, și anume lipsa unor sisteme de fortificare/delimiteare [Subbotin 1978, 34; 1983, 124-125; 2013, 112], nu mai este astăzi pe deplin valabil.

Colecțiile arheologice provenite de la Taraclia I reprezintă o sursă importantă pentru studierea eneoliticului gumelnițean din zona de stepă a interfluviului Prut-Nistru. Materialul ceramic recuperat pe parcursul celor patru campanii de săpături este destul de impresionant și merită a fi valorificat științific în viitoarele studii. Coroborate toate aceste noi informații obținute referitoare la planimetria, tipul de aşezări, modul de construcție a locuințelor, sperăm să contribuie la elucidarea aspectelor privind căile și modul de colonizare a respectivei regiuni în eneolicul timpuriu.

Bibliografie

- Adamescu 2011:** A. Adamescu, Descoperiri din prima epocă a fierului în aşezarea de la Suceveni-Stoborăni, jud. Galați. Peuce 9, 2011, 377-436.
- Agul'nikov 2001:** S.M. Agul'nikov, Pogrebeniia epokhi bronzy na poselenii kul'tury Gumel'nitsa u pgt Tarakliia. SSPK IX, 87-95 // С.М. Агульников, Погребения эпохи бронзы на поселении культуры Гумельница у пгт. Тараклия. ССПК IX, 87-95.
- Beilekchi 1973:** V.S. Beilekchi, Otchet o raskopkakh poseleniia Kukora I v 1972 g. Arkhiv NMIM, inv. nr. 74 (Kishinev 1973) // В.С. Бейлекчи, Отчет о раскопках поселения Кукора I в 1972 г. Архив НМИМ, инв. №74 (Кишинев 1973).
- Beilekchi 1978:** V.S. Beilekchi, Rannii eneolit Nizov'ev Pruta i Dunaia: (Gumel'nitskie poseleniia Vulkaneshty II i Lopatsika v iuzhnoi chasti Moldavskoi SSR) (Kishinev 1978) // В.С. Бейлекчи, Ранний энеолит Низовьев Прута и Дуная: (Гумельницкие поселения Вулканешты II и Лопатика в южной части Молдавской ССР) (Кишинев 1978).
- Beilekchi 1983:** V.S. Beilekchi, Nazemnoe zhilishche kul'tury Gumel'nitsa u s. Vulkaneshty. In: (red. N.A. Ketraru), Pervobytnye drevnosti Moldavii (Kishinev 1983), 206-213 // В.С. Бейлекчи, Наземное жилище культуры Гумельница у с. Вулканешты. В: (ред. Н.А. Кетрару) Первобытные древности Молдавии (Кишинев 1983), 206-213.
- Beilekchi 1987:** V.S. Beilekchi, Raboty Budzhakskoi ekspeditsii. AO 1985 goda, 1987, 514 // В.С. Бейлекчи, Работы Буджакской экспедиции. АО 1985 года, 1987, 514.
- Beilekchi 1989:** V. Beilekchi, Izobrazhenie cheloveka v kul'ture Gumel'nitsa. In: (red. I.A. Borziiak) Pamiatniki drevneishego iskusstva na territorii Moldavii (Kishinev 1989), 36-47 // В.С. Бейлекчи, Изображение человека в культуре Гумельница. В: (ред. И.А. Борзияк) Памятники древнейшего искусства на территории Молдавии (Кишинев 1989), 36-47.
- Beilekchi et al. 1986:** V.S. Beilekchi, S.M. Agul'nikov, A.I. Chirkov, Otchet o rabote Budzhakskoi novostroechnoi ekspeditsii v 1985 goda, tom I. Arkhiv NMIM, inv. nr. 231 (Kishinev 1986) // В.С. Бейлекчи, С.М. Агульников, А.Ю. Чирков, Отчет о работе Буджакской новостроечной экспедиции в 1985 г., том. I. Архив НМИМ, инв. №231 (Кишинев 1986).
- Beilekchi, Chirkov 2019:** V.S. Beilekchi, A.I. Chirkov, Raskopki gumel'nitskogo poseleniia u pgt. Tarakliia v Moldove v 1984-1985 gg. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta 5, 2019, 8-26 // В.С. Бейлекчи, А.Ю. Чирков, Раскопки гумельницкого поселения у пгт. Тараклия в Молдове в 1984-1985 гг. Вест-

- НИК Московского государственного областного университета 5, 2019, 8-26.
- Bibikov 1967:** S.N. Bibikov, K 50-letiu arheologicheskoi nauki na Ukraine. SA 3, 1967, 47-72 // С.Н. Бибиков, К 50-летию археологической науки на Украине. СА 3, 1967, 47-72.
- Bibikov 1971:** S.M. Bibikov, Pam'iatki kul'turi Gumel'nitsa na teritorii Ukraïns'koї RSR. In: (red. I. Artemenko) Arkheologiya Ukraïns'koї RSR, tom I (Kiev 1971), 210-213 // С.М. Бібиков, Пам'ятки культури Гумельниця на території Української РСР. В: (ред. И. Артеменко) Археология Украинской РСР, том. I (Киев 1971), 210-213.
- Bibikov, Subbotin 1985:** S.M. Bibikov, L.V. Subbotin, Pamiatniki kul'tury Gumel'nitsa na territorii USSR. In: (red. I. Artemenko) Arkheologiya Ukrainskoi SSR, tom I (Kiev 1985), 263-268 // С.Н. Бибиков, Л.В. Субботин, Памятники культуры Гумельница на территории УССР. В: (ред. И. Артеменко) Археология Украинской ССР, том. I (Киев 1985), 263-268.
- Bruiako 2016:** I.V. Bruiako, Prirodnyi landshaft poseleniia Kartal v epokhu eneolita. In: (red. S. Tserna, B. Govedaritsa) Essays in honour of Igor Manzura on the occasion of his 60th birthday. Interactions, Changes and Meanings (Kishinev 2016), 121-131 // И.В. Бруяко, Природный ландшафт поселения Картал в эпоху энеолита. В: (ред. С. Церна, Б. Говедарица) Essays in honour of Igor Manzura on the occasion of his 60th birthday. Interactions, Changes and Meanings (Кишинев 2016), 121-131.
- Bruiako et al. 2003:** I.V. Bruiako, I.V. Manzura, L.V. Subbotin, Eneoliticheskii gorizont poseleniia Orlovka-II na Nizhnem Dunaе. AVU 2001-2002 rr., 2003, 56-61 // И.В. Бруяко, И.В. Манзура, Л.В. Субботин, Энеолитический горизонт поселения Орловка-II на Нижнем Дунае. АВУ 2001-2002 pp., 2003, 56-61.
- Bruyako et. al. 2005:** I. Bruyako, I Manzura, L. Subbotin, Prehistoric settlement „Kartal” (Orlovka): Preliminary information on the excavations in 2001-2002. In: Prehistoric Archaeology & Anthropological Theory and Education. RPRP 6-7, 2005, 13-33.
- Burdo 2018:** N.B. Burdo, Bolgrad-Alden' v sisteme rannezemledel'cheskikh kul'tur Karpato-Balkano-Dunaiskogo regiona. In: (red. I.V. Bruiako) Narody i kul'tury Nizhnego Dunaia v drevnosti. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Izmail, 23-26 avgusta 2018 g.) (Izmail 2018), 5-14 // Н.Б. Бурдо, Болград-Алденъ в системе раннеземледельческих культур Карпато-Балкано-Дунайского региона. В: (ред. И.В. Бруяко) Материалы Международной научно-практической конференции (г. Измаил, 23-26 августа 2018 г.) Народы и культуры Нижнего Дуная в древности (Измаил 2018), 5-14.
- Chernysh 1965:** E.K. Chernysh, Glinobitnye zhilishcha kul'tury Gumel'nitsa v Nizhnem Podunav'e. MIA 130, Novoe v sovetskoj arheologii, , 1965, 84-86 // Е.К. Черныш, Глинобитные жилища культуры Гумельница в Нижнем Подунавье. МИА 130, Новое в советской археологии, 1965, 84-86.
- Comşa 1963:** E. Comşa, Unele probleme ale aspectului cultural Aldeni II. SCIV 14(1), 1963, 7-31.
- David et al. 2008:** A. David, N. Linford, P. Linford, Geophysical Survey in Archaeological Field Evaluation (Swindon 2008).
- Dambricourt et al. 2010:** A. Dambricourt Malassé, P. Dolukhanov, M. Seferiades, L. Subbotin, Funeral Meal and Anthropophagy in Gumeñniça Chalcolithic Civilization in the North-western Black Sea area. In: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00343023>
- Dergaciov 2010:** V. Dergaciov, Marile civilizații de vechi agricultori și nomazi. Eneoliticul. Începuturile descompunerii orânduirii gentilico-tribale. In: (red. V. Dergaciov), Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (până la sec. V) (Chișinău 2010), 242-249.
- Dragomir 1970:** I.T. Dragomir, Aspectul cultural Stoicanî-Aldeni în lumina săpăturilor de la Lișcoteanca, Bâneasa și Suceveni. MA 2, 25-38.
- Dragomir 1971:** I.T. Dragomir, Așezarea neolitică fortificată din aria aspectului cultural Stoicanî-Aldeni de la Suceveni. MA 3, 1971, 143-155.
- Dragomir 1983:** I.T. Dragomir, Eneoliticul din sud estul României: (Aspectul cultural Stoicanî-Aldeni) (București 1983).
- Dumitrescu 1965:** Vl. Dumitrescu, Căscioarele, A late Neolithic Settlement on the Lower Danube. Archaeology 18, 1, 1965, 34-40.
- Govedarica 2014:** B. Govedarica, Der Siedlungskomplex Orlovka-Kartal und die frühe Kupferzeit im nordwestlichen Schwarzmeer-Gebiet. In: (ed. S. Hansen), Aktuelle Forschungen in Eurasien (Berlin 2014).
- Govedarica 2014a:** B. Govedarica, Orlovka-Kartal, Republik Moldau. Der Siedlungskomplex Orlovka-Kartal und die frühe Kupferzeit im nordwestlichen Schwarzmeer-Gebiet, Die Arbeiten der Jahre 2012 und 2013. In: (ed. A. Busching) Faszikel 3 des Deutschen Archäologischen Instituts e-Forschungsberichte des DAI 2014. (Berlin 2014), 74-77.
- Govedarica 2016:** B. Govedarica, Conflict or Coexistence: Steppe and Agricultural Societies in the Early Copper Age of the Northwest Black Sea Area. In: (red. S. Țerna, B. Govedarica) Essays in honour of Igor Manzura on the occasion of his 60th birthday. Interactions, Changes and Meanings (Kishinev 2016), 81-93.

- Govedaritsa et al. 2012:** B. Govedaritsa, P. Zidarov, I. Manzura, Otchet o geomagniton izuchenii poselenii rannego eneolita kul'tury Bolgrad-Alden' u s. Chalyk, r-n Tarakliia v 2011 godu. Arkhiv NMIM, inv. nr. 532 (Chishineu 2012) // Б. Говедарица, П. Зидаров, И. Манзура, Отчет о геомагнитном изучении поселения раннего энеолита культуры Болград-Алденъ у с. Чалык, р-н Тараклия в 2011 году. Архив НМИМ, инв. №532 (Кишинэу 2012).
- Govedarica, Manzura 2015:** B. Govedarica, I. Manzura, The Copper Age Settlement of Kartal in Orlovka (Southwest Ukraine). In: (ed. S. Hansen et al.) Archäologie in Eurasien 31: Neolithic and Copper Age between the Carpathians and the Aegean Sea, Chronologies and Technologies from the 6th to the 4th Millennium BCE. International Workshop Budapest 2012 (Bonn 2015), 437-456.
- Govedarica, Manzura 2016:** B. Govedarica, I. Manzura, The Bolgrad-Aldeni culture in the northwest Pontic region: or history of failed colonization. In: International conference: Die Cucuteni-Kultur und ihre südlichen Nachbarn im 5. Jt. v.Chr. Internationales Tagung, 18-22 April 2016 (Iași 2016).
- Hansen et al. 2004:** S. Hansen, A. Dragoman, N. Benecke, J. Görsdorf, F. Klimscha, S. Oanță-Marghitu, A. Reingruber, Bericht über die Ausgrabungen in der kupferzeitlichen Telliedlung Măgura Gorgana bei Pietrele in Muntenien, Rumänien im Jahre 2002. EA 10, 2004, 1-53.
- Hansen et al. 2005:** S. Hansen, A. Dragoman, A. Reingruber, I. Gatsov, J. Görsdorf, P. Nedelcheva, S. Oanță-Marghitu, B. Song, Der kupferzeitliche Siedlungshügel Pietrele an der Unteren Donau. Bericht über die Ausgrabungen im Sommer 2004. EA 11, 2005, 341-393.
- Hansen et al. 2009:** S. Hansen, M. Toderaș, A. Reingruber, J. Wunderlich, Pietrele-Măgura Gorgana: o aşezare eneolitică la Dunărea de Jos între 4500 și 4250 î.e.n. MCA 5, 2009, 39-90.
- Kiosak, Subbotin 2016:** D.V. Kiosak, L.V. Subbotin, O tekhnike skola plastin bolgradskogo varianta kul'tury Gumel'nitsa. In: (red. S. Țerna, B. Govedarica) Essays in honour of Igor Manzura on the occasion of his 60th birthday. Interactions, Changes and Meanings. (Chișinău 2016), 93-106 // Д.В. Киосак, Л.В. Субботин, О технике школы пластин болградского варианта культуры Гумельница. В: (ред. С. Терна, Б. Говедарика) Essays in honour of Igor Manzura on the occasion of his 60th birthday. Interactions, Changes and Meanings (Chișinău 2016), 93-106.
- Lazarovici, Lazarovici 2007:** C-M. Lazarovici, G. Lazarovici, Arhitectura neoliticului și epocii cuprului din România (Iași 2007).
- Manzura, Govedarica 2018:** I. Manzura, B. Govedarica, Deutsche-Moldawische Forschungen der Kupferzeit im Nordwestpontischen Gebiet: Ergebnisse und Perspektiven. Comunicare prezentată la: Humboldt-Kolleg: Chronologie in den Archäologischen forschungen – Humboldt-Kolleg: Chronology in archaeological studies. Chișinău, 8-9 November 2018.
- Manzura, Sorokin 1990:** I.V. Manzura, V.Ia. Sorokin, Gumel'nitskoe poselenie u pgt. Tarakliia. In: (red. V.A. Deragachev) Arkheologichesie issledovaniia molodykh uchenykh Moldavii (Kishinev 1990), 78-93 // И.В. Манзура, В.Я. Сорокин, Гумельницкое поселение у пгт Тараклия. В: (ред. В.А. Дергачев), Археологические исследования молодых ученых Молдавии (Кишинев 1990), 78-93.
- Misiewicz 2006:** K. Misiewicz, Geofizyka archeologiczna (Warszawa 2006).
- Mistreanu 2013:** E. Mistreanu, O nouă aşezare a culturii Gumelnița de la Chioselia Mare, raionul Cahul, Republica Moldova. Tyrageta VII, 1, 2013, 145-156.
- Mistreanu 2019:** E. Mistreanu, Așezările culturii Gumelnița în spațiul pruto-nistrean (catalog). Tyrageta XIII, 1, 2019, 99-120.
- Mistreanu, Przybyła 2019:** E. Mistreanu, M. Przybyła, The Gumelnița culture settlements in the Prut-Dniestr rivers area, in light of old and new research from Taraclia I (Republic of Moldova). Analecta Archaeologica Ressoviensis 14, 2019, 17-39.
- Mistreanu, Przybyła 2019a:** E. Mistreanu, M.M. Przybyła, Despre aşezările gumelnițene din spațiul Prut-Nistru prin prisma stațiunii Taraclia I. In: (ed. V. Diaconu, C.-D. Nicola), Colecțiile Naționale: Fortificații și sisteme de fortificare în spațiul est-carpatic, din neolitic până în evul mediu, program și rezumate, Muzeul de Istorie și Etnografie Târgu Neamț 2019, 21-22 septembrie 2019 (Piatra-Neamț 2019), 22-26.
- Mishina, Chirkov 1986:** T.N. Mishina, A.Iu. Chirkov, Gumel'nitskoe poselenie Tarakliia. AO 1984 goda, 1986, 385 // Т.Н. Мишина, А.Ю. Чирков, Гумельницкое поселение Тараклия. АО 1984 года, 1986, 385.
- Passek 1964:** T.S. Passek, Otchet o rabote Moldavskoi ekspeditsii v 1963 g. Arkhiv MNIM, nr.inv. 20 (Kishinev 1964) // Т.С. Пассек, Отчет о работе Молдавской экспедиции в 1963 г. Кишинёв, 1964. Архив НМИМ, инв. №20 (Кишинев 1964).
- Passek, Chernysh 1965:** T.S. Passek, E.K. Chernysh, Otkrytie kul'tury Gumel'nitsa v SSSR. KSIA 100, 6-18 // Т. Пассек, Е. Черныш, Открытие культуры Гумельница в СССР. КСИА 100, 6-18.
- Passek, Titov 1966:** T.S. Passek, V.S. Titov, Izuchenie eneoliticheskikh poselenii kul'tury Gumel'nitsa. AO 1965

goda, 1966, 75-77 // Т.С. Пасек, В.С. Титов, Изучение энеолитических поселений культуры Гумельница. АО 1965 года, 1966, 75-77.

Sava et al. 2019: E. Sava, S. Agul'nikov, I. Manzura, Issledovaniia kurganov v Budzhakskoi stepi (1980-1985 gg) (Kishinau 2019) // Е. Сава, С. Агульников, И Манзура, Исследования курганов в Буджакской степи (1980-1985 гг.) (Кишинэу 2019).

Savva et. al. 1984: E.N. Savva, S.M. Agul'nikov, I.V. Manzura, Otchet o polevykh issledovaniakh Budzhakskoi novostroechoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1984 g. + Al'bom. Arkhiv NMIM, inv. nr. 212 (Kishinev 1984) // Е.Н. Савва, С.М. Агульников, И.В. Манзура, Отчет о полевых исследованиях Буджакской новостроечной археологической экспедиции в 1984 г. + Альбом. Архив НМИМ, инв. №212 (Кишинев 1984).

Shcherbakova et. al. 1984: T.A. Shcherbakova, I.V. Manzura, E.N. Savva , S.M. Agul'nikov, Otchet o polevykh issledovaniakh Budzhakskoi novostroechoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1982 g. Arkhiv NMIM, inv. nr. 190 (Kishinev 1984) // Т.А. Щербакова, И.В. Манзура, Е.Н. Савва, С.М. Агульников, Отчет о полевых исследованиях Буджакской новостроечной археологической экспедиции в 1982 г. Архив НМИМ, инв. №190 (Кишинев 1984).

Sîrbu et al. 2020: Gh. Sîrbu, M. Przybyła, M. Rybicka, M. Podsiadło, D. Król, E. Mistreanu, L. Sîrbu, S. Heghea, Cercetări non-invazive în siturile eneolitice Taraclia I și Brînzeni IV: o perspectivă pentru viitor. Cercetări arheologice în Republica Moldova: Campania 2019: Sesiunea Națională de Rapoarte, Chișinău, 18 aprilie 2020, 28-30.

Sorokin 1984: V.Ia. Sorokin, Otchet o polevykh issledovaniakh eneoliticheskogo otriada Budzhakskoi novostroechoi ekspeditsii v 1983 g. Arkhiv NMIM, inv. nr. 201 (Kishinev 1984) // В.Я. Сорокин, Отчет о полевых исследованиях энеолитического отряда Буджакской новостроечной экспедиции в 1983 г. Архив НМИМ, инв. №201 (Кишинев 1984).

Subbotin 1978: L.V. Subbotin, O sinkhronizatsii pamiatnikov kul'tury Gumel'nitsa v Nizhnem Podunav'e. In: (red. V. Vanchugov, G. Dzis-Raiko, O. Karyshkovskii), Arkheologicheskie issledovaniia severo-zapadnogo Prichernomor'ia (Kiev 1978), 36-41 // Л.В. Субботин, О синхронизации памятников культуры Гумельница в Нижнем Подунавье. В: (ред. В. Ванчугов, Г. Дзис-Райко, О. Карышковский), Археологические исследования северо-западного Причерноморья (Киев 1978), 36-41.

Subbotin 1983: L.V. Subbotin, Pamiatniki kul'tury Gumel'nitsa Iugo-Zapada Ukrayny (Kiev 1983) // Л.В. Субботин, Памятники культуры Гумельница Юго-Запада Украины (Киев 1983).

Subbotin 2013: L.V. Subbotin, Kul'tura Gumel'nitsa: Bolgradskii variant. In: (red. I.V. Bruiako, T.L. Samoilova) Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Odessa 2013), 85-114 // Л.В. Субботин, Культура Гумельница: Болградский вариант. В: (ред. И. Бруяко, Т.Л. Самойлова) Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2013), 85-114.

Todorova 1982: H. Todorova, Kupferzeitliche Siedlungen in Nordostbulgarien. Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie, Band 13 (München 1982).

Țerna 2016: S. Țerna, Geomagnetic surveys of the Neolithic and the Copper Age sites from the Republic of Moldova (1968-2016): main results, current state and future perspectives. Raport 11, 2016, 189-225.

Eugen Mistreanu*, doctorand, cercetător științific, Muzeul Național de Istorie a Moldovei, str. 31 August 1989, nr. 121A, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: eugenmistreanu@gmail.com

Marcin M. Przybyła, Archaeological company “Dolmen Marcin Przybyła, Michał Podsiadło s.c.”, Serkowskiego Sq. 8/3, 30-512, Kraków, Poland, e-mail: dolmen@onet.pl

* Studiul de față este realizat în cadrul Proiectului de cercetare: 20.80009.1606.43 (PAMCIP) *Patrimoniul muzeal și memoria istorică: cercetare, interpretare, prezentare, conducător de proiect, Dr. Zabolotnaia Lilia*, finanțat în cadrul Programului de Stat (2020-2023).

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XVI _ nr. 1

IN MEMORIAM

**Dr.hab. OLEG LEVIȚKI
(1956-2020)**

Revistă indexată în bazele de date

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2020

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

**INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE**

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki†

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – dr. **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посыпать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Eugen Mistreanu (<i>Chișinău</i>), Marcin M. Przybyła (<i>Kraków</i>). Despre planimetria aşezării gumelniteșene Taraclia I în cercetări vechi și noi	5
Майя Кашуба (Санкт-Петербург), Игорь Сапожников (Киев). История находки Бородинского (Бессарабского) клада	21
Aurel Mototolea (<i>Constanța</i>), Simina Margareta Stanc (<i>Iași</i>), Andreea Andrei (<i>Constanța</i>). The roadside inns (<i>khâns</i>) in Ottoman Dobrudja	48

MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Валерий Манько (Киев), Гурам Чхатарашвили (Батуми). Раннеголоценовая стоянка Джварцхма в Западной Грузии	63
Oleg Levițkiț, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chișinău</i>). Rezultatele investigațiilor arheologice efectuate în cadrul sitului Trinca-Izvorul lui Luca în anul 2001	78
Виталий Синика (Тирасполь), Сергей Лысенко (Киев), Сергей Разумов (Тирасполь), Николай Тельнов (Кишинэу). Курган 2 группы «Рыбхоз» в Нижнем Поднестровье и скифские кремации Северо-Западного Причерноморья	99
Александр Симоненко (Киев). Ритуальный депозит II-I вв. до н.э. из Брэвичень	108

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Vasile Haheu (<i>Chișinău</i>). Sistemul defensiv al fortificațiilor traco-getice (particularități constructive și principii de apărare)	121
Елена Журухина (Киев). Производство стеклянных изделий (по материалам ремесленных мастерских Киевского Подола XII – первой половины XIII века)	130

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Roman Croitor (<i>Aix-en-Provence</i>), Vitalie Burlacu (<i>Chișinău</i>). The Middle Paleolithic site of Buzdujeni 1 (Northern Moldova): evidence on periodic occupation by cave hyena	136
Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chișinău</i>), Vasile Diaconu (<i>Târgu-Neamț</i>), Nicoleta Vornicu (<i>Iași</i>). Despre vasul de cupru medieval descoperit la Cetatea Neamțului (județul Neamț, România). Noi considerații	145
Mariana Gugeanu (<i>Iași</i>). Textilă liturgică arheologică – <i>Mâneceuță</i> . Conservare și restaurare	157

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Kirsten Hellström, *Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet*

(2. Jh. v. Chr. - 3. Jh. n. Chr.). Arhäologie in Eurasien 39, Bonn, 2018,
284 pagini și 94 planșe, ISBN 978-3-7749-3948-6
(Vasile Iarmulschi, Berlin) 163

IN HONOREM

Dumitru Boghian la 65 de ani (Sergiu-Constantin Enea, Târgu-Frumos) 165

IN MEMORIAM

La adio Oleg Levički: Omul și Savantul (1956-2020)
(Vasile Haheu, Chișinău) 168

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 172

INFORMATII ȘI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 173

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL
MAGAZINE 174

Майя Кашуба*, Игорь Сапожников

История находки Бородинского (Бессарабского) клада

Keywords: Bessarabia, Borodino, 1912, J. Schäfer, J. Kräenbring, place and circumstances of the finding, Late Bronze Age, hoard.

Cuvinte cheie: Basarabia, 1912, J. Schäfer, J. Kräenbring, locul și circumstanțele descoperirii, perioada târzie a epocii bronzului, depozit.

Ключевые слова: Бессарабия, Бородино, 1912, Й. Шэфер, Й. Крэнбринг, место и обстоятельства находки, поздний бронзовый век, клад.

Maya Kashuba, Igor Sapozhnykov

The history of finding the Borodino (Bessarabian) hoard

The article is devoted to the finding of the Borodino (Bessarabian) hoard in the South of the Dniester and the Prut interfluves area. The circumstances of the finding of the hoard and of its purchase by the Imperial Archaeological Commission (IAC) are invoked for the first time. Documents from a case "On the discovery of ancient objects near the village of Borodino" (The Scientific archive of the Institute for the History of Material Culture of RAS, fund 1, list 1, case No 223) are introduced into scientific circulation. We use the information and facts, collected in the village of Borodino in 2019. They have been previously published but remained unknown. On February 14, 1912, the German colonist J. Schäfer found a clay vessel with metal and stone goods. The local teacher J. Kräenbring played an important role in preserving this finding. Professor F.I. Knauer drew attention of the IAC to it. J. Sheh and B.V. Farmakovskiy conducted negotiations about the transfer of the hoard to the IAC. The first information about the finding appeared in The Odessaer Zeitung on February 22, 1912. Professor E.R. von Stern presented the finding to scientists at the International Congress of the Historical Arts in London in 1913. The finding is not related to the mounds on the top of the adjacent plateau which E.R. von Stern wanted to excavate in 1914. The hoard was found in the natural limit "The Snake hills" buried in sand on the hillside of the Sand Mountain on the right shore of the river Saka across the village of Borodino. This finding is a complex of long accumulation. V.S. Bochkarev wrote about it half a century ago.

Maia Kashuba, Igor Sapozhnykov

Istoria descoperirii depozitului de la Borodino (Basarabia)

Articolul este dedicat descoperirii tezaurului de la Borodino (Basarabia) din sudul interfluviului Nistru-Prut. Pentru prima dată, sunt prezentate circumstanțele descoperirii acestui depozit și achiziționarea acestuia de către Comisia Arheologică Imperială (CAI). Se introduc în circuitul științific documente din dosarul „Despre descoperirea obiectelor antice din apropierea s. Borodino” (Arhiva științifică a IIKM AŞR, f. 1, op. 1, d. nr. 223). Sunt utilizate informații necunoscute și fapte adunate în s. Borodino în anul 2019. Pe 14 februarie 1912, colonistul german J. Schäfer a găsit un vas ceramic cu piese din metal și piatră. Profesorul din localitate, J. Kräenbring a jucat un rol foarte important în păstrarea acestei descoperiri, iar profesorul F.I. Knauer a sesizat CAI asupra ei. Negocierile privind transmiterea depozitului la CAI au fost purtate de J. Sheh și B.V. Farmakovskiy. Primele informații despre descoperire au apărut în „ziarul Odessa” pe data de 02.22.1912. În anul 1913, profesorul E.R. von Stern a prezentat descoperirea la Congresul Internațional de Științe Istorice din Londra. Descoperirea nu are nici o legătură cu tumulii din vârful platoului adjacente, pe care a vrut să îi cerceteze în 1914 E.R. von Stern. Depozitul a fost găsit în locul Zmeinye Holmy, într-un strat de nisip, pe versantul unei dune de nisip, aflată pe malul drept al râului Saka, în partea opusă a s. Borodino. Această descoperire este un complex de acumulare îndelungată, despre care V.S. Bochkarev a scris acum o jumătate de secol.

Майя Кашуба, Игорь Сапожников

История находки Бородинского (Бессарабского) клада

Статья посвящена открытию Бородинского (Бессарабского) клада на юге Днестровско-Прутского междуречья. Впервые приведены обстоятельства обнаружения клада и его покупки Императорской Археологической комиссией (ИАК). В научный оборот введены документы из дела «О находке древних предметов близ с. Бородина» (Научный архив ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, д. № 223). Использованы опубликованные неизвестные сведения и факты, собранные в с. Бородино в 2019 г. Немец-колонист Й. Шэфер 14 февраля 1912 г. нашел глиняный сосуд с металлическими и каменными изделиями. Местный учитель Й. Крэнбринг сыграл важную роль в сохранении этой находки, профессор Ф.И. Кнауэр обратил на нее внимание ИАК. О передаче клада ИАК переговоры вели Й. Шех и Б.В. Фармаковский. Первые сведения о находке появились в «Одесской газете» 22.02.1912 г. Ученый находку в 1913 г. представил проф. Е.Р. фон

* Майя Кашуба провела исследование в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н.э. – I тыс. до н.э.)».

Штерн в Лондоне на Международном конгрессе исторических наук. Нахodka не связана с курганами на вершине прилегающего плато, которые в 1914 г. хотел раскопать Е.Р. фон Штерн. Клад был найден в урочище Змеиные холмы, в толще песка на склоне Песчаной горы на правом берегу р. Сака, напротив с. Бородино. Эта находка – комплекс долгого накопления, о чём В.С. Бочкин написал полвека тому назад.

К 80-летию Вадима Сергеевича Бочкина

«На мой взгляд, эта находка в области археологической науки должна представлять собой раритет высшего порядка»
Kräenbring 1912

Введение

Одним из наиболее уникальных и известных кладов эпохи бронзы Восточной Европы является комплекс дорогих и престижных предметов, обнаруженный в 1912 г. на юге Бессарабской губернии у с. Бородино Аккерманского уезда¹. Со временем этой находки минуло более века, однако дискуссии о датировке и происхождении отдельных предметов и интерпретация клада в целом продолжаются до сих пор и явно далеки от завершения [Stern 1914a; Spitsyn 1916; Krivtsova-Grakova 1949; Bochkarev 1968; Safronov 1968; Popova 1981; Kaiser 1997; 2018; Šišlina 2013; Shishlina 2019a].

Источниковая база

В последние годы авторы этих строк не раз обращались к забытым темам историографии археологии Бессарабии и Буджака XIX – начала XX вв. [Sapozhnikov 2011; 2018; 2019; Sapozhnikov, Argatiuk 2018; Sapozhnikov, Kashuba 2019; Kashuba, Sapozhnikov 2019]. В ходе этих исследований выяснилось, что в делах архива Императорской Археологической комиссии (ИАК) в Институте истории материальной культуры (ИИМК) РАН в Санкт-Петербурге хранится уникальная подборка источников. В них отражены разнообразные факты об обстоятельствах находки Бородинского клада, перипетиях его приобретения, а также о несостоявшихся исследованиях Э.Р. фон Штерна в 1914 г. места и окрестностей обнаружения клада². Почти все

1. В 1770-х гг. у западной окраины села Бородино отмечен аул Каат [Kaat – Carte 1781]. В 1814–1818 гг. населенный пункт назывался «Колония № 1», а местными жителями звался Сака по имени реки, позднее – Бородинская (рис. 10). Ныне село входит в состав Тарутинского района Одесской области Украины.

2. Наименование «Бессарабский клад» прозвучало в до- кладе на Лондонском международном конгрессе истори-

этнографии не введены в научный оборот³. Нам также удалось выявить две неизвестные ранее статьи местного учителя Й. Крэенбринга: первую газетную публикацию о кладе, вышедшую в Одессе через неделю после его находки [Kräenbring 1912; pril. 1], и воспоминания того же автора и очевидца событий 1912–1914 гг., увидевших свет в Германии в 1952 г. [Kräenbring 1952; pril. 2].

Основой для написания статьи стало дело «О находке древних предметов близ с. Бородина Аккерманского уезда Бессарабской губернии» (начато 27.02.1912, окончено 2.05.1914)⁴. В нем содержится 38 документов (Научный архив ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 1-41)⁵, несколько фотографий (ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 42-46) и квитанция на почтовое отправление (ф. 1, оп. 1, д. 223, наклеена на л. 14а). Среди них преобладает переписка о приобретении ИАК предметов клада (21 единица: док. № 1-15, 17, 19-23), на втором месте по численности стоят документы о несостоявшихся раскопках Э.Р. фон Штерна курганов у с. Бородино (12 ед.: док. 28-39), на третьем – о передаче клада в Музей изящных искусств им.

ков в 1913 г. [Stern 1914a]. Использовалось оно и позже рядом авторов [Krivtsova-Grakova 1949; Cherednichenko 1977, 11; Ketraju 2005, 60-61]. Однако в специальной литературе прочно закрепилось название «Бородинский клад».

3. Исключение составляет письмо Ф.И. Кнауэра 1912 г. в ИАК [Kashuba, Sapozhnikov 2019, ris. 3].

4. Научный архив ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 1-46. Нами приведены все документы дела полностью (док. 1, 2, 4, 5, 7, 8, 10, 16, 18, 20, 23-26, 28-31, 33-37, 39) или в реферированном виде (док. 3, 6, 9, 11-15, 17, 19, 21, 22, 26, 27, 32, 38).

5. Далее при архивных ссылках на материалы Рукописного отдела (РО) Научного архива ИИМК РАН название архива не повторяется. Авторы приносят благодарность сотрудникам архива Н.А. Беловой и Т.А. Ершовой за помощь в работе с документами.

Александра III при Московском университете (5 ед.: док. 18, 24-27). На фотографиях представлены вещи из клада, в том числе два фрагмента горшка и один из обломков разбитого каменного топора. На одной из них имеется известный рисунок предметов клада руки М.В. Фармаковского, изданный Э.Р. фон Штерном [Stern 1914a, ris.]. С фотоснимками связана и упомянутая квитанция от 14.02.1913 об отправке Э.Р. фон Штерну в г. Галле/Халле (Германия) пакета с «фотографиями Бородинского клада».

В собрании представлены разнообразные бумаги: официальные и личные письма, описания и перечни предметов клада, «Открытый лист» Э.Р. фон Штерна и сопроводительное письмо к нему на имя Бессарабского губернатора М.Э. Гильхена, ряд финансовых документов: ассигновки, расписка и удостоверение для получения денежных переводов и т.п. Примерно треть из них, в основном письма, адресованные в ИАК, представлены подлинниками и оттисками (часто на бланках), есть автографы археологов (Ф.И. Кнауэра, Э.Р. фон Штерна и др.), директоров музеев (И.В. Цветаева и В.К. Мальмберга). Некоторые бумаги оказались настолько редкими, важными или оригинальными, что полностью или частично публикуются в статье как иллюстрации (рис. 1-7). Изучение этих источников было затруднено тем обстоятельством, что в деле они сшиты без соблюдения хронологического принципа, одно из писем Э.Р. фон Штерна не датировано (док. 30), а некоторые письма и особенно отпуски написаны неразборчивыми почерками.

Помимо названных документов и двух заметок Й. Крэнбринга, в статье использованы топографические карты села 1820–1940-х гг. (рис. 9-11), описание этого населенного пункта и его окрестностей 1818 г. [Statisticheskie svedeniiia 1823], копия плана с. Бородино 1940 г. [Plan 1940; рис. 13], сведения из статьи Э.Р. фон Штерна [Stern 1914a], а также раздел «Клад из Бородино» в книге Э. Хёгера, посвященной 175-летию основания села Бородино [Höger 1989, 15-23]⁶. В ходе работы над статьей 17-18 августа 2019 г. И. Сапожников совершил две специальные поезд-

6. В этой книге присутствует ряд фактов из неназванных источников, отсутствующих в других документах. Возможно, ее автор в Германии опирался на воспоминания бывших жителей с. Бородино, покинувших родину в 1940 г.

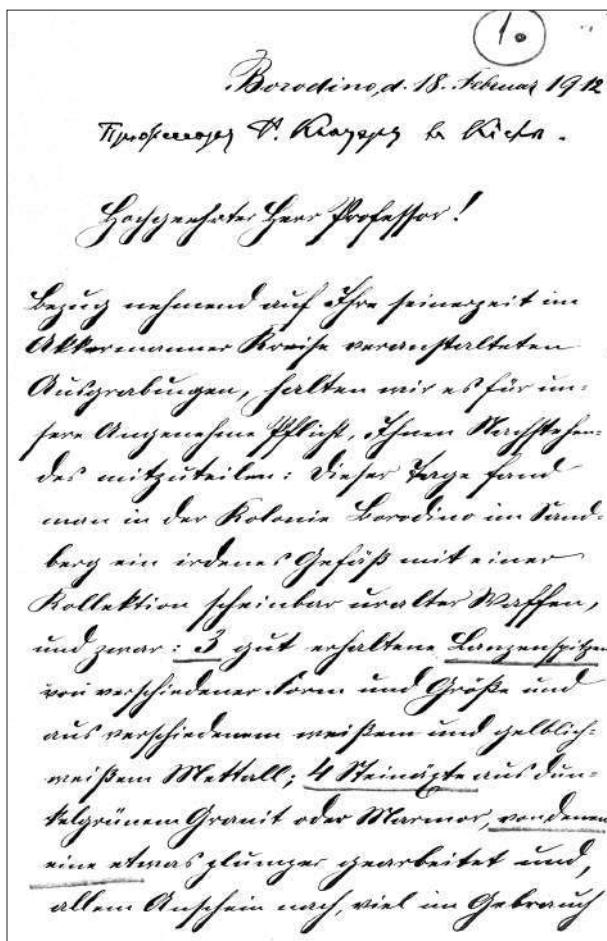

Рис. 1. Первая страница письма находчиков Бородинского клада Ф.И. Кнауэру от 18.02.1912 (док. 1 – © НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. № 223, л. 2). Публикуется впервые.

Fig. 1. The first page of the letter of 18.02.1912 from the people who found the Borodino hoard to F.I. Knauer (document 1 – © Scientific Archives of IIMK RAS, Manuscript Department, archive group 1, inventory 1, file no. 223, sheet 2). First publication.

ки в с. Бородино, во время которых сделал полевые археологические наблюдения и фотографии (рис. 12; 14; 15), получил картографические и библиографические материалы в школьном Историко-краеведческом музее, а также собрал сведения у жителей села.

Находчики клада, его приобретение ИАК и места хранения

В специальной археологической литературе точная дата открытия и имена авторов находки Бородинского клада до сих пор не названы, хотя они были опубликованы. Приведем известную цитату из статьи Э.Р. фон

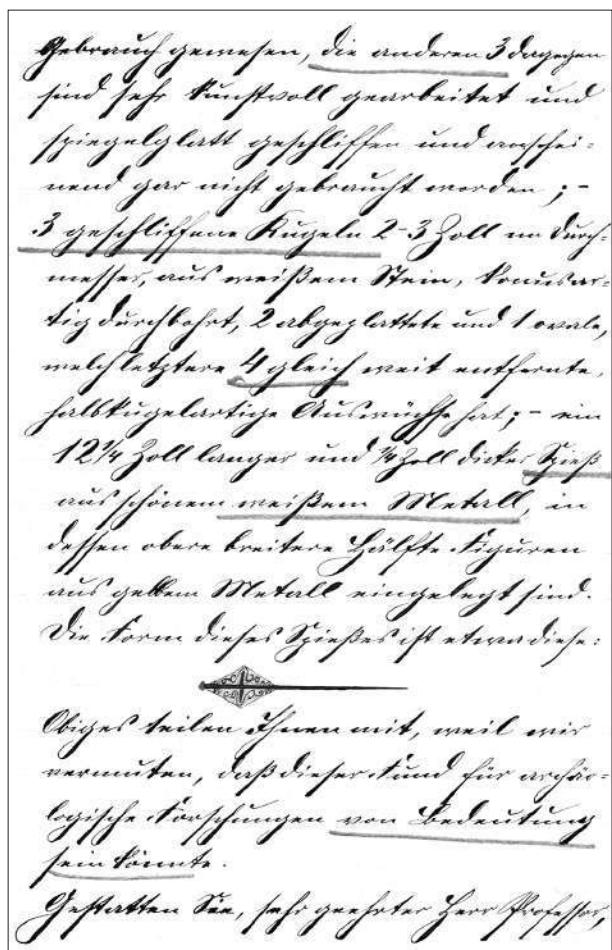

Рис. 2. Вторая страница письма находчиков Бородинского клада Ф.И. Кнауэру от 18.02.1912 с рисунком Й. Крэнбринга булавки (док. 1 – © НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. № 223, л. 2об.). Публикуется впервые.

Fig. 2. The second page of the letter of 18.02.1912 from the people who found the Borodino hoard to F.I. Knauer with a J. Kräenbring's drawing of pin (document 1 – © Scientific Archives of IIMK RAS, Manuscript Department, archive group 1, inventory 1, file no. 223, sheet 2 rev.). First publication.

Штерна: «Предметы были найдены летом 1912 года в немецкой колонии Бородино, Бессарабской губернии. Колонисты⁷, добывая камни в холмистых окрестностях села, случайно наткнулись на эти замечательные древности. Благодаря сравнительной культурности крестьян и деревенского учителя, эти предметы не были проданы, как это часто бывает со случайными находками, торговцам на вес металла, а попали целиком по назначению в Археологическую

7. Всех колонистов Российской империи независимо от национальности перевели в разряд поселян-собственников еще в 1871 г., а в 1875 г. распространили на них всеобщую воинскую повинность.

комиссию, которая их приобрела...» [Stern 1914a, 1]. Судя по всему, ученый не был знаком с документами ИАК и опубликованной газетной статьей местного учителя Й. Крэнбринга.

Йоханн Крэнбринг возложил роль первооткрывателя находки на Йоханна Шэфера, сделавшего это 14 февраля 1912 г. [Kräenbring 1912; 1952, 69]. Позже Э. Хёгер уточнил, что при этом присутствовали еще два персонажа [Höger 1989, 15]. В деле ИАК дата названа несколько раз, как и трое поселян: Йоханн Иоганнов Шэфер (Johann Shäfer), Эмиль Йоханнов Шэфер (Emil Shäfer, брат Йоханна)⁸ и Йоханнес Яковов Хайн (Johannes Hein) (док. 4, 8, 20, 23 и др.).

Далее события развивались стремительно. Й. Крэнбринг вместе с Й. Шехом (J. Sheh, управляющий местной общинной лавки) уже 18 февраля написали письмо⁹ профессору киевского университета Св. Владимира Ф.И. Кнауэру с вопросами, что делать с находкой и «требуется ли по закону сообщать в полицию (мы опасаемся, что находка хочет попасть в недостойные руки)?» (прил. 2; док. 1, 2). Скорее всего, этот ученый был выбран адресатом, потому что происходил из немцев-поселян с. Сарата, расположенного недалеко от Бородино, а Й. Шех знал его лично (рис. 1-3).

Так или иначе, «сравнительный культурный учитель», не только грамотно описал находку, но верно ее оценил, а также изобразил булавку из клада непосредственно в письме (рис. 2). Что касается Й. Шеха, то в дальнейшем от имени находчиков именно он вел переговоры с ИАК и написал все, даже неподписанные им письма, перечень находок и расписку о получении денежного вознаграждения (док. 3-6, 8, 10, 12, 14, 15, 20, 22, 23).

Не теряя времени, Й. Крэнбринг написал в Одесскую газету, выходящую на немецком языке, уже упоминавшуюся статью, которая была напечатана 22 февраля (6 марта по новому стилю) 1912 г. [Kräenbring 1912]. Торопился и Ф.И. Кнауэр, переславший письмо о кладе в ИАК на следующий день после получения,

8. В другом месте он назван Готтлобом – Gottlob [Höger 1989, 15].

9. Письмо написано старым рукописным шрифтом (рис. 1-3). Все старые немецкие шрифты сейчас обозначаются термином «зюттерлин» или готический курсив (сам шрифт был разработан в 1911 г. и назван в честь его создателя).

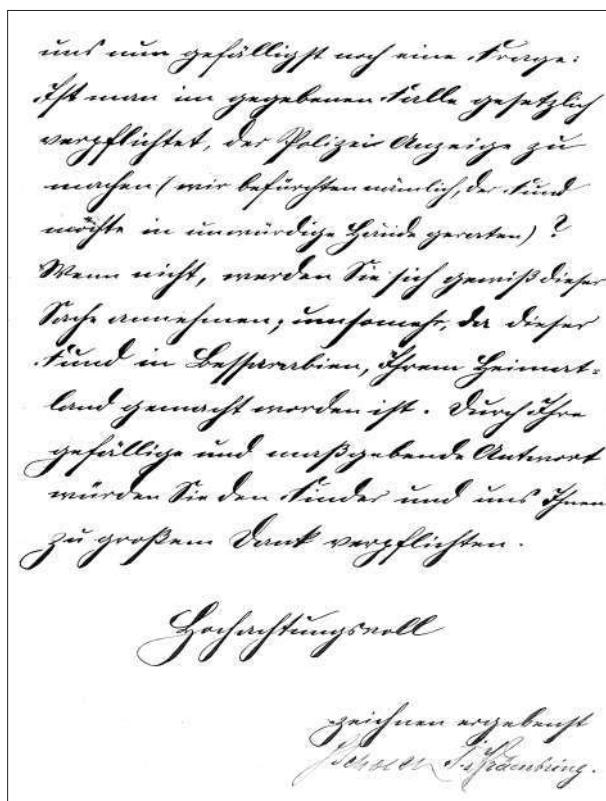

Рис. 3. Третья страница письма находчиков Бородинского клада Ф.И. Кнауэру от 18.02.1912 (док. 1 – © НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. № 223, л. 3). Публикуется впервые.

Fig. 3. The third page of the letter of 18.02.1912 from the people who found the Borodino hoard to F.I. Knauer (document 1 – © Scientific Archives of IIMK RAS, Manuscript Department, archive group 1, inventory 1, file no. 223, sheet 3). First publication.

а именно 23 февраля (док. 2). Думается, что причину такой поспешности следует искать в словах учителя о возможной продаже древних предметов в посторонние руки (док. 1).

Как упоминалось выше, большая часть документов дела № 223 фонда ИАК касается продажи находок, которая в переписке официально называлась выплатой вознаграждения за их добровольную передачу. Она длилась более года и завершилась 18.05.1913, что засвидетельствовано распиской находчиков, по которой они получили 2992 руб. 50 коп. – то есть 3000 руб. за вычетом стоимости перевода (док. 21–23 и др.). Ход этого процесса подробно освещен в представленных документах, потому остановимся на самых интересных его деталях.

Первоначально немцы-поселяне переслали в ИАК не все выявленные предметы (док.

4, 5) и попросили себе вознаграждение в 5000 руб. (док. 8). Комиссия признала такую сумму преувеличенной, но от совершения покупки не отказалась. В апреле 1912 г. находчикам сообщили: «Комиссия признала желательным приобрести эти вещи для правительенного музея», который не был назван (док. 7). Для окончательной оценки было выставлено получение заключения эксперта, выполненное на основании осмотра места находки (док. 9). Поселяне на него согласились, и эту задачу выполнил член ИАК Б.В. Фармаковский, который вел раскопки на юге – в Ольвии.

Поиск подробностей поездки Б.В. Фармаковского в с. Бородино привел нас к другому делу ИАК за 1912 г., хотя в нем научного отчета не оказалось (ф. 1, оп. 1, д. № 3). Как видно из материалов этого дела, поездка была хорошо подготовлена, особенно с точки зрения проведения возможных раскопок. Б.В. Фармаковский имел с собой «Открытый лист» № 1135 на исследования в пределах Аккерманского уезда Бессарабской губ., а также соответствующее «Удостоверение» № 1136 ИАК от 12 мая 1912 г. (ф. 1, оп. 1, д. № 3, л. 48, 48об., 51). В деле имеется телеграмма А.А. Бобринскому от 23.07.1912, где он сообщает, что едет в Бессарабию (ф. 1, оп. 1, д. № 3, л. 117). А Одессу, из которой он поездом направился в Бородино, Б.В. Фармаковский в течение лета 1912 г. посещал три раза: в середине июля и дважды – в августе (ф. 1, оп. 1, д. № 3, л. 157, 158, 202, 230, 249, 252, 252об., 253).

Судя по «оправдательным документам», приложенным к «Счету в употреблении аванса» на всю Ольвиюскую экспедицию, ученый прибыл в Одессу 26 августа 1912 г., поселился в гостинице «Лондонская-Ящук» на Николаевском бульваре¹⁰ и в тот же день отправил Й. Шэферу в Бородино срочную телеграмму: «На какой железнодорожной станции можете встретить чтобы ехать Бородино Отвечайте Одессу Лондонская гостиница Лондонская могу выехать 27 вечером» (рис. 4). Адресат утром 27 августа ответил «Ожидаю станции Лейпцигской¹¹ 29, 3 часа утра благоволите выехать вечером 28» (ф. 1, оп. 1, д. № 3, л. 249). Однако телеграмма пришла с опозданием, и Б.В. Фармаковский отправился в Бородино 27 августа 1912 г. (судя по счету из гостиницы – ф. 1,

10. Современный Приморский бульвар.

11. Современная станция Бессарабка.

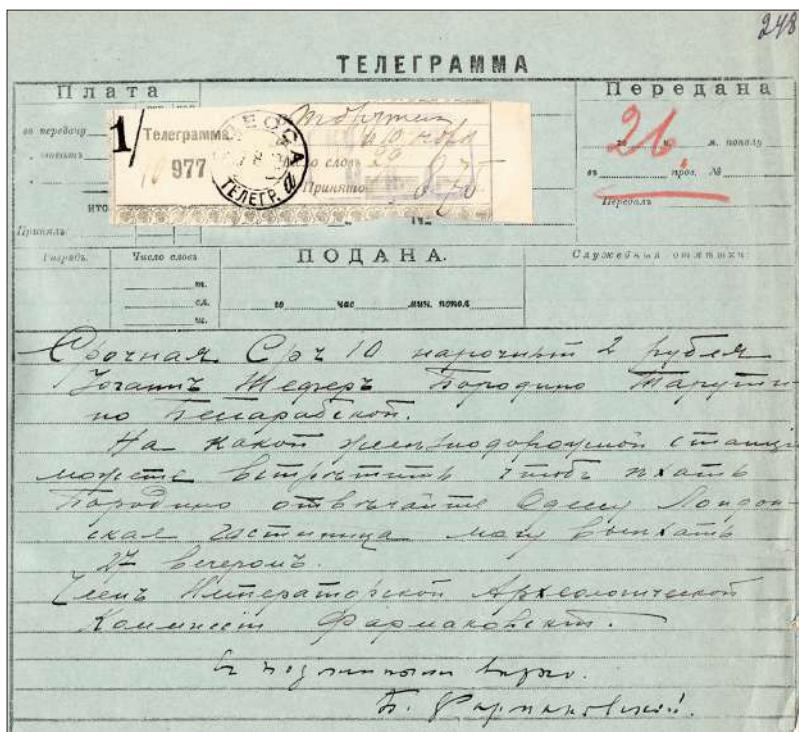

Рис. 4. Телеграмма Б.В. Фармаковского из Одессы Й. Шэферу в Бородино от 26.08.1912 (© НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. № 3, л. 248). Публикуется впервые.

Fig. 4. Telegram of 26.08.1912 from B.V. Farmakovskiy from Odessa to J. Schäfer in Borodino (© Scientific Archives of IIMK RAS, Manuscript Department, archive group 1, inventory 1, file no. 3, sheet 248). First publication.

оп. 1, д. № 3, л. 202). Сам он охарактеризовал вояж так: «Вследствие распоряжения Императорской Археологической Комиссии поездка в Бородино Бессарабской губ. для выяснения обстоятельств находки представленных в Комиссию древностей бронзового века (жел. дор. II кл. из Одессы до ст. Лейпцигской, экипажем от Лейпцигской до Бородино через Тарутино, багаж, носильщики, извозчики, содержание в пути). [потрачено] 36 руб. 10 коп 27–29 августа без расписок» (ф. 1, оп. 1, д. № 3, л. 249, 252, 252об., 253).

К сожалению, другие подробности этого визита документально не были зафиксированы (в деле нет даже железнодорожных билетов)¹², а внимательный и точный Й. Крэнбринг о нем ничего не сообщил (прил. 2). Мы можем

12. Из «оправдательных документов» имеется лишь счет из одесского отеля, куда из Бородино он вернулся 29 августа 1912 г., на сумму 12 руб. 95 коп., по которому проживание стоило 3 руб. в сутки, «приписка» 15 коп., постель и кофе по 60 коп., газеты 20 коп. Б.В. Фармаковский выписался 31 августа, выехав в Санкт-Петербург (ф. 1, оп. 1, д. № 223, л. 202).

добавить, что, по-видимому, на следующий день после отъезда Б.В. Фармаковского (29 августа) находчики отправили почтой в Санкт-Петербург «обломок горшка, в котором хранились названные предметы, и две металлические пластинки, которые находились в ушках копий»¹³ (док. 10). Тем не менее известно, что сделанные тогда наблюдения автор в письменном виде отправил Э.Р. фон Штерну, который использовал их в своем докладе 1913 г. и статье [Stern 1914a, 1-2].

Одновременно вокруг Бородинского клада развивались события иного рода. Дело в том, что разные музеи Российской империи претендовали иметь в своих запасниках эту находку, и одним из них был Музей изящных искусств им. императора Александра III при Московском университете (ныне Государственный музей изобразительных искусств им А.С. Пушкина). В марте 1913 г. его директор И.В. Цветаев, ссылаясь на письмо министра народного просвещения Л.А. Кассо, попросил Б.В. Фармаковского организовать упаковку и передачу древних предметов, соглашаясь доставить их в Москву лично в купе пассажирского поезда. В этом же письме он назвал главного конкурента – товарища председателя Российского исторического музея князя Н.С. Щербатова, который привел свои аргументы для передачи клада на хранение в свое учреждение (док. 18).

Тем не менее, в указанное время предполагаемая передача вещей не состоялась, потому что выплата вознаграждения произошла лишь в мае 1913 г. (см. выше), а, значит, формально ИАК еще не была их собственником. Клад передали в Музей изящных искусств в декабре

13. В документах нет никаких упоминаний, где и у кого они хранились, тем самым нет оснований полагать, что они были найдены в присутствии Б.В. Фармаковского. Что касается нахождения «металлических пластинок в ушках копий», то в данном случае речь, скорее всего, идет о втулках копий. Эти накладки, изготовленные из оловянной бронзы, опубликованы [Shishlina 2019a, ris. 6; 7].

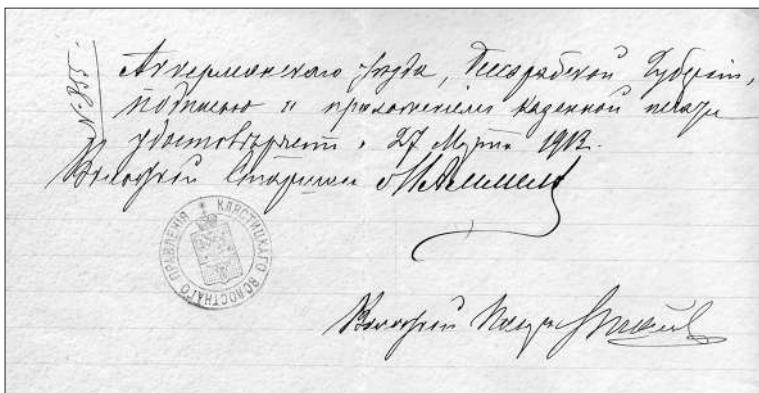

Рис. 5. Подписи и печать, заверяющие доверенность находчиков Бородинского клада (док. 20 – © НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. № 223, л. 22об.). Публикуется впервые.

Fig. 5. Signatures and stamp certifying the power of attorney of the people who found the Borodino hoard (document 20 – © Scientific Archives of IIMK RAS, Manuscript Department, archive group 1, inventory 1, file no. 223, sheet 22 rev.). First publication.

1913 г.¹⁴ уже после смерти И.В. Цветаева, а на хранение он был принят с задержкой – лишь 4 февраля 1914 г. (док. 24-27; рис. 6). Все же через девять лет бессарабская находка все-таки оказалась в фондах Российского исторического музея (ныне ГИМ) – их обменяли на несколько расписных античных ваз [Popova 1981, 3]. Там они хранятся и поныне [Shishlina 2019b].

Завершая тему находчика клада, упомянем, что Й. Шэфер купил участок в Бородино и построил дом с хозяйственными постройками, который вскоре выгодно продал и даже успел эмигрировать в США до начала Первой мировой войны (прил. 2). О его «сотоварыщах» ничего неизвестно, тайной остались настоящая роль этих персонажей в открытии клада и то, каким образом они поделили полученные деньги.

Место и обстоятельства находки

Темы этого раздела актуальны до сих пор, потому что остаются некоторые сомнения, в свое время выразительно озвученные В.А. Сафроновым: «Драгоценные бородинские находки теоретически могут быть комплексом длительного накопления, однако обстоятельства их обнаружения не дают твердых оснований считать их кладом...» [Safronov 1968, 90; обстоятельства находки –ср. Shishlina 2019b, 8]. Н.Н. Чередниченко

14. О поступлении клада в Музей было написано в столичной прессе [Arkheologicheskaiia khronika 1913, 85].

также был склонен «рассматривать Бессарабский клад как погребение...» [Cherednichenko 1977, 11].

Еще в 1912 г. Й. Крэнбринг сообщил, что Йоханн Шэфер наткнулся на клад, находившийся «в подземной пещере» в большом глиняном сосуде, в ходе добычи песка на «Песчаной горе» (прил. 1). Позже учитель (рис. 8) добавил, что дело было «напротив центра деревни, к западу¹⁵, на горе вбли-

зи «Змеиных холмов» (*Schlangehügels*), а сам клад находился в глиняном сосуде, который при раскопках «распался на мелкие куски». При этом о «пещере» в песке речь больше не шла [Kräenbring 1952, 70; прил. 2]. Существует также версия, что клад был найден «при рытье канавы рабочими», которую изложила санкт-петербургская газета «Новое время» от 01.09.1912 (№ 13101)¹⁶.

Э.Р. фон Штерн в статье 1914 г. сообщил: «Б.В. Фармаковский осенью 1912 г. посетил Бородино для осмотра места находки и установил, что вблизи него, в холмистой местности, возвышаются ряды маленьких, нетронутых на вид курганов. Это обстоятельство может говорить в пользу предположения, что и найденные здесь предметы покоились в подобном курганчике». Общий вывод ученого был таким: «При способе обнаружения этих предметов с точностью установить нельзя, составляли ли они инвентарь могилы, или представляют зарытый в свое время клад. Так как колонисты, по-видимому, тщательно собирали все, что было в земле.., а остатков скелета ими не представлено, то пока большая вероятность за то, что мы имеем дело с кладом» [Stern 1914a, 1]. Как видим, данные Й. Крэнбринга и Э.Р. фон Штерна хорошо соотносятся друг с другом, за исключением того, что второй из них писал о добыче не песка, а камня, что сыграло свою роль в некоторых последующих интерпретациях места находки.

Поиски упомянутой выше примечательной возвышенности в районе с. Бородино показали, что так называемые горы были из-

15. Вернее, к юго-западу (рис. 9-11).

16. В той же заметке содержалась оценка сокровища: «клад весьма необычен и является новостью не только для России» [Svedeniiia 1913, 101].

Рис. 6. Сопроводительное письмо ИАК при передаче Бородинского клада в Музей изящных искусств им. императора Александра III при Московском университете (док. 24 – © НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. № 223, л. 25). Публикуется впервые.

Fig. 6. The Imperial Archaeological Commission cover letter for the transfer of the Borodino hoard to the Museum of Fine Arts of Emperor Alexander III at Moscow University (document 24 – © Scientific Archives of IIMK RAS, Manuscript Department, archive group 1, inventory 1, file no. 223, sheet 25). First publication.

вестны уже первым немецким колонистам этой части Буджака, что зафиксировало, например, в описании 1818 года: «Положение земли сих колоний большою частью имеет возвышения, между коими находятся долины; на оных, равно как и на горах, есть множество насыпных курганов, называемых могилами; но что они означали и для какой цели насыпаны, по давности лет неизвестно». Хотя сама Бородинская Песчаная гора в этом источнике не упоминается, в нем имеется описание аналогичных природных объектов: «в горах находится известковый камень, который добротой и прочностью своей весьма способен на разные постройки. Колонисты, открывши

каменные ломки в тех местах, употребляют оный на постройку хозяйственных заведений. Изобилие сего камня в здешних степных местах доставляет поселянам особенные выгоды» [Statisticheskie svedeniiia 1823, 297–298, 306]. Наличие таких выходов непосредственно на правом, местами крутом и даже обрывистом берегу р. Сака, подтверждается «Геологической картой Бессарабии» И. Синцова, на которой в этом районе отмечены «конгериевые известняки, пески и песчаники» [Sintsov 1862].

Топографические карты также говорят о том, что горой в ближайших окрестностях с. Бородино мог называться участок водораздельного плато, примыкающий к правому высокому берегу долины р. Сака. Именно на нем цепью, но несколькими группами, располагался целый ряд курганов, в то время как на левом берегу такие насыпи единичны (рис. 9).

На более точных картах хорошо прочитывается такая ситуация. Левый берег р. Сака, на котором собственно стоит с. Бородино, гораздо ниже правого, причем разница в их абсолютных отметках составляет 130–150 м. На гребне правобережного плато выделяются более высокие холмы с высотами, превышающими +160 м¹⁷. На них еще сравнительно недавно располагались два кургана с геодезическими пунктами Бородин I (+168 м) и Бородин II (+171 м). Первый из них стоял одиноко, а в районе второго карта 1941 г. зафиксировала курганный группу из 6 насыпей, юго-восточная часть которой группировалась в два ряда. Исходя из описаний Й. Крэнбринга, Змеиные холмы могли располагаться на Песчаной горе, в районе первого из этих пунктов (I класса, ныне называется Докуры), а курганская группа связана с районом Бородин II (рис. 10; 11).

17. Ранее один из авторов статьи написал: «Что касается установления более точного места находки [клада], могу с высокой долей вероятности предположить, что «холмистые окрестности села» связаны с более крутым правым берегом долины р. Сака, а точнее с примыкающим к нему участком плато, ограниченным с запада дорогой в с. Березино, а с востока – границей земель с. Веселый Кут» [Sapozhnikov 2018, 133].

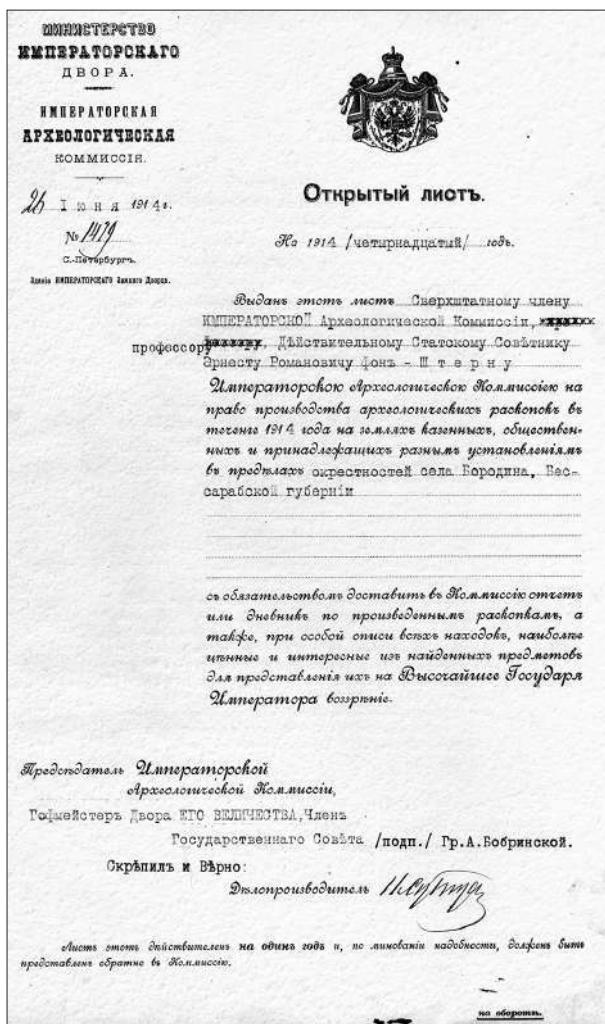

Рис. 7. Копия «Открытого листа» на имя Э.Р. фон Штерна от 26.07.1914 (док. 36 – © НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. № 223, л. 32). Публикуется впервые.

Fig. 7. A copy of the “Open Sheet” of 26.07.1914 in the name of E.R. von Stern (document 36 – © Scientific Archives of ПМК РАС, Manuscript Department, archive group 1, inventory 1, file no. 223, sheet 32). First publication.

Для того чтобы проверить свою гипотезу И. Сапожников провел в указанном районе разведку, которая показала следующее. Бородинская Песчаная гора до сих пор стоит на своем прежнем месте, но уже не соответствует своему старому названию. Сегодня на ее склонах не видно ни песка, ни выходов известняка, потому что в середине 1950-х гг. они были засажены лесом¹⁸. Высокие деревья покрывают даже примыкающие участки плато, например

18. По местным легендам, при немцах на склонах горы были карьеры и виноградники. Ранее они называли это урочище по-молдавски Nisip de mare (морской песок).

почти всю насыпь кургана с геодезическим пунктом Докуры (Бородин I) высотой 3,3-3,5 м, диаметром до 60 м. Сам пункт и его окопка сохранились, но без пирамиды (рис. 10; 11; 46°17'35.9"N 29°13'19.8"E).

Второму пункту повезло меньше и обнаружить его не удалось. Судя по советским топографическим картам, в конце 1980-х гг. геодезического пункта Бородин II уже не существовало, а из шести курганов группы у края леса сохранилась одна насыпь высотой около 2 м с абс. отметкой +170,7 м¹⁹. Именно она и была обнаружена в сильно распаханном виде (ныне высота составляет 1,2 м, диаметр около 40-45 м), в 30-50 м к северо-западу от леса и полевой дороги (рис. 12; координаты: 46°16'33.9"N 29°15'09.1"E). Остальные насыпи курганной группы полностью распаханы или же могут находиться в лесу (хотя осмотр его прилегающего участка не дал результатов).

Однако на этом поиски Змеиных холмов не закончились, поскольку директор местного школьного Историко-краеведческого музея и некоторые жители села рассказали об еще одном интересном объекте²⁰. Они называют это урочище Туецким курганом, с которым одни информаторы связывали находки сабли, ядра (или пушки), а иные – место находки самого клада, смутные легенды о сокровищах которого еще живы в с. Бородино.

Прояснить ситуацию удалось путем изучения в том же музее плана села 1940 г. На нем недалеко от западной окраины Бородино показан «Sandhügel» (Песчаный холм) и по-украински, «Tataren Friedhof» (Татарское кладбище) (рис. 13) [Plan 1940], которое вполне могло принадлежать упомянутому аулу Каат [Carte 1781]. Любопытно, что этот природный объект, который «представлял собой старое кладбище», упоминал еще Й. Крэнбринг, расположив этот «достаточно большой холм <...> у ручья к западу от Верхнего села» и сообщив, что «это место также более основательно должен был исследовать профессор фон Штерн» (прил. 2).

19. См. карту Генштаба СССР L-35-71 (М 1: 100 000).

20. Директор музея Л.А. Зверева создала в нем стенд, посвященный Бородинскому кладу, и показала в «Книге посетителей» автограф родственницы Иоханна Шэфера – Кристины Зенкер (урожденной Козел, 1932 г.р.), побывавшей в с. Бородино 6 октября 2016 г.

Рис. 8. Педагогический коллектив народной школы в Бородино, сидят слева направо церковный учитель Йоханн Крээнбринг, госпожа Йоханна Штайнке, Йоханнес Хёгер; стоят слева направо Попеску, Титцэ, Роберт Байер, Негулесеку, около 1925 [Höger 1989, 55].

Fig. 8. The teaching staff of the public school in Borodino, sitting from left to right, church teacher Johann Kräenbring, mrs Johanna Steinke, Johannes Höger; standing from left to right Popescu, Titzä, Robert Bayer, Negulescu, 1925 [Höger 1989, 55].

Хотя, как ясно видно на плане и как вытекает из слов учителя, сами местные немцы не связывали данный холм с Песчаной горой, он также был осмотрен в августе 2019 г. Оказалось, что это естественное образование, а точнее останец нижней части тела той же горы, расположена в пойме р. Сака и представляет собой остров, который омывают два рукава этой речки. Возвышенность сложена из кусков рваного известняка разных размеров в основе и слоя песка, местами перекрытого лесом, гумусированным в своей верней части. Размеры холма около 200x70-80 м при высоте до 7,2 м, но в центральной и северных частях он очень сильно покопан при добыче камня и песка, в том числе сравнительно недавними траншеями от тяжелой землеройной техники (рис. 14; 46°18'12.3"N 29°13'13.4"E).

Что касается Змеиных холмов, то очень похожая на описания очевидцев местность, которая до сих пор занята регулярными посадками леса, находится на склоне правого берега долины р. Сака, примерно в 1,5-3 км на юго-восток от восточной окраины с. Бородино. Она представляет собой песчаные

бугры разных размеров и высоты, местами покрыты кустарниками и травяной растительностью (рис. 15).

Возвращаясь к Песчаной горе, скажем о еще одной археологической находке в том районе. Все тот же Й. Крээнбринг вспоминал, «что много лет назад на той же песчаной горе был найден скелет коня со стременами и прочими элементами сбруи» (прил. 2). Поскольку это погребение позднего кочевника почти наверняка было выявлено в кургане, можно быть уверенными в том, что нашли его в одной из описанных выше могильных насыпей, расположенных на одной из двух вершин Песчаной горы. Искомые Змеиные холмы располагались, по-видимому, в районе северо-западной вершины горы, но ниже по ее склону, примерно на третьей четверти высоты. По сообщениям местных жителей, именно здесь, поблизости от родника, в основном и велась добыча наиболее качественного мелкого песка, а змеи, в основном ужи, обитают там до сих пор. В пользу этого прямо говорят свидетельства о том, что Й. Шэфер вел свои «раскопки» с целью добычи песка, то есть ниже уровня водораздельного плато и соответственно на некотором расстоянии от расположенных на нем курганов (рис. 10; 11).

Рис. 9. Колония Бородино на карте 1828 г. [Karta Bessarabii 1828, fragment].

Fig. 9. Borodino colony on the map of 1828 [Karta Bessarabii 1828, fragment].

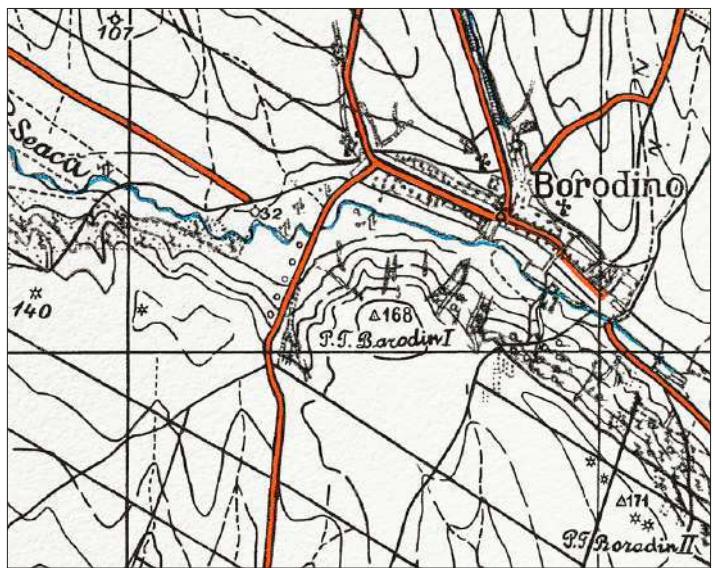

Рис. 10. Село Бородино на карте 1938 г. [Karte 1938, fragment].

Fig. 10. Borodino village on the map of 1938 [Karte 1938, fragment].

Несостоявшиеся раскопки Э.Р. фон Штерна

Упомянем кратко и некоторые факты, связанные с неоднократно упоминавшимся Э.Р. фон Штерном. По всей видимости, ученый предметы клада в руках никогда не держал. Как уже говорилось, в деле ИАК есть расписка о приеме заказного отправления в том, что 14.02.1913 с почтамта Санкт-Петербурга Э.Р. фон Штерну в немецкий г. Галле/Халле был отправлен пакет с «фотографиями [предметов] Бородинского клада Бессарабской губ.» (док. 16). Если принять во внимание, что 4-й Международный конгресс историков прошел в Лондоне 3-9 апреля 1913 г. [Isaevich 2009, 715-716] и учесть время, затраченное на доставку бандероли адресату, то остается только удивляться, как ему удалось в столь сжатые сроки подготовить фундаментальный доклад о Бессарабском (Бородинском) кладе, который позже был опубликован. Кстати, именно в нем Э.Р. фон Штерн высказал мысль о том, что необходимо «скорее приступить к тщательному научному исследованию этого некрополя» [Stern 1914a, 1].

Неизвестные ранее факты отчасти прояснили и эту ситуацию. Оказалось, что мест-

ный пастор Ю. Петерс написал о кладе «своему знакомому ученому в Германию», в результате чего в Бессарабию «был уполномочен приехать известный археолог, профессор фон Штайн, чтобы основательно исследовать песчаную гору» (прил. 2). Без всякого сомнения, что речь шла о Э.Р. фон Штерне, а, следовательно, он знал о находке в Бородино еще в 1912 г. и, возможно, имел описание предметов из клада не только от ИАК. Более того, он попросил своего ученика Б.В. Фармаковского прислать описание места находки и фотографии вещей, а может быть и посодействовать в участии в конгрессе с таким докладом, а также в публикации последнего в сборнике докладов членов ИАК [Stern 1914a].

Международный конгресс исторических наук состоялся в Лондоне 3-9 апреля 1913 г. Его оргкомитет заранее направил соответствующее приглашение в ИАК с предложением организовать и провести «особую секцию русских древностей». 30 января 1913 г. А.А. Бобринской подал в Министерство Двора его императорского величества рапорт о том, что

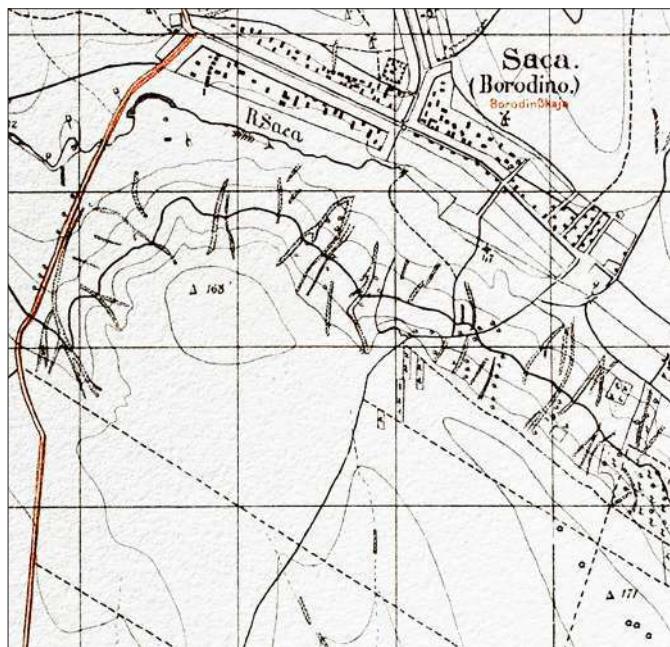

Рис. 11. Окрестности села Бородино на карте 1941 г. [Karte 1941, fragment].

Fig. 11. Neighborhood of Borodino village on the map of 1941 [Karte 1941, fragment].

Рис. 12. Сохранившийся курган могильника Бородино II (вид с юго-востока; фото И. Сапожникова, август 2019).

Fig. 12. The preserved barrow of the burial ground of Borodino II (view from the southeast; photo by I. Sapozhnykov, August 2019).

«участие в занятиях международных съездов вверенной мне Комиссии представляется весьма желательным». В Лондон за государственный счет были отправлены сам председатель ИАК и Б.В. Фармаковский, а Э.Р. фон Штерн к ним присоединился, прибыв из Германии [IAK 2009, 202].

Поскольку весь полевой сезон 1913 г. Э.Р. фон Штерн посвятил раскопкам на острове Березань [Stern 1914b], то к идее раскопок в Бородино он вернулся только весной следующего года. Так, он поделился ей 14.03.1914 в личном письме к Б.В. Фармаковскому, которое было заслушано на заседании ИАК, после чего последовала резолюция «Принять предложение, и благодарить, и просить сказать, какая проф. Штерну нужна сумма» (док. 28).

Далее все шло как по накатанному: сроки работ и сумма в 1000 руб. на их выполнение согласованы (док. 29-31), деньги переведены (док. 32, 33, 35), не позднее конца июня Э.Р. фон Штерна зачислили сверхштатным сотрудником в ИАК (док. 32), «Открытый лист» на его имя (док. 36; рис. 7) и сопроводительное письмо Бессарабскому губернатору (док. 37) выписаны и отправлены. Пастор Ю. Петерс даже договорился с хозяином поместья в соседнем селе Ламбровка о квартире для немецкого профессора (прил. 2).

Однако 29 июля 1914 г. ИАК обратилось в Кабинет Двора с просьбой вернуть деньги,

которые уже лежали в Одесском казначействе (док. 38). Рассматриваемый эпизод и все дело № 223 ИАК завершает справка от 12 сентября о том, что «11 сентября сего года кассою Министерства принято из Главного Казначейства 1000 рублей, оставшиеся невыданными сверхштатному члену ИАК Э.Р. фон Штерну» (док. 39).

Здесь нам остается сказать о том, что Э.Р. фон Штерн планировал в ходе сезона 1914 г. исследовать курганный некрополь на Песчаной горе, и, как оказалось, еще один объект – Песчаный холм или Татарское кладбище. Как сообщил сам археолог, первый объект находился «вблизи места клада», что установил Б.В. Фармаковский [Stern 1914a, 1], но ученый связывал его с самим кладом лишь предположительно (док. 30).

Заметим, что за пределами рассмотренных нами тем лежит целый ряд фактов, содержащихся в письмах Э.Р. фон Штерна и адресованных Б.В. Фармаковскому (док. 28) и В.В. Латышеву (док. 30). Они раскрывают причины несоставившихся в 1914 г. раскопок на о. Березань, освещают некоторые моменты научной жизни археологов того времени (публикации книг и другие рабочие моменты), а также личные взаимоотношения между коллегами и на-

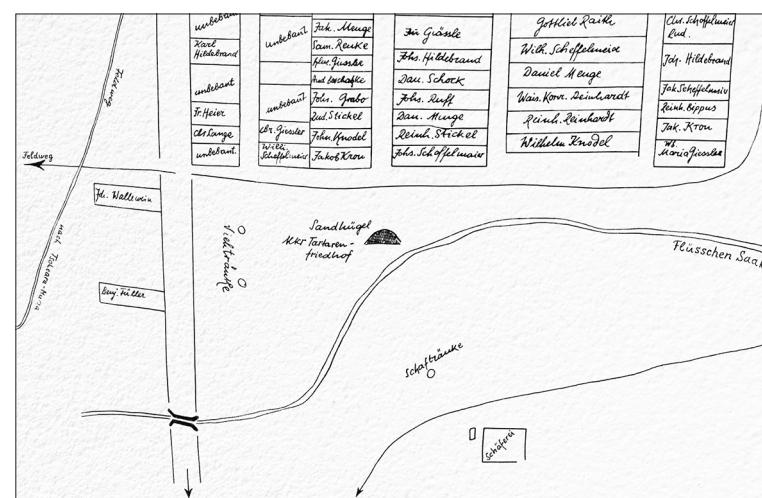

Рис. 13. Юго-западная часть села Бородино в 1940 г. [Plan 1940, fragment].

Fig. 13. The southwestern part of Borodino village in 1940 [Plan 1940, fragment].

Рис. 14. Песчано-известняковый холм-останец Татарское кладбище возле села Бородино (вид с востока; фото И. Сапожникова, август 2019).

Fig. 14. Sand-limestone hill-outlier Tatar cemetery near Borodino village (view from the east; photo by I. Sapozhnykov, August 2019).

Рис. 15. Место находки Бородинского клада – урочище Змеиные холмы к юго-востоку от села Бородино (вид с севера; фото И. Сапожникова, ноябрь 2019).

Fig. 15. The findig place of the Borodino treasure is the natural boundary Snake hills to the southeast of Borodino village (view from the north; photo by I. Sapozhnykov, November 2019).

верняка найдут своего заинтересованного читателя.

Заключение

14 февраля 1912 г. немец-колонист с. Бородино Йоханн Шэфер нашел глиняный сосуд с изделиями из драгоценных металлов и камня. Местный учитель Йоханн Крэнбринг сыграл существенную роль в сохранении этой находки для науки, важными оказались действия проф. Ф.И. Кнауэра, обратившего внимание ИАК на эту находку. Переговоры о передаче ИАК находки за вознаграждение вели: от лица находчиков – управляющий местной общинной лавкой Йоханн Шех, от лица ИАК – член ИАК Б.В. Фармаковский. Первые сведения о находке для широкой публики появились 22 февраля 1912 г. в Одесской газете на немецком языке [Kräenbring

1912]. Просвещенной научной общественности находку впервые представил проф. Э.Р. фон Штерн в апреле 1913 г. в Лондоне на Международном конгрессе исторических наук, а первая научная публикация увидела свет в 1914 г [Stern 1914a].

Найденная возле с. Бородино стала известна и введена в научный оборот в течение двух лет с момента ее обнаружения.

Выявленные и приведенные в статье обстоятельства, особенно неоднократно зафиксированный факт обнаружения всех предметов Бородинского клада в горизонте песка в одном большом глиняном сосуде²¹, полностью опровергают приведенное выше мнение В.А. Сафонова, что «обстоятельства их обнаружения не дают твердых оснований считать их кладом...» [Safronov 1968, 90]. Бородинская находка – это клад, комплекс долгого накопления, о чем по сути и написал В.С. Бочкирев более полувека тому назад [Bochkarev 1968, 154].

Один из соавторов статьи первоначально склонялся к мысли о том, что Бородинское сокровище является кладом, но спрятанным в кургане [Sapozhnikov 2018, 133]. Опубликованные в настоящей статье неизвестные факты, в первую очередь свидетельства учителя И. Крэнбринга (прил. 1, 2), прямо говорят о находке сосуда с артефактами в толще песка, а значит на склонах Песчаной горы (урочище Змеиные холмы), где курганы не зафиксированы, – это правый берег р. Сака, напротив с. Бородино (рис. 15).

21. Заметим, что самый крупный предмет клада (один из серебряных копий: ГИМ, инв. № 54642) имеет длину 34 см. Этот факт позволяет представить себе размеры лепного горшка (как минимум внутренний диаметр горловины), от которого сохранились два фрагмента (ф. 1, оп. 1, д. 223, фото на л. 43) [Shishlina 2019a, ris. 16]. На эти факты обращала внимание О.А. Кривцова-Гракова [Krivtsova-Grakova 1949, 6], которая предположила, что предметы могли находиться не в одном, а в нескольких сосудах. Однако в публикуемых в настоящей статье документах речь идет только об одном глиняном сосуде.

Хотя клад не связан с группой курганов, располагавшейся на вершине прилегающего плато, которую в 1914 г. планировал раскопать Э.Р. фон Штерн, в силе остается его рекомендация о необходимости их раскопок. Правда, от курганного могильника в наши дни сохранилась всего одна насыпь (рис. 12), а ранее в том же районе было найдено позднекочевническое погребение, что значительно уменьшает шансы связать этот могильник с Бородинским кладом.

Завершая статью, напомним мысль А.А. Спицына, что «драгоценный во всех отношениях Бородинский клад заслуживает исключительного внимания. Он должен быть изучаем общими и многими усилиями, пока не будет понят» [Spitsyn 1916, 108]. Незаурядным примером такого рода является увидевшая свет в 2019 г. коллективная монография «Бородинский клад героической эпохи бронзово-

го века. Естественно-научный и исторический контекст» [Shishlina 2019a]. Авторы надеются, что дополнением к этой важной работе станет настоящая статья, в которой рассмотрены иные, значимые аспекты биографии Бородинского (Бессарабского) клада.

Благодарности. Авторы искренне признательны целому ряду людей, которые помогли в сборе материалов и подготовке статьи: В.В. Левчуку и А.А. Палариеву (г. Одесса, Украина) – за организацию поездки в с. Бородино 17-18.08.2019; Л.А. Зверевой (с. Бородино, Украина) – за возможность ознакомления с материалами школьного Историко-краеведческого музея с. Бородино; Л.Г. Белоусовой (г. Одесса, Украина) – за помощь в прочтении документов (г. Одесса, Украина); Ю.С. Москаленко (г. Санкт-Петербург, Россия) – за копирование материалов в Российской национальной библиотеке.

Приложение 1

Одна очень интересная археологическая находка

Бородино, 15-18.02.1912 [Kraenbring 1912] (пер. с нем. яз.)

14 февраля с. г. бородинский фермер Йоханн Шэфер (младший), при сборе песка на Песчаной горе в Бородино обнаружил в подземной пещере большой глиняный сосуд с древним оружием.

1) три разнообразных копья или наконечника копий и еще одна часть (нижняя часть) такого копья. Одно копье, очевидно, сделано из серебра, по крайней мере, из благородного, очень тяжелого металла, длиной 13 дюймов. Второе копье из менее благородного металла, вероятно, из смеси меди и серебра; оно выглядит очень похожим на первое, только немного меньше, 11½ дюймов в длину. Третье копье, вероятно, из того же металла, что и второе, но без расширения; при этом в 2 дюйма длины и шириной в пальц имеет окончание, служащее для крепления рукояти. Это также могло быть и кинжалом, оно выглядит как нож, обоюдоострый, с обеих сторон посередине украшен полосой желтого металла (возможно, золото), длиной 11 дюймов и шириной 1½ дюйма.

2) Четыре разнообразных каменных топора с гладкими и круглыми прорезными отверстиями (наполовину топоры, наполовину молоты, похожие на молоты сегодняшних каменщиков), длиной от 5 ½ до 8 ½ дюймов, изготовленные из очень красивого темно-зеленого гранита или мрамора, искусно обработанные и зеркально гладкие – по краям и вкруговую – отшлифованные.

3) Три белых мраморных шара разных размеров и формы, диаметром 2-3 дюйма, с кокосовидным перфорированным толщиной в пальц отверстием. Два из этих шаров уплощены, один овальный с четырьмя маленькими полусферическими шипами, равноудаленными друг от друга, и с продольно просверленным отверстием. Эти шары в наверняка использовались для утяжеления булав или боевых палиц.

4) Предмет, которому я не могу найти название. Круглый, кажется, серебряный стержень 12½ дюймов в длину и ¼ дюйма в диаметре. На одном его конце прикреплены два треугольных крыла длиной 4½ дюйма и (посередине) шириной 1½ дюйма, украшенных желтыми серпантиновыми металлическими полосами; над крыльями находится округлое навершие с расширением. Нижний конец постепенно сужается.

Каменные топоры, или вернее каменные топоры-молоты, похоже датируются каменным веком, а именно более ранним неолитическим каменным веком [периодом]. Они, как уже упоминалось, со всех сторон очень искусно обработаны и тонко отшлифованы. Первобытные народы тех лет, обрабатывая оружие и орудия труда из камня, нередко доводили их до совершенства. На мой взгляд, эта находка должна

представлять собой для археологической науки раритет высшего порядка.

Й. Крэнбринг, учитель

Приложение 2

**Интересная археологическая находка в Бородино
О событиях 1912-1914 гг. [Kräenbring 1952, 69-71] (пер. с нем. яз.)**

/69/ В 1912-1913 гг., перед самой Первой мировой войной появление в космосе «кометы Галлея» с ее огненным сияющим хвостом привлекло большое внимание и особенно тронуло суеверных людей, которые истолковали такое редкое явление на небосводе как предзнаменование грядущей войны и трудных времен. И хотя это толкование исполнилось буквально, разве не началась бы Первая Мировая война и без явления чудо-звезды «Галлея»?

Тогда же, в один прекрасный день молодому фермеру Йоханнесу Шэферу (сыну Йоханна) в Бородино понадобился воз песка, чтобы рано утром в воскресенье /70/ посыпать дорожку, как это делают все, чтобы придать селу праздничный вид. Напротив центра села, к западу, на горе вблизи «Змеиных холмов» он нашел красивый золотисто-желтый песок и сразу же принялся наполнять свою телегу. Заканчивая эту тяжелую работу, он наткнулся на твердый предмет. Сначала он подумал, что это камень, и, не обращая внимания на него, продолжил выбирать песок вокруг твердого предмета. И тут он заметил, что наткнулся на глиняный горшок. Расчистив его, он подумал, что нашел клад. В радостном волнении он взялся за сосуд, чтобы вынуть его, но тот распался на мелкие куски. Однако разочаровавшийся Шэфер уже рассматривал чудесное содержимое сосуда. Несколько мраморных шаров размером с кулак, с отверстиями в середине диаметром с большой палец; несколько топоров из зеленого камня и другие предметы. Все эти примечательные вещи он аккуратно уложил в песок на телеге и повез домой. Мечта о найденном сокровище исчезла, ведь содержимое горшка он счел ничего не стоящим. Йоханнес жил в «Herregäße» [центре села], рядом со школой и церковью. Сгребив песок, он подумал, что нужно показать вещи учителю и послушать, что он скажет. Он осторожно переложил вещи в хлебный мешочек и принес их ко мне.

Я удивился замечательной находке не менее. Шары были из мрамора различных оттенков, гладко отполированы, украшены звездчатыми выступами, некоторые из них были в употреблении, что было видно по отверстиям, в которые вставлялись деревянные ручки. Их использовали в качестве булавы в бою. Все топоры были из прекрасного камня травянисто-зеленого цвета, гладко отполированы, в середине с отверстием для черенка, заточены двулезвийно к верху и низу, некоторые были в употреблении, некоторые – совершенно новые. Настоящие боевые топоры, кинжал с серебряными рукоятью и пластиной, украшенной золотыми полосками, и серебряный штифт (булавка) длиной и шириной с карандаш, с одного конца несколько толще с ушком, а с другого – тощее, [который] служил, вероятно, нагрудным украшением княжеского героя (татарского хана).

Благодаря этой превосходной находке древнего оружия, многие в Бородино вспомнили, что много лет назад на той же песчаной горе был найден скелет коня со стременами и прочими элементами сбруи, которому, к сожалению, не уделили должного внимания. [А она была] доказательством тому, что много лет назад, когда Бессарабию наполняли своими разбойниччьими набегами скифы и татары, здесь в битве пал княжеский воин-герой. Он был захоронен вместе со своим конем и оружием.

Йоханнес Шех, в то время директор общинной лавки в Бородино, тоже живо заинтересовался находками и написал о них бессарабскому немецкому ученому, у которого была кафедра в Киевском университете, профессору Кнауэрю. Тот незамедлительно ответил, что вещи нужно отправить в Петербург, в Императорский археологический институт. Находки тщательно упаковали и без промедления отослали туда.

Прошло несколько месяцев, и из тогдашней русской столицы пришел ответ, что после тщательного изучения в Императорском археологическом институте, находки оценены в три тысячи рублей золотом, которые будут переданы нашедшему их Йоханнесу Шэферу. На эти деньги он купил пустой двор на окраине Верхнего села¹ [Бородино] и построил симпатичный дом с хозяйственными постройками. Поскольку цены на такую недвижимость быстро выросли, Шэфер выгодно продал свое подворье и уехал в Америку, где вскоре вновь занялся фермерством и обзавелся солидной недвижимостью, к тому же уклонившись от воинской повинности в 1914-1918 гг. Предзнаменование кометы «Галлея» его не коснулось. Вышло так, что ему досталось невероятное сокровище.

Юлиус Петерс, служивший тогда пастором церковного прихода в Клястице [ныне с. Веселая Долина]

1. Часть села, расположенная выше центра, но также на правом берегу р. Арса (рис. 9).

и ответственный за общину Бородино, осмотрев упомянутые военные трофеи каменного века, написал о них своему знакомому ученому в Германию. В ответ на это из Германской империи был уполномочен приехать в Бессарабию известный археолог, профессор фон Штайн [Штерн], чтобы основательно исследовать песчаную гору.

Помимо этой песчаной горы в долине, где жил Шэфер, у ручья к западу от Верхнего села находился достаточно большой холм, на котором по весне играли дети в богообязненных овец. /71/ Было установлено, что этот холм представлял собой старое кладбище. Это место также более основательно должен был исследовать профессор фон Штерн. Летом 1914 г. пастор Петерс уже предоставил квартиру профессору у известного крупного землевладельца Альфреда Хоффманна в его поместье Ламбровка. Все мы с нетерпением ждали приезда ученого. Но словно гром среди ясного неба прозвучало объявление войны, и все планы рухнули.

Также стоит отметить, что на той же горе, приблизительно в двух километрах к югу находился каменный карьер. При работе на нем Йоханнес Циппус (сын Карла) нашел зуб размером с кулак. Когда профессор К. Улиг из Тюбингена² приезжал к нам в 1925 г., Циппус показал ему этот необычайно большой зуб. Ученый живо заинтересовался этой роскошной находкой из пасти огромного допотопного мамонта. Он немедленно сел за стол, взял бумагу и карандаш и сделал точный рисунок зуба в натуральную величину, который увез с собой. Возраст зуба профессор Улиг определил в минимум 20 тыс. лет.

То, что тысячелетиями хранилось за отрогами Карпат на нашей древней Бессарабской родине, достойно внимания!

Йоханн Крэнбринг, учитель на пенсии

Документы

Док. 1. Письмо представителей находчиков клада И. Шеха и И. Крэнбринга Ф.И. Кнауэру.

Бородино, 18 февраля 1912. Получено 26.02.1912. Оригинал. Приложено к док. 2 (на нем. яз.).

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 2, 2 об., 3; рис. 1-3)

Профессору Ф. Кнауэру в Киев [Приписка рукой Ф.И. Кнауэра]

Hochgeehrter Herr Professor!

Bezug nehmend auf Ihre seinerzeit im Akkerman Kreise veranstalteten Ausgrabungen, halten wir es für unsere angenehme Pflicht, Ihnen Nachstehendes mitzuteilen: Dieser Tage fand man in der Kolonie Borodino im Sandberg ein irdenes Gefäß mit einer Kollektion scheinbar uralter Waffen, und zwar: 3 gut erhaltene Lanzenspitzen von verschiedener Form und Größe und aus verschiedenem weißem und gelblichweißem Metall; 4 Steinäxte aus dunkelgrünem Granit oder Marmor, von denen eine etwas plumper gearbeitet und, allem Anschein nach, viel im Gebrauch Gebrauch gewesen, die anderen 3 dagegen sind sehr kunstvoll gearbeitet und spiegelglatt geschliffen und anscheinend gar nicht gebraucht worden; – 3 geschliffene Kugeln 2-3 Zoll im Durchmesser, aus weißem Stein, 1 <<.....>> – tig durchbohrt, 2 abgeplattete und 1 ovale, welch letztere 4 gleich weit entfernte, halbkugelartige Auswüchse hat; ein 12 1/4 Zoll langer und 1/4 Zoll dicker Spieß aus schönem weißen Metall, in dessen obere breite Hälfte Figuren aus gelbem Metall eingelegt sind. Die Form dieses Spießes ist etwa diese: [рисунок булавки] Obiges teilen Ihnen mit, weil wir vermuten, daß dieser Fund für archäologische Forschungen von Bedeutung sein könnte. Gestatten Sie, sehr geehrter Herr Professor, uns nun gefälligst noch eine Frage: Ist man im gegebenen Falle gesetzlich verpflichtet, der Polizei Anzeige zu machen (wir befürchten nämlich, der Fund möchte in unwürdige Hände geraten)? Wenn nicht, werden Sie sich gewiß dieser Sache annehmen; umso mehr, da dieser Fund in Bessarabien, Ihrem Heimatland gemacht worden ist. Durch Ihre gefällige und maßgebende Antwort würden Sie den Finder und uns Ihnen zu großem Dank verpflichten.

Hochachtungsvoll zeichnen ergebenst [подписи] I. Sheh, J. Kräenbring

Профессору Ф. Кнауэру в Киев [Приписка Ф.И. Кнауэра на русском]

Многоуважаемый господин профессор!

Ссылаясь на ваши раскопки в Аккерманском округе, мы считаем своим долгом сообщить следующее. В эти дни в колонии Бородино на Песчаной горе был найден глиняный сосуд с коллекцией, кажется, древнего оружия, а именно: 3 хорошо сохранившихся наконечника копий различной формы и размеров и также разного белого и желтовато-белого металла; 4 каменных топора из темно-зеленого гранита или мрамора, один

2. Карл Людвиг Густав Улиг (Carl Ludwig Gustav Uhlig; 29.08.1872, Heidelberg – 12.09.1938, Tübingen) – доктор наук, профессор географии, исследователь geopolитики Бессарабии и Траяновых валов [Uhlig 1928], который приезжал в Бородино в августе 1925 г. вместе с генералом С. Панайеску [Panaitescu 1926].

из которых был немного сработан и, по-видимому, много использовался, остальные 3 были очень искусно обработаны и отполированы до зеркального блеска и, по-видимому, вообще не использовались; – 3 отполированных шара диаметром 2-3 дюйма из белого камня, <<....>> [неразборчиво] просверленные, 2 приплюснутые и 1 овальный, последний имеет 4 равноотстоящих полусферических выступа; пика длиной 12 1/4 дюйма и толщиной 1/4 дюйма из красивого белого металла, на верхней широкой половине которой нанесены рисунки желтым металлом. Форма этой пики примерно такая: [рисунок – рис. 2]. Вышеизложенное показывает, почему мы предполагаем, что эта находка могла бы иметь значение для археологических исследований.

Позвольте нам, многоуважаемый господин профессор, задать Вам еще один вопрос: «Требуется ли по закону сообщать в полицию (мы опасаемся, что находка хочет попасть в недостойные руки)? Если нет, Вы обязательно позаботитесь об этом; тем более что эта находка была сделана в Бессарабии, на Вашей родине. Вашим приятным и авторитетным ответом Вы обяжете находчика и нас выразить огромную благодарность.

С совершенным почтением [подписи латиницей].

Док. 2. Письмо Ф.И. Кнауэра в Археологическую комиссию.

Киев, Пушкинская 35, 23-го февраля 1912 г. Вход. № 317. Получено адресатом 27 февраля. Оригинал.
(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 1)

Надпечатка красным чернилом: «Заслушано Императорской Археологической Комиссией в заседании»;
Резолюция «Б.Вл.» Б.В. Фармаковского: «Просить доставления вещей».

Прилагая при сем полученное мною вчера письмо, в котором Шех и Креенбринг, немецкие колонисты села Бородина Аккерманского уезда Бессарабской губернии, извещают меня о найденном там кладе археологических предметов с запросом, что им делать, я честь имею покорнейше просить Императорскую Археологическую комиссию обратить внимание на указанную находку и сделать соответствующие распоряжения.

Адресовать в ст.[анцию, почтовую] Клястиц Бессарабской губернии Аккерманского уезда Иог. Шеху в с. Бородине.

Прошу принять уверение в полной моей преданности [подпись и должность].

Док. 3. Письмо Археологической комиссии Иоганну Шеху.

Санкт-Петербург, 05.03.1912. Исх. № 483. Отпуск на бланке.
(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 4, 4об.)

Просьба прислать вещи клада почтой в ИАК.

Док. 4. Письмо находчиков клада в Археологическую комиссию.

Бородино, 27.03.1912. Получено 2.04.1912. Вход. № 487. Оригинал.
(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 5, 5об.)

Надпечатка: «Заслушано Императорской Археологической Комиссией в заседании»;
Резолюция: «Ожидать прибытия вещей».

Прилагая при сем список найденных нами при селе Бородине археологических предметов, честь имеем сообщить Императорской Археологической комиссии, что названные в сем списке предметы высланы ей этой же почтой для рассмотрения и если таковые найдены будут достойными приобретения, покорнейше просим сообщить нам, какое вознаграждение за них назначается нам.

В случае, что Императорская археологическая комиссия не желает приобрести эти предметы, то покорнейше просим не отказать и возвратить их нам по почте.

С совершенным почтением, Иоган Шефер, Эмиль Шефер, Иоганнес Гейн [собственноручные подписи].

Док. 5. «Список найденных 14-го февраля 1912 года археологических предметов поселянами села Бородина: Иоган Иоганнов Шефер, Эмиль Иоганнов Шефер, Иоганнес Яковов Гейн»

Приложение к док. 3. Оригинал.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 6)

3 каменных молотка, искусственношлифованные, зеленого цвета.

1 каменный молоток, иступивший[ся], с обтертым глянцем.

3 куска от такого же молотка.

3 острия для копий белого и желтого металла.

1 предмет, название которого нам неизвестно, белого металла.

1 ушко, вероятно, от такого же острия как вышеозначенные.

3 каменн.[ых] шара.

Значащиеся по сей описи древние предметы в Комиссии принятые и по установлен. кн. зап. в ст.[олбец]. № 157 [подпись неразб.].

Делопроизводитель Комиссии И.С. Сутуло [подпись].

Док. 6. Письмо Й. Шэха и Й. Крэнбринга в Археологическую комиссию.

Бородино, 29.03.1912. Получено 03.04.1912. Вход. № 497. Оригинал.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 7, 7об.)

Выражают надежду на справедливую оценку клада и просят прислать им «краткий историко-научный обзор» предметов клада.

Док. 7. Письмо Археологической комиссии находчикам клада.

Санкт-Петербург, 10.04.1912. Исх. № 757. Отпуск на бланке.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 8, 8об.)

гг. Иогану Шеферу, Эмилю Шеферу и Иоганнесу Гейну

Присланные Вами при письме от 29 марта 1912 года каменные и металлические предметы старины, найденные у с. Бородина, в Императорской Археологической комиссии получены. Вещи эти относятся к весьма древней эпохе и представляют для Комиссии несомненный научный интерес. Посему Комиссия признала желательным приобрести эти вещи для правительственного музея и обращается к Вам с просьбой сообщить ей, желают ли находчики указать стоимость этих вещей, или они предпочтут предоставить Археологической Комиссии оценить находку и определить полагающееся находчикам вознаграждение.

Подпись Председатель Комиссии,

Гофмейстер Двора Его Величества Гр. А. Бобринской [подпись отсутствует]

Скрепил: Делопроизводитель И.С. Сутуло [подпись].

Док. 8. Письмо находчиков клада в Археологическую комиссию.

Бородино, 21.04.1912. Получено 27.04.1912. Вход. № 657. Оригинал.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 9, 9об.)

Надпечатка: «Заслушано Императорской Археологической комиссией в заседании»;

Резолюции: «29 апреля. К докладу», «Признали сумму непомерной, но о степени разрешения вопроса о покупке до принятия на месте члена Комиссии».

Подтверждая получение письма почтеннейшей Императорской Археологической комиссии от 10 апреля с.[его] г.[ода] за № 757, честь имеем сообщить, что найденные археологические предметы, которые имели удовольствие дослать ей 28 марта с.г. для рассмотрения, в виду древности таковых, оценки в пять тысяч руб. (5000 руб.), за какую сумму и согласны уступить их Императорской Археологической комиссии. С высокопочтением Иоган Шефер, Эмиль Шефер, Иоганнес Гейн [собственноручные подписи].

Док. 9. Письмо Археологической комиссии находчикам клада.

Санкт-Петербург, 07.05.1912. Исх. № 985. Отпуск на бланке.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 10, 10об.)

Сообщается о решении ИАК отложить оценку клада до получения заключения члена Комиссии Б.В. Фармаковского, написанного на основании его осмотра места находки клада в течение лета 1912 г.

Док. 10. Письмо находчиков клада в Археологическую комиссию.

Бородино, 29.08.1912. Получено 04.09.1912. Вход. № 1301. Оригинал.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 11, 11об.)

Резолюция: «Б. Вл.» Борису Владимировичу Фармаковскому, ниже повторена карандашом «Дело послано Борису Владимировичу».

По поручении члена Императорской Археологической комиссии, господина Фармаковского, при сим имеем честь препроводить (к дополнению досланным в Императорскую Археологическую комиссию предметам древностей, найденным при селе Бородине) еще:

1) Обломок горшка, в котором хранились названные предметы.

2) Две металлические пластиинки, которые находились в ушках копий.

С высокопочтением, за находчиков И. Шех [подпись].

Док. 11. Письмо Археологической комиссии находчикам клада.

Санкт-Петербург, 09.10.1912. Исх. № 1994. Отпуск на бланке.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 12)

Сообщается о получении второй части предметов клада и о том, что его оценка «будет произведена в непродолжительном времени».

Док. 12. Письмо находчиков клада в Археологическую комиссию.

Бородино, 30.09.1912. Получено 06.10.1912. Вход. № 1436. Оригинал.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 13)

Авторы письма спрашивают, когда будет выполнена оценка клада и получили ли в Комиссии вещи, отправленные почтой И. Шехом 30 августа.

Док. 13. Письмо Археологической комиссии находчикам клада.

Санкт-Петербург, 12.11.1912. Исх. № 2200. Отпуск на бланке.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 14, 14об.)

Сообщается о назначении вознаграждения за передачу клада в сумме 3000 руб.

Док. 14. Письмо находчиков клада в Археологическую комиссию.

Бородино, 22.10.1912. Получено 27.10.1912. Вход. № 1706. Оригинал.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 15, 15об.)

Находчики согласились с размерами оценки вознаграждения и выразили благодарность Комиссии.

Док. 15. Письмо находчиков клада в Археологическую комиссию.

Бородино, 25.01.1913. Получено 06.02.1913. Вход. № 156. Оригинал.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 16)

Находчики просят ускорить выплату вознаграждения.

Док. 16. Расписка в приеме заказного отправления.

Почтamt Санкт-Петербурга, 14.02.1913 г.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 14а)

На расписке адрес: «г. Галле» (на латинице) и подпись «Э.Р. ф. Штерну фотографии Бородинского клада Бессарабской губ.».

Док. 17. Письмо Археологической комиссии находчикам клада.

Санкт-Петербург, 15.02.1913. Исх. № 364. Отпуск.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 17)

Сообщается о выделении Комиссии требуемой суммы и скором переводе его адресатам.

Док. 18. Личное письмо директора Музея изящных искусств имени императора Александра III при Московском университете И.В. Цветаева члену ИАК Б.В. Фармаковскому

Москва, 11.03.1913. Оригинал.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 18, 19)

Глубокоуважаемый Борис Владимирович!

Министр Нар.[одного] Просвящения прислал в наш музей бумагу с предложением принять меры к перевозке Бессарабского клада из Имп. Археологической комиссии в Москву. Я доложу Правлению Университета о своем намерении просить Комиссию о передаче мне этого клада около 18–22 числа сего марта, в мою бытию в Петербург. В эти числа я должен быть там на заседании Имп. Академии художеств.

Я не знаю, можно ли, в эти дни получить мне вещи этого клада. С Б.А. Тураевым мы говорили о его размерах. Насколько мы припомнили, всего в нем, кажется, не более 20. Если каждую из них обложить ватой, то ящик будет небольшой. Обивши его веревкой, его будет удобно взять с собою в вагон. Будьте

добры спросить графа А.А. Бобринского, возможно ли мне получить, по списку, эти вещи, и если препятствий к этому не будет, то не будете ли милостивы заказать в Комиссии ящик, потребный для этой цели. За ящик, упаковочный материал и труд упаковки, и равно и за копию списка вещей, я уплачу. Пожалуйста.

Пробывать в Петербурге мне придется, по делам, дня 4, с 18 по 22-е. В последний день пребывания я и взял бы этот клад.

Князь Н.С. Щербатов на меня сутр [неразб.], почему этот клад не поступил в его Исторический музей. Он-де найден на Русской территории, потому и настоящее место ему в Русском Историческом музее. Я его утешаю тем, что Полтавский клад 1912 года найден также на Русской территории, поэтому он просил бы его себе³. Не убеждается он этим доводом.

Преданный Вам [подпись].

Док. 19. Письмо Археологической комиссии находчикам клада.

Санкт-Петербург, 25.03.1913. Исх. № 574. Отпуск на бланке.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 20)

Комиссия просит выслать доверенность с указанием одного лица для получения денег.

Док. 20. Заявление находчиков клада Археологической комиссии.

Бородино, 27.03.1913. Получено 01.04.1913. Вход. № 435. Оригинал.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 22, 22 об.; рис. 5)

На документе резолюции: «К ассигновке № 120», «К исполн.», «18 предметов древности осмотрены. По книге заприходованы 24.04.1913» подпись неразборчиво.

Вследствие отношения Императорской Археологической комиссии от 21 марта 1913 г. за № 574 просим Комиссию, причитающееся нам вознаграждение в размере трех тысяч рублей, за найденный в с. Бородино, Аккерманского уезда клад, перевести по почте на имя деньги Иоганна Иоганнова Шефера по адресу: в с. Бородино Аккерманского уезда Бессарабской губернии, почтовая станция Клястиц.

Подписали собственноручно: Иоганн Шефер, Эмиль Шефер, Иоганнес Гейн

Подписи заверены в тот же день старшиной Клястицкого волостного правления с приложением печати.

Док. 21. Ассигновка на имя И. Шефера.

Санкт-Петербург, 18.04.1913. № 120/749. Отпуск на бланке.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 23)

О выдаче из Кассы Министерства Императорского Двора 3000 рублей вознаграждения Иоганну Шеферу, что с оплатой перевода по почте составило 2992 руб. 50 коп.

Подписал: Председатель Комиссии [подпись гр. А. Бобринской]

Скрепил:

Верно: Делопроизводитель [подпись И.С. Сутулло].

Док. 22. Письмо находчиков клада в Археологическую комиссию.

Бородино, 28.04.1913. Дата получения не указана. Вход. № 622. Оригинал.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 21, 21об.)

Сообщается об отправке Комиссии доверенности 27.04.1913.

Док. 23. Расписка находчиков клада в Археологическую комиссию.

Бородино, 18.05.1913. Получено 04.06.1913. Вход. № 804. Оригинал.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 24, 24об.)

Резолюция: «4 июня. К делу. Б.», рука Б.В. Фармаковского.

Порядка ради имеем сообщить, что назначенное нам Императорской Археологической комиссией вознаграждение за найденный нами при сел. Бородине Бесс. губ., Аккерманского уезда клад, нами получено 7-го с.м. [сего месяца] за вычетом 7 руб. 50 коп. пересыпочных. Принося почтеннейшей Императорской Археологической комиссии нашу глубочайшую благодарность за благосклонное отношение к нам пребываем.

С высокопочтением Иоганн Шефер, Эмиль Шефер, Иоганнес Гейн [собственноручные подписи].

3. Имеется в виду Перещепинский клад, всегда хранившийся в Эрмитаже [Bobrinskoi 1914].

Док. 24. Сопроводительное письмо ИАК в Музей Изящных искусств при Московском университете.

Санкт-Петербург, 12.12.1913. Исход. № 2496. Отпуск на бланке.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 25; рис. 6)

Императорская Археологическая комиссия, препровождая при сем для коллекции музея, по приложенной описи, древние предметы, найденные в 1912 г. близ с. Бородино Аккерманского у. Бессарабской губ., имеет честь покорнейше просить о получении их не оставить Комиссию уведомлением.

Подписано:

Товарищ председателя Комиссии В. Латышев [подпись отсутствует]

Скрепил и верно:

Делопроизводитель [подпись] И.С. Сутулло.

Док. 25. «Перечневая опись предметам древностей, найденным в 1912 г. близ с. Бородина Аккерманского уезда Бессарабской губ.»

Прил. к док. 10. Отпуск на бланке.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 26)

Большая серебрянная булавка – 1

Два серебряных наконечника копий – 2

Серебряный кинжал – 1

Втулка серебряного копья – 1

Черепок глиняного горшка – 1

Два обломочка какого-то медного предмета – 2

Четыре каменных топора – 4

Три обломка каменного топора – 3

Три каменных наконечника от булав – 3 [итого 18]

Верно: Делопроизводитель [подпись] И.С. Сутулло.

Док. 26. Письмо ИАК в Канцелярию Министерства Императорского двора.

Санкт-Петербург, 23.12.1913. Исход. № 2559. Отпуск на бланке. С пометкой «срочно».

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 28, 28об.)

Сообщается, что «Бессарабский клад предметов бронзового века», переданный в Музей изящных искусств им. Александра III, еще не представлялся на высочайшее обозрение. Это будет сделано в 1914 г.

Док. 27. Письмо Музея Изящных искусств в ИАК.

Москва, 04.02.1914. Исход. № 54. Получено 07.02.1914. Вход. № 210. Оригинал.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 27)

Сообщается о получении 18 предметов клада. Подписал: засл. проф. В.К. Мальмберг.

Док. 28. Письмо Э.Р. фон Штерна члену ИАК Б.В. Фармаковскому.

14.03.1914. Оригинал.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 38, 38об.)

Надпечатка: «Заслушано Императорской Археологической комиссией в заседании»;

Резолюция: «Принять предложение, и благодарить и просить сказать какая проф. Штерну нужна сумма. Г.».

Дорогой Борис Владимирович!

Ваше письмо со списком Ваших трудов получил, сердечное спасибо, также за письмо. Что касается раскопок, то я Вам очень благодарен за ваше уверение, что клевета не подействовала на Комиссию, но я этого убеждения, что именно в этом году в виду инцидента инициатива должна была бы исходить от Комиссии, а не от меня.

Вы спрашиваете, почему я говорил о Бессарабии, а не о Березани? Я конечно того мнения, что на Березани следует продолжить работать; но как я это подробно изложил и мотивировал в отчете, представленном в Комиссию, то продолжение мыслимо только, если сняты будут рельсовые пути, которыми покрыт теперь остров, и убраны те склады материалов, которые находятся как раз на месте, которое подлежит дальнейшему исследованию. В прошлом году раскопы А и В мною доведены до границы рельсы; далее продолжать там работу имеет смысл лишь когда эти рельсы могут быть удалены. Так как в Очакове мне

говорили, что в этом году предстоят новые работы по укреплению, то эти рельсы, по которым доставляются материалы с пристани, снять нельзя будет и поэтому в этом году едва ли стоит работать на Березани.

К тому прибавляется, что в этом году Арх.[еологический] съезд до 6 августа в Пскове⁴; пока графиня жива⁵ мне трудно не поехать туда, а после 6, т.е. [то есть] около 10 августа, начать на Березани поздно; в конце августа всегда начинаются шторма и сообщение с островом прервано.

Ввиду этих соображений я и заговорил о Бессарабии, где до середины сентября отлично можно работать. Но, как я уже говорил, я сам в этом году не решаюсь и не считаю корректным предложить свои услуги.

Заметку о березанских раскопках я Вам для Aureigu'a [название журнала] напишу и отправлю в течение этого месяца в Петербург. Прошу Вас иметь в виду, что у меня еще нет 49 выпуска Известий [ИАК]. Пишу теперь текст для издания акварельных ваз. В каком положении вопрос о таблице из Риги? Читал на днях, что государь был в Комиссии и что М.И. Ростовцев преподнес ему свое исследование о гробницах и их росписи⁶. Так как мне очень важно для текста своего издания иметь книгу Ростовцева, то покорнейше прошу распорядиться о высылке мне этого издания, которое, конечно, судя по газетам, вышло уже и готово.

Всего лучшего! Жму вашу руку, преданный Вам, Э. фон Штерн [подпись].

Док. 29. Письмо ИАК Э.Р. фон Штерну.

Санкт-Петербург, 15.04.1914. Исх № 821. Отпуск на бланке.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 35, 35об.)

М[илостивый] Г[осударь] Эрнест Романович!

Под штампом приписка другой рукой: «Его Пре.[восходительству] Э.Р. фон-Штерну».

И[мператорская] А[рхеологическая] Комиссия, осведомившись из доклада члена ее Б.В. Фармаковского, что Вы могли бы принять на себя летом или осенью этого года исследование в археологическом отношении окрестностей с. Бородино Бессарабской губ., с благодарностью принимает Ваше предложение.

Что касается отпуска потребных на Ваши раскопки средств, то Комиссия имеет честь покорнейше просить Вас уведомить ее, какую сумму Вы предполагали бы необходимым иметь в своем распоряжении для производства исследований в указанном месте.

Подписано: [подпись отсутствует] В. Латышев

Верно: Делопроизводитель [подпись] И.С. Сутулло.

Док. 30. Письмо Э.Р. фон Штерна товарищу председателя ИАК В.В. Латышеву.

Не датировано. Оригинал.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 39, 39об., 40)

Многоуважаемый Василий Васильевич!

На днях я получил 49 и 50 выпуск Известий [ИАК] и капитальное исследование М.И. Ростовцева; очень благодарен Комиссии за присылку. Высказанную Михаилом Ивановичем в предисловии надежду, что скоро появится издание акварельных ваз, можно в ближайшем будущем осуществить. Работа моя по большей части готова и я надеюсь, что осенью могу передать Вам всю рукопись для печати; она будет больше, чем я первоначально предполагал, а все же не достигнет и пятой части труда Ростовцева. Не достает мне еще одна таблица – рисунок вазы из Риги; в каком положении вопрос об ее изготовлении?

Я в этом году не обращался в Комиссию относительно продолжения раскопок на Березани по трем причинам: 1) Я не знал, угодно ли Комиссии, чтобы продолжать раскопки на Березани после прошлогодней истории с «Новым временем»; 2) Копать на Березани по предначертанному плану успешно можно только в том случае, если разрешиться снять рельсовые пути, которые теперь покрывают, как сеть, остров, и я не знаю, желательно ли Комиссии по этому вопросу вступить в переговоры с Военным ведомством или предпочитает ли она обождать, пока работы по сооружению построек для пробной стрельбы будут закончены; и в 3) Я мог бы в этом году, в виду археол. Съезда начать работу лишь с 10 августа: и так как в конце августа вновь бывают сильные шторма на Черном море, и сообщение с островом тогда весьма за-

4. Здесь и далее имеется в виду XVI Археологический съезд во Пскове, который не состоялся из-за начала Первой мировой войны.

5. Речь идет о П.С. Уваровой (урожд. княгиня Щербатова; 1849-1924), которой на момент написания письма было 74 года.

6. Речь идет о двухтомном издании «Античная декоративная живопись на Юге России» [Rostovtsev 1913-1914].

труднительно, то останется слишком мало времени для работы на Березани.

Но с 10 августа до 10 сентября я мог бы предложить Комиссии свои услуги, если у Кологмана [?] под №1 препятствия для Комиссии не существует. Я думаю, что важно было бы исследовать курганчики, находящиеся около Бородино в Бессарабии, я полагаю, что в месячный срок можно эту работу окончить, а если даже нет, то в этом не усмотрел бы беды. Если колонисты до сих пор, несмотря на замечательную находку, не трогали тех курганчиков, то они их оставят в покое, когда часть их [будет] исследована; ручаться, что эти курганы относятся ко времени этой блестящей находки конечно нельзя, но для успокоения совести все-таки не следовало бы их оставлять без внимания и пробные раскопки могли бы в этом отношении выяснить и разрешить важный вопрос.

Итак, если этот вопрос у Комиссии на очереди, если довольно имеется в этом году свободные на это средства и, наконец, если Комиссии угодно пользоваться моими услугами, то я со своей стороны, готов работать смотря по надобности с двух недель до месяца в Бессарабии над выяснением вопроса, имеют ли эти курганчики отношение к находке или нет.

Прошу принять выражение искренней преданности Вашего покорного [слуги] Э. фон Штерна [подпись].

Док. 31. Письмо Э.Р. фон Штерна в ИАК.

Галле/Халле, Германия⁷, 04.05.1914. Вход. № 684. Оригинал.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 41, 41об., 42, 42об.)

Надпечатка красным чернилом: «Заслушано Императорской Археологической комиссией в заседании». 14 мая К испол[нению]. К докл[аду].

В Императорскую Археологическую Комиссию

Получив предложение Император. Арх. Комиссии от 15 апреля за № 851, имею честь выразить Комиссии искреннюю благодарность за лестное для меня поручение заняться летом текущего года раскопками в окрестностях села Бородино, Бессарабской губернии.

Так как я лично ни с местностью, ни с условиями, при которых там придется работать, пока не знаком, то довольно трудно с точностию определить сумму, которую необходимо иметь в распоряжение для производства исследований в указанном месте. Но имея в виду, что проезд для меня и необходимого персонала надсмотрщиков, а также провозка инструментов и т.д. стоит не мало, что рабочие руки в колонии, которая живет земледелием, в нынешние времена стали дороги, и что наконец было бы весьма обидно, в случае усиленного хода исследования прекратить его заранее за неимением средств, я попросил бы представить в мое распоряжение не менее одной тысячи рублей.

Если, вопреки ожидания, пробные раскопки покажут, что на интересные в научном отношении результаты нельзя рассчитывать, то я конечно не истрачу всей этой суммы, а возвращу остаток; но на всякий случай мне казалось бы весьма желательным иметь возможность располагать такой суммой, чтобы не быть вынужденным прекратить преждевременно работу, если она даст ожидаемые ценные результаты.

Одновременно прошу известить Бессарабского губернатора и местных властей о данном мне поручении и отправить открытый лист и ассигновку на отпущеные средства в Одесу в Импер. Одесское Общество Истории и Древностей с таким расчетом, чтобы я в первых числах августа мог получить там все необходимые бумаги.

С выражением совершенного почтения и искренней преданности, Э. фон Штерн [дата подпись]

Док. 32. Отношение ИАК в Кабинет Его Императорского величества.

Санкт-Петербург, 26.06.1914. Исх. № 1477/239. Отпуск на бланке.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 30)

Просьба распорядиться о переводе в Одесское казначейство 1000 руб. для выдачи их сверхштатному сотруднику ИАК Э.Р. фон Штерну.

Док. 33. Отношение Хозяйственного отдела Кабинета Его Императорского величества в ИАК.

Санкт-Петербург, 09.07.1914. Исх. № 10643. Ответ на вход. № 1477. Получено 11.07.1914. Вход №1195.

Оригинал на бланке.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 34)

Хозяйственный отдел Кабинета Его Императорского величества уведомляет о последовавшем по тре-

7. С 1911 г. Э.Р. фон Штерн работал в Германии в университете города Галле/Халле. В 1912-1913 гг. он приезжал в Россию для ведения раскопок Тирсы-Аккермана [Stern 1913] и на острове Березань [Stern 1914b].

бованию Кабинета его Императорского величества от 2 июля 1914 г. за № 10191, отосланному Главным казначейством в Херсонскую казенную палату 4 июля 1914 г. за № 16926, переводе 1000 руб. 00 коп.; для отпуска этой суммы из Одесского Казначейства сверхштатному члену Комиссии Э.Р. фон Штерну, присо-купляя, что об отнесении означенного расхода на § 2 ст. 1 сметы Комиссии 1914 г. вместе с этим, сообщено Контролю Министерства Императорского двора.

За заведующего Хозяйственного отдела Кабинета его величества и

За Бухгалтера [подписи неразборчиво].

Док. 34. Отношение канцелярии ИАК к канцелярии Одесского общества истории и древностей.

Санкт-Петербург, 25.07.1914. Исх. № 1681. Отпуск.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 29)

Канцелярия Имп. Археологической Комиссии, по распоряжению г. Председателя Комиссии и. ч. [и членов – ?] покорнейше просит Канцелярию Имп. Одесского общества истории и древностей о возвращении в Комиссию пакета [два слова из 5 букв неразборчиво; содержащего – ? документы] № 1478 и 1479, адресованного в Общество на имя г.[осподина] Э.Р. фон Штерна.

Подписал и верно: Делопроизводитель [подпись] И.С. Сутулло.

Док. 35. Удостоверение ИАК на имя Э.Р. фон Штерна.

Санкт-Петербург, 26.07.1914. №1478. Отпуск на бланке.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 31)

Дано от Императорской Археологической Комиссии г. сверхштатному члену ее, профессору, действительному статскому советнику, Э.Р. фон Штерну на получение из Одесского казначейства тысячи рублей, переведенных туда Кабинетом его величества через Главное Казначейство.

Подписал: Председатель Комиссии, Гофмейстер Двора Его Величества
[подпись отсутствует] гр. А. Бобринской

Скрепил и верно: Делопроизводитель [подпись] И.С. Сутулло.

Док. 36. Открытый лист на имя Э.Р. фон Штерна.

Санкт-Петербург, 26.07.1914. Исх. № 1479. Отпуск на бланке.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 32, 32 об.; рис. 7)

Открытый лист на 1914 год

Выдан этот лист сверхштатному члену ее, действительному статскому советнику, профессору Эрнесту Романовичу фон Штерну Императорской Археологической Комиссией на право производства археологических раскопок в течение 1914 года на землях казенных, общественных и принадлежащих разным установлением в пределах окрестностей села Бородина, Бессарабской губернии с обязательством доставить в Комиссию отчет или дневник по произведенным раскопкам, а также при особой описи всех находок, наиболее ценные и интересные из найденных предметов для представления их на высочайшее государя императора воззрение.

Председатель Комиссии, Гофмейстер Двора Его Величества,

Член Государственного Совета [подпись отсутствует] Гр. А. Бобринской

Скрепил и верно: Делопроизводитель [подпись] И.С. Сутулло

Лист этот действителен на один год и, по миновании надобности, должен быть представлен обратно в Комиссию.

[на обороте стандартный текст, напечатанный на всех листах того времени].

Док. 37. Уведомление ИАК Бессарабскому губернатору.

Санкт-Петербург, 26.07.1914. Исх. № 1480. Отпуск на бланке.

(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 33)

Императорская Археологическая Комиссия, руководствуясь высочайшим повелением от 11 марта 1889 года, выдала сверхштатному сотруднику Императорской Археологической Комиссии Э.Р. фон Штерну открытый лист на право производства археологических раскопок в текущем году на землях казенных, принадлежащих разным установлениям и общественных в пределах окрестностей села Бородина вверенной Вам губернии и имеет честь уведомить о сем Ваше сиятельство для извещения об этом местных полицейских властей.

Председатель Комиссии, Гофмейстер Двора Его Величества
[подпись отсутствует] Гр. А. Бобринской
Скрепил и верно: Делопроизводитель [подпись] И.С. Сутулло.

Док. 38. *Отношение канцелярии ИАК в Кабинет Двора Его Императорского величества.*
Санкт-Петербург, 29.07.1914. Исх. № 1686. Отпуск.
(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 36)

О необходимости возвращения из Одесского казначейства на счет Министерства Императорского двора 1000 руб., выделенных ранее на исследования сверхштатному сотруднику ИАК Э.Р. фон Штерну.

Док. 39. *Справка Бухгалтерского отдела Министерства Императорского двора.*
Санкт-Петербург, 12.09.1914. Исх. № 1681. Оригинал.
(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, д. 223, л. 37)

11 сентября сего года кассою Министерства принято из Главного Казначейства 1000 рублей, оставшиеся невыданными сверхштатному члену Императорской Археологической Комиссии Э.Р. фон Штерну.

Означенная сумма записана на приход в общие средства Министерства на восстановление кредита по § 2 ст. 1 сметы Императорской Археологической Комиссии.

Старший бухгалтер [подпись неразборчиво]

Библиография

Arkheologicheskaiia khronika 1913: Arkheologicheskaiia khronika (za 1-iu pol. 1913 g.). II. Muzei i arkhivy. Izvestiia IAK 1913. Pribavlenie k vypusku 50: [Khronika i bibliografija 24] (Sankt-Petersburg 1913), 82-94 // Археологическая хроника (за 1-ю пол. 1913 г.). II. Музеи и архивы. Известия ИАК 1913. Прибавление к выпуску 50: [Хроника и библиография 24] (Санкт-Петербург 1913), 82-94.

Bobrinskoi 1914: A.A. Bobrinskoi, Pereshchepinskii klad. In: Materialy po arkheologii Rossii, izdavaemye Imperatorskoi arkheologicheskoi komissiei 34: Doklady, chitannye na Londonskom mezhdunarodnom kongresse istorikov v marte 1913 g. (Sankt-Petersburg 1914), 111-120 // А.А. Бобринской, Перещепинский клад. В: Материалы по археологии России, издаваемые Императорской археологической комиссией 34: Доклады, читанные на Лондонском международном конгрессе историков в марте 1913 г. (Санкт-Петербург 1914), 111-120.

Bochkarev 1968: V.S. Bochkarev, Problema Borodinskogo klada. In: (red. M.I. Artamonov, L.S. Klein) Problemy arkheologii 1: Absoliutnaia khronologija eneolita i bronzovogo veka Vostochnoi Evropy (Iugo-Zapad SSSR) (Leningrad 1968), 129-154 // В.С. Бочкирев, Проблема Бородинского клада. В: (ред. М.И. Артамонов, Л.С. Клейн) Проблемы археологии 1: Абсолютная хронология энеолита и бронзового века Восточной Европы (Юго-Запад СССР) (Ленинград 1968), 129-154.

Carte 1781: Carte de la Moldavie pour servir à l'Histoire militaire de la guerre entre les Russes et les Turcs. Levée par l'Etat Major sous la direction de F: G: de Bawr Marechal Général de logis, Lieutenant Geñ: des Armées de S:M:Imp: de toutes les Russies... [Amsterdam 1781] (M: 10 verst v diuime, 1: 420 000).

Cherednichenko 1977: M.M. Cherednichenko, Khronologija zrubnoi kul'turi Pivnichnogo Prichernomor'ja. Arkheologija 22, 1977, 3-21 // М.М. Чередниченко, Хронология зрубной культуры Північного Причорномор'я. Археология 22, 1977, 3-21.

Höger 1989: E. Höger, 175 Jahre Borodino, 1814 bis 1989: ein Bildband, Borodino und Neu-Borodino (Bessarabien) (Horb am Neckar 1989).

IAK 2009: Imperatorskaia Arkheologicheskaiia Komissia (1859-1917): K 150-letiu so dnia osnovaniia. U istokov otechestvennoi arkheologii i okhrany kul'turnogo naslediia (red. A.E. Musin) (Sankt-Petersburg 2009) // Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия (ред. А.Е. Мусин) (Санкт-Петербург 2009).

Isaevich 2009: Ia.D. Isaevich, Mizhnarodni kongresi istorikiv (istorichnikh nauk). In: Entziklopediya istoriij Ukrayini 6 (Kyiv 2009), 714-726 // Я.Д. Ісаєвич, Міжнародні конгреси істориків (історичних наук). В: Енциклопедія історії України 6 (Київ 2009), 714-726.

Kaiser 1997: E. Kaiser, Der Hort von Borodino. Kritische Anmerkungen zu einem berühmten bronzezeitlichen Schatzfund aus dem nordwestlichen Schwarzmeergebiet. UPA 44 (Bonn 1997).

Kaiser 2018: E. Kaiser, The absolute dating of exceptional finds. The Borodino hoard as a case study. In: (Ed.-in-Chief M.T. Kashuba, E. Kaiser) Principles and Methods of Dating in Archaeology (Neolithic – Middle Ages) (Sankt-Petersburg 2018), 124–140 (in English and Russian).

Kashuba, Sapozhnikov 2019: M.T. Kashuba, I.V. Sapozhnikov, Fakty biograii F.I. Knauera iz arkhiva Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii. Arkheologicheskie vesti 25, 2019, 291–300 // М.Т. Кашуба, И.В. Сапожников, Факты биографии Ф.И. Кнауэра из архива Императорской археологической комиссии. Археологические вести 25, 2019, 291–300.

Karta Bessarabii 1828: Karta Bessarabii, sobstvenno tak nazyvaemoi ili Budzhaka, predstavliaiushchaia 1-e: zemli, otmezhevannye pod vygon k gorodam i k solianym ozeram, a tarzhe otvedennye dla kazennykh selenii, nemetskikh i zadunaiskikh kolonii; 2-e: uchastki naselennykh zemel', prinadlizhashchikh kazne; 3-e: pustoporozhnie zemli, Vs-emilostiveishe pozhalovанныe chastnym litsam; 4-e: vladeniia, prinadlezhashchie dukhovenstvu; 5-e: zemli spornye s kaznoiu. Sostavlena s 1822 po 1828 g. Rukop. v tsvete, M : 5 verst v diuime, 92x176 sm (Rukopisnyi otdel Rossiiskoi Natsional'noi biblioteki, f. 342, d. no. 447) // Карта Бессарабии, собственно так называемой или Буджака, представляющая 1-е: земли отмежеванные под выгон к городам и к соляным озерам, а также отведенные для казенных селений, немецких и задунайских колоний; 2-е: участки населенных земель, принадлежащих казне; 3-е: пустопорожние земли, Всемилостивейше пожалованные частным лицам; 4-е: владения, принадлежащие духовенству; 5-е: земли спорные с казною. Составлена с 1822 по 1828 г. Рукоп. в цвете, М : 5 верст в дюйме, 92×176 см (Рукописный отдел Российской национальной библиотеки, ф. 342, д. № 447).

Karte 1938: Karte „Rumänien“ 1938. (M 1:100 000); Blatt Nr. 5565 „Comrat“.

Karte 1941: Karte „Russland – Bessarabien“ 1941. (M 1:25 000); Blatt Nr. 5865 „Borodino (Saca)“.

Ketraru 2005: N.A. Ketraru, Ocherki istorii arkheologii Moldovy. 1715–1945 (Kishinev 2005) // Н.А. Кетрару, Очерки истории археологии Молдовы. 1715–1945 (Кишинев 2005).

Kräenbring 1912: J. Kräenbring, Ein sehr interessanter archäologischer Fund. Odessaer Zeitung 43 (22. Februar / 6. März), 1912, 3.

Kräenbring 1952: J. Kräenbring, Ein interessanter archäologischer Fund in Borodino. Heimatkalender der Bessarabiendeutschen 1952 (Stuttgart 1952), 69–71.

Krivtsova-Grakova 1949: O.A. Krivtsova-Grakova, Bessarabskii klad. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeiia 15 (Moskva 1949) // О.А. Кривцова-Гракова, Бессарабский клад. Труды Государственного исторического музея 15 (Москва 1949).

Panaiteescu 1926: S. Panaiteescu, Valurile lui Traine din Basarabia (Bucureşti 1926).

Plan 1940: Plan der Kolonie Borodino, Kr. Akkerman, Bessarabien zur Zeit der Umsiedlung im Oktober 1940.

Popova 1981: T.B. Popova, Borodinskii klad (Moskva 1981) // Т.Б. Попова, Бородинский клад (Москва 1981).

Rostovtsev 1913–1914: M.I. Rostovtsev, Antichnaia dekorativnaia zhivopis' na Iuge Rossii. T. 1–2 (Sankt-Petersburg 1913–1914) // М.И. Ростовцев, Античная декоративная живопись на Юге России. Т. 1–2 (Санкт-Петербург 1913–1914).

Safronov 1968: V.A. Safronov, Datirovka Borodinskogo klada. In: (red. M.I. Artamonov, L.S. Klein) Problemy arkheologii 1: Absoliutnaia khronologiia eneolita i bronzovogo veka Vostochnoi Evropy (Iugo-Zapad SSSR) (Leningrad 1968), 75–128 // В.А. Сафронов, Датировка Бородинского клада. В: (ред. М.И. Артамонов, Л.С. Клейн) Проблемы археологии 1: Абсолютная хронология энеолита и бронзового века Восточной Европы (Юго-Запад СССР) (Ленинград 1968), 75–128.

Sapozhnikov 2011: I.V. Sapozhnikov, Drevnie valy Bessarabii ili Budzhaka: iz istorii kartografirovaniia v XVIII–XIX vv. MASP 12, 2011, 206–236 // И.В. Сапожников, Древние валы Бессарабии или Буджака: из истории картографирования в XVIII–XIX вв. МАСП 12, 2011, 206–236.

Sapozhnikov 2018: I. Sapozhnikov, Nachala izucheniiia kurganov Budzhaka: istoriografia i kartografia. Tyragetaia XII, 1, 2018, 121–139 // И. Сапожников, Начала изучения курганов Буджака: историография и картография. Тирагетия XII, 1, 2018, 121–139.

Sapozhnikov 2019: I.V. Sapozhnikov, Kurgany Budzhaka, issledovannye F.I. Knauerom: istoriia raskopok, kartografii i nyneshnee sostoianie. ADIU 4(33), 2019, 396–422 // И.В. Сапожников, Курганы Буджака, исследованные Ф.И. Кнауэром: история раскопок, картография и нынешнее состояние. АДИУ 4(33), 2019, 396–422.

Sapozhnikov, Agratiuk 2018: I. Sapozhnikov, S. Agratiuk, Aleksandr Olofson – polkovnik, pomeshchik i pervyi arkheolog Budzhaka. Scriptorium nostrum 1(10), 2018, 99–116 // И. Сапожников, С. Аргатюк, Александр Олоффсон – полковник, помещик и первый археолог Буджака. Scriptorium nostrum 1(10), 2018, 99–116.

Sapozhnikov, Kashuba 2019: I. Sapozhnikov, M. Kashuba, „Svod pamiatnikov stariny i arkheologicheskikh na-khodok v Bessarabii“ N. Mogilianskogo i Ja. Ebergarta. Tyragetaia XIII, 1, 2019, 121–148 // И. Сапожников, М.

Кашуба, «Свод памятников старины и археологических находок в Бессарабии» Н. Могилянского и Я. Эбергарда. *Tyragetia* XIII, 1, 2019, 121-148.

Shishlina 2019a: N.I. Shishlina (red.) Borodinskii klad Geroicheskoi epokhi bronzovogo veka. Estestvenno-nauchnyi i istoricheskii aspect. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia 211 (Moskva 2019) // Н.И. Шишилина (ред.) Бородинский клад Героической эпохи бронзового века. Естественно-научный и исторический аспект. Труды Государственного исторического музея 211 (Москва 2019).

Shishlina 2019b: N.I. Shishlina, Borodinskii klad. Istoryia nakhodki i itogi izucheniiia: 100-letniy put' poiska. In: (red. N.I. Shishlina) Borodinskii klad Geroicheskoi epokhi bronzovogo veka. Estestvenno-nauchnyi i istoricheskii aspect. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia 211 (Moskva 2019), 8-13 // Н.И. Шишилина, Бородинский клад. История находки и итоги изучения: 100-летний путь поиска. В: (ред. Н.И. Шишилина) Бородинский клад Героической эпохи бронзового века. Естественно-научный и исторический аспект. Труды Государственного исторического музея 211 (Москва 2019), 8-13.

Šišlina 2013: N. Šišlina, Der Schatzfund von Borodino. Fortsetzung der Suche. In: (Hrsg. Ju.Ju. Piotrovski) Bronzezeit. Europa ohne Grenzen. 4.-1. Jahrtausend v. Chr. Ausstellungskatalog (Sankt-Petersburg 2013), 156-169 (in German and Russian).

Sintsov 1862: I. Sintsov, Geologicheskaiia karta Bessarabii (M 1:420 000) (Sankt-Petersburg 1862) // И. Синцов, Геологическая карта Бессарабии (M 1:420 000) (Санкт-Петербург 1862).

Spitsyn 1916: A. Spitsyn, Borodinkii klad. In: Sbornik statei v chest' grafini Praskovii Sergeevny Uvarovo: 1885-1915 (Moskva 1916), 108-115 // А. Спицын, Бородинский клад. В: Сборник статей в честь графини Прасковьи Сергеевны Уваровой: 1885-1915 (Москва 1916), 108-115.

Statisticheskie 1823: Statisticheskie svedeniia o Varshavskikh koloniakh, poselennykh v Bessarabii sobstvenno tak nazyvaemoi ili Budzhake. Syn otechestva LXXXVII, 33, 1823, 293-312; LXXXVIII, 34, 19-37 // Статистические сведения о Варшавских колониях, поселенных в Бессарабии собственно так называемой или Буджаке. Сын отечества LXXXVII, 33, 1823, 293-312; LXXXVIII, 34, 19-37.

Stern 1913: E.R. von Stern, Raskopki v Akkermane letom 1912 g. ZOOID XXXI, 1913, 92-101 (Protokoly) // Э.Р. фон Штерн, Раскопки в Аккермане летом 1912 г. ЗООИД XXXI, 1913, 92-101 (Протоколы).

Stern 1914a: E.R. von Stern, Bessarabskaia nakhodka drevnosti 1912 g. In: Materialy po arkheologii Rossii, izdavaemye Imperatorskoi arkheologicheskoi komissiei 34: Doklady, chitannye na Londonskom mezhdunarodnom kongresse istorikov v marte 1913 g. (Sankt-Petersburg 1914), 1-14 // Э.Р. фон Штерн, Бессарабская находка древностей 1912 г. В: Материалы по археологии России, издаваемые Императорской археологической комиссией 34: Доклады, читанные на Лондонском международном конгрессе историков в марте 1913 г. (Санкт-Петербург 1914), 1-14.

Stern 1914b: E.R. von Stern, Otchet o raskopkakh na ostrove Berezani letom 1913 goda (Odessa 1914), 78-108 (otd. ottisk) // Э.Р. фон Штерн, Отчет о раскопках на острове Березани летом 1913 года (Одесса 1914), 78-108 (отд. оттиск).

Svedeniia 1913: Svedeniia ob arkheologicheskikh issledovaniakh, pamiatnikakh drevnosti, kladakh i nakhodkakh: Bessarabskaia guberniia. Izvestiia IAK 1913. Pribavlenie k vypusku 48: [Khronika i bibliografija 23] (Sankt-Petersburg 1913), 101 // Сведения об археологических исследованиях, памятниках древности, кладах и находках: Бессарабская губерния. Известия ИАК 1913. Прибавление к выпуск 48: [Хроника и библиография 23] (Санкт-Петербург 1913), 101.

Uhlig 1928: C. Uhlig, Die Wälle in Bessarabien, besonders die sogenannten Traianswälle. PZ 19, 3-4, 1928, 185-250.

Майя Кашуба, кандидат исторических наук, заведующий Отделом, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры, Российской Академии наук, Дворцовая наб., 18, 191186, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: mirra-k@yandex.ru

Игорь Сапожников, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Отдел археологии Крыма и Северо-Западного Причерноморья Институт археологии Национальной Академии наук Украины, пр. Героев Сталинграда 12, 04210 Киев, Украина, e-mail: igors@gcn.ua

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XVI _ nr. 1

IN MEMORIAM

**Dr.hab. OLEG LEVIȚKI
(1956-2020)**

Revistă indexată în bazele de date

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2020

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

**INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE**

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki†

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – dr. **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посыпать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Eugen Mistreanu (<i>Chișinău</i>), Marcin M. Przybyła (<i>Kraków</i>). Despre planimetria aşezării gumelniteșene Taraclia I în cercetări vechi și noi	5
Майя Кашуба (Санкт-Петербург), Игорь Сапожников (Киев). История находки Бородинского (Бессарабского) клада	21
Aurel Mototolea (<i>Constanța</i>), Simina Margareta Stanc (<i>Iași</i>), Andreea Andrei (<i>Constanța</i>). The roadside inns (<i>khâns</i>) in Ottoman Dobrudja	48

MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Валерий Манько (Киев), Гурам Чхатарашвили (Батуми). Раннеголоценовая стоянка Джварцхма в Западной Грузии	63
Oleg Levițkiț, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chișinău</i>). Rezultatele investigațiilor arheologice efectuate în cadrul sitului Trinca-Izvorul lui Luca în anul 2001	78
Виталий Синика (Тирасполь), Сергей Лысенко (Киев), Сергей Разумов (Тирасполь), Николай Тельнов (Кишинэу). Курган 2 группы «Рыбхоз» в Нижнем Поднестровье и скифские кремации Северо-Западного Причерноморья	99
Александр Симоненко (Киев). Ритуальный депозит II-I вв. до н.э. из Брэвичень	108

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Vasile Haheu (<i>Chișinău</i>). Sistemul defensiv al fortificațiilor traco-getice (particularități constructive și principii de apărare)	121
Елена Журухина (Киев). Производство стеклянных изделий (по материалам ремесленных мастерских Киевского Подола XII – первой половины XIII века)	130

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Roman Croitor (<i>Aix-en-Provence</i>), Vitalie Burlacu (<i>Chișinău</i>). The Middle Paleolithic site of Buzdujeni 1 (Northern Moldova): evidence on periodic occupation by cave hyena	136
Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chișinău</i>), Vasile Diaconu (<i>Târgu-Neamț</i>), Nicoleta Vornicu (<i>Iași</i>). Despre vasul de cupru medieval descoperit la Cetatea Neamțului (județul Neamț, România). Noi considerații	145
Mariana Gugeanu (<i>Iași</i>). Textilă liturgică arheologică – <i>Mâneceuță</i> . Conservare și restaurare	157

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Kirsten Hellström, *Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet*

(2. Jh. v. Chr. - 3. Jh. n. Chr.). Arhäologie in Eurasien 39, Bonn, 2018,
284 pagini și 94 planșe, ISBN 978-3-7749-3948-6
(Vasile Iarmulschi, Berlin) 163

IN HONOREM

Dumitru Boghian la 65 de ani (Sergiu-Constantin Enea, Târgu-Frumos) 165

IN MEMORIAM

La adio Oleg Levički: Omul și Savantul (1956-2020)
(Vasile Haheu, Chișinău) 168

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 172

INFORMATII ȘI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 173

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL
MAGAZINE 174

MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Валерий Манько, Гурам Чхатарашвили

Раннеголоценовая стоянка Джварцхма в Западной Грузии

Keywords: Early Holocene, Boreal, Neolithic, pressing flaking, trapezes, migrations.

Cuvinte cheie: Holocenul timpuriu, Boreal, neolic, tehnica prin presiune, trapezii, migrație.

Ключевые слова: ранний голоцен, бореал, неолит, отжимная техника, трапеции, миграции.

Valerii Man'ko, Guram Chkhatarashvili

Early Holocene Jvartskhma site in Western Georgia

The Jvartskhma site indicates the Boreal age of the culture layer. The stone industry of the site describes process of the beginning of the use of hand pressing flaking for obtaining the pressing blades. The prismatic and conic cores were used in order to get blades and bladelets. The complex of flint and obsidian tools consist burins on truncated faceted blades, dihedral burins on flakes, end scrapers, retouched blades, blades with notches, truncated faceted blades. There are trapezes, which were made on pressing blades.

There are some sites in Western Georgia connected with the technology of production of trapezes on pressing blades. In our opinion, the big center of the new technology appeared in Western Georgia in the beginning of Boreal. This center appeared independently and was primary for other centers of such technology in the Crimea, on Lower Don region, in North-Western Black Sea region.

Valerii Man'ko, Guram Chkhatarashvili

Stațiunea din Holocenul timpuriu Jvartskhma din Georgia de Vest

Stratigrafia stațiunii Jvartskhma demonstrează apartenența acesteia perioadei Boreale. Industria litică din cadrul acestei stațiuni ne vorbește despre începutul utilizării tehnicii prin presiune. Pentru obținerea semifabricatelor uneltele se utilizau nuclele prismatice și conice. Complexul de unelte din silex și obsidian constă din burine pe lame cu fațete trunchiate, burine diedrice pe așchii, raclete pe capăt de lamă, lame retușate, lame cu creștături, lame trunchiate cu fațete. De asemenea, destul de reprezentative sunt și trapeziile executate pe lame prin tehnica presării.

De asemenea, în vestul Greciei mai există câteva stațiuni unde au fost descoperite trapezii luate prin tehnica presării. Analiza acestor vestigii ne permite să presupunem că anume în vestul Greciei la începutul Borealului a apărut un mare centru de producere, care a utilizat noua tehnologie – prin presiune. Acesta a apărut independent și a constituit un reper pentru alte astfel de centre cu tehnologii similare din Crimeea, regiunea Donului Inferior și regiunea din nord-vestul Mării Negre.

Валерий Манько, Гурам Чхатарашвили

Раннеголоценовая стоянка Джварцхма в Западной Грузии

Стратиграфия Стоянки Джварцхма указывает на ее бореальный возраст. Каменная индустрия стоянки свидетельствует о начале использования отжимной техники. Для получения заготовок орудий использовались призматические и конические нуклеусы. Среди орудий преобладают боковые и двугранные резцы, концевые скребки. В комплексе присутствуют тронкированные пластины. Наиболее ярко характеризует комплекс наличие серии трапеций на отжимных пластинах.

Помимо Джварцхмы, в Западной Грузии существуют стоянки, материалы содержат серии трапеций на отжимных пластинах. Сопоставление материалов стоянок свидетельствует, что в начале бореала на территории Западной Грузии возник центр распространения технологии изготовления симметричных трапеций на отжимных пластинах. Этот центр возник совершенно независимо и является первичным по отношению к другим таким центрам в Крыму, на Нижнем Дону, в Северо-Западном Причерноморье.

Вступление

Процесс неолитизации Восточной Европы тесно связан с распространением ручной отжим-

ной техники расщепления и с началом изготовления низких и средневысоких трапеций из пластинчатых заготовок, полученных методом отжима.

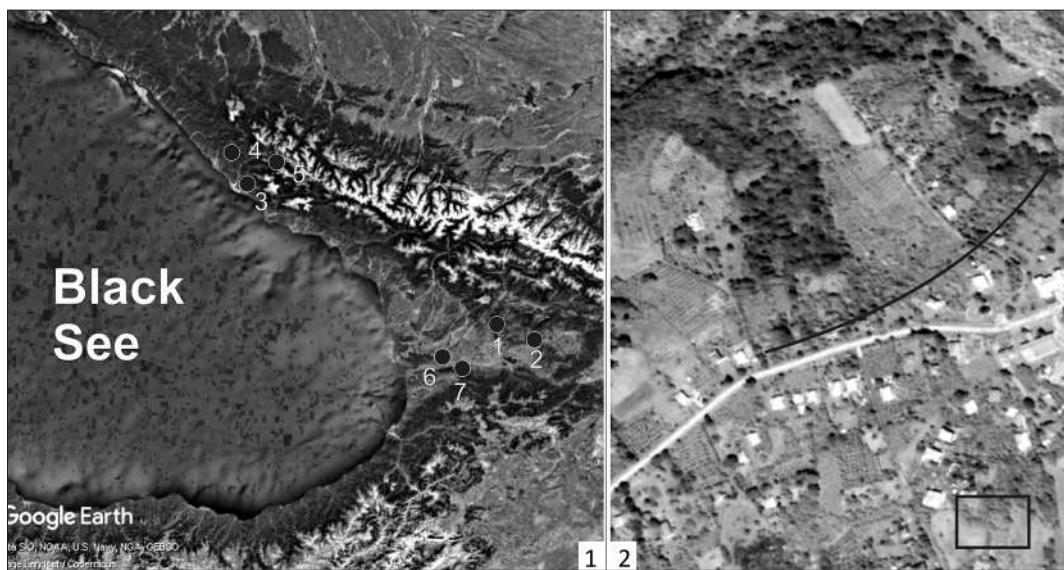

Рис. 1. 1. Карта распространения ранних стоянок с трапециями на отжимных пластинах. Цифрами обозначены: 1 - Джварцхма, 2 - Дарквети, 3 - Мелоури, 4 - Пирвели Гали, 5 - Верхняя Лемса, 6 - Анасеули 1, 7 - Гуриант. 2. Топография стоянки Джварцхма. В рамке – территория стоянки, линией обозначен край террасы исчезнувшей реки.

Fig. 1. 1. Map of early sites with trapezes on pressing blades. Fingers detected: 1 - Jvartskhma, 2 - Darkveti, 3 - Melouri, 4 - Pi-rveli Gali, 5 - Verkhniaya Lemsa, 6 - Anaseuli 1, 7 - Gurianta. 2. Topography of Jvartskhma site. Territory of site – in frame, the line detected the terrace of missing river.

В последнее время появилось несколько новых публикаций, посвященных данной проблеме, в том числе статьи Л. Зализняка, П. Бяджи, Д. Киосака, А. Гренеборна и пр. Л. Зализняк настаивает на балканской версии распространения геометрических микролитов на отжимных пластинах [Zalizniak 2009, 204]. П. Бяджи более осторожен в своих выводах и отмечает, что трапеции на отжимных пластинах в Крыму появились раньше, чем на Балканах [Biagi, Kiosak 2010, 23-42]. Д. Гренеборн рисует широкое полотно постепенного движения носителей отжимной техники с Дальнего Востока в Восточную Европу [Groneborn 2017, 113-127]. Как видим, мнения различных авторов сильно разнятся, однако единны они в одном: во всех работах полностью игнорируются материалы Западной Грузии. Между тем, без учета материалов этого региона решить проблему просто невозможно.

В настоящее время на территории Западной Грузии известно уже довольно много стоянок раннеголоценового возраста с трапециями.

Кремневый комплекс с трапециями, изготовленными на отжимных пластинах, был получен при исследовании слоя IV навеса Дарквети [Nebieridze 1978, 96]. Известны также открытые стоянки с трапециями: Мелоури,

Пирвели Гали [Kalandadze 1986, 109-110]. В качестве примеси к основному комплексу культуры Кобулети трапеции имеются на стоянках Анасеули 1 и 2 [Nebieridze 1972, 117].

Вполне естественно, возникает задача определения роли западногрузинского центра распространения трапеций на отжимных пластинах в Восточной Европе и на территории Ближнего и Среднего Востока. Очень многое для решения этой задачи нам может дать недавно исследованная стоянка Джварцхма.

Джварцхма. Топография и стратиграфия

Стоянка Джварцхма (рис. 1,1) находится в Чохатаурском муниципалитете в 2 км от центра. Стоянка была открыта в 2012 году [Chkhatarashvili 2013, 5-7]. Стоянка расположена на краю плато в горной долине, примыкающего к руслу исчезнувшей в настоящее время реки (рис. 1,2).

Была установлена следующая стратиграфия стоянки:

Дерновый слой – 5-10 см;

Слой гумуса комковатый с незначительной примесью мелкой щебенки – до 40 см;

Слой погребенной почвы коричневого цвета – до 20 см;

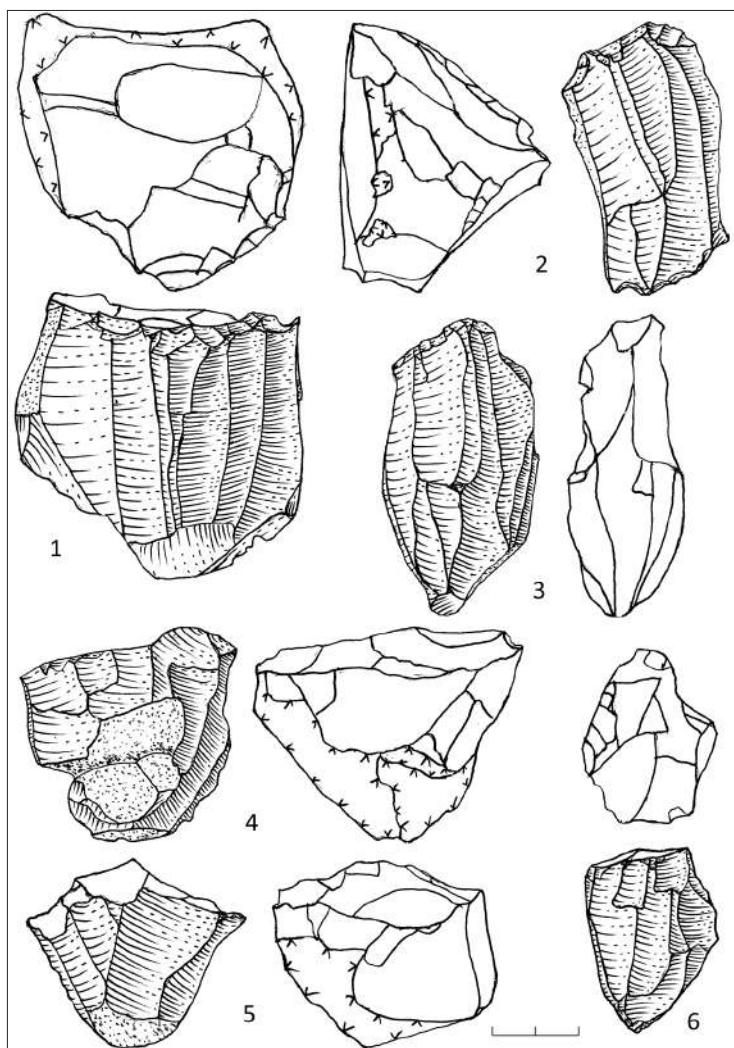

Рис. 2. Джварцхма. Кремневый комплекс. Нуклеусы.

Fig. 2. Jvartskhma. Flint complex. Cores.

Ярко-коричневая глина с желтыми прожилками плейстоценового возраста – прослежена до глубины 10 см.

Культурный слой был зафиксирован в погребенной почве, какие-либо находки в плейстоценовом слое отсутствовали.

В целом, мы можем констатировать счастливый случай нахождения стратифицированной открытой стоянки, раннеголоценовый возраст которой не вызывает сомнения. Погребенная почва, вероятно, соответствует по украинской терминологии ископаемой почве Hla, откладывавшейся в период белинг – бореал [Gerasimenko 1997, 3-64].

Анализ кремневого и обсидианового комплекса дает нам дополнительные аргументы для датирования комплекса Джварцхма раннеголоценовым временем.

Кремневый и обсидиановый комплексы

Всего в ходе раскопок было найдено 177 артефактов из кремня и 7 – из обсидиана. Кремень – очень высокого качества, желвачный. Весь он происходит, вероятно, из одного местонахождения. Цвет кремня варьирует от серого до розового. Как представляется, это связано с неравномерностью окраса самих желваков, имеющих цвета, близкие к розовому, у корки, а в серый цвет окрашены внутренние части желваков.

Обсидиан – черный дымчатый за единственным исключением. Это резец, изготовленный на тонкой пластинке (рис. 4,3), из черного обсидиана с красными прожилками. Из кремня изготовлено 18 изделий с вторичной обработкой, из обсидиана – 4.

Как видим, комплекс невелик, в этом состоит его недостаток как источника. В то же время комплекс обладает несомненными достоинствами: не исключено, что его формирование произошло в очень краткий отрезок времени, возможно – в результате однократного посещения места стоянки. Анализ техники расщепления и изделий со вторичной обработкой (табл. 1) также дает нам все основания для подобных выводов.

Технику расщепления кремня характеризуют, в основном, девять нуклеусов и комплекс пластинчатых заготовок.

Из девяти нуклеусов семь – одноплощадочные. Один из них – косоплощадочный торцевой (рис. 2,2), остальные – призматические, с рабочим фронтом охватывающим половину или две трети их периметра. Из них лишь один нуклеус – прямоплощадочный (рис. 2,6), все прочие – косоплощадочные (рис. 2,3-5; 3,1-2).

В коллекции присутствуют два двуплощадочных прямоплощадочных нуклеусов (рис. 2,1; 3,4). Оба имеют негативы сколов на двух третях своего периметра и сохраняют следы желвачной корки на своей тыльной стороне. Несмотря на наличие двух площадок, раскалывание осуществлялось в одном направлении, то есть

Название	Кремень	%	Обсидиан	%	Всего	%
Нуклеусы	9	5,08			9	4,89
Нуклевидные обломки	11	6,21			11	5,98
Таблетка	1	0,56			1	0,54
Пластины	6	3,39			6	3,26
Проксимальные части пластин	4	2,26			4	2,17
Медиальные части пластин	5	2,82			5	2,72
Дистальные части пластин	3	1,69			3	1,63
Пластиинки	3	1,69			3	1,63
Проксимальные части пластинок	2	1,13			2	1,09
Медиальные части пластинок	3	1,69			3	1,63
Дистальные части пластинок	1	0,56			1	0,54
Отщепы первичные	10	5,65			10	5,43
Отщепы полупервичные	2	1,13			2	1,09
Отщепы вторичные	67	37,85	1	14,29	68	36,96
Чешуйки	22	12,43	2	28,57	24	13,04
Обломки	9	5,08			9	4,89
Отбойник	1	0,56			1	0,54
Изделия со вторичной обработкой, в т.ч.	18	10,17	4	57,14	22	11,96
Скребки	3	16,67			3	13,64
Резцы	6	33,33	1	25	7	31,82
Пластины с ретушью	1	5,56	1	25	2	9,09
Пластины с выемками	1	5,56			1	4,55
Отщепы с ретушью	2	11,11			2	9,09
Долото	1	5,56			1	4,55
Тронкированные пластины	1	5,56	1	25	2	9,09
Трапеции	3	16,67	1	25	4	18,18
Всего	177	100	7	100	184	100

Таблица 1. Кремневый и обсидиановый комплексы стоянки Джварцхма.

Table 1. Flint and obsidian complexes of Jvartskhma Site.

вторая площадка в процессе расщепления имела вспомогательное значение. Вполне вероятно, что оформление таких нерабочих площадок происходило на начальной стадии расщепления с целью придать нуклеусу форму, удобную для последующей работы с ним. Не исключено, что на поздних фазах расщепления вторая площадка становилась меньше или полностью исчезала. Происходило это в результате снятия пластин, дистальный конец которых снимал часть площадки. В комплексе имеются две таких целых пластины и одна дистальная часть пластины.

Отличительной особенностью всех нуклеусов было использование ударной техники расщепления для получения пластинчатых заготовок. Однако этот факт вовсе не означает, что обитатели стоянки вовсе не были знакомы с техникой ручного отжима.

Имеется один нуклевидный обломок с отчетливыми следами торцевого отжимного расщепления (рис. 3,6). Имеется также медиальная часть пластины, огранка которой показывает, что отжата она была с нуклеуса конической или подцилиндрической формы (рис. 3,3). Наконец, в комплексе име-

ется «таблетка» отжимного нуклеуса, имевшего, как представляется, цилиндрическую форму (рис. 3,5). Серия из 11 нуклевидных обломков показывает, что расщепление часто шло до пре-

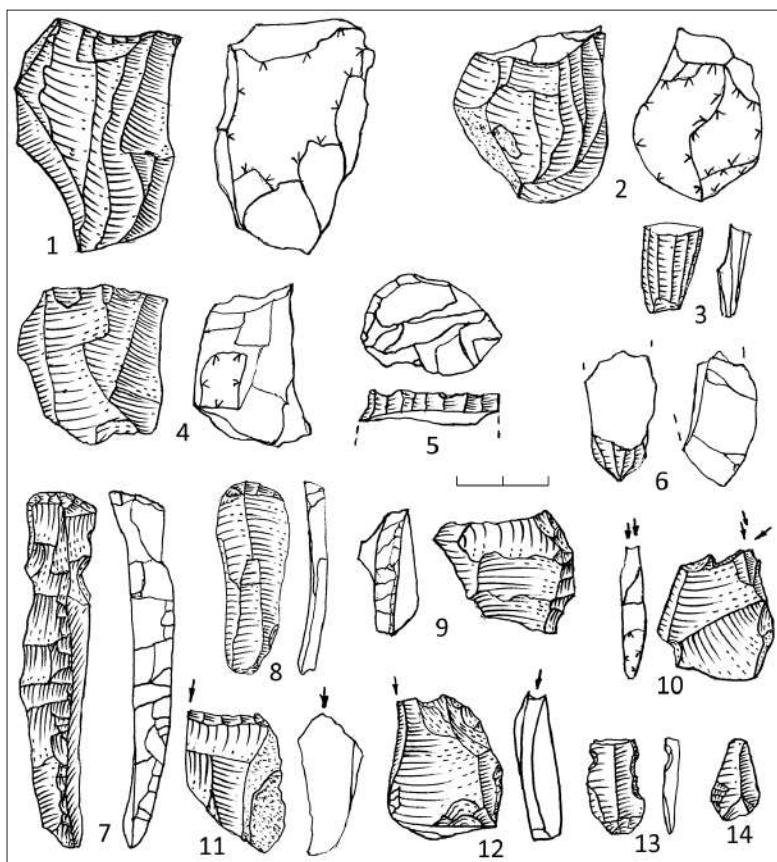

Рис. 3. Джварцхма. Кремневый комплекс. Нуклеусы (1-2,4), обломки нуклеусов (3,6), таблетка (5), скребки (7-9), резцы (10-12), пластина с выемкой (13), пластиинка с ретушью (14).

Fig. 3. Jvartskhma. Flint complex. Cores (1-2,4), fragments of cores (3,6), tablet (5), scrapers (7-9), burins (10-12), notched blade (13), blade with retouch (14).

дельной стадии и могло останавливаться лишь тогда, когда нуклеусы ломались и/или становились абсолютно непригодными для дальнейшего использования. Единственный нуклевидный обломок со следами отжимного расщепления, например, стало невозможно использовать в результате неудачного скола, снявшего большую часть фронта скальвания (рис. 3,6).

Найдено 27 пластинчатых заготовок и их частей. Преобладают пластины и их сечения, среди них лишь три предмета получены отжимным способом. Зато методом ручного отжима были получены восемь из девяти пластинок.

Мы смогли достаточно четко разделить пластинчатые заготовки на группы по способу их получения: традиционным ударным способом и методом ручного отжима. Сделать это было нетрудно, исходя из внешнего вида за-

готовок. Отжимные пластины и пластиинки отличаются изяществом оформления, малой толщиной, прекрасной огранкой. Пластиинчатые заготовки, полученные ударным способом, изогнуты в профиле, массивные, отличаются большей длиной, часто имеют на поверхности остатки корки. Мы абсолютно отдаём себе отчет, что такая группировка «на глаз», не вполне научна. По этой причине были проделаны дополнительные подсчеты и измерения.

Предварительно к числу полученных ударным способом были отнесены четыре пластины, четыре проксимальные части пластиин и одна пластиинка. Все они имеют простые гладкие площадки шириной до 1.5 мм. Угол между фронтом скальвания и поверхностью площадки составляет 70-85 градусов. Все пластиинчатые заготовки и их проксимальные части имеют двускатную спинку, на двух изделиях мы проследили остатки корки. Важны и метрические параметры. Длина целых изделий достигает 5.5-7 см, ширина 4-6 мм. Изделия искривлены в профиле, зазор между пластииной, положенной на плоскость и экстремумом спинки достигает 3-5 мм. Таким образом, данная группа пластиинчатых заготовок абсолютно отвечает признакам изделий, полученных ударным способом [Giria 1997, 68-75]. Медиальные и дистальные части пластиин, соответственно, подвергнуть подобному детальному анализу невозможно. Тем не менее, даже на этих изделиях мы могли отметить наличие двускатных спинок и тот факт, что изделия являются частями изогнутых в профиле пластиин.

Пластиинчатые заготовки, полученные методом отжима, отличаются по большинству параметров. Визуально мы отнесли к их числу две пластины, медиальную часть пластины, две пластиинки, две проксимальных, три медиальных и одну дистальную часть пластиинок. По целым и проксимальным частям мы выяснили, что площадки являются практически точеч-

ными, а угол между площадками и фронтами скальвания – практически прямым. Почти все пластинчатые заготовки за одним исключением имеют трехскатные спинки. Края этих изделий и огранка – ровные. Огранка – параллельная, только в дистальных частях изделий наблюдается в двух случаях конвергентная огранка. Длина отжимных пластин и пластинок – 4,5-6,5 см, толщина – 0,1-0,25 мм. На двух пластинках мы отмечаем наличие приема так называемого «перебора карниза». Как видим, характеристики углов между площадкой и фронтами скальвания, кривизна изделий, их практически идеальная огранка также подтверждает справедливость нашего распределения пластинчатых заготовок по методу их получения.

Обращаем внимание, что наши наблюдения основаны на весьма незначительном количестве материала. Увы, лишь продолжение раскопок, увеличение коллекции позволит нам сделать полноценный анализ пластинчатых заготовок и определить особенности ударного и отжимного расщепления. Тем не менее, в настоящее же время мы можем абсолютно точно судить о существовании двух методов расщепления.

Отщепы мало что могут рассказать о технике расщепления, однако дают возможность судить о функции стоянки. Из 79 отщепов 12 – первичные и полупервичные. По длине отщепы разделяются следующим образом: более 5 см – 17 экз., от 3 до 5 см – 10, остальные – менее 3 см. Как мы видим, доля первичного расщепления и расщепления нуклеусов на начальных стадиях – весьма высока. Этот факт позволяет судить о том, что одной из функций стоянки было пополнение арсенала заготовок для кремневых орудий, то есть стоянку можно охарактеризовать и как мастерскую в том числе. Укрепляет нас в этом мнении и нахождение 9 обломков кремня, непригодных для обработки, что может свидетельствовать о крайней бедности сырьевой базы.

Количество чешуек (22 экз.) явно не соответствует функции стоянки, их количество должно было быть намного большим. К сожалению, условия раскопок не позволяли производить качественный просев седимента из-за его комковатости, что, естественно, привело к неизбежным потерям мелких предметов.

Кремневых изделий со вторичной обработкой – 18 экз.

Скребков – 3. Все они типологически неоднородны. Один из них – скребок концевой на длинном реберчатом сколе с высоким лезвием (рис. 3,7). Еще один скребок – концевой выпуклолезвийный с рабочим краем, оформленным полукруглой скребковой ретушью (рис. 3,8); данный скребок изготовлен на отжимной пластине. Еще один скребок должен быть отнесен к типу боковых на отщепе (рис. 3,9). Однако выбор расположения лезвия в данном случае был продиктован формой отщепа, у которого ширина превышала длину. Поэтому и этот скребок вполне может быть отнесен к концевым. Как видим, в группе скребков мы наблюдаем тенденцию к использованию выпуклых концевых лезвий.

Резцов – 6. Ни один из них не возник в результате ручного отжима заготовки. Лишь один из резцов – на пластинчатой заготовке.

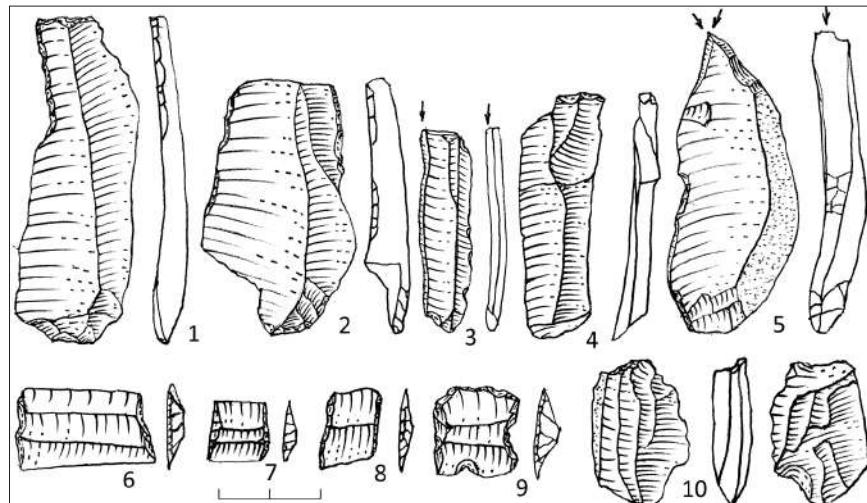

Рис. 4. Джварцхма. Кремневый комплекс (4-5,7-10), обсидиановый комплекс (1-3,6). Тронкированные пластины (1,4), пластина с ретушью (2), резцы (3,5), трапеции (6-9), долото (10).

Fig. 4. Jvartskhma. Flint complex (4-5,7-10), obsidian complex (1-3,6). Truncated faceted blades (1,4), blade with retouch (2), burins (3,5), trapezes (6-9), chisel (10).

Это двугранный срединный резец, изготовленный на массивной полупервичной пластине (рис. 4,5). Все прочие резцы – на отщепах. Два – на полупервичных отщепах, один из них – боковой выемчаторетушный с широким резцовым сколом со стороны брюшка (рис. 3,11), другой – двугранный угловой также с резцовыми сколами, повернутыми на сторону брюшка. Оба резца на полупервичных отщепах – объемные, на первом виден след от попытки снятия поперечного резцового скола, то есть попытки перехода от бокового к двугрannому резцу. Это обстоятельство показывает, что между описанными формами резцов существует своего рода сопряженность. Еще три резца подготовлены на плоских вторичных отщепах. Все они – двутранные угловые (рис. 3,10,12).

Найдены пластинка с ретушью (рис. 3,14) и проксимальная часть пластинки с краевой выемкой (рис. 3,13). Имеются два отщепа с ретушью.

В единственном экземпляре представлено долото. Это медиальная часть пластины, полученной отжимным способом, имеющая струйчатые негативы от сработанности, как со стороны спинки, так и со стороны брюшка (рис. 4,10).

В одном экземпляре представлена прямотронированная пластина с удаленной проксимальной частью. Подобное изделие вполне могло быть заготовкой трапеции (рис. 4,4).

Самых же трапеций – 3. Одна из них – на медиальной части пластины, полученной ударным методом. Эта трапеция – средневысокая симметричная с полукрутой выемчатой ретушью по сторонам и с фасеткой скола макроизноса на нижнем основании (рис. 4,9). Еще две трапеции изготовлены на пластинках, полученных методом ручного отжима. Это средневысокие, слегка асимметричные трапеции с полукрутой ретушью по сторонам (рис. 4,7-8).

Артефактов из обсидиана всего 7. Примечательно, что нуклеусов из обсидиана нет, а из дебитажа присутствуют лишь отщеп и две чешуйки. Данное обстоятельство тем удивительней, что в комплексе имеется четыре орудия из обсидиана. Не исключено поэтому, что обсидиан был предметом обмена и попадал к обитателям стоянки не в виде нуклеусов, а в виде уже подготовленных к дальнейшему ис-

пользованию заготовок. Вполне возможно, что обсидиан поступал от носителей культуры Кобулети, практиковавших, как представляется, обмен с соседями.

Два орудия из обсидиана получены на заготовках, полученных ударным методом. Это проксимальная часть пластины с ретушью (рис. 4,2) и тронированная пластина к частично крутограническим краем (рис. 4,1). Последнее изделие могло быть использовано в качестве заготовки трапеции с ретушированным верхним основанием.

Имеется один резец боковой косоретушный на отжимной пластинке (рис. 4,3).

И, наконец, в комплексе присутствует низкая симметричная трапеция на отжимной пластине с крутограническими сторонами (рис. 4,6).

В целом, 7 из 22 орудий изготовлены на отжимных пластинчатых заготовках. Если же учесть, что девять орудий выполнены на отщепах, то следует отметить, что в группе орудий преобладают изделия, изготовленные методом ручного отжима.

Таким образом, характер кремневого и обсидианового комплекса носит переходный характер, иллюстрирует процесс внедрения инновационной техники ручного отжима пластин и пластинок при сохранении всех архаичных черт техники расщепления. При этом практически все основные категории орудий (скребки, резцы, трапеции) могли быть изготовленными как на заготовках, полученных традиционным способом, при помощи отбойника, так и на отжимных заготовках.

Изделия из других пород камня

На стоянке также найден комплекс изделий из мягких пород камня. Для изготовления таких орудий использовался базальт (11 экз.) и песчаник (12). Типология этих орудий существенно отличается.

Среди орудий из базальта – пять шлифованных топоров. К сожалению, целый – лишь один. Это изделие подтрапециевидной формы длиной около 17 см с выпуклым лезвием шириной 5 см (рис. 5,1). В сечении топор овальный, к пятке его ширина сужается до 2,5 см. На пятке мы видим характерную забитость и даже фасетки небольших сколов, возникших в результате

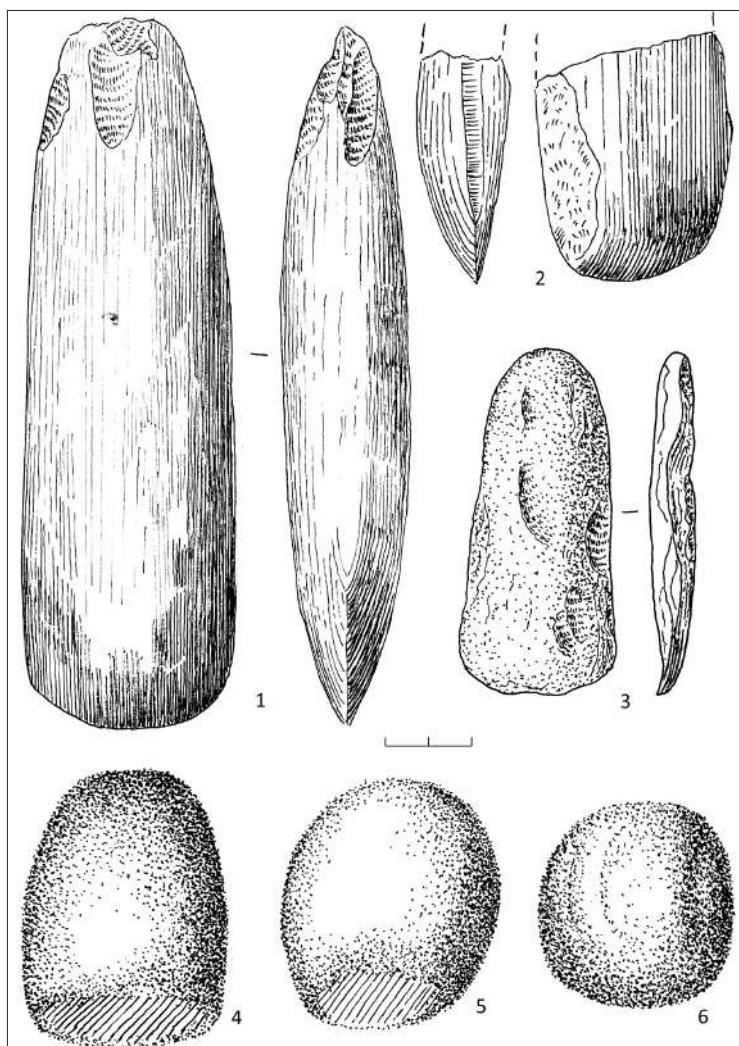

Рис. 5. Джварцхма. Изделия из базальта (1-3) и песчаника (4-6). Топор (1), тесло (2), заготовка тесла (3), песты (4-6).

Fig. 5. Jvartskhma. Tools from basalt (1-3) and sound stones (4-6). Axe (1), chisel (2), blankforthechisel (3), pests (4-6).

взаимодействия пятки с деревянной основой. Имеется также обломок типологически подобного топора с лезвием шириной около 7 см. Еще два подобных топора представлены обломками с сохранившимися пятками.

Присутствует типологически иной топор, представленный, к сожалению, тоже обломком. Здесь мы видим лезвие шириной 4 см, заключенное между сужающимися сторонами изделия.

Типологически близко к описанному топору тесло, также представленное фрагментом (рис. 5,2). Его лезвие шириной 3,5 см заключено между сходящимися краями. Оно отличается от серии топоров асимметричным расположением

лезвия, при этом одна из сторон тесла сделана уплощенной.

Еще одно подобное тесло представлено фрагментом, однако в этом случае сохранилась только часть с пяткой. На пятке мы наблюдаем характерную забитость от контакта с деревянной основой.

Одно тесло представлено «четвертинкой», поэтому о его форме мы можем сказать лишь то, что оно имело выпуклое асимметричное лезвие.

Найдены два изделия, являющиеся «полуфабрикатами». Прекрасно видно, что методом грубой шлифовки камням придана форма тесел (рис. 5,3), однако изделия так и не были подвергнуты «тонкой» шлифовке. Вполне возможно, что именно такими заготовки будущих тесел представляли после пикетажа и самой грубой предварительной обработки. В комплексе имеется шаровидный отбойник из кремня со следами забитости. Подобные отбойники, вероятно, как раз и использовались для пикетажа при изготовлении топоров и тесел.

Мы затрудняемся в установлении функции одного из изделий из базальта. Это тщательно отшлифованный предмет овальной формы с одной несколько уплощенной стороной. Толщина предмета – около 5 см, ширина – около 10 см, реконструируемая длина – около 35 см. Вполне вероятно, что предмет мог играть роль зернотерки, однако это лишь допущение, поскольку следов использования на предмете мы не видим. Не исключено, что предмет был испорчен и расколот еще на стадии изготовления.

Обломок подобного же предмета мы видим среди изделий из песчаника. Он несколько меньших размеров: толщина – до 5 см, ширина – 8 см, реконструируемая длина – около 20 см. Найден и мелкий фрагмент такого же, видимо, предмета.

Среди изделий из песчаника имеется также обломок предмета, выполнявшего, вероятно, роль молота. Сохранилась только небольшая его часть с забитой пяткой длиной около 4

см. Он имеет подокруглую форму, а его реконструируемая длина могла составлять 15-20 см.

Прочие изделия из песчаника – песты шаровидной или подовальной в плане формы. Лишь на четырех из них отмечены четко выраженные площадки, возникших в результате трения (рис. 5,4-5). У пяти изделий такие площадки лишь намечены, то есть песты почти не применялись в работе (рис. 5,6).

В целом, материалы изделий из кремня, обсидиана, базальта и песчаника рисуют нам картину весьма разнообразной хозяйственной деятельности обитателей стоянки. Мы отмечаем здесь следы первичного расщепления кремня, деятельность по изготовлению орудий, промысловую активность, работу с деревом, обработку диких или, не исключается, культурных растений.

Место комплекса Джварцхма в каменном веке Западной Грузии

При сопоставлении материалов Джварцхма с материалами других стоянок Западной Грузии особое значение имеет комплекс слоя IV навеса Дарквети [Nebieridze 1978, IV]. Указанный комплекс является единственным, происходящим из стратифицированного слоя многослойной стоянки.

Комплекс IV слоя Дарквети – докерамический, как и комплекс Джварцхма. Бросается в глаза абсолютное сходство техники расщепления в сравниваемых комплексах. В Дарквети также сохранились архаичные черты, здесь присутствуют одноплощадочные подпризматические нуклеусы с подработанными площадками, с которых с помощью отбойника снимались пластины. Имеется, правда, и нуклеус подконической формы для ручного отжима пластинок.

Типы орудий также повторяются. Такими типами являются концевые скребки на удлиненных пластинах, боковые резцы, тронкированные пластины.

Естественно, для сопоставления двух комплексов особенно важна серия геометрических микролитов. Это четыре средневысоких трапеции с кругоретушированными сторонами, изготовленные из тонких отжимных пластин. Одна из даркветских трапеций имеет ретушь по верхнему основанию. Напомним, что в комплексе Джварцхма мы имеем заго-

товку для изготовления подобной трапеции.

Важно также, что в даркветском комплексе имеется базальтовый шлифованный топор трапециевидной формы, абсолютно повторяющий форму топора из Джварцхма.

К сожалению, мы не имеем радиокарбонных дат даркветского комплекса. Однако это не означает, что мы вовсе не представляем себе времени его появления. В определении хронологической позиции комплекса слоя IV нам могут помочь материалы из слоев V и III.

Материалы слоя V оставлены носителями триалетской индустрии [Nebieridze 1978, II]. Мы судим об этом на основании наличия в слое серии асимметричных треугольников и пластинок с биполярной крутой ретушью по краям. На территории Грузии аналоги комплекса мы находим в стоянке Эдзани и в верхних слоях Котиас Клде [Meshveliani et al. 2007, 47-58], а в Восточной Анатолии – в комплексе Халан Чеми [Rosenberg 1994, 223-238]. Два последних имеют серии абсолютных дат, говорящих об их преобразовательном возрасте. Самые молодые даты (табл. 2,1) свидетельствуют о том, что эта индустрия прекращает свое существование в самом конце преобразовального. Таким образом, комплекс IV слоя Дарквети не может датироваться временем более ранним, нежели начало бореала.

Сопоставление со слоем III [Nebieridze 1978, VI] нам мало что дает для уточнения хронологии слоя IV, поскольку между ними имеется довольно значительный хиатус (слой III связан с энеолитом).

Еще одним несомненным аналогом комплекса Джварцхма является комплекс Мелоури из Цхалтубского района Западной Грузии [Kalandadze 1986, 110]. Здесь мы снова видим архаический комплекс нуклеусов, среди которых одноплощадочные прямо- и косоплощадочные с подправкой, были расколоты ударным способом. Имеются и двуплощадочные однополосные нуклеусы, подобные артефактам Джварцхма. На использование отжимного расщепления указывает наличие подцилиндрического нуклеуса от пластинок.

Повторяются все без исключения формы орудий, в том числе скребки концевые на удлиненных пластинах и скребки на отщепах, в том числе и боковые. Присутствуют боковые и двугранные резцы. Что особенно важно, серий-

№	Дата	Лаб. индекс	Материал	Стоянка	Контекст	Культура	Публикация
1.	9270±60	RTT-4698	Уголь	Котиас Клде	350-360 см	Триалетская	Meshveliani et al. 2007
2.	8625±40	GrA-35704	Уголь	Ласпи 7	Слой Д	Мурзаккобинская	Biagi, Kiosak 2010
3.	8620±40	GrA-35703	Уголь	Ласпи 7	Слой Д	Мурзаккобинская	Biagi, Kiosak 2010
4.	8210±80	Ki-15178	Кость	Раздорская 2	Культурный слой	Матвеевокурганская	Gorelik et al. 2014
5.	7505±210	GrN-7199	Кость	Матвеев Курган 1	Культурный слой	Матвеевокурганская	Krizhevskaya, 1992
6.	7515±120	Bln-588	Кость	Сороки 1	Слой 3	Буго-днестровская	Markevich 1974
7.	7420±80	Bln-587	Кость	Сороки 1	Слой 2	Буго-днестровская	Markevich 1974
8.	7050±60	Le-1703	Кость	Гиржево	Культурный слой	Гребениковская	Zaitseva et al. 2000
9.	7025±30	IAAA-141127	Кость	Эламксанли Тепе	Слой 4в	Неолит Азербайджана	Nishiaki et al. 2015

Таблица 2. Радиокарбонные даты комплексов, упоминаемых в статье.

Table 2. Radiocarbon dates of sites, discussed in the article.

но представлены тронкованные пластины и низкие и средневысокие трапеции с крутой или полукрутой ретушью по сторонам. Отдельные микролиты – подромбической формы. Показательно также, что среди трапеций присутствуют экземпляры, изготовленные как на отжимных, так и на обычных пластинах.

Еще один комплекс, который необходимо сравнить с Джварцхма – это Пирвели Гали в Гальском районе на территории Абхазии [Kalandadze 1986, 109]. Материалы данной стоянки характеризуют дальнейшее развитие индустрии Дарквети. В материалах стоянки еще встречаются архаические типы нуклеусов, однако преобладают все же подконические и подцилиндрические нуклеусы для ручного отжима пластин и пластинок. Примечательно, что в геометрическом комплексе присутствуют теперь только низкие и средневысокие трапеции, изготовленные на отжимных пластинах.

Оценивая хронологическую позицию Пирвели Гали, мы можем опираться лишь на косвенные данные. Для нас большое значение имеет отсутствие в комплексе так называемых трапеций «со струганными спинками», хронология распространения которых нам прекрасно известна. На Восточном Кавказе такие изделия появляются на рубеже VII-VI тыс. до н.э. Так датируется комплекс Эламксанли Тепе в Азербайджане

[Kadowaki et al. 2014, 709–722], где впервые зафиксировано появление таких трапеций (табл. 2.9). В Северо-Западном Причерноморье наиболее раннее появление трапеций со струганными спинками связано со стоянкой Гиржево [Stanko 1966], датирующейся примерно тем же временем (табл. 2.8). Это явление распространялось очень быстро, в 1 четверти VI тыс. до н.э. мы уже видим указанные изделия на Нижнем Дону в Ракушечном Яре [Belanovskaya 1995, 73] и в слое 2А Варфоломеевки в Северном Прикаспии [Iudin 2004]. Соответственно, материалы Пирвели Гали не могут датироваться временем более поздним, нежели конец VII тыс. до н.э. В то же время мы можем допускать и более ранний возраст стоянки. Для нас же важным является тот факт, что индустрия Дарквети возникает в первой половине VIII тыс. до н.э. и развивается довольно длительное время, достаточное для наблюдения за динамикой развития явления.

Проблема распространения трапеций на отжимных пластинах в Восточной Европе

Как мы увидели, трапеции на отжимных пластинах возникают в Западной Грузии предположительно в первой половине бореала, на что указывают как данные относительной хронологии, так и стратиграфия стоянки Джварцхма.

Таким образом, мы видим, что в Западной Грузии возник один из древнейших центров распространения отжимных пластин и трапеций, изготовленных на таких пластинах. Естественный вопрос, возникающий при констатации этого факта, касается того, является ли этот центр первичным, либо он возник в результате усвоения традиций материальной культуры Ближнего и Среднего Востока. Мы склонны полагать, что западногрузинский очаг распространения одной из важнейших инновационных технологий неолита был первичным и абсолютно независимым. Дело в том, что на территории первичной неолитизации в Плодородном Полумесяце в первой половине бореала просто не существовало индустрий с такого рода геометрическими микролитами. Все без исключения случаи появления трапеций на отжимных пластинах в культурах Ирака, Ирана, Турции относятся к более позднему времени [Man'ko 2013, 100].

Особенно показателен случай с многослойной стоянкой Джармо, где в VI-V слоях геометрические микролиты отсутствуют

[Breidwood 1984, 240]. Появляются они лишь в IV-III слоях, которые уже являются керамическими и не могут быть более старшими, чем комплексы Дарквети, Джварцхма и Мелоури. Керамика указанных слоев Джармо имеет аналоги в поселении Джейтун в Туркмении, датированным последней четвертью VII тыс. до н.э. [Housley 1994, 55-73]. Прослежено также, что появление трапеций на поселениях Чага Сефид и Али Кош происходило на рубеже бореала-атлантикума [Hole 1977; 1987].

Соответственно, если и можно признать вероятность преемственности традиций Дарквети с индустриями Ирана и Ирака, то нужно говорить о культурном влиянии индустрий Кавказа, а не наоборот.

Таким образом, западногрузинский центр был вполне самостоятельным, возникшим на автохтонных традициях, что совершенно не удивляет, поскольку геометрические микролиты были известны на Кавказе, начиная, как минимум, с аллера (Гварджилас Клде, Холодный Грот, Чигай, Двойная, Мезмайская пещера, Сатанай, Джампала, Апианча и др.).

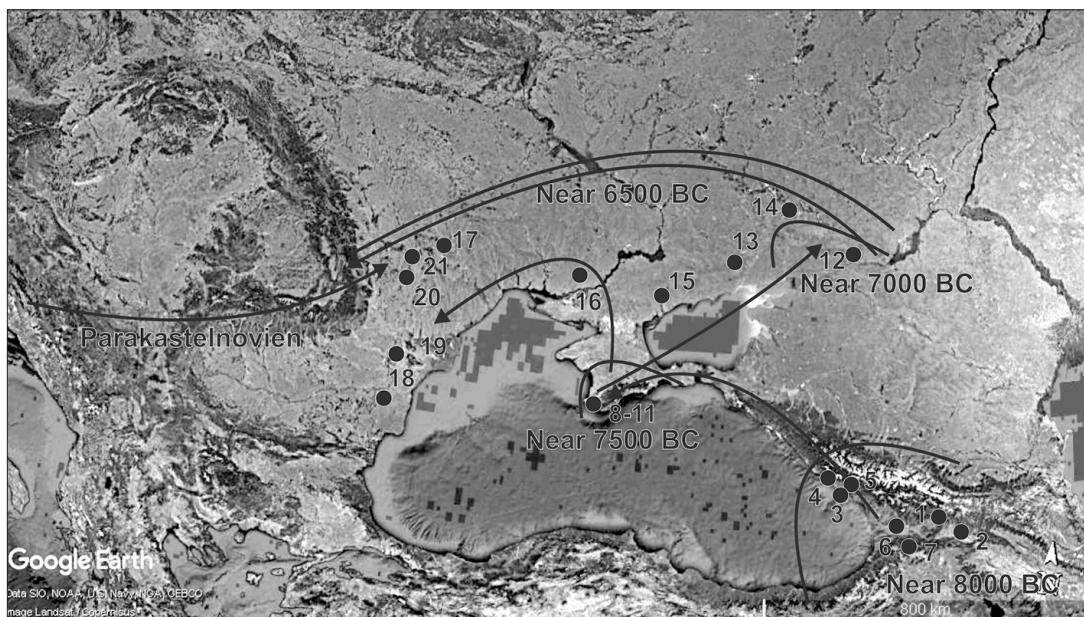

Рис. 6. Карта распространения трапеций на отжимных пластинах на юге Восточной Европы. Цифрами обозначены: 1 - Джварцхма, 2 - Дарквети, 3 - Мелоури, 4 - Пирвель Гали, 5 - Верхняя Лемса, 6 - Анасеули 1, 7 - Гурианта, 8 - Ласпи 7, 9 - Шан Коба, 10 - Фатма Коба, 11 - Мурзак Коба, 12 - Раздорская 2, 13 - Матвеев Курган 1 и 2, 14 - Туба 5, 15 - Каменная Могила 3, 16 - Казанка, 17 - Сороки 1 и 2, 18 - Мирное, 19 - Гиржеово, 20 - Сэрэтень, 21 - Биличеный Векъ 12.

Fig. 6. The map of early sites with trapezes on pressing blades in the South of East Europe. Fingers detected: 1 - Jvartskhma, 2 - Darkveti, 3 - Melouri, 4 - Pirveli Gali, 5 - Verkhniaya Lemsa, 6 - Anaseuli 1, 7 - Gurianta, 8 - Laspi 7, 9 - Shan Koba, 10 - Fatma Koba, 11 - Murzak Koba, 12 - Razdorskaya 2, 13 - Matveev Kurgan 1 and 2, 14 - Tuba 5, 15 - Kamennaya Mogila 3, 16 - Kazanka, 17 - Soroki 1 and 2, 18 - Mirnoye, 19 - Girkhevo, 20 - Säräteni, 21 - Bilichenii Vechi 12.

В дальнейшем хронология распространения трапеций на отжимных пластинах в Восточной Европе представляется следующим образом (рис. 6). Примерно в середине бореала, то есть в середине VIII тыс. до н.э. данная инновация появляется на территории Крыма: Ласпи 7 (табл. 2,2-3), Фатъма-Коба, слой IV; Мурзак-Коба, слой III; Шан-Коба, слой III [Bibikov et al. 1994]. Этому процессу недавно была посвящена работа В. Манько, в которой показано, что рассмотрение комплексов с трапециями исключительно в рамках мурзакбинской культуры невозможно, поскольку чистые комплексы с даркветскими чертами прослеживались в интерстратифицированном состоянии с настоящими мурзакбинскими, отличающимися наличием микролитов с сильно выраженной асимметрией [Man'ko 2018, 70-92]. Указанное время появления трапеций на отжимных пластинах в Крыму подтверждено серией абсолютных дат.

На рубеже бореала-атлантикума часть крымского населения с даркветскими чертами продвигается на Нижний Дон, где появляется стоянка Раздорская II [Tsybrii 2008, 92], также серийно датированная (табл. 2,4). Колонизация Нижнего Дона населением Крыма абсолютно логично объясняется природными условиями рубежа бореала-атлантикума, когда Азовское море еще не появилось, а многие реки Крыма были притоками Дона.

В дальнейшем население, связанное с изготовлением трапеций на отжимных пластинах, продвигается в Северное Приазовье, где появляются стоянки Матвеев Курган I и II [Krizhevskiaia 1992] (табл. 2,5), Каменная Могила III [Tubol'tsev 1995, 1-6]. Произошло это в середине VII тыс. до н.э. До этого времени миграции осуществлялись в рамках Горного Крыма и степной зоны между Днепром и Доном. Однако затем начинается продвижение носителей технологии изготовления трапеций на отжимных пластинах на юг лесостепной зоны между Днестром и Северским Донцом. Данный процесс маркируют комплексы нижних слоев стоянок Сороки I и II на Днестре [Markevich 1974] (табл. 2.6-7), комплекс Тубы V [Telizhenko 2013, 226-227] на Северском Донце. Тогда же, вероятно, появляется аналогичная культура и в бассейне Днепра, где мы знаем стоянку Казанка [Boriskovskii 1975, 55-62].

В целом, учитывая полное отсутствие каких-либо данных о возможности местного происхождения культур с трапециями на отжимных пластинах, мы склонны объяснить этот процесс прямой миграцией населения из Западной Грузии на территорию Крыма и его дальнейшим расселением в степи и лесостепи между Днестром и Доном.

Каковы могли быть причины миграции населения с территории Грузии? Мы могли бы искать их в процессах, связанных с изменением климата, однако едва ли такое направление поиска приведет нас куда-либо. Климатические условия всегда оказывают какое либо положительное, либо отрицательное воздействие на население любого региона, однако не всегда дело заканчивается масштабной миграцией населения. Более перспективным представляется демографический подход к решению проблемы. В бореальное время на территории Грузии было довольно тесно. Здесь, вполне вероятно, совсем не мирным способом уживались носители трех различных культурных традиций. Помимо культуры Дарквети здесь развивалась поздняя культура Кобулети, а также индустрия, до сих пор не имеющая названия, характеризовавшаяся традицией изготовления сегментов с двусторонней ретушью по дуге.

Учитывая, что в комплексах даркветской традиции мы наблюдаем минимальное количество признаков контактов с носителями двух других индустрий, мы просто вынуждены предположить, что отношения с соседями отличались крайней неприязнью. Это и стало, на наш взгляд, основным побудительным мотивом миграции.

Была ли такая миграция глобальной? Вобрал ли в себя поток мигрантов всех без исключения носителей даркветской культуры? Пожалуй, нет. Наличие комплекса Пирвели Гали дает основания думать о том, что часть даркветского населения все же осталась на месте.

Вопрос о границе с балканским центром распространения неолита

Один из интереснейших вопросов, возникающих в связи с нашей теорией о даркветской миграции, является вопрос о западных границах явления. Казалось бы, вопрос прост: границы явления ограничиваются регионом,

в котором распространены трапеции на отжимных пластинах. Однако проблема усложняется тем обстоятельством, что на Балканах существовал такой же крупный центр распространения трапеций на отжимных пластинах. Трапеции известны на памятниках раннего неолита Греции, Румынии, Болгарии, стран бывшей Югославии.

Нам представляется, что граница между двумя «мирами» неолита проходит в Молдове. Сорокские докерамические комплексы явно относятся к даркветской традиции, о чем свидетельствует преобладание в их комплексах подконических и подцилиндрических нуклеусов для отжима пластин при сохранении определенной доли архаического призматического расщепления, основанного на ударной технике. Полностью совпадает и типология трапеций.

А вот в бассейне Прута мы уже наблюдаем памятники с трапециями на отжимных пластинах, характеризуемые наличием традиций, отсутствующих в других памятниках Восточной Европы. На стоянках Сэрэтень и Биличений Векъ 12 [Kovalenko 2017, 155-170] преобладает традиция торцевого расщепления, что указывает на возможную связь с памятниками и традициями паракастельновьена. В начале атлантикума на территории Монтenegro мы знаем паракастельновьен прежде всего по комплексам слоя IVb Црвены Стены и по материалам пещеры Одмут [Mikhailovich 2009, 74, 148]. Именно там впервые на территории Южной Европы появляется отжимное расщепление, связанное с раскалыванием торцевых нуклеусов, а из отжимных пластин, снятых с таких нуклеусов, изготавливались симметричные трапеции.

Возникнув на побережье Адриатики, паракастельновьен распространяется на внутренние территории севера Балканского полуострова, в старчевские комплексы Сербии, которые являются, несомненно, паракастельновьенскими по происхождению [Karmanski 2005, 274]. Крайней точкой распространения паракастельновьена стал бассейн Прута, где, вероятно, столкнулись носители двух разных

по происхождению культурных традиций.

Едва ли граница между двумя явлениями была абсолютной константой. Мы видим отдельные черты, присущие комплексу Сэрэтень (пластины с крутой краевой ретушью) в ряде комплексов гребениковской культуры (Мирное, Гребеники). При этом влияние культур Криш и Старчево ощущается в ряде комплексов буго-днестровской культуры. Тем не менее, граница между восточноевропейским и балканским неолитом была реальностью, имевшей значение на протяжении VII-V тыс. до н.э.

Выводы

Миграция носителей традиций Дарквети привела к появлению на юге Восточной Европы ряда археологических культур, получивших названия: матвеевокурганская, гребениковская, буго-днестровская, киево-черкасская.

Гребениковская и буго-днестровская культуры связаны с началом развития неолита на территории юго-западной Украины и Молдавии. Буго-днестровская культура развивалась в протяжении времени с середины VII до третьей четверти VI тыс. до н.э. Традиции киево-черкасской и матвеевокурганской культур легли в основу так называемой днепро-донецкой культурно-исторической области неолита Украины.

Все культуры, возникшие в результате даркветской миграции, появились на территории юга Восточной Европы на докерамической стадии. В последней трети VII – в первой четверти VI тыс. до н.э. носители этих культур вступили в керамическую fazu развития. В указанное же время произошел и частичный переход к производящим формам экономики, о чем свидетельствует появление скотоводства.

Таким образом, миграция даркветского населения стимулировала развитие неолитического образа жизни на юге Восточной Европы. С другой стороны, миграция не оборвала связи с материнской территорией, ставшей своего рода мостиком, по которому в Восточную Европу приходили инновационные технологии с территории Ближнего и Среднего Востока.

Библиография

Belanovskaia 1995: T.D. Belanovskaia, Iz drevnejshego proshlogo Nizhnego Podonya: Poselenie vremen neolita

- i eneolita Rakushechnyj Iar (Sankt-Petersburg 1995) // Т.Д. Белановская, Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья: Поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр (Санкт-Петербург 1995).
- Biagi, Kiosak 2010:** P. Biagi, D. Kiosak, The Mesolithic of the Northwestern Pontic Region: New AMS Dates for the Origin and Spread of the Blade and Trapeze Industries in Southeastern Europe. EA 16, 2010, 23-42.
- Bibikov et al. 1994:** S.N. Bibikov, V.N. Stanko, V.Iu. Koen, Finalnyi paleolit i mezolit Gornogo Kryma (Odessa 1994) // С.Н. Бибиков, В.Н. Станко, В.Ю. Коен, Финальный палеолит и мезолит Горного Крыма (Одесса 1994).
- Boriskovskii 1975:** P.I. Boriskovskii, Mezoliticheskaya stoianka Kazanka bliz Krivogo Roga. In: (red. P.M. Kozhin, L.V. Kol'tsov, M.P. Zimina) Pamiatniki drevneishei istorii Evrazii (Moskva 1975), 55-62 // П.И. Борисковский, Мезолитическая стоянка Казанка близ Кривого Рога. В: (ред. П.М. Кожин, Л.В. Кольцов, М.П. Зимина) Памятники древнейшей истории Евразии (Москва 1975), 55-62.
- Braidwood 1983:** R.J. Braidwood, The Site of Jarmo and Its Architectural Remains. In: (eds. R.J. Braidwood et al) Prehistoric Archaeology Along the Zagros Flanks (Chicago 1983), 155-208.
- Chkhatarashvili 2013:** G.L. Chkhatarashvili, Novye arkheologicheskie nakhodki v sele Dzhvartskhma Chokhataurskogo munitsipaliteta. Trudy Batumskogo Arkheologicheskogo Muzeia V, 2013 // Г.Л. Чхатарашвили, Новые археологические находки в селе Джварцхма Чохатаурского муниципалитета, Труды Батумского археологического музея V, 2013.
- Gerasimenko 1997:** N.P. Gerasimenko, Prirodnaia sreda obitaniia cheloveka na iugo-vostoke Ukrains v pozdnelednikovie i golotsene (po materialam paleogeograficheskogo izucheniiia arkheologicheskikh pamiatnikov). Arkheologicheskii al'manah 6, 1997, 3-64 // Н.П. Герасименко, Природная среда обитания человека на юго-востоке Украины в позднеледниковые и голоцене (по материалам палеогеографического изучения археологических памятников). Археологический альманах 6, 1997, 3-64.
- Gorelik et al. 2014:** A.F. Gorelik, A.V. Tsybrii, V.V. Tsybrii, O chem povedali cherep tura, topor i zhenskie statuetki? (K probleme nachalnoi neolitatsii Nizhnego Podonia). Stratum plus 2, 2014, 247-282 // А.Ф. Горелик, А.В. Цыбрый, В.В. Цыбрый, О чем поведали череп тура, топор и женские статуэтки? (К проблеме начальной неолитизации Нижнего Подонья). Stratum plus 2, 2014, 247-282.
- Gronenborn 2017:** D. Groneborn, Migrations before the Neolithic? The Late Mesolithic blade-and-trapeze horizon in central Europe and beyond. In: (eds H.H. Meller et al.) Migration and Integration from Prehistory to the Middle Ages (Halle 2017), 113-127.
- Giria 1997:** E.Iu. Giria, Tekhnologicheskii analiz kamennykh industrii. In: Metodika mikro-makroanaliza drevnikh orudii truda, Ch. 2 (Sankt-Petersburg 1997) // Е.Ю. Гиря Технологический анализ каменных индустрий В: Методика микро-макроанализа древних орудий труда, Ч. 2 (Санкт-Петербург 1997).
- Hole 1977:** F. Hole, Studies in the archeological history of the Deh Luran plain. The Excavation of Chagha Sefid. Memories of the Museum of Anthropology, Number 9 (Michigan 1977).
- Hole 1987:** F. Hole, Chronologies in the Iranian Neolithic. In: (ed. O. Aurenche) Chronologies in the Near East: relative chronologies and absolute chronology 16.000-4.000 B.P.: C.N.R.S. International symposium, Lyon (France) 24-28 November 1986. BAR International Series 379, 1987, 353-379.
- Housley 1994:** R.A. Housley, Eastern Mediterranean Chronologies: The Oxford AMS Contribution. Radiocarbon 36, 1994, 55-73.
- Iudin 2004:** A.I. Iudin, Varfolomeevskaia stoianka i neolit stepnogo Povolzhia (Saratov 2004) // А.И. Юдин, Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья (Саратов 2004).
- Kadowaki et al. 2014:** S. Kadowaki, F. Gulyev, Y. Nishiaki, Chipped Stone Technology of the Earliest Agricultural Village in the Southern Caucasus: HaciElamxanlıTepe (the Beginning of the 6th Millennium BC). Proceedings of 9th ICAANE, Vol. 3 (Basel 2014), 709-722.
- Kalandadze 1986:** K.S. Kalandadze, Neoliticheskaya kul'tura Zapadnoi Gruzii v svete novykh arkheologicheskikh otkrytiy (Tbilisi 1986) // К.С. Каландадзе. Неолитическая культура Западной Грузии в свете новых археологических открытий (Тбилиси 1986).
- Karmanski 2005:** S. Karmanski, Donja Branjevina: A Neolithic settlement near Deronje in the Vojvodina (Serbia) (Trieste 2005).
- Kovalenko 2017:** S.I. Kovalenko, O kul'turno-khronologicheskoi pozitsii final'no-mezoliticheskikh pamiatnikov v Pruto-Dnestrovskom mezhdurech'e. Stratum plus 1, 2017, 155-170 // С.И. Коваленко, О культурно-хронологической позиции финально-мезолитических памятников в Прuto-Днестровском междуречье. Stratum plus 1, 2017, 155-170.
- Krizhevskaya 1992:** L.Ia. Krizhevskaya, Nachalo neolita v stepyakh Severnogo Prichernomor'ya (Sankt-Petersburg 1992) // Л.Я. Крижевская. Начало неолита в степях Северного Причерноморья (Санкт-Петербург 1992).

- Man'ko 2013:** V.O. Man'ko, Final'nii paleolit – neolit Krimu (Kyiv 2013) // В.О. Манько, Фінальний палеоліт – неоліт Криму (Київ 2013).
- Man'ko 2018:** V.O. Man'ko, Grebenikivs'ka kul'turno-istorichna oblast'. In: (red. O.V. Smintina) Arkheologiya, etnologiya ta okhorona kul'turnoi spadschini Pivdenno-Skhidnoi Evropi (Odesa 2018), 70-92 // В.О. Манько, Гребениківська культурно-исторична область. В: (ред. О.В. Смінтіна) Археологія, етнологія та охорона культурної спадщини Південно-Східної Європи (Одеса 2018), 70-92.
- Markevich 1974:** V.I. Markevich, Bugo-Dnestrovskaya kul'tura na territorii Moldavii () (Kishinev 1974) // В.И. Маркевич, Буго-Днестровская культура на территории Молдавии (Кишинев 1974).
- Meshveliani et al. 2007:** T. Meshveliani, G. Bar-Oz, O. Bar-Yosef, A. Belfer-Cohen, E. Boaretto, N. Jakeli, I. Koridze, Z. Matskevich, Mesolithic Hunters at KotiasKlde, Western Georgia: Preliminary Results. Paleoorient 33/2, 47-58.
- Mikhailovich 2009: D. Mikhailovich, Upper Palaeolithic chipped stone industries from Crvena Stijena (Belgrade 2009).
- Nebieridze 1972:** L.D. Nebieridze, Neolit Zapadnogo Zakavkaz'ia (Tbilisi 1972) // Л.Д. Небиеридзе, Неолит Западного Закавказья (Тбилиси 1972).
- Nebieridze 1978:** L.D. Nebieridze, Darkvetskii mnogosloinyi naves (Tbilisi 1978) // Л.Д. Небиеридзе, Даркветский многослойный навес (Тбилиси 1978).
- Nishiaki et al. 2015:** Y. Nishiaki, F. Guliyev, S. Kadawaki, Chronological contexts of the earliest Pottery Neolithic in the Southern Caucasus: Radiocarbon dates for Göytepe and Hacı Elamxanlı Tepe, West Azerbaijan. American Journal of Archaeology 119(3), 279-294.
- Rosenberg 1994:** M. Rosenberg, A Preliminary Description of the Lithic Industry from Hallan Cemi. In: (eds H.G. Gebel, S.-K. Kozlowski) Neolithic Chipped Stone Industries of the Fertile Crescent. SENEPE 1(Berlin 1994), 223-238.
- Stanko 1966:** V.N. Stanko, Mezoliticheskaya stoianka Girzhevo v Odesskoi oblasti. SA 2, 1966, 96-103 // В.Н. Станко, Мезолитическая стоянка Гиржево в Одесской области. СА 2, 1966, 96-103.
- Telizhenko 2013:** S.A. Telizhenko, Doslidzhennia pobлизу s. Borovs'ke na Luganshchini. ADU v 2012 g., 2013, 226-227 // С.А. Теліженко, Дослідження поблизу с. Боровське на Луганщині. АДУ в 2012 г., 2013, 226-227.
- Tsybrii 2008:** V.V. Tsybrii, Neolit Nizhnego Dona i Severo-Vostochnogo Priazov'ia (Rostov-na-Donu 2008) // В.В. Цыбрий, Неолит Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья (Ростов-на-Дону 2008).
- Tubol'tsev 1995:** O.V. Tubol'tsev, Novoe neoliticheskoe poselenie Kamennaia Mogila 3. SP 1, 1995. 1-6 // О.В. Тубольцев, Новое неолитическое поселение Каменная Могила 3. СП 1, 1995, 1-6.
- Zaitseva et al. 2000:** G.I. Zaitseva, V.I. Timofeev, N.N. Zagorska, N.N. Kovaliukh, Radiocarbon dates of the Mesolithic sites of Eastern Europe. Radiocarbon and Archaeology I, 2000, 33-52.
- Zalizniak 2009:** L.L. Zalizniak, Mezolit zakhodu Skhidnoi Evropi (Kyiv 2009) // Л.Л. Залізняк, Мезоліт заходу Східної Європи (Київ 2009).

Валерий Манько, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии НАН, проспект Героев Сталинграда, 12, Киев, Украина, e-mail: valery_manko@yahoo.com

Гурам Чхатарашивили, кандидат исторических наук, научный сотрудник музей Аджарии, ул. Чавчавадзе, 77, Батуми, Грузия, e-mail: gurami.chxa87@yahoo.com

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XVI _ nr. 1

IN MEMORIAM

**Dr.hab. OLEG LEVIȚKI
(1956-2020)**

Revistă indexată în bazele de date

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2020

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

**INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE**

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki†

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – dr. **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посыпать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Eugen Mistreanu (<i>Chișinău</i>), Marcin M. Przybyła (<i>Kraków</i>). Despre planimetria aşezării gumelniteșene Taraclia I în cercetări vechi și noi	5
Майя Кашуба (Санкт-Петербург), Игорь Сапожников (Киев). История находки Бородинского (Бессарабского) клада	21
Aurel Mototolea (<i>Constanța</i>), Simina Margareta Stanc (<i>Iași</i>), Andreea Andrei (<i>Constanța</i>). The roadside inns (<i>khâns</i>) in Ottoman Dobrudja	48

MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Валерий Манько (Киев), Гурам Чхатарашвили (Батуми). Раннеголоценовая стоянка Джварцхма в Западной Грузии	63
Oleg Levițkiț, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chișinău</i>). Rezultatele investigațiilor arheologice efectuate în cadrul sitului Trinca-Izvorul lui Luca în anul 2001	78
Виталий Синика (Тирасполь), Сергей Лысенко (Киев), Сергей Разумов (Тирасполь), Николай Тельнов (Кишинэу). Курган 2 группы «Рыбхоз» в Нижнем Поднестровье и скифские кремации Северо-Западного Причерноморья	99
Александр Симоненко (Киев). Ритуальный депозит II-I вв. до н.э. из Брэвичень	108

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Vasile Haheu (<i>Chișinău</i>). Sistemul defensiv al fortificațiilor traco-getice (particularități constructive și principii de apărare)	121
Елена Журухина (Киев). Производство стеклянных изделий (по материалам ремесленных мастерских Киевского Подола XII – первой половины XIII века)	130

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Roman Croitor (<i>Aix-en-Provence</i>), Vitalie Burlacu (<i>Chișinău</i>). The Middle Paleolithic site of Buzdujeni 1 (Northern Moldova): evidence on periodic occupation by cave hyena	136
Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chișinău</i>), Vasile Diaconu (<i>Târgu-Neamț</i>), Nicoleta Vornicu (<i>Iași</i>). Despre vasul de cupru medieval descoperit la Cetatea Neamțului (județul Neamț, România). Noi considerații	145
Mariana Gugeanu (<i>Iași</i>). Textilă liturgică arheologică – <i>Mâneceuță</i> . Conservare și restaurare	157

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Kirsten Hellström, *Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet*

(2. Jh. v. Chr. - 3. Jh. n. Chr.). Arhäologie in Eurasien 39, Bonn, 2018,
284 pagini și 94 planșe, ISBN 978-3-7749-3948-6
(Vasile Iarmulschi, Berlin) 163

IN HONOREM

Dumitru Boghian la 65 de ani (Sergiu-Constantin Enea, Târgu-Frumos) 165

IN MEMORIAM

La adio Oleg Levički: Omul și Savantul (1956-2020)
(Vasile Haheu, Chișinău) 168

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 172

INFORMATII ȘI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 173

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL
MAGAZINE 174

Oleg Levițki†, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu

**Rezultatele investigațiilor arheologice efectuate în cadrul sitului
Trinca-Izvorul lui Luca în anul 2001**

Keywords: multi-layered settlement, archeological investigations, orizonturi cultural-cronologice, archeological complexes, findings.

Cuvinte cheie: aşezare cu mai multe niveluri de locuire, investigații arheologice, orizonturi cultural-cronologice, complexe arheologice, piese de inventar.

Ключевые слова: многослойное поселение, археологические исследования, культурно-хронологические горизонты, археологические комплексы, находки.

Oleg Levițki†, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu

The results of archaeological investigation carried out in 2001 in the Trinca-Izvorul lui Luca site

In this article, the authors aim to introduce into scientific circulation the unpublished results of archaeological research carried out in 2001 on the multi-layered site Trinca-Izvorul lui Luca (Section XI). The presentation of the vestiges was made according to the already known structure, more precisely, the description of the stratigraphy and the general statistics of the materials; analysis and exposure of materials (complexes, inventory pieces, ceramics) on cultural-chronological horizons (Upper Paleolithic, Late Eneolithic, Bronze Age, Early Iron Age); elaboration of the synoptic table of the osteological material; identifying analogies (both for the site and for various categories of pieces), as well as formulating a complex set of conclusions.

Oleg Levițki†, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu

Rezultatele investigațiilor arheologice efectuate în cadrul sitului Trinca-Izvorul lui Luca în anul 2001

În articolul de față, autorii își propun continuarea introducerii în circuitul științific a rezultatelor cercetărilor din cadrul așezării cu mai multe niveluri de locuire Trinca-Izvorul lui Luca (Secțiunea XI), rămase încă inedite. Prezentarea vestigilor a fost efectuată conform structurii deja cunoscute, mai exact, descrierea stratigrafei și statistica generală a materialelor; analiza și expunerea materialelor (complexe, piese de inventar, ceramică) pe orizonturi cultural-cronologice (paleoliticul superior, eneoliticul târziu, epoca bronzului, epoca fierului timpuriu); elaborarea tabelului sinoptic al materialului osteologic; depistarea analogiilor (âtât pentru sit, cât și pentru diverse categorii de piese în parte), precum și formularea unui set complex de concluzii.

Олег Левицкий†, Ливия Сырбу, Геннадий Сырбу

Результаты археологических исследований на поселении Тринка-Изворул луй Лука в 2001 году

В данной статье, авторами вводится в научный оборот оставшиеся неопубликованными результаты археологических исследований, проведенных на многослойном памятнике Тринка-Изворул луй Лука в 2001 году (раскоп XI). Археологические материалы представлены по уже устоявшейся схеме: описание стратиграфии и общей статистики материалов; анализ материалов (комплексы, предметы инвентаря, керамика) по культурно-хронологическим горизонтам (верхний палеолит, поздний энеолит, эпоха бронзы, первая эпоха железа и др.); составление синоптической таблицы остеологического материала; выявление аналогий (как для поселения, так и для различных категорий находок в частности), а также формулировка целого ряда комплексных выводов.

Introducere

Anul acesta, la fel ca și în ultimii patru ani, ne propunem să scoatem la lumina zilei rezultatele altrei campanii de săpătură, care a avut loc în anul 2001 în cadrul așezării Trinca-Izvorul lui Luca. Menționăm, că până la această etapă, autorii au publicat deja materialele descoperite în anul 1984 [Levițki, Sîrbu 2017, 111-121], 1989 [Levițki, Sîrbu 2016, 237-249], 2000 (secțiunile VIII, IX și X) [Levițki et al. 2018, 80-95] și 2000 (secțiunea XI) [Levițki et al. 2019, 86-99].

În lucrarea de față vom prezenta rezultatele săpăturilor arheologice din cadrul secțiunii XI investigațiată în anul 2001 (fig. 1). Scopul cercetărilor a fost extinderea spre est/nord-est (centrul promontoriului) a secțiunii XI, degajată în campania din 2000. Astfel, paralel casetei B, a fost lăsat un martor de 0,50 m și trasate două suprafete cu dimensiuni egale (lungimea de 42 m și lățimea de 10 m fiecare). Acestea, la rândul lor, erau delimitate între ele printr-un martor cu lățimea de 0,5 m și au fost împărțite în patru caseți (C, D, E, F) cu suprafațele de 210 m.p.

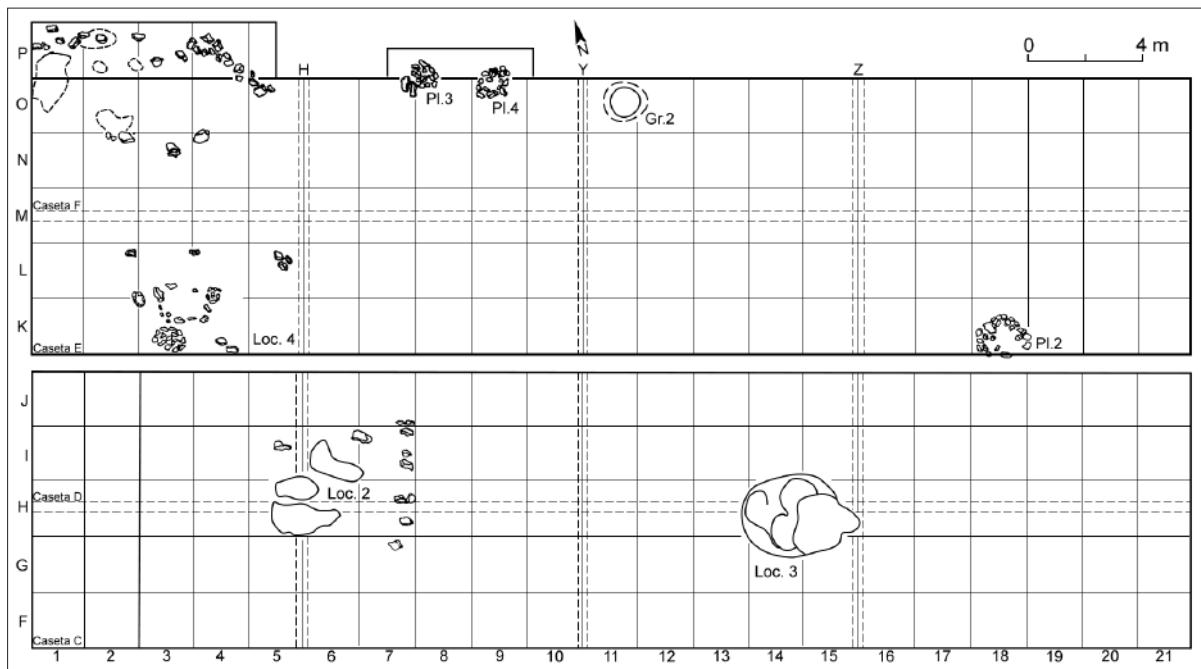

Fig. 1. Planul secțiunii XI (campania de săpături din 2001).

Fig. 1. Plan of the section XI (the 2001 excavation campaign).

Deja este bine cunoscut faptul că situl a fost descoperit în anul 1981 de către arheologul Ilie Borziac și, respectiv, sub conducerea lui Oleg Levițki au fost efectuate săpături arheologice sistematice de-a lungul mai multor campanii (din 1982 până în 2004, cu mici întreruperi). Vestigiile arheologice descoperite au permis stabilirea mai multor orizonturi cultural-cronologice. Astfel, cel mai timpuriu nivel de locuire ține de perioada paleoliticului superior, urmat de un consistent orizont aparținând eneoliticului târziu (grupul de tip Gordinești). Acesta din urmă este suprapus de două niveluri specifice epocii bronzului (perioada timpurie – stațiuni sezoniere ale unor formațiuni culturale cu ceramica ornamentată cu șnur, eventual, a grupului Edineț și, respectiv, mijlocie – de tip Komarov), care la rândul lor sunt suprapuse de trei orizonturi succesive din epoca hallstattiană. De rând cu acestea, au mai fost descoperite și sporadice materiale ce aparțin perioadei romane și epocii medievale timpurii.

Stratigrafia secțiunii XI și statistica generală a materialelor (vezi Tabelul 1)

Stratul I prezintă sol vegetal în amestec cu resturi de cultură materială, precum și 22 piese de inventar lucrate din: *silex* – 17 (9 lame pentru seceră, 4 gratoare, 2 percutoare, un burin și o aşchie

cu una din laturile lungi retușată și lustruită); *lut ars* – 4 (3 statuete zoomorfe și o fusaiolă în stare fragmentară); *os/corn* – 1 (un străpungător).

Stratul II conține sol negru-cenușiu cu evidețe urme de cenușă. Resturile de cultură materială sunt deosebit de numeroase, printre care amintim și 41 de piese de inventar lucrate din: *silex* – 28 (12 lame cu laturile lungi retușate, 10 gratoare, 2 bifase și un vârf de săgeată); *lut ars* – 6 (2 linguri, 3 fusaiole și o figurină zoomorfă); *os/corn* – 3 (un omoplat crestat, un fragment de corn lustruit și o unealtă de os de tip incert); *piatră* – 2 (un fragment de râșniță și unul de topor perforat); *fier* – 2 (un topor cu dulie deschisă și un „șpaclu”). La baza acestui strat, în caroul K/18 și O/8-9 au fost descoperite trei platforme amenajate din piatră (nr. 2, 3, 4), aparținând primei epoci a fierului.

Stratul III prezintă sol de culoare neagră-cenușie în care s-au conservat numeroase resturi de cultură materială, inclusiv, 28 de piese de inventar lucrate din: *silex* – 15 (6 gratoare, 5 lame cu laturile lungi retușate, 2 piese lucrate pe aşchii, un bifas și un burin); *lut ars* – 6 (3 fusaiole, o bilă, un vas miniatural și un picior de amforă); *piatră* – 4 (o rondelă de calcar, un percutor din galetă de râu, o râșniță și o piesă din galet de râu); *os* – 3 (o cataramă, o fusaiolă și o piesă incertă). În unele sectoare – liniile de carouri 3-10 din casetele C-D

Categorie materialelor	Str. I	Str. II	Str. III	Str. IV	L. 2	L. 3	L. 4	L. 5	Gr. 2	Total
Paleoliticul superior/silex	36	126	194	306	-	-	-	-	-	632
Eneoliticul târziu/ceramică	8	26	48	20	2	13	4	12	-	133
Bronzul timpuriu/ceramică	-	4	14	2	-	-	-	4	-	24
C. Catacombelor/ceramică	-	-	7	-	-	-	-	-	-	7
C. Mnogovalikovaia/ ceramică	-	3	11	-	-	-	-	-	-	14
C. Komarov/ceramică	-	6	16	1	-	2	-	2	-	27
Prima epocă a fierului/ ceramică	606	1290	781	212	139	162	132	422	-	3741
Oase de animale	320	922	842	183	30	210	62	188	-	2757
Silexuri	333	669	838	477	36	52	70	133	-	2608
Chirpic, Lipitură	222	853	782	258	-	26	-	-	-	2141
Pietre	693	899	872	228	-	62	-	-	-	2754

Tabelul nr. 1. Materiale descoperite în Secțiunea XI.

Table No 1. The materials discovered in the Section XI.

și 3-9 din casetele E, la talpa stratului III, au fost dezvelite mai multe aglomerații de materiale arheologice, care constituie resturile unor locuințe de suprafață (nr. 2, 4, 5) din prima epocă a fierului.

Stratul IV constă din sol de culoare galben-cremă, care la bază trece în galben-nisipos, steril cu vestigii arheologice mult mai puține. A fost degajat complet în perimetru casetelor E și F, iar în caseta D doar în carourile 6, 7, 11, 12. Din cadrul vestigiilor arheologice colectate fac parte și 26 piese de inventar, reprezentate prin unelte lucrate din silex – 25 (7 burine, 5 gratoare, 7 unelte lucrate pe aşchii, 4 lame cu laturile lungi retușate, un percutor și un racloar) și una din *lut ars* – un vas miniatural. După taluzare în carourile G-H/14-15 a fost evidențiat conturul unei locuințe adâncite (nr. 3), iar în caroul O/11-12 – a unei gropi menajere (gr. 2).

Prezentarea vestigiilor pe orizonturi cultură-cronologice

După cum am amintit și mai sus, vestigiile arheologice descoperite în secțiunea XI, din punct de vedere cultural-cronologic pot fi atribuite paleoliticului superior, eneoliticului, perioadei timpurii și mijlocii a epocii bronzului, primei epoci a fierului și, respectiv, sporadice materiale specifice celei de a doua epoci a fierului și perioadei romane.

Paleoliticul superior. Acest orizont este reprezentat printr-o cantitate considerabilă de silexuri patinizate, care provin din toate straturile de săpătură, situație specifică și pentru celelalte suprafete investigate în campaniile anterioare. To-

tuși, mult mai numeroase sunt în stratul IV din Casetele E, F, în special liniile de carouri 14-18. Colecția litică prioritar este alcătuită din aşchii, lame fără prelucrare secundară, nuclee și într-o măsură mai mică din unelte de muncă. Din masa totală de silexuri depistate din straturile de săpătură, conform determinărilor efectuate de Ilie Borzicăc, pentru paleoliticul superior sunt: str. I – 24 de

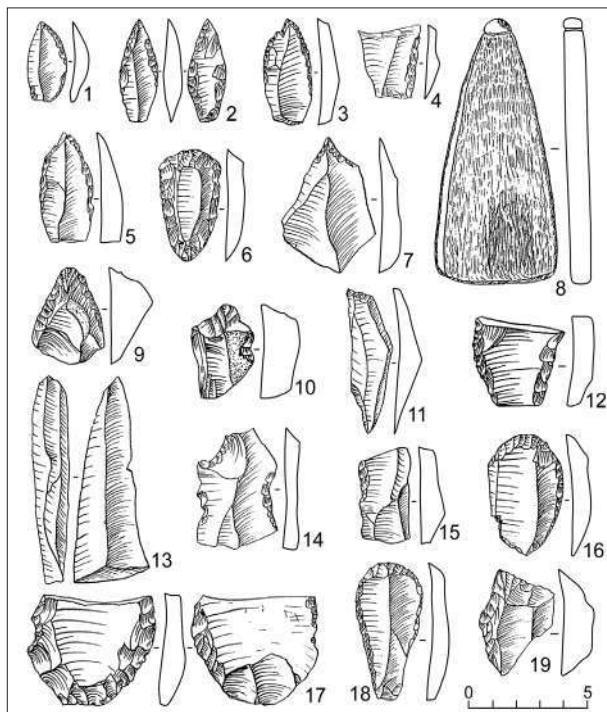

Fig. 2. Piese de silex și piatră din paleoliticul superior.

Fig. 2. Upper Paleolithic flint and stone pieces.

așchii și lame, 2 nuclee și 5 unelte (3 gratoare și 2 burine); str. II – 119 de așchii și lame, un nucleu și 6 unelte (gratoare); str. III – 164 de așchii și lame, 2 nuclee și 8 unelte (6 gratoare, un burin și un bifas); str. IV – 286 de așchii și lame, 5 nuclee și 15 unelte (6 burine, 5 gratoare, 3 piese cu encoche și un racloar). De asemenea, așchii și lame patinizate, fără prelucrare secundară, au fost identificate și printre vestigile unor structuri de habitat: loc. 2 – 19; loc. 3 – 10; loc. 4 – 13.

Colecția de piese paleolitice, depistată în campania 2001 numără peste 700 piese de silex. Materia primă pentru confectionarea acestora este reprezentată de silexul negru de Prut, acoperit cu patină albă-albăstrui și/sau „lustru” specific [Borziac, Levitki 2003, 33]. Industria acestui nivel de locuire include: *racloare dublu convex-concave* (fig. 2,12); *piese bifaciale* (fig. 2,17), una dintre care, posibil, reprezintă un vârf de săgeată (fig. 2,2); *piese denticulate* reprezentate de așchii de diferite mărimi care au pe laturi retuze neregulate, de multe ori alternate, intercalate cu „ghimpi”, encoche retușate și clactoniene; piese cu encoche multe dintre care sunt combinate cu alte tipuri de unelte – denticulare, gratoare etc. (fig. 2,14); *piese de tip esquillées* (fig. 2,4); *gratoare simple* pe lame întregi sau frânte (fig. 2,6,18), înalte carenate și au museaux, cu cioc ascuțit și rotunjit, mărginită de encoche retușate mai adânci ori mai slab pronunțate (fig. 2,9), nucleiforme (fig. 2,10), duble, etc.; *burine* pe trunchiere retușată dreaptă, oblică, concavă combinate cu burine pe spărtură (fig. 2,3,5,11), cu un vârf atipic, cu un gratoar (fig. 2,16), diedre, tipice aurignaciene (fig. 2,13), duble pe troncatură retușată și diedru (fig. 2,15,19), transversale, ambele duble-transversal pe spărtură (fig. 2,15); *străpungătoare* cu vârfurile relativ scurte, prelucrate cu retuze mărunte semi-abrupte, lucrate din așchii (fig. 2,7) sau lame; *piese de tip segment de cerc*, lucrate pe lame retușate doar pe latura convexă (fig. 2,1); *lame și așchii* retușate; *percutoare sferice* etc. Colecția mai conține și un pandantiv din piatră, de culoare cenușie cu intruziuni strălucitoare. Piesa are formă triunghiulară simetrică alungită cu colțurile de la bază și cel distal ușor rotunjite și dimensiunile de 11,1x5x1 cm. Suprafețele sunt plate și marginile minuțios șlefuite. În partea de sus, la 1 cm de capăt se observă un orificiu de prindere de 1,2 mm (fig. 2,8).

Epoca eneoliticului. Vestigiile arheologice atribuite acestui nivel cultural sunt destul de pu-

ține, însușând doar 133 fragmente ceramice și câteva piese de inventar.

Ceramica de tip Gordinești din straturile de săpătură, din punct de vedere cantitativ se distribuie în felul următor: str. I – 8 fragmente (fină); str. II – 24 fragmente (fină și un fragment cu nisip și posibil scoică); str. III – 46 fragmente (fină); str. IV – 20 fragmente (15 din categoria cenușie cu șamo-

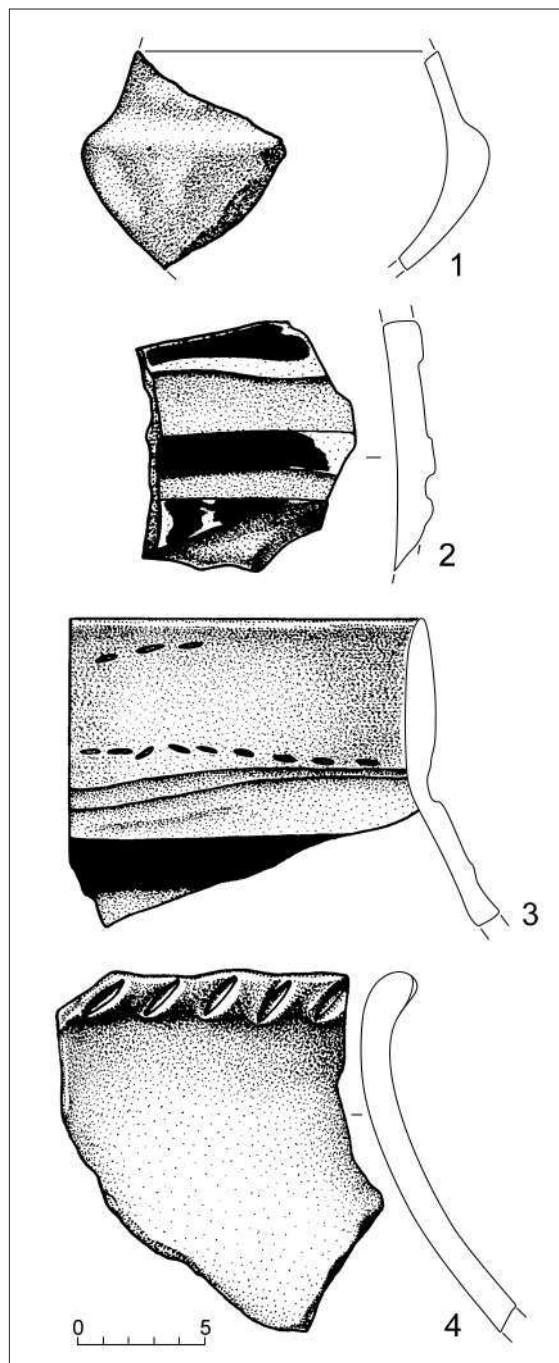

Fig. 3. Ceramică eneolică din straturile de săpătură.

Fig. 3. Eneolithic type pottery from the excavated layers.

tă în compoziție și 5 fine). Din păcate, materialul este foarte fragmentat făcând dificilă identificarea tipurilor morfologice. Menționăm doar, prezența în cadrul categoriei fine a vaselor cu buza verticală, ușor evazată, unele prevăzute cu torți. De asemenea, profilul unei cupe de mici dimensiuni (fig. 3,1) și un vas cu marginea evazată, care este ornamentat pe partea exterioară a buzei cu crestături (fig. 3,4), ambele fiind din categoria ceramică cu nisip și șamotă.

În cadrul materialului ceramic eneolic, de rând cu ceramica de tip Gordinești, deja cunoscută pentru acest sit, au fost identificate și câteva fragmente, care, în primul rând, după particularitățile lor ornamentale se deosebesc de ceramică specifică orizontului cultural-cronologic de la sfârșitul eneoliticului din spațiul carpato-nistrean. Acestea provin din str. II (4 fr.), str. III (2 fr.) și str. IV (2 fr.) de săpătură și din umplutura locuinței adâncite nr. 3. Categoria ceramică nou identificată se atribuie celei semifine/fine cu decor canelat (fig. 3,2). Morfologic, se evidențiază vase bitronconice cu buza evazată. Un singur exemplar este ornamentat cu caneluri orizontale în asociere cu un șir orizontal, paralel acestora, de impresiuni ovale de mici dimensiuni (fig. 3,3).

Piese de inventar atribuite acestui nivel includ unelte de silex, piatră, os/corn și ustensile de lut ars.

Uneltele de silex au fost prelucrate și atribuite cultural de către dr. Ilie Borziac și dr. Serghei Covaleenco. Sunt reprezentate prin: *percutoare* de formă sferică cu suprafețele puternic uzate și diametrele ce variază între 4 și 6 cm; *lame retușate* (pentru seceri) reprezentate prin piese întregi și fragmentare, preponderent, de culoare cenușie (fig. 4,3,5). Sunt lucrate pe lame dreptunghiulare, lungimea cărora variază între 4,5 și 7 cm, iar lățimea între 1,4 și 2,5 cm. Au una din laturile lungi retușată uni- sau bilateral și acoperită cu luciu; *gratoare* întregi lucrate pe capăt de așchie de culoare cenușie deschisă cu lungimea de 4,4 cm (fig. 4,9) și două piese fragmentare lucrate pe capete de lamă de culoare cenușie; *așchii retușate*, una, masivă (7,5x3-2,5 cm), alta – îngustă cu lungimea de 4,5 cm (fig. 4,2). Ambele au câte o latură (lungă) retușată unilateral și culoare cenușie. Printre piesele de silex se evidențiază un *vârf de săgeată* de formă triunghiulară alungită cu baza dreaptă, retușat „în pojghiță” pe ambele fețe și dimensiunile de 5x2,4 cm. Latu-

rile sunt îngrijit modelate prin retușare (fig. 4,4).

Uneltele de piatră se atribuie două *percutoare*, unul, din galetă de râu de formă trapezoidală (fig. 4,13) și altul, de formă ovală (fig. 4,12). Suprafețele ambelor piese sunt bine șlefuite și doar pe alocuri conțin urme de deteriorare.

Uneltele din os/corn sunt reprezentate printr-o piesă lucrată pe așchie de os tubular de animal cu lungimea de 9 cm (fig. 4,6) și un *fragment de corn* de animal, șlefuit, cu vârful deteriorat în

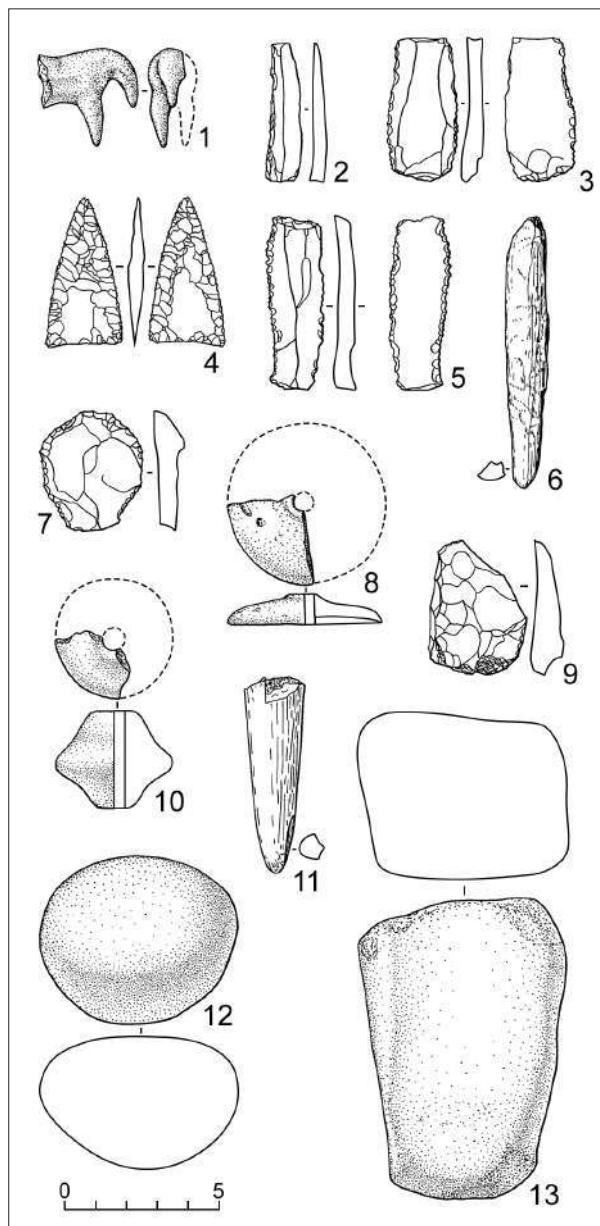

Fig. 4. Piese de inventar: 1, 8, 10 – lut ars; 2-5, 7, 9 – silex; 6, 11 – os/corn; 12-13 – piatră.

Fig. 4. Findings: 1, 8, 10 – burnt clay; 2-5, 7, 9 – flint; 6, 11 – bone/horn; 12-13 – stone.

urma utilizării (fig. 4,11).

Piese de lut sunt reprezentate preponderent prin *fusaiole* modelate din pastă fină cu degresanți de granulație mică, de obicei, nisip sau șamotă de granulație diferită, suprafețele cărora sunt îngrijit netezite și acoperite cu angobă de culoare maronie sau cenușie. În plan, au formă circulară, iar în secțiune – de regulă, bitronconică sau cvasibitronconică. Diametrele (d) pieselor variază între 3,8 și 4,7 cm, înălțimile (h) – între 3,3 și 4 cm, diametrul orificiilor (do) – între 0,7 și 0,9 cm (fig. 4,8,10). De asemenea, amintim aici și un fragment de *figurină zoomorfă*, modelată din pastă densă cu mult nisip. Are suprafață îngrijit netezită, acoperită cu angobă cenușie și lustruită (fig. 4,1).

Epoca bronzului. Investigațiile anterioare au permis identificarea în așezarea Trinca-Izvorul lui Luca a unor niveluri de locuire din epoca bronzului, atât din perioada timpurie, cât și din perioada mijlocie. Caracteristicile tehnologice, morfologice și stilistice ale ceramicii, precum și unele piese de inventar care sigur sunt proprii unor orizonturi cultural-cronologice/formațiuni culturale de epocă, reprezintă argumente convingătoare că acest promontoriu, în perioada timpurie a epocii bronzului, a fost populat sezonier de unele comunități ale culturii cu ceramică ornamentată cu șnur, eventual, de cele ale grupului Edineț, iar în cea mijlocie a culturii Komarov [Levițki, Haheu 1997, 220; Levițki et al. 2018, 85-86; Levițki et al. 2019, 89-90].

În procesul prelucrării materialului ceramic colectat în straturile de săpătură, de rând cu ceramica atribuită culturii cu ceramică ornamentată cu șnur, eventual, grupului Edineț, respectiv, culturii Komarov, a fost evidențiată și o anumită cantitate de fragmente, care, atât din punct de vedere al tehnologiei modelării, cât și după particularitățile lor morfologice și ornamentale se deosebesc de ceramică orizonturilor cultural-cronologice atribuite epocii bronzului din așezare. Această specie de ceramică provine exclusiv din straturile II și III de săpătură și unele complexele cercetate în anul 2001. Parametrii tehnologici, morfologici și stilistici, indică asupra faptului, că astfel de ceramică este proprie complexelor funerare ale păstorilor nomazi din perioada mijlocie a epocii bronzului de tip Katakombnaia, respectiv, de tip Mnogova-

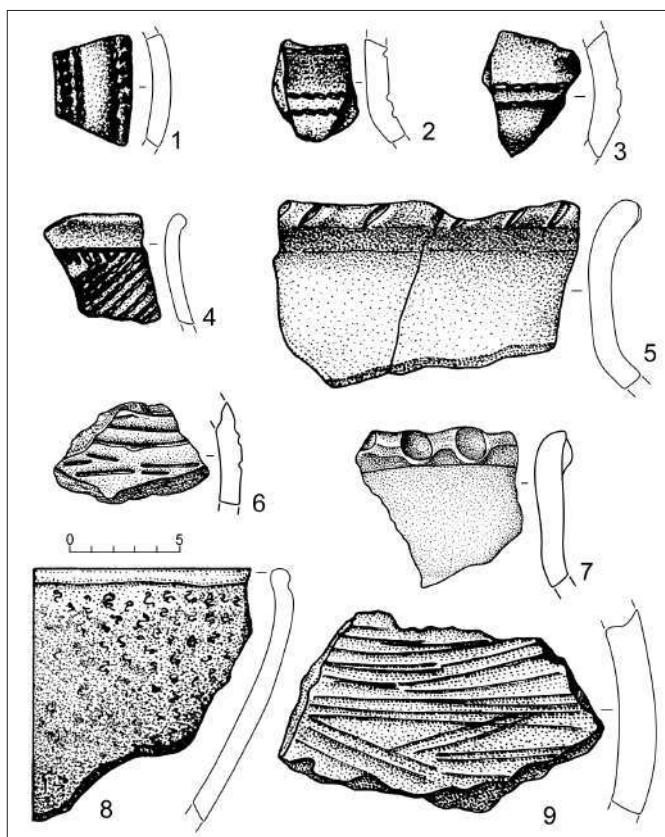

Fig. 5. Ceramică din perioada timpurie a epocii bronzului.

Fig. 5. Early Bronze age pottery.

likovaia – formațiuni culturale atestate în partea de sud-vest a Podișului Moldovei de Nord [Dergachev 1986, 88-110; 121-145; Dergacev 1994, 127-129, fig. 4; Savva 1992, ris. 21; Sava 1994, 141-143, fig.1; Dergaciov 2010, 289-294; 296-300], inclusiv, în nemijlocita apropiere de comuna Trinca [Toșcev 1998, 55, fig. 1].

În continuare, materialul arheologic atribuit epocii bronzului va fi prezentat în succesiunea orizonturilor cultural-cronologice identificate în baza vestigilor din anul 2001.

Perioada timpurie – cultura ceramicii ornamentate cu șnur. Este reprezentată exclusiv prin 20 fragmente de ceramică, modelată cu mâna. Se deosebesc două categorii. Prima – din pastă bine frâmântată, conținând în compoziție nisip și șamotă de granulație mică, de culoare cenușie, cu pereti subțiri și suprafețele îngrijit netezite, pe alocuri cu luciu. În cadrul ceramicii fine, morfologic se evidențiază: *cupe* cu profilul în formă de S de dimensiuni mici ornamentate cu motive imprimate cu șnurul răsucit (fig. 5,4); *căni* cu torți în bandă ornamentate în același stil (fig. 5,1) și vase cu gâțul înalt și margi-

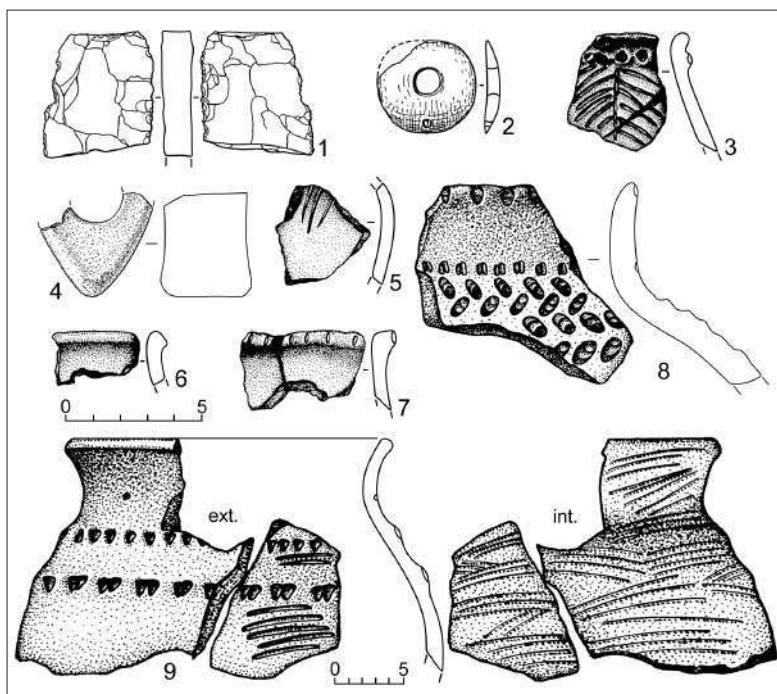

Fig. 6. Piese de inventar și ceramică din perioada mijlocie a epocii bronzului.

Fig. 6. Middle Bronze age findings and pottery.

nea evazată. Unele dintre ele, pe margine fiind ornamentate cu crestături dispuse oblic (fig. 5,5). De rând cu acestea, atribuim și fragmentele de pereți subțiri ornamentați cu amprente de șnur răsucit (fig. 5,2-3). A doua categorie este modelată dintr-o pastă grosolană, densă cu mult nisip și cioburi pisate în compoziție. Vasele au pereții groși, suprafața exterioră acoperită cu barbotină sau cu striuri realizate cu măturicea, iar cea interioară fiind relativ bine netezită. Culoarea la exterior variază de la cenușiu până la maroniu-deschis (fig. 5,6,9). Morfologic, se evidențiază *străchinii* tronconice cu corpul rotunjit în partea superioară, prevăzute sub margine cu o șanțuire orizontală (fig. 5,8) și *vase cu gâtul înalt* și buza ușor evazată, marginea cărororă, în unele cazuri, este ornamentată cu brâu alveolat (fig. 5,7).

Perioada mijlocie – cultura Katakombnaia. Acestui orizont cultural-cronologic/cultură arheologică îi se atribuie 7 fragmente de la un vas și, eventual, un topor-ciocan de granit. Vasul este modelat cu mâna din pastă densă cu shamotă de granulație mică în compoziție. Arderea este neuniformă având suprafața exterioră de culoarea cenușie cu pete mai întunecate sau mai deschise, iar cea interioară – neagră și relativ netezită mai bine, gâtul fiind chiar lustruit. Din punct de ve-

dere morfologic, se atribuie tipului de *vas cu corpul bombat* și gâtul vertical. Recipientul este ornamentat prin impresiuni de forma ovală realizate cu o șanță denticulată: marginea buzei – cu alveole dispuse vertical, baza gâtului – printr-un sir orizontal de alveole în pereche/duble de dimensiuni mai mici, de asemenea, dispuse oblic, iar umerii – prin impresiuni ovale alungite, ce formează motivul „brăduțului”/„spicului” dispus orizontal (fig. 6,8). Acest vas, atât din punct de vedere tehnologic-morfologic, cât și îndeosebi al ornamentației are corespondențe directe în ceramica culturii Katakombnaia din întreaga ei arie, inclusiv din partea ei vestică [Dergachev 1986, 100-104; Toșcev 1998, 51-69; Dergaciov 2010, harta de la p. 290].

De asemenea, aici încadrăm și fragmentul de *topor-ciocan* de granit. Are suprafețele bine șlefuite, lama în plan de formă triunghiulară, iar în profil – dreptunghiulară, fiind prevăzut cu orificiu de prindere a cozii cu diametrul de 3 cm (fig. 6,4).

Perioada mijlocie – cultura Mnogovalikovia. Acesteia îi sunt atribuite doar 14 fragmente ceramice și o cataramă de os. Ceramica este modelată cu mâna din pastă degresată cu nisip, shamotă de granulație mică și calcar măruntit. Predomină fragmentele provenite de la recipiente de proporții cu pereții groși, partea exterioră insuficient netezită și acoperită cu angobă cenușie-maronie, iar cea interioară – neagră, îngrijit netezită, având suprafața acoperită cu striuri neordonate. Morfologic, pentru această categorie, sunt caracteristice *vase cu corpul ușor bitronconic* și marginea evazată, ornamentată pe umeri cu două brâie alveolate dispuse orizontal (fig. 6,9). Mai puțin reprezentative sunt *vasele de proporții* scunde, cu pereții relativ subțiri, suprafețele cărororă sunt acoperite cu angobă cenușie. Deosebim vase cu *corpul bitronconic* și marginea brusc evazată, ornamentate cu motive formate din brâie alveolate și motive geometrice incizate. Marginea vasului putea fi ornamentată cu un sir de crestături de formă triunghiulară cu vârful în jos, sub care se amplasa un brâu alveolat dispus orizontal, de la care mai jos corpul este

acoperit cu un motiv incizat de tip „brăduț-parchet” dispus vertical (fig. 6,3). În alte cazuri – prin două brâie alveolate orizontale paralele în asociere cu un motiv incizat de tip „brăduț- parchet” dispus vertical. *Catarama de os* este lucrată dintr-un fragment de perete de os tubular de animal. Piesa în plan are formă ovală (3,7x3,4 cm), iar în profil ușor curbată, fiind prevăzută cu orificiu central (1,2x1 cm) și unul lateral (0,25 cm) (fig. 6,2). Atât catarama de os, cât și ceramica prezentată este caracteristică pentru cultura Mnogovalikovaia [Savva 1992].

Perioada mijlocie – cultura Komarov. Vestigiile specifice acestei culturi sunt reprezentate prin 24 fragmente de ceramică din straturile de săpătură și, eventual, prin unele piese bifaciale de silex.

Ceramica depistată este reprezentată de categoriile tehnologice proprii acestei culturi: *grosieră* (15 fr.) și *fină* (9 fr.), ambele fiind modelate din pastă degresată cu silex ars măruntit, granule de calcar și nisip de râu, deosebindu-se doar prin mărimea granulelor și prelucrarea suprafețelor. Vasele din categoria *ceramică grosieră*, cu adasuri de granulație mare în compozitia pastei, sunt acoperite cu angobă și netezite mai puțin minuțios, pe suprafață cărora adesea sunt vizibile particule albicioase de silex ars, goluri de la calcarul descompus, precum și granule de micro-prundiș, care redau suprafeței un aspect aspru. Cele din categoria *fină* conțin degeașanți mărunți, au suprafață îngrijit netezită, în unele cazuri până la luciu, acoperită cu angobă, a cărei culoare variază de la maroniu-deschis până la cenușiu-închis spre negru. În cadrul ceramicii grosiere se evidențiază *vasele de tip lalea*, cu marginea buzei orizontală sau tăiată oblic și îngroșată din exterior (fig. 6,6). Într-un caz, partea exterioară a buzei este ornamentată cu un șir de crestături de formă oval-alungită dispuse vertical (fig. 6,7). În cadrul ceramicii fine deosebim și fragmente de vase ornamentate cu motive incizate (fig. 6,5). De asemenea, culturii Komarov i se atribuie și unele fragmente de piese bifaciale de silex. Acestea sunt lucrate pe lame masive cu secțiunea elipsoidală, de culoare cenușie cu pete albe, laturile lungi ale cărora sunt retușate bilateral (fig. 6,1), precum și posibil, alte piese de silex, piatră și de os/corn care au o perioadă de utilizare mai îndelungată.

Prima epoca a fierului. În campania din anul 2001, marea majoritate a vestigilor arheologice descoperite aparțin acestui orizont cronolo-

gic. Evident, cea mai reprezentativă categorie este ceramica – 2879 de fragmente, urmată de materialul arheozoologic, litic și diverse piese de inventar. Acestui orizont i se atribuie toate complexele depistate – locuințele (nr. 2-5), platformele (nr. 2-4) și o groapă (nr. 2).

Locuința nr. 2 (fig. 7) a fost depistată la adâncimea de 0,5-0,6 m de la nivelul actual de călcare. Este de tipul construcțiilor de suprafață (cca 20 m.p.), având formă dreptunghiulară și orientare pe axa sud-vest – nord-est. Vestigiile locuinței constau din platforme de chirpic și lipitură de diferite dimensiuni, perimetru căreia, în partea de nord și de est este marcat de pietre de calcar (de dimensiuni medii și mari), care, probabil, reprezentau fundamental de piatră a construcției. În incinta acesteia de rând cu alte vestigii au fost colectate și 141 de fragmente de ceramică. Din punct de vedere tehnologic, se împarte în două categorii convenționale: *fină* și *grosieră*. Raportul procentual dintre categorii fiind: fină – 17,93% (25 fr.) și grosieră – 82,01% (114 fr.). Morfologic, *ceramica fină* este reprezentată prin *străchini*: a. deschise cu corpul tronconic rotunjît către gură și marginea invazată (fig. 8,4); b. *străchini* tronconice buza cărora formează o platformă oblică spre interior (fig. 8,3); c. *căni* cu toarta în bandă și *cupe* cu profilul în formă de S (fig. 8,1,2). Ceramica *grosieră* – prin *vase de tip lalea*, ornamentate în partea superioară cu brâu alveolat (fig. 8,5-6) și *vase de tip borcan* prevăzute sub margine cu un șir orizontal de perforații complete. Ornamentul fragmentelor de

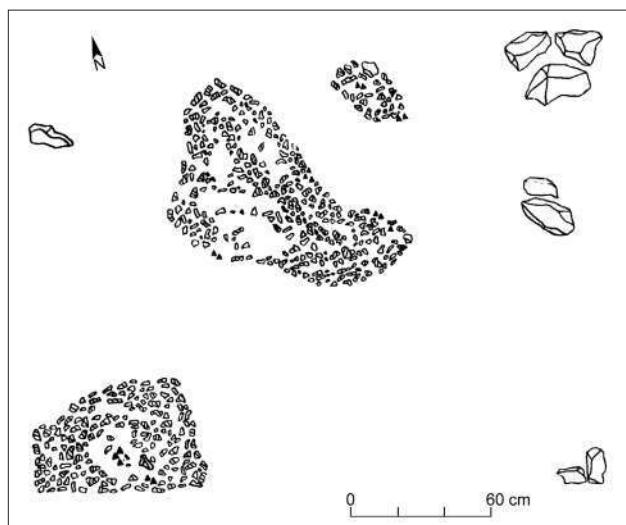

Fig. 7. Planul locuinței nr. 2.

Fig. 7. Plan of the dwelling No 2.

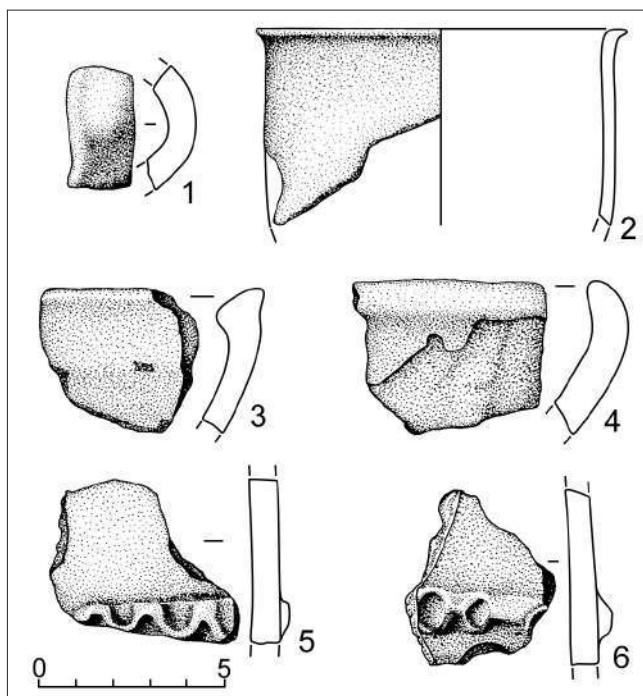

Fig. 8. Ceramică fină (1-4) și grosieră (5-6) din locuința nr. 2.

Fig. 8. Fine (1-4) and coarse (5-6) pottery from dwelling No 2.
Pereți constă exclusiv din brâie alveolate dispuse orizontal.

Locuința nr. 3 (fig. 9) a fost depistată la adâncimea de 0,88-0,98 m de la nivelul actual de călcare. Reprezintă o construcție adâncită, de formă cvasiovală în plan și orientată pe axa nord-vest – sud-est. Are dimensiunile de 4,4x3 m, iar adâncimea sa față de nivelul de depistare constituie în partea de nord-vest circa 0,7 m, în cea de sud-est de 1,66 m. În general, fundul construcției nu este uniform, formând mai multe adâncituri amorfe. Umplutura complexului constă din pământ cenușiu în amestec cu o considerabilă cantitate de diverse resturi de cultură materială, printre care și câteva piese de inventar: o *rondelă* de calcar (d – 8cm) cu secțiunea dreptunghiulară și marginile rotunjite (gr – 2cm), care este prevăzută cu o perforație centrală (d – 1,5cm) (fig. 10,1); două piese de silex – un *gratoar* lucrat pe capăt de aşchie de culoare cenușie (l – 3,0 cm) și o *unealtă* lucrată pe o aşchie complet patinată; trei *unelte de os* de animal, două lucrate din coaste, cu suprafetele puternic lustruite (fig. 10,2) și una, respectiv, dintr-un os tubular, prevăzută cu o perforație incompletă largă epifiză. În construcție s-au mai depistat și 175 fragmente de ceramică, dintre care 13 aparțin, culturii Cucuteni-Tripolie, restul – primei epoci a fierului. Conform parame-

trilor tehnologici, ceramică aparține categoriei *fină* și *grosieră*, distincte după componența pastei și a prelucrării suprafețelor. Raportul procentual dintre categorii fiind de 43,82% (71 fr.) – fină și de 56,17% (91 fr.) – grosieră. *Ceramica fină* este reprezentată prin: *străchini* tronconice cu fundul simplu sau profilat, având buza mai mult sau mai puțin invazată (fig. 10,4,10); *cupe* cu profilul în formă de S și fundul cu umbo (fig. 10,6); *căni* cu tortile cu secțiunea elipsoidală sau dreptunghiulară (fig. 10,3); *chiupuri* cu suprafețele bicromatice (negre lustruite la exterior și oranž în interior) ornamentate în partea superioară cu caneluri paralele orizontale (fig. 10,11); un *vas de tip chiup* de proporții mijlocii, neornamentat, cu suprafața exterioară lustruită și de culoare oranž deschis, iar cea interioară cenușie (fig. 10,12). *Ceramica grosieră* este reprezentată îndeosebi de *vase de tip lalea* ornamentate cu un șir de orificii dispus sub buză sau proeminențe conice dispuse la baza gâtului (fig. 10,8).

Mentionăm, că șapte fragmente sunt ornamentate cu brâie alveolate dispuse orizontal; două cu brâu alveolat cu capetele deschise suprapuse (fig. 10,9) și câte unul cu brâu alveolat dispus orizontal de la care pe corp coboară un segment similar (fig. 10,7) și cu brâu simplu, orizontal (fig. 10,5).

Locuința nr. 4 (fig. 11) a fost depistată la

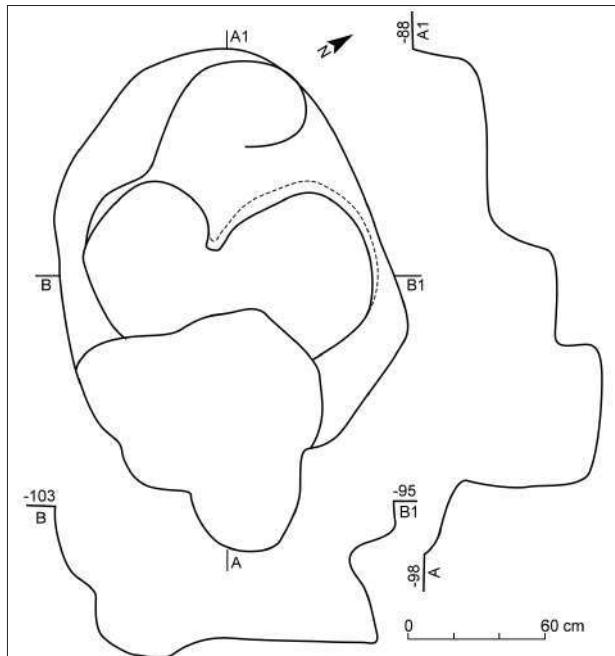

Fig. 9. Planul și profilele locuinței nr. 3.

Fig. 9. Plan and profiles of the dwelling No 3.

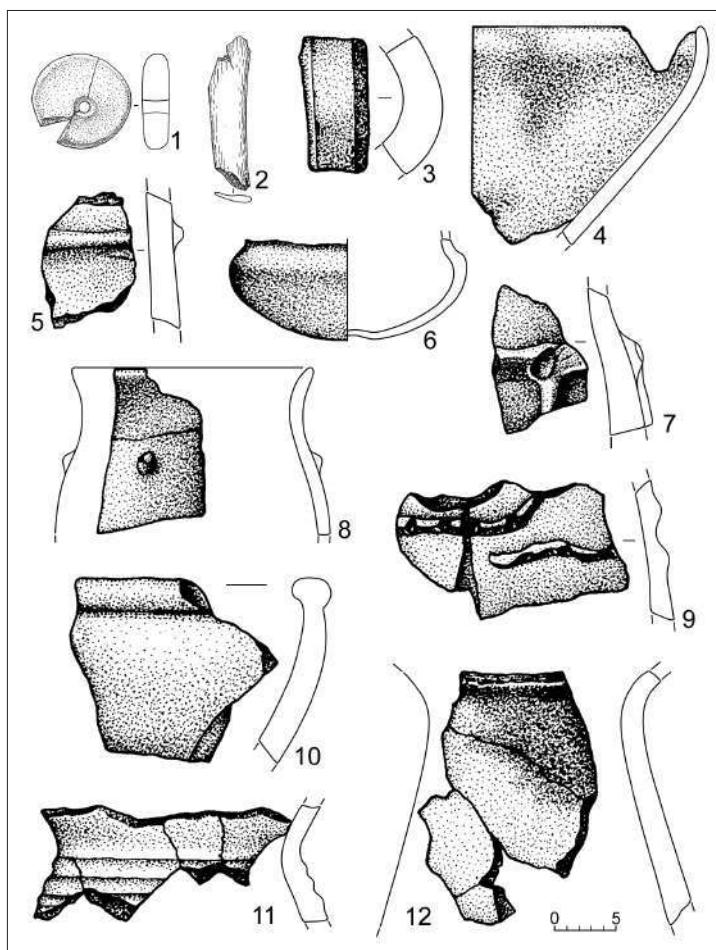

Fig. 10. Piese de inventar (1-2), ceramică fină (3-4, 6, 10-12) și grosieră (5, 7-9) din locuința nr. 3.

Fig. 10. Findings (1-2), fine (3-4, 6, 10-12) and coarse (5, 7-9) pottery from the dwelling No 3.

adâncimea de 0,5-0,63 m de la nivelul actual de călcare. Este de tipul construcțiilor de suprafață (circa 26 m.p.), de formă dreptunghiulară și orientată, aproximativ, pe axa vest – est. Vestigile locuinței constau din platforme de chirpic și lipitură de diferite dimensiuni, perimetrul căreia (colțurile) fiind marcat cu pietre de calcar de dimensiuni medii. În partea de sud-vest a construcției este amenajată o platformă de pietre plate de calcar. În incinta acesteia, de rând cu alte vestigii arheologice au fost colectate și 140 de fragmente de ceramică, dintre care 136 fragmente din prima epocă a fierului și 4 – de tip Gordinești. Ceramică din prima epocă a fierului, conform caracteristicilor tehnologice, se atribuie categoriei *fină* și *grosieră*, distincte după compoziția pastei și prelucrarea suprafețelor. Raportul procentual dintre categorii este: fină – 24,26% (33 fr.), grosieră – 73,73% (103

fr.). Ceramică *fină* este reprezentată prin: *străchini* tronconice cu fundul simplu, având buza învazată, într-un caz, ornamentată în partea superioară cu caneluri paralele orizontale (fig. 12,2); *căni* cu toarta cu secțiunea elipsoidală (fig. 12,3); *vase cu două torți* (fig. 12,1); un fragment de *chiup bicromatic* (partea exterioară de culoare neagră iar cea interioară oranj). Ceramică *grosieră* include *oale* cu corpul bitronconic, buza evazată și fundul ușor evidențiat (fig. 12,7) și *vase de tip borcan* ornamentate cu un șir de orificii dispus sub buză (fig. 12,5). Unele fragmente de vase din această categorie sunt ornamentate cu brâie alveolate (fig. 12,6) sau proeminențe conice dispuse în pereche (fig. 12,4).

Locuința nr. 5 (fig. 13) a fost depisată la adâncimea de 0,76-0,67m de la nivelul actual de călcare. Se încadrează în tipul construcțiilor de suprafață (cca 36 m.p.). Probabil, avea formă dreptunghiulară, orientată pe axa vest-sud-vest – est-nord-est. Vestigile locuinței constau din platforme de chirpic și lipitură de diferite dimensiuni. Perimetru construcției este marcat de pietre de calcar (de dimensiuni mari și medii). Fundamentul de piatră, s-a păstrat,

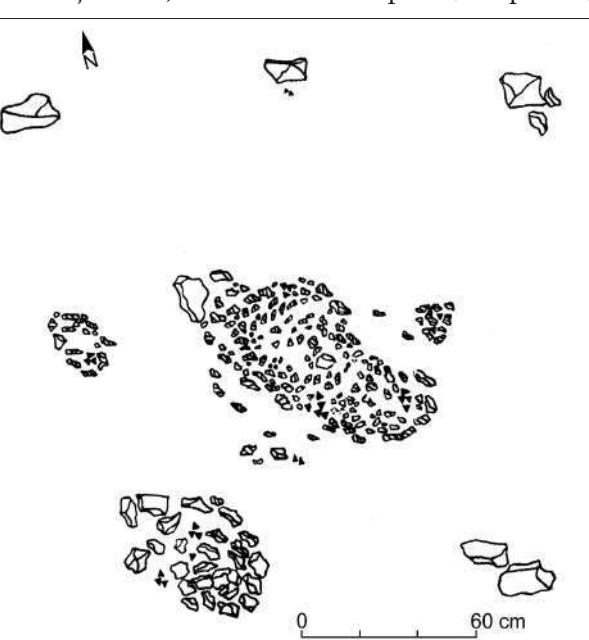

Fig. 11. Planul locuinței nr. 4

Fig. 11. Plan of the dwelling No 4.

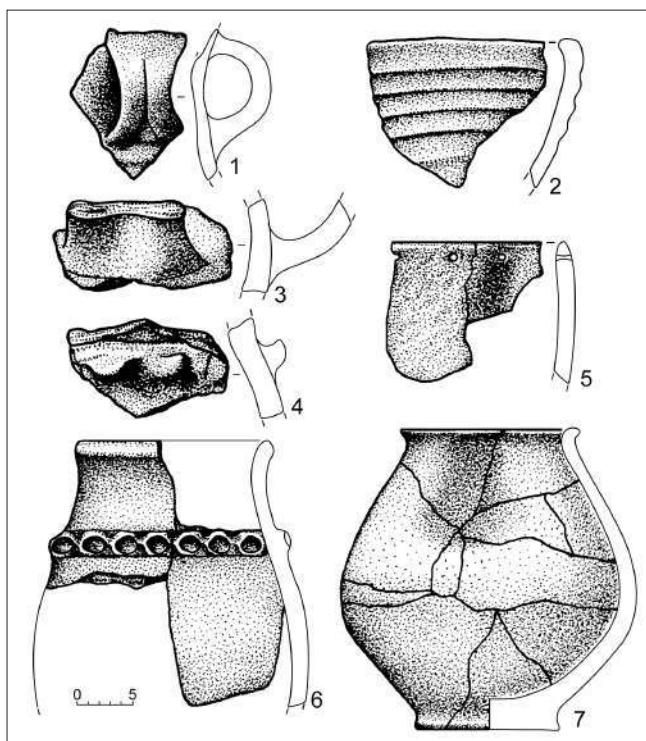

Fig. 12. Ceramică fină (1-3) și grosieră (4-7) din locuința nr. 4.

Fig. 12. Fine (1-3) and coarse (4-7) pottery from dwelling No 4. În special, în partea de nord-est. În incinta acesteia au fost colectate diverse vestigii arheologice, printre care amintim și câteva unelte și ustensile: o fusaiolă modelată din pastă fină de lut, de formă circulară în plan și secțiunea bitronconică, cu suprafețele calitativ netezite de culoare maronie ($d = 3,5$ cm, $h = 2,8$ cm și $do = 0,7$ cm) (fig. 14,1); un fragment de *lingură de turnat* modelată din pastă cu nisip în compoziție, coada căreia este prevăzută cu un orificiu lon-

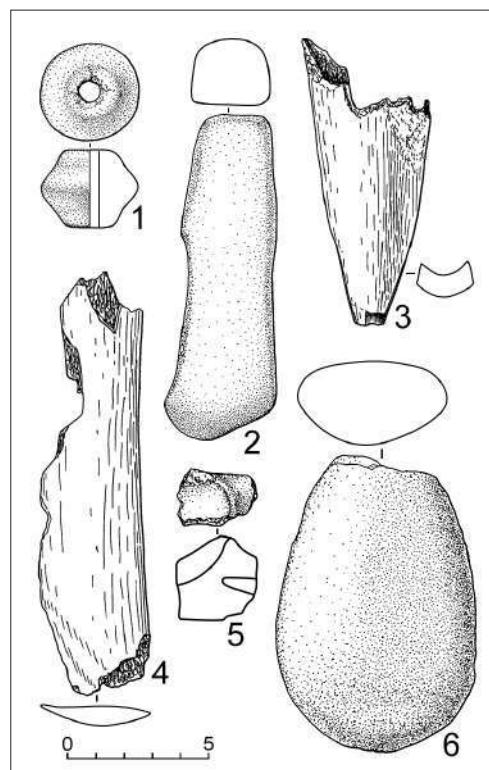

Fig. 14. Piese de lut (1,5), os (3-4) și piatră (2,6) din locuința nr. 5.

Fig. 15. Clay (1,5), bone (3-4) and stone (2,6) findings from dwelling No 5

itudinal (fig. 14,5); o *cute* (fig. 14,2) și un *percutor* (fig. 14,6) lucrate din galete de râu; două *unelte de os* de animal – una din coastă (fig. 14,4) și alta din os tubular masiv (fig. 14,3). De rând cu acestea, au fost descoperite și 425 fragmente ceramice, colectate atât din spațiul dintre platformele din chirpic, lipitură și pietre, cât și de pe fundul locuinței (sub platforme), ultimele având urme de ardere secundară. Conform caracteristicilor tehnologice, ceramica atestă prezența categoriilor fină 31,29% (133 fr.) și grosieră 68,71% (292 fr.).

Ceramica fină înglobează: *străchini* tronconice cu buza invazată (rotunjită, subțiată sau tăiată oblic) (fig. 15,1-2); *cupe* cu profilul în formă de S, unele cu umărul accentuat, ornamentate cu proeminențe circulare plate (fig. 15,3); *căni* cu toarta suprăinălțată; fragmente de chiupuri bicromatice (negre la exterior și oranž în interior). *Ceramica grosieră* este reprezentată prin *vase* de tip

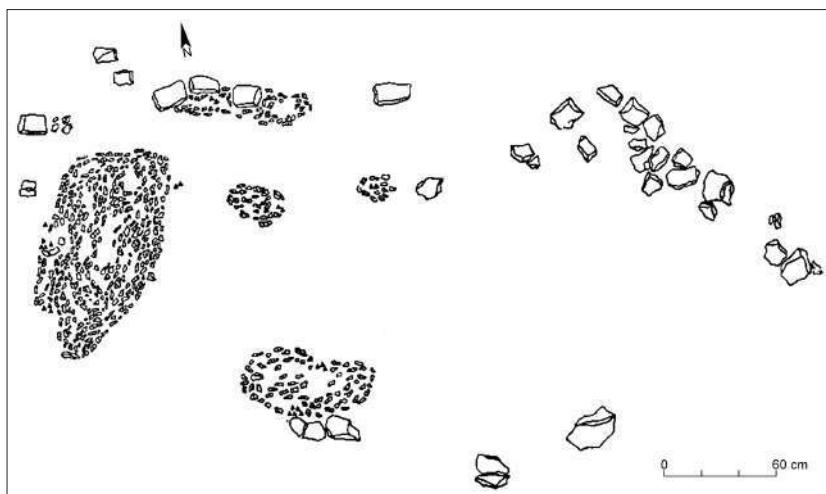

Fig. 13. Planul locuinței nr. 5.

Fig. 13. Plan of the dwelling No 5.

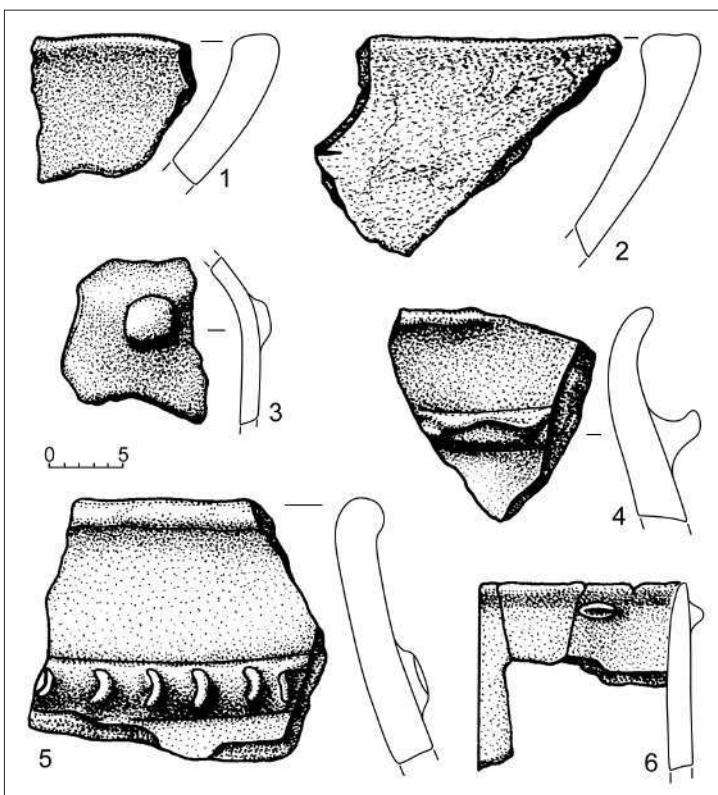

Fig. 15. Ceramică fină (1-3) și grosieră (4-6) din locuința nr. 5.

Fig. 15. Fine (1-3) and coarse (4-6) pottery from dwelling No 5.

borcan, unele ornamentate în partea superioară cu mâneră-suporturi (fig. 15,4) și *vase de tip lalea*, ornamentate sub margine cu un sir de găuri complete sau la baza gâtelui cu brâie alveolate (fig. 15,5) sau mâneră-suporturi (fig. 15,6). Menționăm, că opt fragmente sunt ornamentate cu brâu alveolat orizontal, două cu linii incizate și unul cu brâu simplu.

Sub dărâmăturile pereților locuinței, îndeosebi în partea de nord-vest, au fost descoperite șase aglomerații de fragmente de ceramică, aparținând la șase vase, dintre care patru din categoria ceramicii grosieră și două din cea fină.

1. *Vas de tip borcan* (de proporții, $d = 33$ cm) cu pereți verticali în partea superioară, care se îngustează către fundul ușor evidențiat. Este modelat din pastă cu cioburi pisate de granulație mare în compoziție. Suprafețele sunt îngrijit netezite, de culoare maronie deschisă și păstreză urme de ardere secundară. Marginea vasului este puțin îngroșată din partea exterioară și dotată cu patru proeminente semiovale, dispuse simetric, dintre care două sunt mai masive. Nemijlocit sub margine, vasul este prevăzut cu un sir orizontal de găuri complete. La 12-13 cm mai jos de margine,

vasul este prevăzut cu un brâu simplu dispus orizontal. De la proeminentele de pe margine, vertical către brâul orizontal, coboară segmente de brâie alveolate, cele ce pornesc de la proeminentele mai mari se termină la brâul orizontal, iar cele de sub proeminentele mai mici continuă cu 5 cm mai jos de el (fig. 16,2).

2. *Vas de tip oală* (de dimensiuni mari, $d = 26,5$ cm) cu urme de ardere secundară. Are culoare albicioasă, grosimea pereților fiind semnificativ deformată. Este modelat din pastă cu șamotă de granulație mare în compoziție, având suprafața îngrijit netezită. La 10 cm mai jos de margine, vasul este ornamentat cu un brâu alveolat dispus orizontal (fig. 16,4).

3. *Vas de tip lalea* (de dimensiuni medii, $d = 17,5$ cm) cu urme de ardere secundară și suprafețele albicioase. Este modelat din pastă cu șamotă în compoziție. La 2,5 cm mai jos de margine, vasul este ornamentat cu un brâu alveolat dispus orizontal (fig. 16,3).

4. *Vas de tip oală* ($d = 22,5$ cm), cu corpul puternic bombat, gâtul scurt și marginea puternic evazată. Este modelat din pastă cu șamotă de granulație mică în compoziție, are pereții îngrijit neteziti și culoare maronie-deschisă (fig. 16,6).

5. *Cană cu corpul profilat* ($d = 18,6$ cm) umerii înalți, gâtul scurt, marginea evazată și fundul neevidențiat, prevăzută cu o toartă supraînălțată ce leagă marginea cu partea cea mai proeminentă a corpului. Este modelată din pastă cu șamotă de granulație mică în compoziție, are suprafețele lustruite de culoare albicioasă și, parțial urme de ardere secundară (fig. 16,1).

6. *Vas de tip chiup* (de dimensiuni mari, $d = 27$ cm) cu corpul puternic bombat, gâtul evidențiat și marginea brusc evazată. Este modelat din pastă cu șamotă de granulație mică și are suprafața exterioară lustruită, de culoare cafenie-roșiatică. Multe fragmente sunt arse secundar (fig. 16,5).

Platforma nr. 2 a fost depistată la adâncimea de 0,38-0,42 m de la nivelul actual de călcare. În plan, probabil, avea formă circulară cu diametrul de circa 1,7 m și grosimea de circa 0,06-0,08 m. A fost amenajată din pietre plate de calcar de dimensiuni mijlocii și mici. Pietrele nu sunt arse (fig. 17,A).

Platforma nr. 3 a fost depistată la adâncimea

de 0,28-0,32 m de la nivelul actual de călcare. În plan are formă ovală ($1,10 \times 0,7$ m), grosimea de circa 0,08-0,1m, orientată pe axa sud-nord. A fost amenajată din pietre plate, nefasonate de calcar de dimensiuni medii. Suprafața pietrelor nu este arsă. În partea de vest, în nemijlocita apropiere de platformă, se mai găseau două pietre mari ($0,4 \times 0,2 \times 0,25$ m; $0,44 \times 0,26 \times 0,15$ m) (fig. 17,C).

Platforma nr. 4 a fost depistată la adâncimea de 0,34-0,36 m de la nivelul actual de călcare. În plan, are formă ovală ($1,5 \times 1,0$ m), grosimea circa 0,1-0,12 m, orientată pe axa sud-vest – nord-est. A fost amenajată din pietre plate de calcar de dimensiuni medii și mici. Suprafața pietrelor nu este arsă (fig. 17,B).

Groapa nr. 2 a fost evidențiată la adâncimea de 1,27-1,22 m de la nivelul actual de călcare. În plan, avea formă ovală neregulată ($1,12 \times 1,02$ m), iar adâncimea totală era de circa 0,8 m. Până la adâncimea de 0,2 m, pereții gropii erau verticali, ulterior largindu-se către fundul orizontal, care, de asemenea, este oval ($1,7 \times 1,4$ m). Umplutura gropii până la adâncimea de 0,4 m constă din sol cenușiu în amestec

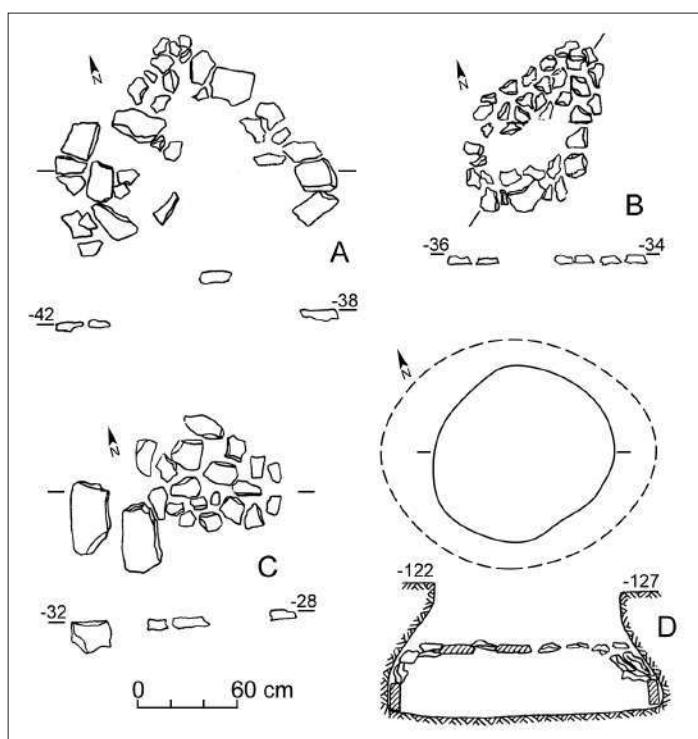

Fig. 17. A – platform no. 2; B – platform no. 4; C – platform no. 3; D – pit No 2.

cu multiple fragmente de pereți și borduri de vete portative. La acest nivel perimetrul gropii era „pavat” cu o placă de chirpic cu grosimea de $0,04-0,05$ m, care era așezată pe o căptușelă de piatră din „stâlpi” fasonați. Sub „placă” solul era de culoare cenușie. Atât bucățile de vete portative, cât și fragmentele plăcii erau arse până la zgurificare. Un grad mare de ardere aveau și pietrele ce susțineau placa. Alte resturi de cultură materială în umplutura gropii n-au fost depistate, ceea ce ne face să încadrăm acest complex la categoria groapă-cuptor (fig. 17,D).

Ceramica din straturile de săpătură

Colecția ceramică descoperită în starturile de săpătură, din punct de vedere al tehnicii de modelare, reprezintă exclusiv vase lucrate cu mâna, iar în baza parametrilor tehnico-tehnologici poate fi împărțită convențional în două categorii: *fină* și *grosieră*. Raportul procentual dintre

categoria fină și *cea grosieră* este 21,22% (611 fr.) la 78,77% (2268 fr.) (vezi Tabelul 2).

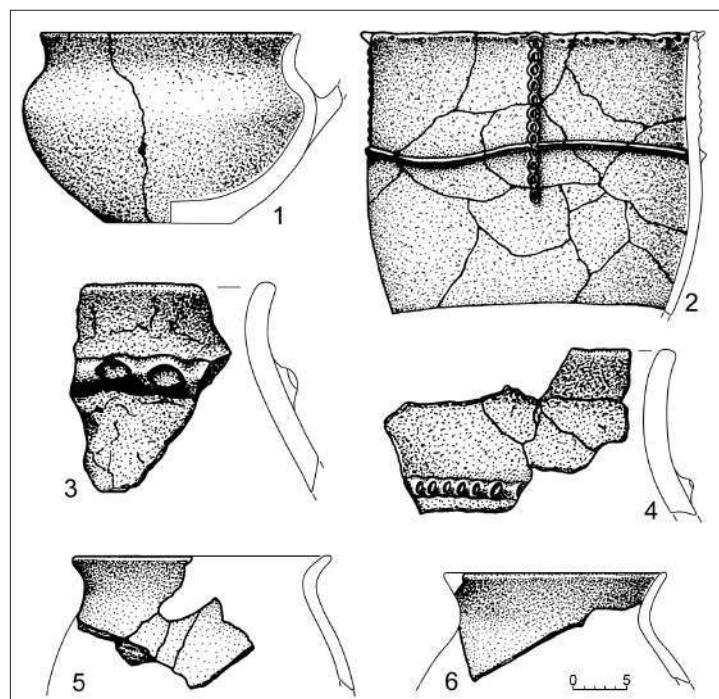

Fig. 16. Ceramică fină (1, 5) și grosieră (2-4, 6) din locuința nr. 5.

Fig. 16. Fine (1, 5) and coarse (2-4, 6) pottery from dwelling No 5.

Stratul/ Categorie	Str. I	Str. II	Str. III	Str. IV	L.2	L.3	L.4	L.5	Total
	nr. / %	nr. / %	nr. / %	nr. / %	nr. / %	nr. / %	nr. / %	nr. / %	
Ceramică grosieră	479	1035	587	167	114	91	103	292	2868
	80,37	80,24	76,17	78,77	82,02	56,17	75,74	68,71	76,66
Ceramică fină	117	255	194	45	25	71	33	133	873
	19,63	19,76	24,83	21,23	17,98	43,83	24,26	31,29	23,34
Total	596	1290	781	212	139	162	136	425	3741

Tabelul nr. 2. Raportul procentual dintre ceramica fină și cea grosieră.

Table No 2. Procentual report between fine and coarse ceramics.

Ceramica fină. Relevante din punct de vedere al tipului morfologic de vase sunt doar 259 fragmente (42,36%). Printre acestea se evidențiază următoarele tipuri:

- I. Chiupuri – 36,29%;
- II. Străchini – 35,13%;
- III. Căni – 14,28%;
- IV. Cupe – 14,28%.

Tipul I. Chiupurile (vasele bitronconice de proporții) se identifică prin fragmente de buze brusc evazate (fig. 18,8) și, îndeosebi prin fragmente de pereți groși bicromatici (negre lustruite la exterior și oranž în interior), în unele cazuri ornamentate cu caneluri paralele orizontale (fig. 18,9) sau proeminențe-suporturi (fig. 18,7).

Tipul II. Străchinile sunt reprezentate prin: a – vase cu corpul tronconic sau cu corpul ușor rotunjit către gură și marginea invazată, unele dintre care ornamentate în partea superioară cu caneluri paralele orizontale; b – străchini tronconice cu pereți drepti în partea superioară și marginea dreaptă sau tăiată oblic, ornamentate în partea superioară cu caneluri paralele orizontale sau mânere-suporturi ovale (fig. 18,2,4); c – străchini în formă de coif (fig. 18,3).

Tipul III. Cănilor au corpul scund, tronconic și toarta supraînălțată (fig. 18,1). Torțile cănilor sunt în bandă cu secțiunea ovală, elipsoidală, unele dintre care ornamentate cu caneluri orizontale în asociere cu caneluri dispuse longitudinal (fig. 18,6).

Tipul IV. Cupele se identifică în baza fragmentelor specifice părții superioare a vaselor în formă de S, cu umărul mai mult sau mai puțin accentuat (fig. 18,5).

Ceramica grosieră. Relevante din punct de vedere al tipului morfologic de vase sunt doar 125 fragmente (cca 5,4%). Printre acestea se identifică următoarele tipuri:

- I. Vase de tip lalea – 84,8%;
- II. Vase de tip borcan – 11,2%;
- III. Vase cu corpul slab bitronconic – 0,8%;
- IV. Oale – 1,6%;
- V. Strecurătoare – 1,6%.

Tipul I. Vasele de tip lalea se ornamentau cu un șir de orificii complete dispuse sub margine

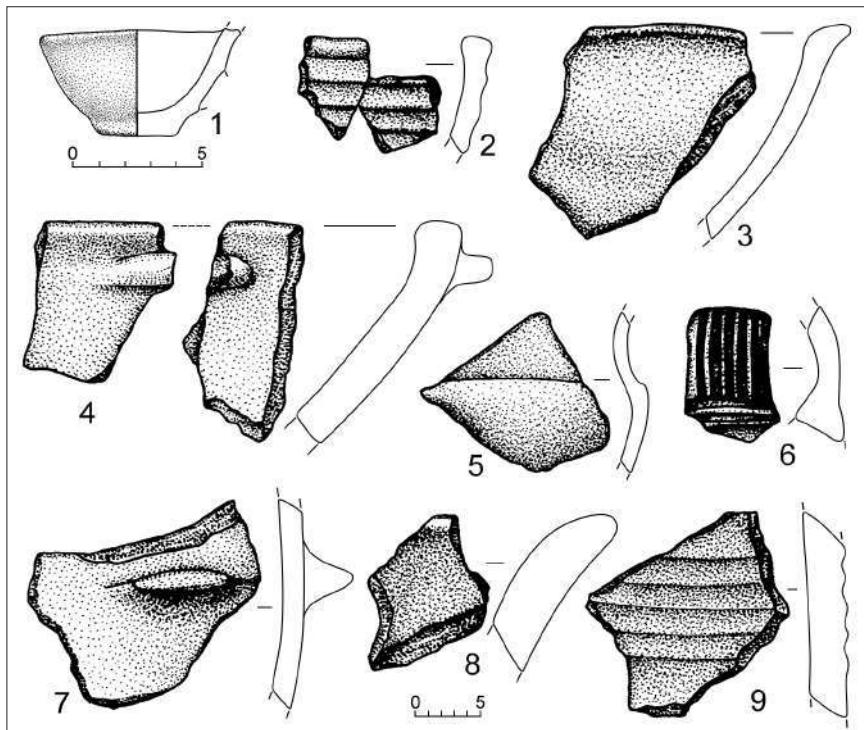

Fig. 18. Ceramică fină din straturile de săpătură.

Fig. 18. Fine pottery from the excavation layers

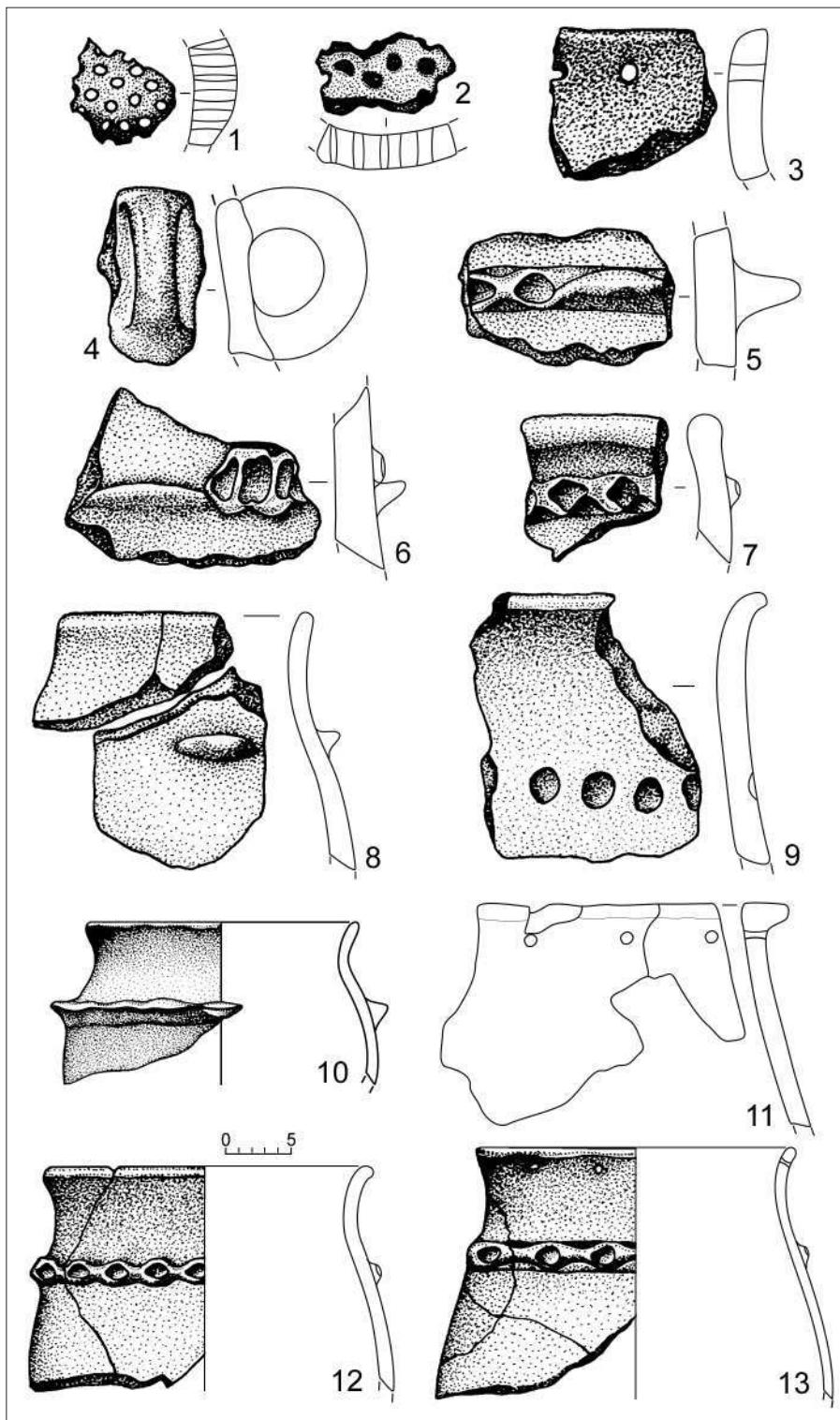

Fig. 19. Ceramică grosieră din straturile de săpătură.

Fig. 19. Coarse pottery from the excavation layers.

(fig. 19,3); sir de orificii complete în asociere cu brâu alveolat (fig. 19,3); brâu alveolat (fig. 19,12); brâu alveolat în asociere cu mâneresuporturi (fig.

19,5-6); mâneresuporturi (fig. 19,8); brâu simplu; sir de alveole (fig. 19,9); crestături pe marginea exterioară a buzei.

Tipul II. Vasele de tip borcan sunt reprezentate prin exemplare prevăzute cu torti care coboară de la marginea pe corp (fig. 19,4) sau ornamentate cu brâu alveolat dispus orizontal (fig. 19,7).

Tipul III. Vasele cu corpul slab bitronconic au marginea dreaptă, care formează o platformă orizontală ieșită în exterior, sub care este amplasat un șir de orificii complete (fig. 19,11).

Tipul IV. Oalele se decora cu brâu simplu întrerupt de patru proeminențe ovale amplasate simetric (fig. 19,10).

Tipul V. Strecurătoarele (fig. 19,1-2).

Tipurile morfologice ale ceramicii grosiere, luând în considerație pereții cu ornament, cu precădere (70 din 92 de fragmente) erau decorați cu brâie alveolate orizontale; câte un fragment – cu brâu alveolat în asociere cu mâneră-suporturi și brâu alveolat de la care coboară un segment asemănător; 4 – cu brâu simplu; 6 – cu mâneră-suporturi; 2 – cu proeminențe conice; 3 – cu un șir orizontal de alveole și 5 – cu striuri verticale.

Piese de inventar. Acestui orizont ii sunt atribuite și diverse categorii de piese lucrate din lut, piatră, silex și os/corn.

Din categoria *pieselor de lut* fac parte: linguri, statuete zoomorfe, fusaiole, o bilă și un vas miniatural. Lingurile sunt reprezentate prin două exemplare în stare fragmentară, modelate din pastă grosieră în amestec cu șamotă de granulație mare. Pereții sunt groși, tortile masive, cu suprafețele îngrijit netezite. Una are culoare cenușie cu pete întunecate, alta – maronie-deschisă. Cozile ambelor exemplare sunt prevăzute cu orificii longitudinale (fig. 20,8-9). Statuetele zoomorfe, toate păstrate în stare fragmentară, sunt modelate din pastă fină, densă cu nisip în compozиție. Sunt minuțios netezite, pe alocuri lustruite, culoarea suprafățelor, în majoritatea cazurilor, fiind maronie-cenușie sau cenușie. Nici unul dintre fragmente nu prezintă indicii ce ar permite determinarea speciei pe care o reprezintă (fig. 20,1-3). Fusaiolele, una întreagă și alta în stare fragmentară, modelate din pastă fină cu șamotă măruntă în compozition, sunt îngrijit netezite, alocuri cu goluri, sau acoperită cu angobă. Piesa întreagă are culoare cenușie cu pete negre, iar cea fragmentară – cenușie. În plan

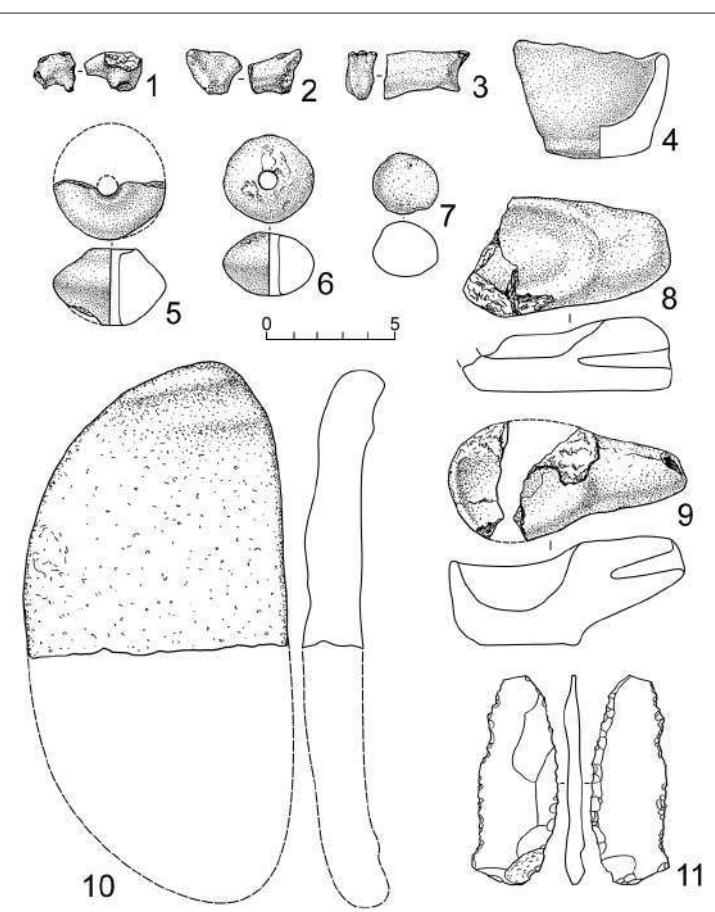

Fig. 20. Pieze de inventar din lut (1-9), piatră (10) și silex (11) din straturile de săpătură.

Fig. 20. Clay (1-9), stone (10) and flint (11) findings from investigation layers.

au formă circulară, iar în secțiune – bitronconică. Diametrul pieselor este de 3,6 și respectiv, 4,5 cm, înălțimea – de 2,5 și 3 cm, diametrul orificiului vertical – de 0,65 și 0,9 cm (fig. 20,5-6). Bila este modelată din pastă fină cu nisip în compozition. Suprafața este netezită, pe alocuri cu goluri. Are formă cvasisferică cu diametrul 2,5x2,1 cm și culoare maronie (fig. 20,7). Vasul miniatural este modelat din pastă cu șamotă de granulație mică. Reprezintă un borcan cu pereții drepti, care se îngustează către fund. Diametrul buzei este de 6 cm, a fundului de 4 cm, înălțimea de 4,7 cm (fig. 20,4).

Obiectelor de piatră se atribuie două fragmente de râșniță lucrate din granit (de formă ovală alungită și cu suprafață lucrătoare accentuat netezită) (fig. 20,10) și o rondelă lucrată din calcar de formă circulară în plan.

Uneltele de silex, care pot fi atribuite primei epoci a fierului, sunt reprezentate în special prin

lame pentru secere cu una din laturi retușate bilateral și acoperite cu luciu accentuat (fig. 20,11).

Vestigii din epoci mai târzii

În stratul II de săpătură au fost depistate două unelte de fier: un *topor* cu dulie deschisă, marginile superioare îndoite în formă de aripioare, corpul trapezoidal și tăișul ușor rotunjit ($h = 7,5$ cm) (fig. 21,1) și o piesă, convențional, desemnată „spaclu” cu lama foliformă, vârful tăiat orizontal și tub deschis prevăzut la bază cu un orificiu ($l = 9,8$ cm) (fig. 21,2), precum și câteva fragmente de amfore de la sfârșitul mileniului I î.e.n. (fig. 21,3).

Materialul osteologic

În procesul investigațiilor arheologice din cadrul secțiunii XI, cercetată în anul 2001, de rând cu colecția ceramică, materialul de masă și piesele de inventar, au mai fost descoperite și 2757 fragmente de oase de animale. Dintre acestea, doar în cazul a

1871 (67,87%) a fost posibilă determinarea, printre care s-a confirmat prezența a 96 de indivizi. Din numărul total de oase, 1813 (96,9%) provin de la animalele domestice și doar 58 (3,1%) de la cele sălbaticice. Analiza paleofaunistică a resturilor osteologice a permis stabilirea a cinci specii de animale domestice și șapte specii de animale sălbaticice. Datele statistice privind fiecare categorie și specie de animale se regăsesc în tabelul sinoptic al materialului osteologic (vezi Tabelul 3). Merită de subliniat, că oasele descoperite oferă indirect indicii referitoare la creșterea animalelor, pe de o parte, și practicarea vânătoriei, pe de altă parte. Astfel, putem constata că bovinele, ovicaprinele și porcinele jucau un rol dominant în aprovisionarea comunității cu hrană. Iar, dintre speciile de animale sălbaticice cele mai vânate erau cerbul nobil, bizonul și mai puțin – mistrețul sau iepurele de câmp.

Concluzii

Investigațiile din așezarea Trinca-Izvorul lui Luca din campania anului 2001 au contribuit esențial la cunoașterea succesiunii orizonturilor cultural-cronologice din așezare, precum și a structurilor de habitat, menajere, de producere, veseliei, tipurilor de unelte și ustensile specifice comunităților fiecărui dintre nivelurile culturale identificate. Totodată, a fost accentuată originalitatea colecției pieselor paleolitice; a fost identificat un alt nivel de locuire din epoca eneoliticului (pre- Gordinești); a fost documentată prezența în așezare a unor vestigii din epoca bronzului, necunoscute anterior – de tip Katakom-bnaia și de tip Mnogovalikovaia; a fost sporit volumul de informații cu privire la tipurile de locuințe și a organizării interne a așezării în epoca hallstattiană, și, respectiv, a veseliei și pieselor de inventar din prima epocă a fierului; au fost depistate vestigii sigur atribuite perioadei antice etc.

Referitor la nivelul de locuire din *epoca paleoliticului superior* identificat pe locul așezării Trinca-Izvorul lui Luca, menționăm că, structura industriei, elementele tehnologice și tipologice, cu unele excepții, se încadrează perfect în opinia expusă anterior, referitor la datarea stațiunii cu etapa aurignaciană medie a paleoliticului superior din zona carpato-nistreană și atribuirea ei *culturii de Prut* [Levitskii, Borziak 1999, 229; Borziac, Levițki 2003, 45-51]. În același timp, se impune a fi menționată originalitatea colecției pieselor paleolitice din campania 2001, care constă în prezența

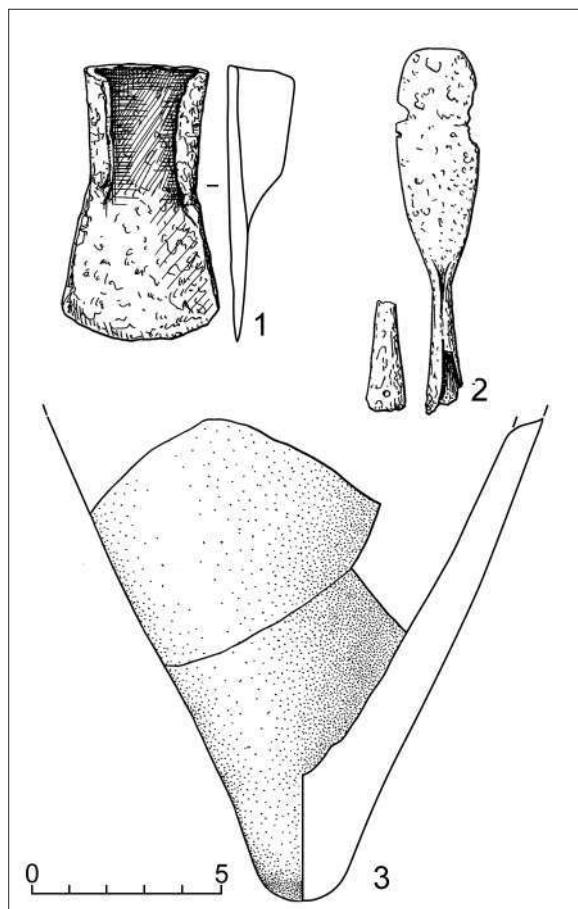

Fig. 21. Piese de metal (1-2) și partea de jos a unei amfore (3) din straturile de săpătură.

Fig. 21. Metal tools (1-2) and the bottom of an amphora (3) from the excavation layers.

Specia	Oase	Indivizi	%	Total oase
Domestice				
<i>Bos Taurus</i> (bovine)	872	27	48,1	1813 / 96,9%
<i>Ovis et capra</i> (ovicaprine)	481	24	26,54	
<i>Sus scrofa dom.</i> (porcine)	355	20	19,58	
<i>Equus caballus</i> (cal)	89	7	4,9	
<i>Canis familiaris</i> (câine)	16	4	0,88	
Sălbatrice				
<i>Cervus elaphus</i> (cerb nobil)	33	6	56,9	58 / 3,1%
<i>Bos/Bison</i> (taur/bison)	15	3	25,88	
<i>Sus scrofa ferus L.</i> (mistreț)	4	1	6,9	
<i>Capreolus capreolus</i> (căprioara)	2	1	3,44	
<i>Castor fiber L.</i> (castor)	2	1	3,44	
<i>Lepus</i> (iepure)	1	1	1,72	
<i>Putorius sp.</i> (mustela)	1	1	1,72	

Tabelul nr. 3. Tabelul sinoptic al materialului osteologic descoperit în Secțiunea XI.

Table No 3. Synoptic tabel with osteological material discovered in the sections XI.

în cadrul inventarului a unor *piese de unicat* pentru paleoliticul superior din spațiul carpato-nistrean. Acestea se atribuie:

- *vârful de săgeată* confectionat dintr-o lamă simetrică în formă de frunză de salcie. Baza păstrează talonul de percuție. Din partea dorsală piesa este doar retușată pe ambele laturi din jumătatea distală. Suprafața dorsală poartă negativele de desprinderi plate de subțiere pe întreg perimetru său. Atât după dimensiuni, cât și după formă sau modul de amenajare, această piesă până în prezent este unică pentru paleoliticul superior din spațiul carpato-nistrean. Piese similară ori apropiate după formă și dimensiuni au fost descoperite la stațiunile paleoliticului superior de pe Don – Kostenki IV, nivelul 2; Kostenki 8, nivelul 1 [Rogachev, Anikovich 1984]. În occident, piese similare au fost întâlnite în paleoliticul superior din Italia, Slovacia și Polonia [Borziac 1994, 26-27].

- *gratoarele au museaux cu ciocurile mărginite de encoche* retușate mai adânc ori mai slab pronunțat. Astfel de piese sunt caracteristice și pentru complexele aurignaciene din zona Mitoc-Malul Galben (nivelurile inferioare), stațiunile Climăuți

I și Zelenyj Hutor II etc. [Borziac 1994, 19-28] din valea Nistrului. În Europa Occidentală, astfel de gratoare sunt componente tipice pentru siturile aurignaciene timpuriu [Combier 1889-1891; Breuil 1907, 173-219].

- *pandantivul de piatră*, pentru care în paleoliticul superior analogii directe nu ne sunt cunoscute.

Originalitatea colecției mai constă și în prezența în cadrul inventarului a *pieselor tip segment de cerc*. Aceasta este al treilea caz, când în spațiul carpato-nistrean, în industriile paleoliticului superior sunt depistate piese de tip segment de cerc, practic, caracteristice pentru epoca timpurie a mezo-liticului, și nu pentru paleoliticul superior. Pentru prima dată ele au fost depistate în colecția pieselor de silex a nivelului inferior (4) a stațiunii Corpaci [Borziak et al. 1981, 61-86], iar ulterior, în nivelul 2b al stațiunii Repiceni-Izvor [Păunescu 1993, 150].

Cu privire la *epoca eneolică*, se impune de menționat că în cadrul materialului ceramic de factură Cucuteni-Tripolie, de rând cu ceramica de tip Gordinești, caracteristică pentru acest sit, a fost identificată și o anumită cantitate de fragmente, care, în primul rând, după particularitățile lor ornamentale se deosebesc de ceramica specifică orizontului cultural-cronologic de la sfârșitul eneoliticului din spațiul carpato-nistrean. Acestea se atribuie categoriei de ceramică semifină/fină cu decor canelat. Ceramica fină decorată cu caneluri, adeseori în asociere cu linii incizate, impresiuni etc. reprezintă o trăsătură distinctivă/deosebită a complexului ceramic caracteristic perioadei timpurii a culturii Cucuteni-Tripolie/Precucuteni-Tripolie A [Chernysh 1982, 178-182; Sorochin 2002; Sorochin, Dergaciov 2010, 239]. Într-o anumită măsură, ceramica canelată se întâlnește și în complexele de la începutul fazei Cucuteni A-Tripolie B1, unde decorul canelat apare în asociere cu cel pictat [Chernysh 1982, 195-198; Sorochin, Dergaciov 2010, 256].

Dintre piesele de inventar atribuite epocii eneolitice, o atenție mai deosebită merită *vârful de săgeată de silex*. Acest este extrem de rar atestat în perioada timpurie a culturii Cucuteni-Tripolie/Precucuteni-Tripolie A fiind pe larg prezent, în special, în așezările din faza Cucuteni A-Tripolie BI: Solonceni II [Movsha 1960, ris. 5,4; Passek 1961, 95, 138;

Chernysh 1982, 192], Putinești II [Sorokin 1997, 124, 130, ris. 4,18; Sorochin, Dergaciov 2010, 254] și.a. Acestea, de asemenea, sunt cunoscute și în unele complexe de la începutul perioadei târzii a culturii Cucuteni-Tripolie [Chernysh 1982, 214]. Cu privire la zona de sud-vest a Podișului Moldovei de Nord, astfel de piese sunt cunoscute în așezările tripolie-ne târzii Brînzeni IV-Gîrla/Tîrla lui Ștefan, Brînzeni III-Țiganca și Costești IV [Markevich 1981, 92-93, 16, ris. 3,10; 38; 44, ris. 68,2].

În acest mod, cercetările din anul 2001 au scos la iveală vestigii care adeveresc faptul că în epoca eneoliticului pe promontoriul de la Trinca, a existat o locuire mai timpurie decât cea de tip Gordinești.

Epochii bronzului, în primul rând, î se atribuie ceramica, cu preponderență în stare fragmentară, care prin aspectul ei tehnologic, morfologic și stilistic atestă existența unor nivele de locuire din *perioada timpurie* (stațiuni sezoniere ale unor formațiuni culturale cu ceramică ornamentată cu șnur, eventual, a grupului Edineț) și respectiv, *mijlocie* (așezare a culturii Komarov) [Levițki et al. 2018, 92-93; Levițki et al. 2019, 89-90].

În același timp, vestigiile descoperite în anul 2001, demonstrează că pe promontoriul de la Trinca în epoca bronzului au mai staționat, sezonier și alte comunități, inclusiv și de păstori, care în zona dată sunt cunoscute până în prezent doar prin complexe funerare.

Astfel, *vasul cu corpul bombat* și gâtul vertical ornamentat prin impresiuni de formă ovală realizate cu o șanță denticulată (fig. 6,8), atât din punct de vedere tehnologic, cât și morfologic și, îndeosebi a ornamentației, are corespondențe directe în ceramică culturii Katakombnaia din întreaga ei arie, inclusiv din partea ei vestică [Dergachev 1986, 100-104; Toșcev 1998, 51-69; Bratchenko 2004, ris. 17,3; 22,4; 25,3; 80,3; Sanzharov et al. 2004, 208, ris.10,2; Dergaciov 2010, harta de la p. 290]. Mai mult ca atât, această supozitie este confirmată și de alte piese (măciuca, toporul-ciocan, vârfuri de săgeată de silex etc.) descoperite în campaniile anterioare [Levițki 2007, 138-154]. *Vasele cu corpul bitronconic* și marginea evazată, ornamentate cu motive formate din brâuri alveolate și motive geometrice incizate în asociere cu *catarama de os*, reprezintă piese caracteristice pentru cultura Mnogovalikovaia [Savva 1992].

Așezarea Trinca-Izvorul lui Luca, în prezent, este unicul obiectiv de habitat din zona Podișului Moldovei de Nord, în care au fost depistate vestigii

arheologice ale culturii Katakombnaia [Dergacev 1994, 127]. Mai mult decât atât, șederi de scurtă durată ale acestor comunități nu au mai fost atestate în întreg spațiul dintre Nistru și Prut.

Actualmente, situl de la Trinca, prin prisma vestigilor de tip Mnogovalikovaia (catarama de os, fragmente de ceramică) reprezintă al doilea obiectiv de habitat din zona Podișului Moldovei de Nord, după așezarea culturii Noua de la Slobozia Sireuți, din apropiere, unde apar astfel de artefacte [Dergachev 1969, 118, 120; 1986, 143-144]. Totodată, trebuie să menționăm că materialele culturii Mnogovalikovaia în asociere cu cele de tip Komarov și Noua au fost depistate și în așezarea de la Mahala [Smirnova 1972, 28; 1976, 126], iar exclusiv cu cel de tip Komarov în așezarea de la Dolineany [Smirnova 2000, 557-559, 561], amplasate în spațiul nemijlocit limitrof – bazinul Nistrului de Mijloc. Prezența sporadică a vestigilor culturii Mnogovalikovaia în obiectivele de habitat din teritorile menționate, unde de altfel este cunoscută și o concentrare de morminte tumulare secundare [Dergachev 1986, ris. 30; Savva 1992, ris. 51], probabil, indică existența unor stațiuni de scurtă durată a unor comunități Mnogovalikovaia, similar celor din zona sud-vestică a arealului acestei culturi [Berezanskaia 1986, 9].

Cu referire la **prima epocă a fierului** menționăm, în primul rând, că structurile de habitat (locuință adâncită și cele de suprafață), precum și cele auxiliare (platformele și groapa menajeră) reprezintă elemente caracteristice epocii, deja descoperite și în secțiunile cercetate anterior. Noutate pentru așezare este *groapa nr. 2*, parametrii căreia ne-au permis calificarea acesteia ca groapă/cuptor, instalatie utilizată în activitatea de prelucrare a bronzului [Levițki, Sîrbu 2010, 84-85]. *Ceramica*, după aspectul tehnologic și raportul procentual dintre categorii (fină și grosieră), în general, este proprie/obișnuită pentru orizontul din prima epocă a fierului cunoscută în așezare. Apropiată de cea atestată în campaniile precedente este și ponderea tipurilor în cadrul categoriilor. Totodată, în repertoriul morfologic al ceramicii grosieră sunt atestate compozиții ornamentale și tipuri, necunoscute anterior – *vasul de tip borcan* cu marginea puțin îngroșată din partea exterioară și dotată cu patru proeminente semiovale, precum și *vasele cu corpul slab bitronconic* cu marginea dreaptă care formează o platformă orizontală ieșită în exterior, sub care este amplasat un sir de orificii complete și.a.

Cu privire la piesele de inventar, menționăm că materia primă din care au fost lucrate este tradițională pentru prima epocă a fierului: lutul ars, silexul, piatra și într-o măsură mai mică osul/cornul, despre care am discutat și în prezentările precedente [Levițki 2008, 5-30; Levițki, Sîrbu 2016; 2017; Levițki et al. 2018; 2019].

Aici, considerăm necesar să ne referim la *piesele din fier* descoperite în stratul II de săpătură: toporul cu dulie deschisă și piesa, convențional, desemnată „șpaclu” – vestigii care țin *de a doua epocă a fierului*, prima fiind atestată în mai multe situri getice din spațiul est-carpatic [Bazarciuc 1983, 249-273, fig. 2,4,5; 6, 1-9; Teodor 1999, 55-56, fig.14,5; Arnăut 2003, 109, fig. 64,3], desemnate ca topor, bardă, secure. Pentru a doua piesă, până în prezent, nu ne sunt cunoscute analogii.

Ansamblul rezultatelor obținute, atât pe parcursul investigațiilor de teren, cât și în urma muncii asidue de laborator efectuată de domnul Oleg Levițki, au făcut ca acest sit să fie recunoscut și apreciat la justă valoare în întreg spațiul european. Astfel, totalitatea informațiilor prezentate cu privire la complexe, ceramică, piesele de inventar și alte aspecte (stratigrafice, arheozoologice, litice și.a.), ne permit să susținem ideea că așezarea de la Trinca-Izvorul lui Luca reprezintă un sit inedit, valoros dar, în același timp și complicat. Importanța datelor și a contextelor arheologice, inevitabil au determinat aprecierea rolului și al locului acestei așezări cu mai multe niveluri de locuire atât în marele complex cultural est-carpatic, cât și în contextul arheologiei central-europene.

Bibliografie

- Arnăut 2003:** T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a.Chr. în spațiul de la râsărăit de Carpați (Chișinău 2003).
- Bazarciuc 1983:** V. Bazarciuc, Cetatea geto-dacică de la Bunești, jud. Vaslui. SCIVA 34, 3, 249-273.
- Berezanskaia 1986:** S.S. Berezanskaia, Kul'tura mnogovalikovoi keramiki. Kul'tura epokhi bronzy na territorii Ukrayiny (Kiev 1986), 5-43 // С.С. Березанская, Культура многоваликовой керамики, Культуры эпохи бронзы на территории Украины (Киев 1986), 5-43.
- Borziac 1994:** I. Borziac, Paleoliticul în spațiul dintre Nistru și Prut. TD XV, 1-2, 19-41.
- Borziak et al. 1981:** I.A. Borziak, G.V. Grigor'eva, N.A. Ketraru, Poselenii drevnekamennogo veka na severo-zapade Moldavii (Kishinev 1981) // И.А. Борзяк, Г.В. Григорьева, Н.А. Кетрару, Поселения древнекаменного века на северо-западе Молдавии (Кишинёв 1981).
- Borziac, Levițki 2003:** I. Borziac, O. Levițki, Nivelul de locuire din paleoliticul superior de la așezarea pluristratigrafică Trinca-Izvorul lui Luca, jud. Edineț, Republica Moldova. In: (red. E. Sava) Interferențe culturale-cronologice în spațiul nord-pontic (Chișinău 2003), 28-52.
- Bratchenko 2004:** S.N. Bratchenko, Pradavnia Slobozhanshchina: Svativs'ki mogili – kurgani III tis. do n.e. ta maidani. Materiali ta doslidzhennia z arkheologii Skhidnoї Ukrayini 2 (Lugansk 2004), 65-190 // С.Н. Братченко, Прадавня Слобожанщина: Сватівські могили – кургани III тис. до н.е. та майдани. Матеріали та дослідження з археології Східної України 2 (Луганськ 2004), 65-190.
- Breuil 1907:** H. Breuil, La question aurignacienne. Etude critique de startigraphie compare. Revue preistorique 2, 1907, 173-219.
- Chernysh 1982:** E.K. Chernysh, Eneolit Pravoberezhoi Ukrainy i Moldavii. Eneolit SSSR (Moskva 1982), 166-252 // Е.К. Черныш, Энеолит Правобережной Украины и Молдавии. Энеолит СССР (Москва 1982), 166-252.
- Combier 1889-1891:** G. Combier, La structure du Paleolithique superieur dans la region du Rhone moyen. C – R des sciences de l' Academie des Sciences V (Paris 1889-1891), 205.
- Dergachev 1969:** V.A. Dergachev, Poselenie epokhi bronzy u sela Slobodka-Shireutsy. Dalekoe proshloe Moldavii (Kishinev 1969), 110-122 // В.А. Дергачев, Поселение эпохи бронзы у села Слободка-Ширеуцы. Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 110-122.
- Dergachev 1986:** V.A. Dergachev, Moldavia i soseadne territorii v epokhu bronzy (Kishinev 1986) // В.А. Дергачев, Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Кишинёв 1986).
- Dergacev 1994:** V. Dergacev, Epoca bronzului. Perioada timpurie. TD XV, 1-2, 1994, 121-140.
- Dergaciov 2010:** V. Dergacev, Perioada mijlocie a epocii bronzului. In: (red. V. Dergacev) Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (până în sec. V) (Chișinău 2010), 288-302.
- Levițki 2007:** O. Levițki, Despre unele piese de inventar din epoca bronzului depistate în așezarea Trinca „Izvorul lui Luca”. RA III, 1-2, 2007, 138-154.
- Levițki 2008:** O. Levițki, Piese din categoria ceramicii tehnice depistate în așezarea Trinca „Izvorul lui Luca”. RA IV, 1, 2008, 5-30.

- Levitski, Borziak 1999:** O. Levitski, I. Borziak, Novyi paleoliticheskii pamiatnik tipa Gordinesht'-I na severo-zapade Moldovy. Stratum plus I, 1999, 224-230 // О. Левицкий, И. Борзяк, Новый палеолитический памятник типа Гординешть-І на северо-западе Молдовы. Stratum plus I, 224-230.
- Levițki, Haheu 1997:** O. Levițki, V. Haheu, Sântierul arheologic Trinca (Republica Moldova) (Campania 1995). In: Cercetări arheologice în aria nord-tracă II (București 1997), 169-212.
- Levițki, Sîrbu 2010:** O. Levițki, Gh. Sîrbu, Mărturii ale prelucrării bronzului în aşezarea Trinca „Izvorul lui Luca”. RA VI, 1, 2010, 71-88.
- Levițki, Sîrbu 2016:** O. Levițki, L. Sîrbu, Rezultatele investigațiilor arheologice din situl Trinca „Izvorul lui Luca”. Campania anului 1989. RA XII, 1-2, 2016, 237-249.
- Levițki, Sîrbu 2017:** O. Levițki, L. Sîrbu, Investigațiile arheologice din anul 1984 în situl Trinca „Izvorul lui Luca”. RA XIII, 1-2, 2017, 111-121.
- Levițki et al. 2018:** O. Levițki, Gh. Sîrbu, L. Sîrbu, Investigațiile arheologice din anul 2000 în situl Trinca „Izvorul lui Luca”. RA XIV, 2, 2018, 80-95.
- Levițki et al. 2019:** O. Levițki, L. Sîrbu, Gh. Sîrbu, Investigațiile arheologice de la periferia sud-estică a promontoriului Trinca Izvorul lui Luca din anul 2000. RA XV, 2, 2019, 86-99.
- Markevich 1981:** V.I. Markevich, Pozdnetripol'skie plemena severnoi Moldavii (Kishinev 1981) // В.И. Маркевич, Позднетрипольские племена северной Молдавии (Кишинев 1981).
- Movsha 1960:** T.G. Movsha, Tripol'skoe zhilishche na poselenii Soloncheny II. Rezul'taty raskopok 1955 g. Zapiski Odesskogo Arkheologicheskogo Obshchestva, 1 (34), 1960, 231-248 // Т.Г. Мовша, Трипольское жилище на поселении Солончены II. Результаты раскопок 1955 г. Записки Одесского Археологического Общества, Том 1 (34), Одесса, 231-248.
- Passek 1961:** T.S. Passek, Rannezemledel'cheskie (tripol'skie) plemena Podnestrov'ia. MIA 84, 1961 // Т.С. Пасек, Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА 84, 1961.
- Păunescu 1993:** A. Păunescu, Ripiceni-Izvor. Paleolitic și mezolitic (București 1993).
- Rogachev, Anikovich 1984:** A. Rogachev, M. Anikovich, Pozdnii paleolit Russkoi Ravniny i Kryma. Paleilit SSSR. Arkheologija SSSR (Moskva 1984) // А. Рогачев, М. Аникович, Поздний палеолит Русской Равнины и Крыма. Палеолит СССР. Археология СССР (Москва 1984).
- Sanzharov et al. 2004:** S.M. Sanzharov, Iu.M. Brovender, O.O. Britiuk, Kurgani bilia sela Utkine na Mechetnomu poli v Donbasi. Materiali ta doslidzhennia z arkheologijí Skhidnoї Ukrayni 2 (Lugans'k 2004), 191-221 // С.М. Санжаров, Ю.М. Бровендер, О.О. Бритюк, Кургани біля села Уткіне на Мечетному полі в Донбасі. Матеріали та дослідження з археології Східної України 2 (Луганськ 2004), 191-221.
- Savva 1992:** E.N. Savva, Kul'tura mnogovalikovoї keramiki dnistrovsko-prutskogo mezhdurech'ja (Kishinev 1992) // Е.Н. Савва, Культура многоваликовой керамики днестровско-прутского междуречья (Кишинев 1992).
- Sava 1994:** E. Sava, Epoca bronzului – perioada mijlocie și târzie (sec. XVII-XII î.e.n.). TD XV, 1-2, 141-151.
- Sorokin 1997:** V.Ia. Sorokin, Issledovaniia mnogosloinogo poseleniiia Putinesht' II. In: Vestigii arheologice din Moldova (Chișinău 1997), 122-138 // В.Я. Сорокин, Исследования многослойного поселения Путинешть II. B: Vestigii arheologice din Moldova (Chișinău 1997), 122-138.
- Sorochin 2002:** V. Sorochin, Aspectul regional cucutenian Drăgușeni-Jura (Piatra-Neamț 2002).
- Sorochin, Dergaciov 2010:** V. Sorochin, V. Dergaciov, Eneoliticul timpuriu. In: Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (până în sec. V î.e.n.) (Chișinău 2010), 234-249.
- Smirnova 1972:** G.I. Smirnova, Novye issledovaniia poseleniiia Magala. ASGE 14, 1972, 12-31 // Г.И. Смирнова, Новые исследования поселения Магала. АСГЭ 14, 1972, 12-31.
- Smirnova 2000:** G.I. Smirnova, Pervye poselentsy u s. Doliniany, v urochishche Pomirki (epokha srednei bronzy). Stratum plus 2, 2000, 554-583 // Г.И. Смирнова, Первые поселенцы у с. Долиняны, в урочище Помирки (эпоха средней бронзы). Stratum plus 2, 2000, 554-583.
- Teodor 1999:** S. Teodor, Regiunile est-carpatice ale României în secolele V-II î.d.Hr. (București 1999).
- Toșcev 1998:** Gh. N. Toșcev, Cultura catacombelor și contactele ei în partea de vest a arealului. TD XIX, 1-2, 1998, 51-69.

Oleg Levițki†, doctor habilitat în științe istorice, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare 1, MD 2001, Chișinău, Republica Moldova

Livia Sîrbu, cercetător științific, Universitatea de Stat „Dimitrie Cantemir”, str. Academiei 3/2 // Muzeul Național de Istorie a Moldovei, str. 31 August, nr. 121A, Chișinău, Republica Moldova, email: livermur@yahoo.com

Ghenadie Sîrbu, doctor în istorie, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare 1, MD 2001, Chișinău, Republica Moldova, email: ghena.sirbu2014@gmail.com

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XVI _ nr. 1

IN MEMORIAM

**Dr.hab. OLEG LEVIȚKI
(1956-2020)**

Revistă indexată în bazele de date

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2020

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

**INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE**

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki†

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – dr. **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посыпать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Eugen Mistreanu (<i>Chișinău</i>), Marcin M. Przybyła (<i>Kraków</i>). Despre planimetria aşezării gumelniteșene Taraclia I în cercetări vechi și noi	5
Майя Кашуба (Санкт-Петербург), Игорь Сапожников (Киев). История находки Бородинского (Бессарабского) клада	21
Aurel Mototolea (<i>Constanța</i>), Simina Margareta Stanc (<i>Iași</i>), Andreea Andrei (<i>Constanța</i>). The roadside inns (<i>khâns</i>) in Ottoman Dobrudja	48

MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Валерий Манько (Киев), Гурам Чхатарашвили (Батуми). Раннеголоценовая стоянка Джварцхма в Западной Грузии	63
Oleg Levițkiț, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chișinău</i>). Rezultatele investigațiilor arheologice efectuate în cadrul sitului Trinca-Izvorul lui Luca în anul 2001	78
Виталий Синика (Тирасполь), Сергей Лысенко (Киев), Сергей Разумов (Тирасполь), Николай Тельнов (Кишинэу). Курган 2 группы «Рыбхоз» в Нижнем Поднестровье и скифские кремации Северо-Западного Причерноморья	99
Александр Симоненко (Киев). Ритуальный депозит II-I вв. до н.э. из Брэвичень	108

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Vasile Haheu (<i>Chișinău</i>). Sistemul defensiv al fortificațiilor traco-getice (particularități constructive și principii de apărare)	121
Елена Журухина (Киев). Производство стеклянных изделий (по материалам ремесленных мастерских Киевского Подола XII – первой половины XIII века)	130

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Roman Croitor (<i>Aix-en-Provence</i>), Vitalie Burlacu (<i>Chișinău</i>). The Middle Paleolithic site of Buzdujeni 1 (Northern Moldova): evidence on periodic occupation by cave hyena	136
Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chișinău</i>), Vasile Diaconu (<i>Târgu-Neamț</i>), Nicoleta Vornicu (<i>Iași</i>). Despre vasul de cupru medieval descoperit la Cetatea Neamțului (județul Neamț, România). Noi considerații	145
Mariana Gugeanu (<i>Iași</i>). Textilă liturgică arheologică – <i>Mâneceuță</i> . Conservare și restaurare	157

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Kirsten Hellström, *Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet*

(2. Jh. v. Chr. - 3. Jh. n. Chr.). Arhäologie in Eurasien 39, Bonn, 2018,
284 pagini și 94 planșe, ISBN 978-3-7749-3948-6
(Vasile Iarmulschi, Berlin) 163

IN HONOREM

Dumitru Boghian la 65 de ani (Sergiu-Constantin Enea, Târgu-Frumos) 165

IN MEMORIAM

La adio Oleg Levički: Omul și Savantul (1956-2020)
(Vasile Haheu, Chișinău) 168

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 172

INFORMATII ȘI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 173

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL
MAGAZINE 174

Aurel Mototolea, Simina Margareta Stanc, Andreea Andrei

The roadside inns (*khāns*) in Ottoman Dobrudja

Keywords: Dobrudja, inns/khāns, Ottoman period, trade routes, archaeological remains.

Cuvinte cheie: Dobrogea, hanuri, epocă otomană, rute comerciale, vestigii arheologice.

Ключевые слова: Добруджа, ханы, Османская эпоха, торговые пути, археологические находки.

Aurel Mototolea, Simina Margareta Stanc, Andreea Andrei

The roadside inns (*khāns*) in Ottoman Dobrudja

Dobrudja is located at the crossroad of commercial roads and was always the transit area for the trade road that linked the Mediterranean to the Baltic area, as well as a terminus point for the commercial routes in central Europe. This, together with the implementation of traditions of the Muslim world, led to the appearance in the important centers of the province of a specific element: the inns. They acquire specific features, according to the oriental tradition. Written sources of that time certify the existence of inns in Dobrudjan cities but also in other small localities. In rare cases, this information is confirmed by archaeological findings. The given paper presents the steps in the emergence of these inns, their spatial distribution, the factors that led to the development but also to the involution of their activity. The general characteristics of this kind of public establishment in the Muslim world and the degree to which they were preserved in the case of Dobrudjan inns are also described. The more appropriate term for Dobrudja is that of "inn" (*Khān*) and not caravanserai, a well-known term in the Islamic world. The connection of Dobrudja with the Balkan commercial routes is an interesting element.

Aurel Mototolea, Simina Margareta Stanc, Andreea Andrei

Hanurile (*khāns*) în Dobrogea otomană

Dobrogea este situată la intersecția drumurilor comerciale și a fost întotdeauna zonă de tranzit pe drumul comercial care a legat Mărele Anex, precum și un punct terminus pentru rutele comerciale din Europa Centrală. Aceste fapte, împreună cu punerea în aplicare a tradițiilor lumii musulmane, au dus la apariția în centrele importante ale provinciei a unui element specific: hanurile. Ele dobândesc caracteristici specifice, conform tradiției orientale. Surse scrise din acea vreme atestă existența hanurilor în orașele dobrogene, dar și în alte localități mici. În cazuri rare aceste informații sunt confirmate de descoperirile arheologice. Lucrarea de față prezintă etapele apariției acestor hanuri, distribuția lor spațială, factorii care au dus la dezvoltarea, dar și la involuția activității lor. Sunt prezentate, de asemenea, caracteristicile generale ale acestui tip de instituție în lumea musulmană și gradul în care acestea au fost păstrate în cazul hanurilor din Dobrogea. Termenul mai potrivit pentru Dobrogea este acela de „han” (*Khān*) și nu caravanserai, un termen binecunoscut în lumea islamică. Un element interesant este legătura Dobrogei cu rutele comerciale balcanice.

Аурел Мототолея, Симина Маргарета Стэнк, Андрея Андрей

Гостиныцы (ханы) в Османской Добрудже

Добруджа расположена на пересечении торговых путей и всегда была транзитной зоной на торговом пути, соединяющем Средиземное море с Балтийским регионом, а также конечной остановкой для торговых путей из Центральной Европы. Этот факт, наряду с навязыванием традиций мусульманского мира, привел к появлению в важных центрах провинции специфического элемента: гостиныцы. В соответствии с восточными традициями они приобретают определенные характеристики. Письменные источники того времени свидетельствуют о существовании гостиниц в Добрудже, а так же и в других небольших городах. В редких случаях эта информация подтверждается археологическими открытиями. В настоящей статье представлены этапы появления этих гостиниц, их пространственное распределение, факторы, которые привели к их развитию, но также и к упадку их деятельности. Представлены также общие характеристики этого типа учреждений в мусульманском мире и степень, в которой они были сохранены в Добрудже. Более подходящим термином для Добруджи является «хан» (*Khān*), а не караван-сарай, термин, хорошо известный в исламском мире. Интересным элементом является связь Добруджи с торговыми путями на Балканах.

Caravans, commercial roads and roadside inns

In recent years, the study of the functional binomial caravan-roadside inn, as well as of the commercial routes associated with them, has in-

creased [Del, Tavernari, Boutros 2010, 419; Palombini, Tavernari 2016, 637], but the area of research was focused on the Asian corridor of the Silk Road. However, the territory where the historical development of this phenomenon can be noticed is huge,

covering parts of Europe and Russia, North Africa, Near East and Central Asia, the Indian subcontinent and China. Except for China, the phenomenon in all other territories listed above coincides with the historical expansion of Islam.

Especially associated with Islamic culture, caravans and roadside inns (in the broad sense of stopping and hosting places for commercial caravans) have, in fact, much broader backgrounds, the commodity trade of caravans being attested since the 3rd millennium BC (Egypt - Aswan, Mesopotamia - *Kültepe*, the Hittite Empire) [Staubli 2013, 1 and 5] and the biblical period (Genesis 37.25) [Staubli 2013, 4].

The phenomenon of caravans and roadside inns represented, for more than a millennium, a major aspect of civilization, witnessing the intensity and diversity of trade and cultural exchanges [Del, Tavernari, 2009, 97], being connected to the expansion of Islam and of land trade and covering the period between the 8th century AD and the beginning of the 20th century [Staubli 2013, 7].

The causes that led to this phenomenon were, to a high degree, practical, since "travelling in medieval times was difficult, dangerous and slow", but it was necessary for the exchange of goods and religious pilgrimage [Önge 2007, 51]. As a result, the establishment of caravans initially provided an answer for two basic needs: a high level of demand of goods that needed to be transported over long distances and the vastness of a poorly populated territory that was crossed by trade routes. Over time, they started following a pre-established route with fixed stops, where people from the caravans could find water, food and places to rest, sheltered against robber's incursions. So, in time, roadside inns appeared at almost every stopping place and offered: accommodation for people, stables for animals, protection, food, water and the possibility of commercial transactions.

The term *caravanserai* (roadside inn) comes from the Persian language, pahlavi dialect (*kārwānsarā* (کاروانسرای), being a composite term which became customary for Islamic stopovers in all European languages, composed of *kārwān* (caravan, having as initial meaning „the one that protects trade") [Thareani-Sussely 2007, 123], and *sarā* (palace or building with a closed courtyard), later adopted into the Arabic vocabulary and spread through the Arabic channel in the

Islamic world. It refers to a roadside inn, where travelers could rest and recover from the day's journey. Over time, the term was replaced by inn, also derived from the Persian language *khān* (خان) („house"), with the original meaning of urban roadside inn of small dimensions, similar to the road caravanserais¹.

Over time, many roadside inns have been built along the traditional trade, mail and military routes, on the way to the maritime ports or to traditional cult centers. In relation to the positioning towards human settlements, there are distinguished urban roadside inns, located inside or at one of the entrances into the city and road caravanserais, established in remote locations, away from settlements, on the way of main trade routes [Thareani-Sussely 2007, 124].

The central government, local government or private initiatives contributed to the construction, maintenance and exploitation of roadside inns, in most cases the existence of roadside inns represented a source of income, prosperity and, in a symbolic way, power².

There is an initial typical way of construction of roadside inns: a rectangular or square enclosure, with protective walls and chambers arranged around a single-gate interior courtyard (unique access from the southeast), but the variations in size and shape of its architecture being quite frequent [Thareani-Sussely 2007, 126]. Generally, in their first stage of development, roadside inns have a simple and robust architecture, mostly rectangular. In time, there are differences between urban roadside inns, that outside had a series of small shops lined up to the street along the two sides and caravanserais located outside the urban area, where we may also notice other buildings and halls such as the water deposit, a guard room, located close to the access gate, a surveillance room and surveillance towers [Ancuța 2017, online, 5].

Once the urbanization process increases, differences, which are mostly functional (the constructive manner followed for a long time the traditional precepts), occur also in the category of urban roadside inns. These are divided into:

1. It should be noted that in 1574, at Istanbul, the distinction between *caravanserai* and *inn* is still in use, according to the Polish traveler Maciej Stryjkowsky, see Călători 1970, 449.

2. For example, Anatolian Seljuk caravanserais existed as the result of sultans' interest in commercial activities, which were directly related to the state's economic status, see Önge 2007, 63.

Fig. 1. A map of the localities and commercial routes (*apud* Preiser-Kapeller 2014, 6).

a) inns located at the city entrance (in order to receive caravans of pack animals and loaded carts and to direct them to the fairs and markets of the cities; they provided accommodation and protection structures, but they also played the role of filter and control)

b) inns located inside the settlements (in the city center goods are traded – jewels, silks, perfumes etc.) [Ancuța 2017, online, 7])

Together with the expansion of the Ottoman Empire in the 14th and 15th centuries in territories from Asia, Africa and Europe, a great importance is given to trade routes and especially to the transcontinental traffic axes connecting Istanbul with the Oriental centers (Baghdad, Cairo, Damascus) and Balkan³ centers (Sofia, Belgrade, Edirne). In this context, the inns undergo a new period of development, the old ones being renovated and new ones built; the inn becomes an important, indispensable presence of the Ottoman Imperial trading routes system [Ancuța 2017, online, 6].

Dobrudjan inns in the 16th – 18th centuries

The safety of Balkan commercial routes brought by the Ottomans to the conquered ter-

ritories or those under their influence led to an expansion of Balkan trade traffic, linked to the European and Asian traffic (fig. 1).

In the 16th-17th centuries, there is an increase of Balkan trade and of the transit trade on the north-south axis, as a result of “closing” the Straits; this increase should be understood, however, within the limits of the importance that the roads in the area of the Danube mouth had in the great traffic of goods at that time (fig. 2).

Being an omnipresent and yet distinctive element of Islamic civilization, the caravanserai could not be missed in Dobrudja. All the more since this *eyâlet* was located on important commercial axes [Gemil 1991, 204; Călători 2011, 66]. Dobrudjan centers are final destinations and markets for three large trade routes of the time that were heading towards the Black Sea: “Moldavian road”, “the road of Brașov” or North-Pontic trade routes [Popescu 2013, 184].

The influx of traders and merchants demanded and justified the emergence of stopovers in the main markets of the province or on the Dobrudjan road network.

Nevertheless, although the Ottoman territory, the outlying position of Dobrudja in the Empire, the gradual loss of importance within the military and economic imperial system, along with the exit of the Black Sea basin from the

3. In this context, it should be mentioned that Ottoman offensive in Europe followed the course of the “Balkan Route”, used since Roman antiquity, which linked Constantinople to Belgrade through Adrianople, see Gemil, 1991, 197.

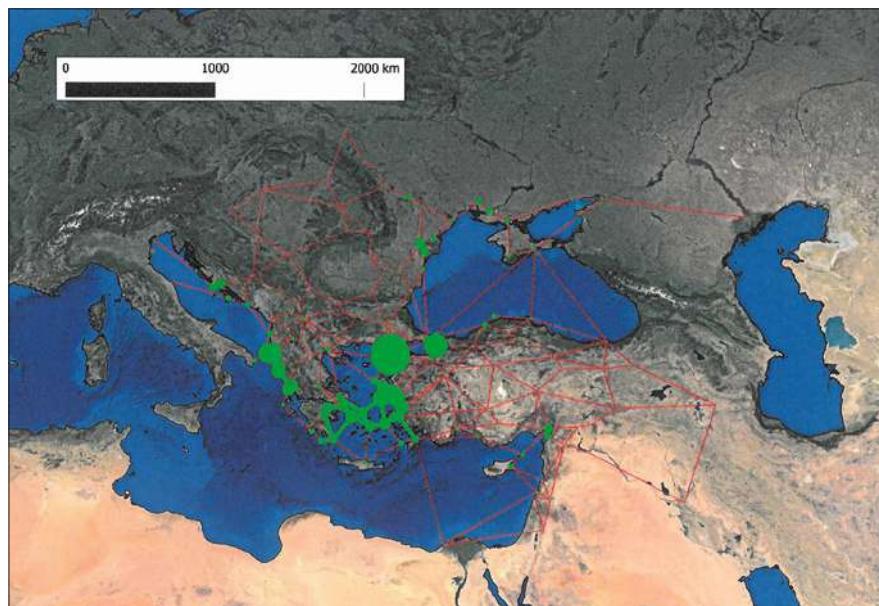

Fig. 2. Commercial nodes with intense activity (*apud* Preiser-Kapeller 2014, 7).

world's great trade route, with the movement of its center of gravity to Atlantic, after the era of great geographic discoveries, has made the "culture of caravanserai" not so well developed in this region as compared to Asian areas or, closer, to the Balkan network of inns. The relatively small size of the province also contributes to this – in most cases the trade caravans cover the distance from north to south in four days.

In the present paper, we will analyze the evolution of caravanserais/inns in the Dobrudjan area, meaning Romanian Dobrudja, which includes the territories of the present counties of Tulcea and Constanța, but with proper references to centers or areas that are currently in Bulgaria (Bazargic/Dobruci, Musabei/Krasen) or Ukraine (Ismail), when the situation requires it. The sources of information on the situation of the respective historical periods are literary (accounts, reports, official documents) or archaeological. Considering what we have stated in the previous paragraph, we would prefer to use the general term of "inn" instead of "caravanserai", considering that it is more appropriate to use it for the Dobrudjan area.

Ottomans have conquered the Dobrudjan area in different stages between the sultanates of Mehmed I (1413-1421) [Popescu 2013, 41] and Bayezid II (1481-1512) [Alexandrescu-Dersca Bulgaru 1971, 268: Bayezid II is the one who gave territorial coherence of the Ottoman rule in Dobrudja], while the

organization and administration of the province began, however, during the sultanate of Süleyman Kanuni (1520-1566). For the 16th-18th centuries, most of the written and cartographic sources suggest a demarcation of the province close to the current concept⁴, i.e. from the north of Bazargic to the Danube Delta, the southern limit being located on the Silistra-Mangalia line. On the east-west axis, is the territory between the Danube and the Black Sea.

After the Ottoman conquest and administrative organization, the province of Dobrudja simultaneously fulfilled two roles:

a) Commercial and agricultural *hinterland* role for the imperial capital, noticeable especially during the 16th-17th centuries. There is a junction of a series of land trade routes in this area, especially the trade route Istanbul – Baltic area, which intersects with the circum-Pontic trade route;

b) Advanced military bastion, necessary to keep under control the Romanian Principalities,

4. Passing Bazargic, Rafael Leszczynski noted: "...here begins the land of Dobrudja", and travelling back, the same traveller says: after Bazargic, "around Provadia I have entered the Bulgarian country", see Călători 1983, 183. Francisc Gościcki (1712): from Bazargic "after a day of rest, we left Dobrudja and entered Bulgaria, towards Coslugea, and from there we left for the city of Provadia", *ibid*, 538. According to Popescu 2013, 58, coming from the south, travelers from the 17th-18th centuries mention Dobrudja as being the maritime land from the "end of the Bulgarian country", and for the traveler coming from the north, from Poland and Moldavia, after crossing the Danube at Măcin, was the entry point in Dobrudja. According to Evliyâ Çelebi, Dobruca vilâyet stretched "from the city of Tulcea" to the "menzil of the flourishing city Bazargic".

the Tatars from the Crimea, Poland, and the circum-Pontic commercial route.

At the same time, the province begins an integration process into the various aspects of Ottoman life (economic, demographic, military, cultural). The evolution of Dobrudja is strictly connected to the trade flows and the social and economic evolution of the Ottoman Empire. As in the rest of the Empire, the epoch of the great viziers Köprülü and the first half of the 18th century mark the climax of the Ottoman administration and civilization in Dobrudja, when new institutions were introduced, a constructive activity took place and an incipient urban life emerges. Last but not least, this evolution must be seen in a general Balkan context. Here, in the Balkans, beginning with the 15th-16th centuries, cities have expanded, new neighborhoods (*mahalle*) appeared grouped around mosques. The configuration fortress (*hisar*) – market (*carsi*), surrounded by caravanserais (*han*) – is almost omnipresent and life pulsates around the mosque, which is accompanied by *medrese*, charitable organizations (*imarathane*), public baths (*hammam*) and institutions of medical care; where the roads crossing the locality intersect, administrative institutions and the water fountain are erected (*çeşme*) [Mototolea 2016, 172]. This urban life is the result of favorable economic processes, and the inns have a well-established role in this whole. All the more so as it is possible to respect an urban tradition of Islamic origin, older in the region, but undocumented archaeological with certainty. Thus, prior to the Ottoman rule, it is not excluded that the Tartars implemented the Seljuk model of urban architecture, with cult buildings (Muslim) inside the cities and caravanserai on trade routes. In 1333, Ibn Battûta mentioned a border point with caravanserai at Baba Saltuk-Babadag [Battûta 1982, 197], which has existed since late 13th century [Kiel 2000, 265].

It should be noted, however, that these settlements (inns) are not found only in the urban environment. Dobrudja offers us numerous examples of inns and stopping places located outside the urban centers and the consecrated fairs, more specifically, in rural areas. These occur mainly in the 18th century and an explanation could be the economic decay of large centers, but also the change of trade routes, together with the general development of some rural areas. The relative safety that the villages had provided in comparison with the city during

the long-standing Russian-Turkish military conflicts in Dobrudja should not be overlooked.

We present the localities where the inns that functioned in Dobrudja during the 16th-18th centuries are attested documentary and/or archaeologically, together with their constructive characteristics, following their arrangement on main communication, commercial and military routes: maritime, central and Danubian line.

A. Urban, quasi-urban centers, markets

a) Maritime route

a.1) Mankalya/Mangalia. In the Middle Ages and the Ottoman period, Mangalia appears frequently in charts and maps. Like many other flourishing centers of antiquity, the city lost importance, becoming in the 16th and 18th centuries only a port scaffolding, with the main role of collecting and transporting the agricultural products of the Dobrudjan province to the capital of the empire [Călători 1976, 380, 381]. The city is explicitly mentioned as Ottoman possession and with the name of Mangalia by the Ragusan Paolo Giorgi in 1595, but more important information is provided to us since the 17th century, primarily by Evlyiâ Çelebi who, during his second and third journeys in Dobrudja [Mehmed 1965, 1098 note 10], passes also through this city, making a series of notes. In respect to the strong commercial feature of the city, he records the nearly 300 stores in the port and other parts of the city, but also the existence of three inns, mentioning that “*The best building is the serdar's inn*” [Călători 1976, 381].

Traces of the mentioned inns are, however, not visible today, being destroyed over time because of various reasons, mainly military.

a.2) Kostence/Constanța. During the Ottoman period, the city which was reduced to the status of a port scaffolding [Popescu 2013, 69], will remain, nevertheless, connected to the economic circuit of the province; in the 16th century is an embarkment place for cereals stored in Brăila port⁵. Around mid 17th century, during the second journey through Dobrudja (1652), Evlyiâ Çelebi said about Constanța that it is a modest market place (*Kostence kasabasına*), with “about 150 houses ...

5. Popescu 2013, 185: the grains reach, on the Danube, with skiffs (*sayka*), all the way to Hârșova and from here are transported by wagons to Constanța, the final destination being Istanbul.

only one mahala and there is a simple, but useful mosque near the scaffolding. There are also: an inn, 40-50 barns, which looks similar to the inns located near the scaffolding and a few shops; there are no other buildings [Călători 1976, 385].

As in the case of Mangalia, traces of the mentioned buildings are not however visible today, being destroyed over time and the modern city completely overlaps the old Ottoman site.

a.3) *Qaraharmanlıq/Karaharman*⁶. Is an important port scaffolding situated on the west-Pontic shore. Its location on the southernmost branch of the Danube, functional at that time, at its point where it flows into the sea, allowed the maritime traffic to junction with the Danubian one⁷. Maritime traffic here and the importance of the scaffolding in the management and maintenance at high level of the *zahire* circuit towards Istanbul, but also the real danger of the Kazakhs' attack, according to Evlyiâ Çelebi's writings, led the Sultan to order the construction of a fortress at Karaharman⁸. Towards mid 17th century, with its security guaranteed by the fortress and the corresponding garrison, Karaharman would develop.

According to the accounts, it had approximately 300 houses, “70-80 inns of merchants, full of all kinds of merchandise” [Călători 1976, 387] and a mosque not far from the harbor, used by the civilian population.

Of course, the number of inns seems to be exaggerated, but not impossible, at least for a determined period, given the constructive manner of the Dobrudjan inns of this period, much different from that of the traditional caravanserai and closer to that of a simple house, as well as the intense commercial activity of the epoch, which ensured an increased traffic of people and goods.

There are no archaeological vestiges of the

mentioned inns; the old fort is covered entirely by the modern building of the “Rare Metal Enterprise”, and the adjacent area is forbidden for archaeological research.

b) Central route

b.1) *Karasu/Medgidia*. This market town developed as a stage station on the communications route between southern and northern Dobrudja, at the crossing point over the easily flooded Karasu valley, the main role being due to its geographical position, its location on one of the two important communication nodes of Dobrudja (the second one being *Pazarcık*), the road that passed through Karasu being mainly a merchants route [Popescu 2013, 180]. At the same time, the road on which Karasu is positioned has also an important military role, the locality being in charge for the trans-Dobrudjan road (*şahrak*) coming from Edirne to the regions of northern maritime Danube [Brătescu 1928, 225; Popescu 2013, 90-91]. A true account of the situation of the locality in its epoch (half of the 17th century) is provided to us by the passionate traveler Evlyiâ Çelebi, who had passed through the locality in 1652. Thus, the market town had at least “1000 simple or two-storied houses, covered with gutter tiles and shingle”, a “small, but useful” mosque, an inn, seven schools, a “dark” public bath and a few dozens of shops [Călători 1976, 396].

We must notice the mentioning of only one inn, given that Karasu market town is located on a main channel of communication in Dobrudja, the shortest road to Moldavia and Poland; perhaps an explanation would be the mainly military importance of the road, even though the documents of the time attest the importance of the settlement as commercial node.

b.2) *Isterabad/Ester*. Documentary attested for the first time in an Ottoman financial register (*cizye*) from 1502, in the *kazâ* of Hârșova (*kariye-i Ester tabic Hirsova*), in 1538 the locality appears as a military station, which means that the Ester of the 16th century was located on a military road (having the obligation to make provisions for a walking military stage/*nüzül*) [Popescu 2013, 149; Călători 1968, 383].

Relevant information is provided to us by the same Evlyiâ Çelebi, who passes through this locality in November 1652, on his way back to Istanbul [Mehmed 1965, 1098, notes 10, 11]. The

6. It was identified as being the old port known as *Şianavarda*, *Zanavarda*, according to Mateescu 1971, 306; the name would translate into “Black city”, possible explanations in Iosipescu 2008, 119 and Mateescu 1971, 307-308.

7. Karaharman was connected to the rest of Dobrudja by routes leading to Constanța, Babadag or other important centers of the province, but which were not connected to the main route of the province, that came from the Balkan road and passed through Bazargic-Karasu and Babadag, until it stopped at Isaccea fort, according to Mateescu 1971, 310-311.

8. The Sultan's decision seems to be subsequent to a new raid of the Cossacks against Karaharman, as it would result from the rapport of the envoy of Flemish General States, ambassador Cornelius Haga (August 8th 1626), see Iosipescu, 2013, 113.

city (*kasaba*), now called *Asterâbad*, had 1500 “beautiful houses”, “inns (...) and about 200 shops”, a nursing home (*imaristan*), as well as numerous churches. Subsequent accounts of the 18th century, no longer explicitly mention the existence of inns.

Ester represents a fortunate case, together with Babadag, when literary information is documented on the ground by archaeological research, even in part. Successive campaigns of archaeological research, started in 1980 and conducted with interruptions between 1980-2001 [Custurea 1983, 545-550], concerned both the urban settlement itself and the necropolis in its west. In the settlement, houses and a church [Custurea 1997, 32-33] were identified, while in the necropolis several dozens of tombs were researched, all of them Christian, where various coins [Custurea 2013, 81-104] and ornaments [Mototolea 2015-2016, 315-356] were found. During the excavation campaign of 1986, a survey conducted in the northeast of the settlement led to the discovery of a large complex (39,50x18,40 m), consisting of a single room (fig. 3), whose constructive manner [Călători 1973, 483-484; Călători 1970, 427, note 70] leads to the conclusion that it is a caravanserai [Custurea 1997, 33] maybe in connection to one of those mentioned by Evlyî Çelebi (fig. 4). The construction is located east of the settlement, in an area with a low-density habitation, on the road connecting the sea shore (*Vadu/Karaharman*) and the current lagoon complex Razelm-Sinoe.

b.3) Babadagi/Babadag. The favorable geographic location⁹, the possibility of junction of the Ottoman armies on their way to the enemy countries (*dar-ul-harb*) or the crossroad of commercial channels¹⁰ make the town of Babadag the capital of the Dobrudja *eyelet* [Vasiliu 1996, 195], which will lead to an increased number of information about it.

Since late 15th century, sultan Bayezid II, on his way back to Adrianopole, passes through the city, near the tomb of the dervish Sari Saltik, Ev-

9. Located near the crossing ford from Isaccea, but in connection also with the maritime trade route, through the lake network nearby.

10. i.e. “Turkish road” that connected, through Dobrudja, Istanbul with North-Danubian regions, it forked at Babadag on its way to Tulcea and to Isaccea, according to Popescu 2013, 180.

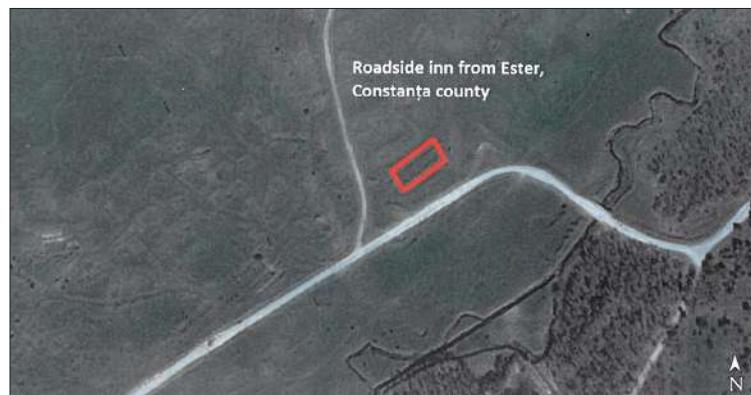

Fig. 3. The location of the inn from Ester.

liyâ Çelebi being the one who gives details of the event in his writings; so, the sultan – surnamed the “Saint”, *Bâyezid-i Veli*, due to his piety – will decide to dedicate the city of Babadag to the saint dervish, making it a *vaqf* [Mehmed 1965, 1109]; this act was accompanied by the construction, near the saint’s tomb, of a mausoleum¹¹ and of a mosque [Vasiliu 1996, 202], as well as of an imaret, an inn, a medrese and a bath [Călători 1976, 352]. This is the earliest explicit mentioning of an inn’s construction during the Ottoman period of Dobrudja.

At the beginning of the 17th century, during the sultanate of Mehmet III, the army general Ali Gazi Paşa founded the mosque that bears his name; its construction is finished prior to 1618-1619 (when his last will is dated). His tomb, located nearby, was built in the *Hegira* year of 1029 (1621).

Archaeological excavations carried out in the courtyard of the mosque between 1994-1996 partially uncovered the vestiges of an inn with monumental entrance and large interior courtyard (fig. 5); the construction is located in front of the mosque and the tomb and functioned until 1771, afterwards being completely destroyed during the Russian-Turkish wars that were carried out in this territory [Vasiliu 1996, 208].

The inn is an edifice of appreciable size, whose walls measure 30 m east-west and 20 m from north to south. The large walls have foundations of 0,60-0,80 m deep due to the sloping ground where they were erected, made of quarry stone bound with mortar and having in its compo-

11. Which will become a place of pilgrimage, being visited by all the sultans passing through Babadag (quite numerous, given the frequent military expeditions against Moldavia, Poland or Russia).

Fig. 4. Halt in a caravanserai (*apud* Călători 1976, fig.61).

sition a lot of sea sand, while the elevation of the large walls of 1,00-1,20 m wide is still preserved at a height that varies between 0,60 and 1,35 m and it is made in the technique of stonework with *emplecton* [Vasiliu 1996, 205]. The edifice had two stages of use, which differ from one another by the construction techniques used. During the first stage, there is a wide area of 4,50-5,00 m, that was probably used for habitation, for practicing certain crafts or for various commercial activities [Vasiliu 1996, 206]. During the second stage, the monumental edifice had an interior courtyard, paved with small and medium sized stones, a courtyard that was protected by a roof made of planks and gutter tiles, sustained on wooden poles.

For the middle of the 17th century, Evliyâ Çelebi records “*eight inns*”, mentioning that “*All merchants, during Summer and Winter, stay in these inns*” [Călători 1976, 392].

The last literary record of the inns in Babadag dates from the second half of the 18th century and was made by the Turkish chronicler Ahmed Vasif effendi in 1769: “Also, it has both beautiful inns and markets” [Vasiliu 1996, 202].

c) Danubian route

c.) **Hirsova/Hârșova.** Although favorably located at the end of a commercial road, in front of the mouth of the Ialomița river,

where it flows into the Danube, we do not have direct information about the city of Hârșova at the beginning of the Ottoman rule, but the *kazâ* of Hârșova is mentioned in a *defter* number 37 from 908 H. (1502-1503) [Popescu 2013, 70, note 212]. An important role of the city is that of a transit node for the trans-Dobrudjan trade; at least for the 16th century it is documentary attested another route for shipping to Istanbul the grains deposited in the port of Brăila: on the Danube, using skiffs (*sayka*), to Hârșova and, from there, with wagons to Constanța [Popescu 2013, 185].

For the 17th century, the information about Hârșova is more plentiful, due to the increasing importance of this city, both from the military – key element in the Danubian defensive system pictured by the Ottomans - and economic points

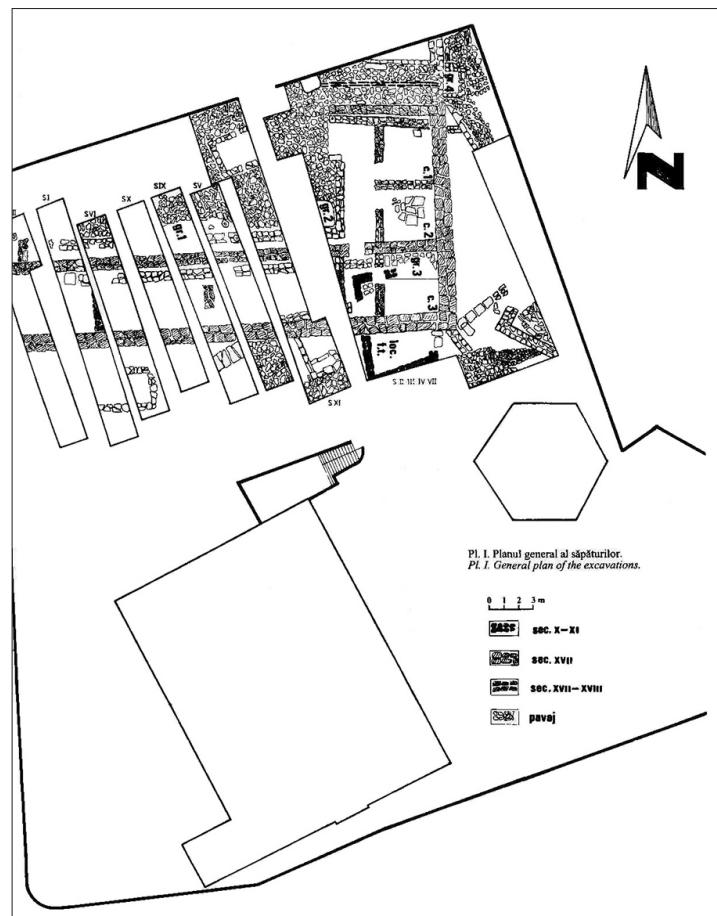

Fig. 5. Plan of the archaeologically researched inn (*apud* Vasiliu 1996, 217, pl.I).

Fig. 6. Inn from the first half of the 19th century, Măcin, Tulcea county.

of view. Important information is provided by Evliyâ Çelebi who, in the autumn of 1657, on his way back to Istanbul, chooses a route [Mehmed 1965, 1099 note 19] in Dobrudja which includes most of the important localities on the Danube's bank, among which is Hârșova, where he will spend the night. According to his accounts, at that time it was a "fortified and durable" city, which had "3000 steps around it", with "two neighborhoods, with 1600 houses", several mosques, "low bathroom and three inns, a market and a small center" [Călători 1976, 451 and note 321].

Archaeological research that began in the 1990s indicates a fortress area of about 30 ha, during the time of its maximum expansion, naturally considering its great strategic importance. At the same time it certifies the organization of the Ottoman city in the area and, often, with reused materials from the old and powerful Roman-Byzantine city *Carsium* [Nicolae 2016, 49-55]. But, although the traces of the fortress cover a considerable area, the material vestiges of the documented buildings, even of the inns, are not attested – to date.

c.2) Măcin/Măcin. The entire economic, social and administrative evolution of Măcin locality during the Ottoman period will be subordinated to its position and the role conferred by the Ottoman authority within the province's trade and defensive system, most written sources certifying the main character of a customs station to tax imports and exports, especially for the river traffic. Defen-

sive and transit location, as well as river communication node with the outlets of the trans-Dobrudjan road, Măcin scaffolding had commercial links also on land both with the "Turkish road" and with the road that went to Silistra along the right bank of the Danube.

Tributary to this statute, the city entered early into the attention of the Ottoman leaders in terms of its military fortification, but also of the administrative adjustment. The military role is evidenced by the presence of strong military garrisons in Măcin, with the customary fortress (*hisar*) in the border towns, this port being a connecting link to the Danube Gulf area and to the

states located north of the river [Şerban, Şerban 1971, 283-291, 287].

In June 1762, the Ragusan Ruggiero Giuseppe Boscovich, travelling through Dobrudja, notes the existence of an inn in this locality: "... accompanying us to our inn" [Călători 1997, 461], and a few years later (1764) Resmi Ahmed Efendi, passing through this region on his way to Berlin, recalls that "...we arrived at the menzil called Măcin" [Călători 1997, 498].

Today, the mosque and the inn (fig. 6), dated to the middle of the 19th century, reflect a much older historical reality, maybe even from the 16th century.

c.3) Isakçı/Isaccea. The historical evolution of Isaccea is strictly connected to its status as a terminal point, for Ottoman Dobrudja, of the commercial and military road linking the north-Danubian and the north-Pontic lands to the capital of the Empire, Istanbul [Popescu 2013, 141-142]. During the Ottoman occupation, the strategic character of the locality is preserved, as a Danube crossing ford, but also the economic role is increased due to the construction of warehouses for the supply of expeditionary armies, but also to its placement on the trans-Balkan route.

An account of May 1651, left by the Russian abbot Arsenie Suhonov, indirectly shows the existence of an inn in this locality, without giving details: "... in the evening we arrived in the city of Isaccea, which is located on the right bank of the Danube, built of white stone, around it is a large market place. There they went on the quite, hiding,

and the inn-keeper did not give us on the hands of the prince and hid us from the tax collectors. Here we have spent the night." [Călători 1973, 411].

The inn from Isaccea is the only one on the Dobrudjan territory that we have information about its founder; the valuable information is due to the Turkish traveler Evlyiâ Çelebi who, a few years later (1659), tells us that "...the inns, the mosque, the charitable organization, the bath, the market and the bazaar are all beneficence and gifts..." of Hasan Paşa (around 1621) [Călători 1976, 489]. He also provides information on how it was managed: "...their administration passes from father to son. After the descendants of the stipulated ones are dead, it is managed for a rent of 6,000 *gurus*" [Călători 1976, 490].

Unfortunately, archaeological remains of the mentioned buildings are not available (except for the mosque), being destroyed for ever or overlapped by the constructions of the modern locality.

c.4) *Tolçi/Tulcea*. In the Ottoman period, Tulcea benefited from the advantages of its strategic position as a nodal point in the Danube Mouth region. This gave it the advantage of being at the intersection of some communication routes essential for Dobrudja and for the West-Pontic area [Popescu 2013, 174]. This strategic position is also the reason why most commercial caravans, in the Dobrudjan part of the route, will pass through this locality every time [Mehmed 1965, 1099, notes 16, 19, 22 and 23].

Evlyiâ Çelebi presents Tulcea as the locality which looked like in the middle of the 17th century; after he gives a brief description of the fortress: "strong, solid construction ... elongated square shape, having a circumference of one thousand sixty steps", he points out that inside the city there is a mosque, another one is in the civilian city, where were also "six hundred houses": "a small and neat mosque, near the customs", but also "a solid inn, made of stone and covered with gutter tiles" mentioning also a series of "... small shops, all of them being charitable foundations..." [Călători 1976, 405].

The last account about Tulcea made by Evlyiâ Çelebi in 1667, shows that: "...the entire army made a halt at the inn of Budjaklı Mustafa aga, which is a serai for halt, really built in its place" [Călători 1976, 748]. This piece of information is interesting also from another point of view: we notice already, in the second half of the 17th cen-

tury, that the era of great commercial caravans is gone¹², the inns becoming, as the author, very inspired, tells us, "*serais for halt*".

Archaeological research conducted in various points of Tulcea city, but especially the ones on Hora hill, in the area of ancient Aegyssus [Stănică 2004, 199-206, 199], highlighted habitation from the 18th-19th centuries, from the Ottoman period of the town. Several items were recovered, fragmentary, mostly pottery. Close to this housing there was a cemetery from the same period, which is not yet archaeologically researched. Unfortunately, the literary documentation of at least one inn is not supported by material remains on the ground.

B. Rural localities

In 1641, the clerk Petru Bogdan Bakšić makes a surprising statement, given that a decade later Evlyiâ Çelebi attests the presence of inns in all the important localities of Dobrudja: "In all these provinces there are no longer inns on the road ... this is the situation almost all over Turkey" [Călători 1973, 221]. Situated favorably between the quasi-urban centers of Ester and Karasu, "The small town of Caramurat ... a Muslim town of about a thousand houses ... has a mosque covered with shingle and two inns" [Călători 1976, 396], according to Evlyiâ Çelebi. The author also says that "From here, going south, I arrived in the city of Karasu".

From another stage of his journey through Dobrudja (1656), the same restless Turkish traveler says that from Silistra "we went south, passing through the villages of Coslugea, Cuiugiu, Receb Kuyusu, Keci Deresi and Cavalcar. These villages are also part of Dobrudja. Each of these villages has 500-600 houses, inns, mosques and rooms for visitors, being flourishing and beautiful villages ...".

In June 1762, the Ragusan Ruggiero Giuseppe Boscovich mentions the existence of an inn "in a village called Karaomer" and he also recalls that at Saraiu "the mayor of the village has built another one (house) for travelers" [Călători 1997, 456, 460].

Direct documentary references of the inns in the rural areas are few, while the archaeologi-

12. Although at Istanbul, at the time, (1672) Cornelio Magni from Parma goes to inns and sees how the caravans arrive to the one that was recently constructed by Köprülü Fazıl Ahmed, according to Iorga 1910, 46.

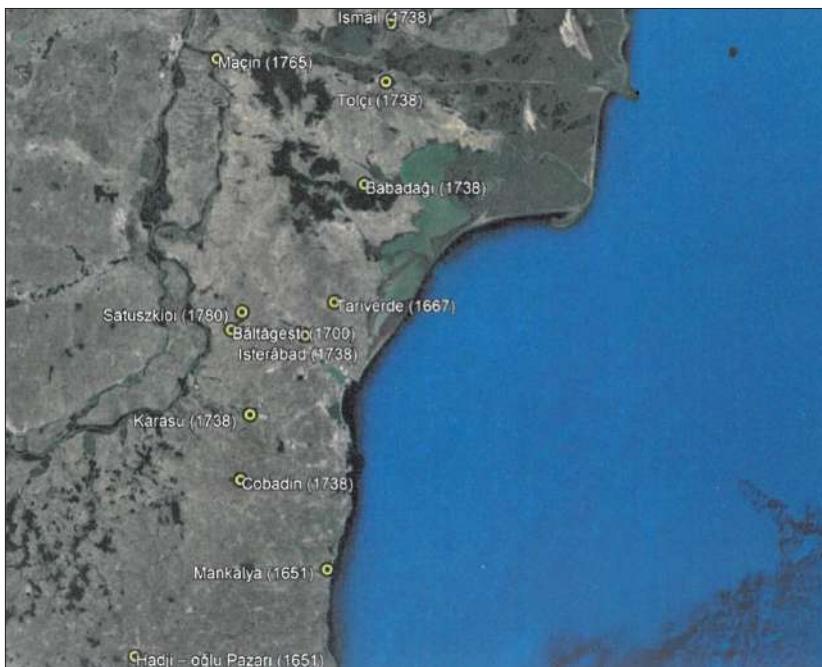

Fig. 7. Menzil stations in Dobrudja (16th-18th centuries).

cal discoveries lack entirely. Nevertheless, indirect testimonies outline a comprehensive picture of the situation during the 16th-18th centuries.

Due to the notes of the Pole Maciej Stryjkowsky, we find indirectly that, almost a century after the Turkish occupation of Dobrudja, there was a “customary”, “official” road going through this region and connecting Istanbul to the northern countries: Moldavia, Lithuania, Poland: “At the time we had to travel on an unusual road, through Wallachia, Bulgaria and the rocky Serbia, due to the famine that haunted Moldavia and Turkey in 1574 and 1575, as well as Lithuania in 1570” [Călători 1970, 449]. We also find out that in 1574 there were inns in Dobrudja “but due to the great famine from Moldavia and from most Turkish inns, we were forced to use a usual path, continuing our road through Wallachia, Bulgaria, the land of the Tribals to Thracia, through the Balkan mountains...” [Călători 1970, 455].

In 1737 the Englishman John Bell of Antemery mentions places for halting and eating, without explicitly mentioning that they were inns; we may assume that at least in part, spending the night was made at inns [Călători 1997, 197]. In the same account, we are notified of the post offices/menzil stations¹³ on the Ismail-Bazargic route, with their localities and distances. As these

stations were located in places that could provide shelter and accommodation, we may assume that the rural localities listed (Cobadin and *Ali beg Köy*, the rest not being identified) benefitted of inns as well. Also, in the rural area, *menzil* stations are mentioned at Tari verde [Călători 1976, 749] in 1667, Bältägești [Panaitescu 1930, 119] in 1700 and *Satusz Köy* [Panaitescu 1930, 239-240] (Crucea) in 1780 (fig. 7).

It is also necessary to take into account the frequent use by travelers of the word *konak* taken, of course, from the local language, which has the meaning of a “pre-fixed housing place”

and “the area crossed between two stops”. With the inherent distortions of translations of original texts or the inappropriate use of the term in respect to the realities on the ground, we nevertheless appreciate the fact that the term is, at least in part, used correctly, for specially arranged halting places known in the epoch [Călători 1997, 460, note 19].

C. Road network

The route following the coastline was initially used by Ottoman sultans in military campaigns – road of Moldavian campaigns of sultans Mehmed II, in 1476 Bayezid II (1484), conquering Chilia and Süleyman Kanuni, in 1538 - but, once it was built the line of fortifications that guards the lagoon complex Razim (Yeni-sale, Babadag) and the Danube on its southernmost arm, Karaharman - Tulcea - Isaccea, the new defensive line allows for the gravity center of communication in Dobrudja to be transferred to the continental road that connected Istanbul, through Adrianopole and Bazargic, with Karasu, then, through Babadag and Isaccea, with North-Danubian area (Moldavia towards Poland or towards Russia). This was the main trade route through the province - trans-Dobrudjan central road, while the roads along the Danube, as well as the one along the seashore, were of secondary importance. In fact, it is the road used since antiquity by the imperial armies, whether Roman or Byzantine. We are dealing with

13. *Menzil, manzil*: halting place or stopping place on the road, especially one associated to barid, official postal office.

a widespread phenomenon in history, the persistence of traditional movement corridors in a region on indefinite time intervals.

The map of communication nodes, the mapping of documentary and/or archaeologically documented centers with inns in Dobrudja (fig. 8-9) provide compelling proof on the major axes of movement (which basically are the ones known and used for traveling since antiquity), being the so-called *route inertia* [Wilkinson 2014, 73]. Even the inherent changes due to military conflicts, the economic decline of some areas, or natural disasters, occur within the same framework. Secondary trails, used for a while, are revived on this occasion and then fall again into oblivion.

Thus, for Dobrudja, especially in the 18th century, with the beginning of the Russian-Turkish military conflicts, but also before, we find that apparently secondary routes are used to travel.

The *Turkish itinerary* of the diary (*ruzname*), which contains the history of the military campaign of 1538, undertaken by Soliman the Magnificent against Moldavia ruled by Petru Rareş, shows that in the first half of the 16th century the west-Pontic road was mainly used, the route being Kavarna-Tatligea-Sütköiu-Istria-Baghî-Babadag-Cataloi-Isaccea [Călători 1968, 383].

The German traveler Martin Gruneweg mentions in 1582 the intermediary stages of the route Isaccea-Bazargic: Cataloi-Caugagia-Ceamurlia de Sus, Ceamurlia de Jos or Baia-Hamangia-Beidaud-Târguşor-Karasu-Adamclisi-Musabei/Krasen (currently in Bulgaria) [Călători 2011, 86-91], but in 1584 and 1586 (on the out journey) the route is no longer respected, and is deviated through Hărșova and Wallachia due to the presence of Turkish troops on the usual road [Călători 2011, 99-100, 110-111].

The English traveler Robert Bargrave mentions the villages *Déftgia* (Defcea-Gherghina), *Bältägeşti*, *Dulgheer*, *Hassanlar*, *Iglița* as stages of the route [Călători 1973, 483-484].

In July 1746, the Swedish Paul Jamjouglou tells us of a route that mentions the villages *Cara Agaci*, *Giuvenia*, *Ali Bey chiöi*, *Omurcio* (Valu lui Traian), and Tariverde, stating that at the time the route through Karasu or Ester was not available "because in this area the inns were destroyed", which implies that there were inns that had not been destroyed on the Tariverde route [Călători 1997, 328].

In November 1759, the secretary of the embassy Adam Golarowski lists the places where he spent the night, respectively Peceneaga, Saraiu, Straja and Karasu [Călători 1997, 422].

A special route is mentioned also by Ragusan Giuseppe Boscovich in his journey of June 1762: *Karaomer* (Negru Vodă) - *Güvenli* (Chirnogeni) - *Mangaci* (Plopeni) - *Boglar* - *Bocmange* - *Biulbiul* - *Karasu* - *Déftgia* (Gherghina) - *Bältägeşti* - *Saraiu* - *Dăeni* - *Başpunar* (Fântâna Mare) - *Ieni Köy* (Mihai Bravu) - *Măcin* [Călători 1997, 456-461].

Toma Alexandrovici accounts two routes in 1766, through Măcin - *Ieni Köy* - *Daia Köy* (Dăeni), "a small town in ruins" - *Siradzi* - *Karasu* - *Ghivimle* - *Hazerkiuinsy* - *Bazargic*, another route being chosen on the way back, the well-known one, through Ester, Babadag and Tulcea [Panaitescu 1930, 221-222].

Nikolai Vasilievici Repnin crosses the route in May 1776 and notes down: *Bektir Köy* (Cur-

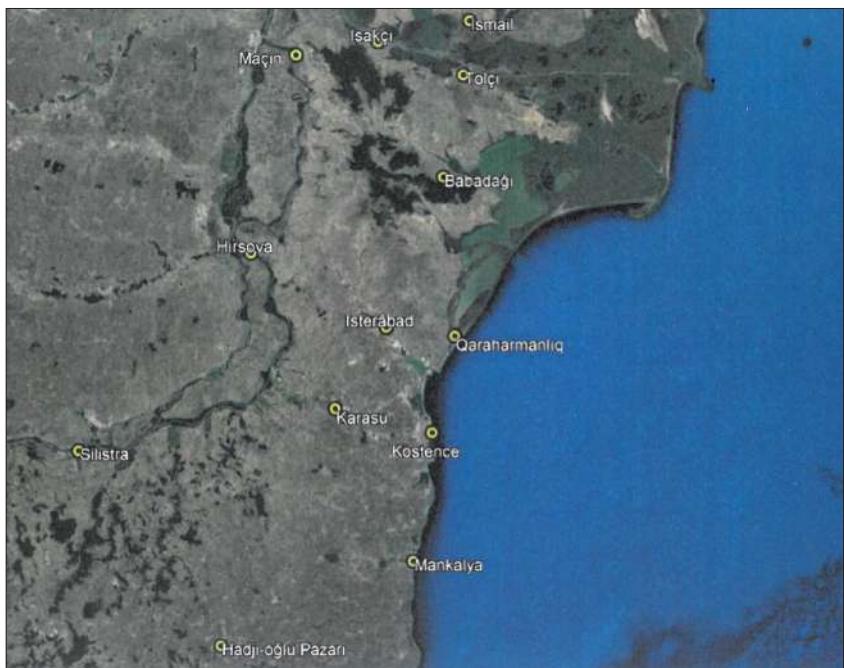

Fig. 8. Inns in market towns and urban centers.

Fig. 9. Spatial distribution of inns in Dobrudja (16th-18th centuries).

cani) - Mamut Kuius (Izvoru Mare) - Celebi Köy (Mircea Vodă) - Satiş Köy (Crucea) - Casimcea - Cerna - Măcin [Călători 10, I, 2000, 207].

A few years later (1780), the Pole W. Chrzanowski indicated the following localities on the Babadag - Bazargic route: Hassana - Kassyndze - Satuszkioi (Crucea) - Celebi Köy (Mircea Vodă), „located on the big lake called Karasu” - Kubadia - Kalfa - Kioi - Casapgi [Călători 2000, 239-240].

As time goes by, the routes become more diverse, for various reasons: stabilization of the political situation and traffic safety or, on the contrary, the need to avoid conflict zones; the rise of some localities and the decline of others.

Conclusions

There is a relatively dense network of accommodation and meal places, whether they are called caravanserais, inns, *konak* or guest houses, a network that includes not only large, quasi-urban, well-known centers, but also smaller localities, favorably located on the main travel routes. Without accurate data, however, we do not know how many of them were initiatives of the sultanate or of military and administrative leaders in the region; probably, most of them were individual initiatives for the purpose of individual gain and to provide for their existence.

The lack of archaeological traces makes it impossible to evaluate and classify Dobrudjan inns according to well-defined criteria such as: form, type/influence, building technique, partitioning, adja-

cent functions, architecture which was adapted to climate.

In Dobrudja, especially in the first century after the Ottoman conquest, but also in the following, we can not speak of caravanserai/inn as a symbol of power, for lack of data, but rather as an expression of the piety of the benefactors. And here we refer to *Ali Gazi paşa*, with the well-known moment from Babadag, as well as to *Hasan paşa*, the constructor of some public centers at Isaccea. We do not know up to now whether the founding of a caravanserai in Dobrudja was made by the

Sultan's decision although, logically, the construction of *Esma-Han Sultan* mosque from the 16th century in Mangalia should have been accompanied by such an action, the locality being considered at the time as the “*Kaaba of wanderers and poor people*” [Călători 1976, 380].

Following this first phase of the study dedicated to the Dobrudjan inns, we tend to believe that, from the end of the 17th century, and especially in the rural area, the inns in Dobrudja were of small size and poorly constructed. This is due both to theoretical causes (the political instability in the region started in this period, which leads to frequent destruction and lack of motivation for solid construction; the lack of a consolidated culture of caravan trade) and practical (the lack of numerous specialized constructors, adaptation to the available building materials). Such an inn from the late period is described by architect G.M. Cantacuzino in the 1930s, an edifice that is in the vicinity of some Roman ruins from which building materials were taken so that in the new construction one could find elements of acanthus leaves and spirals of volutes [Ancuța 2017, online, 17].

Acknowledgment

“This project is funded by the Ministry of Research and Innovation within Program 1 - Development of the national RD system, Subprogram 1.2 - Institutional Performance - RDI excellence funding projects, Contract no.34PFE/19.10.2018”.

Bibliography

- Alexandrescu-Dersca Bulgaru 1971:** M.M. Alexandrescu-Dersca Bulgaru, Pescuitul în Delta Dunării în vremea stăpânirii otomane. Peuce 2, 1971, 267-282.
- Ancuța 2017:** I. Ancuța, Conversia funcțională a hanurilor. In: on-line source, accesed 13 July 2017, https://www.academia.edu/24251286/CONVERSIA_FUNCTIONAL%C4%82_A_HANURILOR
- Battûta 1982:** Ibn Battûta, Voyages (eds. C. Defremery, B.R. Sanguinetti, St. Yerasimos) vol. II, Paris, Collection FM/Découverte, 1982, (on-line source, accesed 24 June 2020, http://classiques.uqac.ca/classiques/ibn_battuta/voyages_tome_II/voyages_tome_II.html).
- Brătescu 1928:** C. Brătescu, Populația Dobrogei. In: Dobrogea. Cincizeci de ani de viață românească (București 1928), 201-259.
- Călători 1968:** Călători străini despre țările române (ed. M. Holban), Vol. I (București 1968).
- Călători 1970:** Călători străini despre Țările Române (ed. M. Holban), Vol. II (București 1970).
- Călători 1973:** Călători străini despre Țările Române (ed. M. Holban), Vol. V (București 1973).
- Călători 1976:** Călători străini despre țările române (ed. M.A. Mehmet), Vol. VI, Partea II (București 1976).
- Călători 1983:** Călători străini despre țările române (ed. M. Holban), Vol. VIII (București 1983).
- Călători 1997:** Călători străini despre Țările Române (ed. M. Holban), Vol. IX (București 1997).
- Călători 2000:** Călători străini despre Țările Române (ed. M. Holban), Vol. X, Partea I (București 2000).
- Călători 2011:** Călători străini despre Țările Române. Supliment I (ed. Ș. Andreescu) (București 2011). http://blog.noviodunum.ro/wp-content/uploads/2010/06/DSC_9331a.jpg.
- Custurea 1983:** G. Custurea, Sondajul arheologic de salvare de la Ester (jud. Constanța). MCA 15, 1983, 545-550.
- Custurea 1992:** G. Custurea, Ester-Târgușor. CCA 1983-1992, 1997, 32-33.
- Custurea 2013:** G. Custurea, Circulația monedei otomane în Dobrogea. Repertoriu numismatic. In: (eds. G. Tahsin, G. Custurea, D. R. Cornea) Moștenirea culturală turcă în Dobrogea (Constanța 2013), 81-104.
- Del, Tavernari 2009:** A. Del, C. Tavernari, Les réseaux de polygones de Thiessen. Application à la géolocalisation robuste de caravansérails décrits dans les récits anciens de voyageurs. In: Géomatique Expert 70, 2009, 97-101.
- Del, Tavernari, Boutros 2010:** A. Del, C. Tavernari, N. Boutros, Management of material heritage information: structured repository for travelers annotations over a qualified caravanserais inventory. In: Space, Time, Place. Third International Conference on Remote Sensing in Archaeology, 17th-21st. BAR International Series 2118 (Oxford 2010), 419 - 422.
- Gemil 1991:** T. Gemil, România și otomanii în secolele XIV-XVI (București 1991).
- Iorga 1910:** N. Iorga, Un călător italian în Turcia și Moldova în timpul răsboiului cu Polonia. In: Analele Academiei Române, seria II, tom XXXIII, Memoriile Secțiunii Istorice (București 1910), 35-60.
- Iosipescu 2008:** S. Iosipescu, Portul și castelul Qaraharman. O contribuție la navigația pontică în secolele XIV-XIX. In: (ed. V. Ciobea) Dobrogea 1878-2008. Orizonturi deschise de mandatul european (Constanța 2008), 115-124.
- Iosipescu 2013:** S. Iosipescu, Dobrogea otomană și cazacii la cumpăna veacurilor XVI/XVII. In: (eds. T. Gemil, G. Custurea, D.R. Cornea), Moștenirea culturală turcă în Dobrogea (Constanța 2013), 105-114.
- Kiel 2000:** M. Kiel, Sarı Saltuk: Pioneer des Islam auf dem Balkan im 13. Jahrhundert. In: (eds. E. Ismail, F. Erhard) Aleviler/Alewitten, vol. I [Kimlik ve Tarih/Identität und Geschichte] (Hamburg 2000).
- Mateescu 1971:** T. Mateescu, Une ville disparue de la Dobroudja-Karaharman. In: Tarih Enstitüsü Dergisi (İstanbul 1971), 297-344.
- Mehmed 1965:** M.A. Mehmed, Aspecte din istoria Dobrogei sub dominația otomană în veacurile XIV-XVII (Mărturiile călătorului Evlia Celebi). Studii. Revista de Istorie, 18/5, 1965, 1097-1116.
- Mototolea 2015-2016:** A. Mototolea, Catarame-pafta de influență orientală din colecțiile Muzeului de Istorie Națională și Arheologie Constanța. Pontica 48-49, 2015-2016, 315-356.
- Mototolea 2016:** A. Mototolea, Elemente de urbanism în Dobrogea otomană (sec. XVI-XVIII). In: (eds. A. Stănică et al.) Dobrogea. Coordonate istorice și arheologice (Iași 2016), 167-202.
- Nicolae 2016:** C. Nicolae, Noi date despre fortificația otomană de la Hârșova. In: (eds. A. Stănică et al.) Dobrogea. Coordonate istorice și arheologice (Iași 2016), 49-84.
- Önge 2007:** M. Önge, Caravanserais as Symbols of Power in Seljuk Anatolia. In: (eds. J. Osmond, A. Cimdiña) Power and culture: identity, ideology, representation (Pisa 2007), 49-69.
- Palombini, Tavernari 2016:** A. Palombini, C. Tavernari, On Their Way Home ... A Network Analysis of Medieval Caravanserai Distribution in the Syrian Region, According to an 1D Approach. In: (eds. S. Campana, C.G. Scopigno, M. Cirillo), Proceedings of the 43rd annual CAA 2015, Volume 1 (Oxford 2016), 637-645.

- Panaitescu 1930:** P.P. Panaitescu, Călători poloni în Țările Române (București 1930).
- Popescu 2013:** A. Popescu, Integrarea imperială otomană a teritoriilor din sud-estul Europei. Sangeacul Silistra (sec. XV-XVI) (București 2013).
- Preiser-Kapeller 2014:** J. Preiser-Kapeller, Connecting Constantinople. A network model of routes in the late medieval Eastern Mediterranean. In: on-line source, accessed 28 July 2017, https://www.academia.edu/5953800/Connecting_Constantinople._A_network_model_of_routes_in_the_late_medieval_Eastern_Mediterranean
- Staubli 2013:** T. Staubli, Karawane. Lexikon. In: on-line source, accessed 08 October 2019, <http://www.bibelwissenschaft.de/de/stichwort/23196/>
- Stănică 2004:** A. Stănică, Tulcea. Un centru economic la Dunărea de jos în secolul al XVI-lea. Peuce 2(15), 2004, 199-206.
- Şerban, Şerban 1971:** C. Şerban, V. Şerban, Rolul economic și politico-militar al orașelor din Dobrogea de nord în secolele XVI-XVIII. Peuce 2, 1971, 283-291.
- Thareani-Sussely 2007:** Y. Thareani-Sussely, Ancient Caravanserais: An Archaeological View from 'Aroer. LEVANT 39, 2007, 123-141.
- Vasiliu 1996:** I. Vasiliu, Știri istorice și date arheologice referitoare la orașul Babadag în Evul Mediu. Peuce 12, 1996, 195-224.
- Wilkinson 2014:** T. Wilkinson, Tying the threads of Eurasia. Trans-regional routes and material flows in Transcaucasia, Eastern Anatolia and western Central Asia, c. 3000-1500 B.C. (Leyden 2014).

Aurel Mototolea, archaeologist, Museum of National History and Archaeology, Ovidiu Sq. No 12, 900745, Constanța, Romania, e-mail: aurelmototolea@yahoo.com

Simina Margareta Stanc, lecturer, Faculty of Biology, „Alexandru Ioan Cuza” University, B-dul Carol I Blv. no 20A, Iași, Romania, e-mail: simina.stanc@uaic.ro

Andreea Andrei, curator, Museum of National History and Archaeology, Ovidiu Sq. No 12, 900745, Constanța, Romania, e-mail: andreianandrea03@yahoo.com

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XVI _ nr. 1

IN MEMORIAM

**Dr.hab. OLEG LEVIȚKI
(1956-2020)**

Revistă indexată în bazele de date

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2020

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

**INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE**

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki†

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – dr. **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посыпать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Eugen Mistreanu (<i>Chișinău</i>), Marcin M. Przybyła (<i>Kraków</i>). Despre planimetria aşezării gumelniteșene Taraclia I în cercetări vechi și noi	5
Майя Кашуба (Санкт-Петербург), Игорь Сапожников (Киев). История находки Бородинского (Бессарабского) клада	21
Aurel Mototolea (<i>Constanța</i>), Simina Margareta Stanc (<i>Iași</i>), Andreea Andrei (<i>Constanța</i>). The roadside inns (<i>khâns</i>) in Ottoman Dobrudja	48

MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Валерий Манько (Киев), Гурам Чхатарашвили (Батуми). Раннеголоценовая стоянка Джварцхма в Западной Грузии	63
Oleg Levițkiț, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chișinău</i>). Rezultatele investigațiilor arheologice efectuate în cadrul sitului Trinca-Izvorul lui Luca în anul 2001	78
Виталий Синика (Тирасполь), Сергей Лысенко (Киев), Сергей Разумов (Тирасполь), Николай Тельнов (Кишинэу). Курган 2 группы «Рыбхоз» в Нижнем Поднестровье и скифские кремации Северо-Западного Причерноморья	99
Александр Симоненко (Киев). Ритуальный депозит II-I вв. до н.э. из Брэвичень	108

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Vasile Haheu (<i>Chișinău</i>). Sistemul defensiv al fortificațiilor traco-getice (particularități constructive și principii de apărare)	121
Елена Журухина (Киев). Производство стеклянных изделий (по материалам ремесленных мастерских Киевского Подола XII – первой половины XIII века)	130

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Roman Croitor (<i>Aix-en-Provence</i>), Vitalie Burlacu (<i>Chișinău</i>). The Middle Paleolithic site of Buzdujeni 1 (Northern Moldova): evidence on periodic occupation by cave hyena	136
Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chișinău</i>), Vasile Diaconu (<i>Târgu-Neamț</i>), Nicoleta Vornicu (<i>Iași</i>). Despre vasul de cupru medieval descoperit la Cetatea Neamțului (județul Neamț, România). Noi considerații	145
Mariana Gugeanu (<i>Iași</i>). Textilă liturgică arheologică – <i>Mâneceuță</i> . Conservare și restaurare	157

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Kirsten Hellström, *Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet*

(2. Jh. v. Chr. - 3. Jh. n. Chr.). Arhäologie in Eurasien 39, Bonn, 2018,
284 pagini și 94 planșe, ISBN 978-3-7749-3948-6
(Vasile Iarmulschi, Berlin) 163

IN HONOREM

Dumitru Boghian la 65 de ani (Sergiu-Constantin Enea, Târgu-Frumos) 165

IN MEMORIAM

La adio Oleg Levički: Omul și Savantul (1956-2020)
(Vasile Haheu, Chișinău) 168

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 172

INFORMATII ȘI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 173

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL
MAGAZINE 174

Виталий Синика, Сергей Лысенко, Сергей Разумов, Николай Тельнов

Курган 2 группы «Рыбхоз» в Нижнем Поднестровье и скифские кремации Северо-Западного Причерноморья

Keywords: barrow, grave, cremation, Scythians, Lower Dniester region, Thracian influence.

Cuvinte cheie: tumul, mormânt, incinerare, sciți, Nistrul Inferior, influențe tracice.

Ключевые слова: курган, погребение, кремация, скифы, Нижнее Поднестровье, фракийское влияние.

Vitalij Sinika, Sergey Lysenko, Sergey Razumov, Nicolaj Telnov

Barrow 2 of the “Fish farm” group in the Lower Dniester and Scythian cremations of the North-West Black Sea region

The article analyses and publishes for the first time materials obtained during the study of the Scythian barrow 2 of the “Fish farm” group excavated in 2019 near Glinoe village, Slobodzeya district, on the left bank of the Lower Dniester. The single Scythian grave under the mound was arranged according to the rite of cremation, which happened outside the mound. The stone slab, shells of mollusks, the lower part of the pottery jug and a fragment of handle of the Sinope amphora were found in the pit. The barrow dates back to the 4th century BC. This assemblage demonstrates the first recorded traces of the Thracian influence (cremation outside the burial) on the funeral rite of the Scythians in the North-Western Black Sea region.

Vitalij Sinika, Sergey Lysenko, Sergey Razumov, Nicolaj Telnov

Tumul 2 din grupul „Ribhoz” de pe Nistrul Inferior și mormintele de incinerație scitice din regiunea nord-vestică a Mării Negre

În articol se prezintă pentru prima dată rezultatele investigațiilor arheologice din cadrul tumulului scitic nr. 2 din grupul „Ribhoz”, efectuate în anul 2019 lângă s. Glinoe, r-nul Slobozia, de pe malul stâng al Nistrului Inferior. Sub mantaua tumulului a fost identificat un sigur mormânt de incinerație, cu arderea scheletului în afara gropii. În groapă a fost descoperită o placă de piatră, scoici de moluște, partea inferioară a unui ulcior și un fragment de mâner al unei amfore de Sinope. Tumul este datat cu sec. IV î.e.n. Acest complex reprezintă o primă mărturie a influențelor tracice (incinerația în afara gropii) asupra ritului funerar practicat de sciții din regiunea de nord-vest a Mării Negre.

Виталий Синика, Сергей, Лысенко, Сергей Разумов, Николай Тельнов

Курган 2 группы «Рыбхоз» в Нижнем Поднестровье и скифские кремации Северо-Западного Причерноморья

В статье впервые публикуются и анализируются материалы, полученные при исследовании скифского кургана 2 группы «Рыбхоз», раскопанного в 2019 г. у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. Единственное скифское погребение под насыпью было совершено по обряду кремации на стороне. В яме найдены каменная плита, раковины моллюсков, нижняя часть гончарного кувшина и фрагмент ручки синопской амфоры. Курган датируется IV в. до н. э. Данный комплекс демонстрирует впервые зафиксированный аспект фракийского влияния (кремация на стороне) на погребальный обряд скифов-Северо-Западного Причерноморья.

К настоящему времени на левобережье Нижнего Днестра изучены сотни скифских захоронений, при этом их большая часть была исследована за последние 25 лет. Особенно результативными оказались работы Днестровской археологической экспедиции у с. Глиное Слободзейского района. В окрестностях этого села с 1995 г. было исследовано более 250 скифских захоронений, и большая их часть введена в научный оборот [Sinika, Tel'nov 2016a; 2016b; 2016c; 2017a; 2017b; 2017c; 2018a; 2018b; Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016; Sinika, Lysenko, Telnov 2017; Sinika, Tel'nov, Zakordonets 2017; Sinika, Lysenko, Tel'nov 2018; Sinika, Tel'nov, Lysenko, 2018a; 2018b; 2018c; 2018d; 2018e; Sinika, Lysenko,

Tel'nov, Razumov 2019a; 2019b; Sinika, Lysenko, Razumov, Tel'nov 2019; Sinika, Tel'nov, Lysenko, Razumov 2019].

Теме не менее, публикация новых материалов из Поднестровья представляется актуальной, поскольку имеет значение для изучения истории скифской культуры всего Северного Причерноморья.

В настоящей работе впервые публикуются и анализируются материалы, полученные в 2019 г. при исследовании скифского кургана № 2 группы «Рыбхоз». Памятник находился в 2,19 км к северо-востоку от пересечения шоссе Тирасполь-Днестровск с ул. Ленина с. Глиное Слободзейского района на левобережье Ниж-

него Днестра, в 0,2 км к юго-западу от дороги Глиное-Первомайск, на плато, расположенному на правом берегу р. Красная. Ниже приводится описание этого кургана, исследованного в нём скифского погребения, а также сопровождающего инвентаря.

Описание комплекса

Курган 2 группы «Рыбхоз» раскапывался параллельными траншеями с использованием техники. Была разбита одна бровка по линии север – юг шириной 0,6 м, длиной 20 м (рис. 1,1).

Насыпь полностью уничтожена распашкой. На момент исследований её высота от современной поверхности составляла менее 0,1 м, диаметр около 6,5 м. В кургане обнаружено одно скифское захоронение.

Погребение 1 (скифское, основное) обнаружено в 2,5 м на юг от R0. Совершено в яме (рис. 1,2-3).

Яма прямоугольной формы с закруглёнными углами размерами 1,2x0,7 м и глубиной 0,86 м от R₀, была ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Стенки ямы слегка расширялись книзу.

Погребение представляло собой остатки кремации на стороне. В центре ямы было зафиксировано округлое в плане скопление золы диаметром до 0,5 м, толщиной 50-70 мм.

Состав и расположение инвентаря. В центре скопления лежала известняковая плитка (4). Поверх плитки и вплотную к ней зафиксированы мелкие фрагменты кальцинированных костей взрослого человека. В придонном заполнении найдены древесные угли и фрагменты костей животных. Западнее известняковой плитки и частично под ней зафиксированы фрагменты нижней части красноглиняного гончарного сосуда (2). У южной стенки ямы обнаружены фрагменты лепного керамического изделия (3) и две створки раковины (5). В заполнении найден фрагмент ручки синопской амфоры (1).

Описание находок.

1. Фрагмент ручки красноглиняной синопской амфоры. Тесто с примесью песка. Поверхности заглаженные, шероховато-заглаженные. Длина фрагмента 73 мм. Сечение погловальное, размерами 27x40 мм (рис. 1,4).

2. Придонная часть красноглиняного гон-

чарного сосуда (кувшина?). Тесто хорошо отмучено, с незначительной примесью мелкого песка и включениями слюды. Поверхности заглаженные. Диаметр дна 142 мм. Высота сохранившейся части 99 мм. Высота нижней части сосуда около 80 мм. Толщина стенок 6-9 мм; в придонной части – до 11 мм. Толщина дна в изломе 3,5 мм, у стенки – до 7 мм. На высоте 41 мм от днища расположено подтреугольное вдавление, размерами 20x23 мм и глубиной до 3 мм (производственный брак?) (рис. 1,5).

3. Фрагменты бортиков жаровни (?). Внутренняя поверхность стенки в горизонтальной плоскости слегка изогнута; в вертикальной – волнистая. Тесто рыхлое, с примесью песка, органики. Обжиг слабый. Цвет желтовато-серый, чёрный, оранжевый, бурый. Внутренняя поверхность шероховато-заглаженная. Основу конструкции, видимо, составляли прутья (отпечаток прута диаметром до 5 мм сохранился в изломе). Размеры фрагментов от 10x10 мм до 54x46 мм. Реконструируемая толщина бортиков не менее 30-40 мм (рис. 1,7).

4. Плита из ракушечника светло-жёлтого цвета, торцы подтёсаны. Размеры плиты 167x136x72 мм (рис. 1,6).

5. Две створки раковины *Unio*. Размеры створок 75x35 мм и 70x30 мм (рис. 1,8).

Анализ данных

Очевидно, что в кургане 2 группы «Рыбхоз» мы имеем дело с кремацией с последующим захоронением останков погребённого в яме. Кальцинированные кости человека, зола, угли, свидетельствуют о кремации, совершённой на стороне, поскольку следов горения в яме не было зафиксировано. Вероятно, что остатки трупосожжения были доставлены к месту захоронения в керамическом изделии (жаровне?), фрагменты которой были обнаружены в яме. Каменная плита, нижняя часть гончарного сосуда и створки раковины без следов пребывания в огне представляют собой погребальный инвентарь. Наконец, ручка синопской амфоры, по всей видимости, свидетельствует о тризне, проведённой во время захоронения.

Отметим, что каменные плиты представляют собой типичный инвентарь скифских погребений, как мужских, так и женских. В частности,

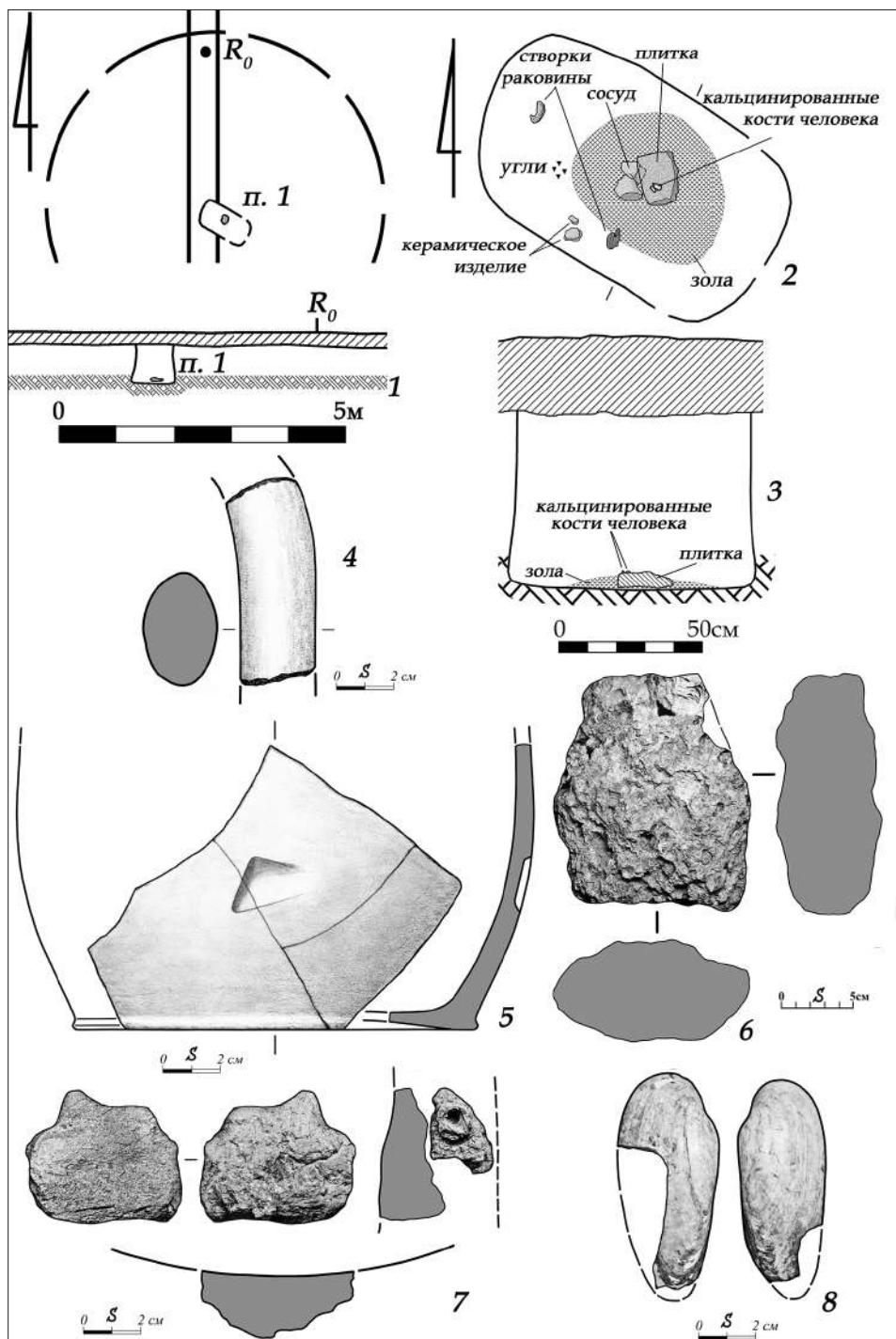

Рис. 1. Курган 2 группы «Рыбхоз» у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра: 1 – план и профиль кургана; 2, 3 – план и разрез погребения; 4-8 – инвентарь.

Fig. 1. Barrow 2 of the «Fish farm» group near the Glinoe village on the left bank of the Lower Dniester: 1 – plan and profile of the barrow; 2, 3 – plan and section of the burial; 4-8 – grave goods.

только в непосредственной близости от кургана 2 группы «Рыбхоз» они были найдены в 39 комплексах: Глиное/Водовод 2/12 [Sinika, Tel'nov 2017c, 143, 145, ris. 4,6], 9/2 [Sinika, Lysenko,

Tel'nov, Razumov 2019b, 10-11, ris. 3,2], 11/1, 14/3; Глиное/Сад 9 (во рву [Sinika, Lysenko, Tel'nov 2018, 167, 170, ris. 1,3]), 11/4, 13/3; Глиное 11/1, 13/1, 19/1, 19/2, 23/1, 31/1, 32/1, 35/1, 38/1, 38/3,

51/1, 54/3, 55/1, 60/1, 61/1, 69/2 (2 экз.), 74/2, 78/3, 79/1, 81/1, 81/3, 82/1, 86/1, 88/1, 89/3, 95/1, 99/1, 100/1, 104/1, 106/1, 107/3 [Tel'nov Chetverikov, Sinika 2016, 918-919], 116 (во рву [Sinika, Tel'nov 2018b, 224, 246-247, ris. 2,4]).

Раковины моллюсков в скифских погребениях Северо-Западного Причерноморья встречаются значительно реже [Sinika, Zakordonets 2018], однако и они известны на левобережье Нижнего Днестра: Никольское 4/6 (раковина рода *Cypraea*) [Agul'nikov, Sava 2004, 44]; погребение 9 грунтового могильника у с. Николаевка (раковина рода *Cypraea*) [Melyukova 1975, 73-74]; погребение в г. Тирасполь, исследованное в 2002 г. (раковина рода *Cerithium*) [Sinika, Chetverikov, Tel'nov 2014, 214, ris. 2,2; Sinika, Razumov, Tel'nov 2016, 95, №92]; Глиное/Водовод 7/2 (раковины рода *Cypraea*), 7/3 (раковины рода *Theodoxus*) [Sinika, Tel'nov, Lysenko, Razumov, 2019a, 372, 374, 385, ris. 4,10, 5,7], 10/2 (раковины рода *Chondrula Beck*) [Sinika, Lysenko, Razumov, Tel'nov 2019, ris. 6,13]; 11/1 (род *Viviparus Montfort*), 14/3 (род *Cerastoderma*); Глиное/Сад 2/2 (раковина рода *Cypraea*) [Sinika, Tel'nov 2017a, 295, ris. 2,9], 8/2 (раковина рода *Nassa*) [Sinika, Tel'nov, Lysenko, 2018d, 84, ris. 4,6]; Глиное 41/2 (раковина рода *Unio*), 69/2 (раковина рода *Murex*), 81/3 (раковина рода *Murex*), 91/2 (раковина рода *Murex*) [Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016, 919-920].

Прямые аналогии красноглиняному гончарному кувшину из кургана 2 группы «Рыбхоз» в Северо-Западном Причерноморье авторам настоящей работы неизвестны. Однако фрагменты подобных сосудов (коричневоглиняных, красноглиняных, оранжевоглиняных) были обнаружены на поселении Чобручи на левобережье Нижнего Днестра¹. Кроме того, кувшин с поверхностью коричневого цвета был найден в погребении Глиное 31/1 [Tel'nov Chetverikov, Sinika 2016, 215, ris. 105,8]. Также красноглиняные кувшины известны в скифских погребениях Северо-Западного Крыма: с отбитым в древности поддоном (Дальнее 7/3) и без поддона (Братское 7/3). При этом «нетипичное для IV в. до н. э. краснолаковое покры-

тие, скорее всего, объясняется результатом обжига, прошедшего в окислительном режиме» [Koltukhov 2012, 120, ris. 85,3, 98,3].

Фрагмент ручки синопской амфоры в совокупности с видом погребального сооружения (яма) позволяет ограничить время сооружения кургана 2 группы «Рыбхоз» IV-м в. до н. э.

Отметим, что сожжённые деревянные гробницы известны у скифов Северо-Западного Причерноморья. На левобережье Нижнего Днестра это 19 гробниц: 16 у г. Дубоссары (5/1, 12/1, 13/1, 14/1, 15/1, 16/1, 18/2, 24/1, 26/1, 43/7, 45/1, 46/1, 51/1, 51/2, 51/3, 52/1) [Ketraru, Sinika, Razumov, Tel'nov 2014, 166-169], одна гробница – у с. Красное (курган 3) Григориопольского района [Serova, Yarovo 1987, 27], две гробницы – у с. Никольское (2/1, 15/1) [Agul'nikov, Sava 2004, 20-21, 35, 128, 131, ris. 8, 9, 64, 65]. На правобережье Нижнего Днестра было исследовано семь сожжённых гробниц: две у с. Голерканы (1/1, 2/1) [Ketraru, Sinika, Razumov, Tel'nov 2014, 166-169], три – у с. Коржево (курганы 1 и 3, погребение 7/1) [Borziak, Manzura, Levitskii 1983, 3-5, 16-17, 26, ris. II, VIII, XII], по одной – у с. Старые Дубоссары (1/8) [Borziak, Levitskii 1989, 117, 125-126, ris. 5, 6,3] и у с. Опач (курган 8) [Ketraru, Sinika, Razumov, Tel'nov 2014, 180-181, ris. 142]. Ещё две сожжённые скифские гробницы исследованы на могильнике Чауш (6/1, 22/1) на левобережье Нижнего Дуная [Gudkova, Dobroliubskii, Toshchev, Fokeev 1982, 80, tabl. LXV, 2,3; Sunichuk 1985, 38, 41-42, ris. 1,2, 2,12, 3,11-14]. Самой западной скифской сожжённой гробницей является курган 1 у с. Чулница на левобережье Среднего Дуная [Marinescu-Bîlcu, Rență, Matei 2000, fig. 3-5, 10,1-3,5, 11; Irimia 2005, 60, fig. 6,7]. Комплексный анализ этих погребений (скифские антропоморфные стелы, устройство кольцевых рвов, типичный скифский инвентарь) позволил заключить, «что все они являются, безусловно, скифскими» [Ketraru, Sinika, Razumov, Tel'nov 2014, 189]. При этом важно подчеркнуть, что кремация погребённого происходила одновременно с сожжением гробницы, устроенной в существующей насыпи (для двух впускных погребений – Дубоссары 43/7, Старые Дубоссары 1/8) либо на новом месте (для большинства основных захоронений). И в этом состоит единственное отличие кургана 2 группы «Рыбхоз» у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра от перечисленных комплексов.

1. Благодарим канд. ист. наук С.А. Фидельского за возможность ознакомиться с неопубликованным материалом.

В этой связи укажем, что одновременно со скифами (в IV в. до н. э.) в Северо-Западном Причерноморье и геты практиковали обряд кремации, однако «гетские и вообще фракийские трупосожжения совершались за пределами мест погребения, и специальных прожогов над ними не наблюдалось» [Meliukova 1995, 30]. В Дунай-Днестровских степях известно всего 12 гетских погребений: на левобережье Нижнего Днестра – одно у с. Ташлык [Tel'nov, Siniaka 2013, 297–299, ris. 1], два – у с. Спяя Григориопольского района [Khakheu 1992, 124–125, ris. 1], два – у с. Чобручи [Iastrebov 1894, 87]; на правобережье Нижнего Днестра – два захоронения между сс. Тудорово и Паланка [Sergeev 1960, 264–265, рис. 6, 7]; на левобережье Нижнего Прута – шесть погребений у с. Джурджулешты [Arnăut 1999]; на левобережье Нижнего Дуная – одно захоронение (7/1) могильника Дербент [Redina 2000, 250]. Последний из указанных комплексов занимает особое место, поскольку это единственное погребение в яме (прах погребённого находился в амфоре, игравшей роль урны), которое было впущено в скифский курган с основным захоронением в катакомбе, окружённым кольцевым рвом. Очевидно, что погребение Дербент 7/1 демонстрирует не просто культурные взаимовлияния скифской и гетской археологических культур, но и прямые (родственные) связи их носителей. На это в районе левобережья Нижнего Дуная указывают, с одной стороны, скифские курганы и погребения, а с другой – поселенческие памятники (городища Картал и Новосельское-II) с ярко выраженным гетскими слоями [Bruiako, Iaroshevich, 2001, 62–68; Bruiako, Vanchugov, Savel'ev 2012].

Таким образом, способ погребения, зафиксированный в кургане Глиное/Рыбхоз 2 (сожжение на стороне с последующим помещением праха в яму), аналогичен тому, что характерен для гетских (фракийских) племён Северо-Западного Причерноморья. При этом обратим особое внимание на тот факт, что

курганская насыпь не была возведена ни над одним из гетских погребений региона: все они были грунтовыми, а упомянутое захоронение Дербент 7/1 было впущено в скифский курган, но досыпки над ним не производилось.

Совершенно иная ситуация зафиксирована в кургане 2 группы «Рыбхоз» на левобережье Нижнего Днестра. Несомненно, погребение было курганным, как и большинство скифских погребений региона. Для захоронения была использована небольшая площадка, в центре которой была вырыта прямоугольная яма. Именно такие сооружения (ямы) являются наиболее распространённым видом погребальных конструкций у скифов Дунай-Днестровских степей. В яму были уложены остатки трупосожжения и сопровождающий инвентарь, большая часть которого, как показано выше, имеет множество аналогий в скифских захоронениях не только Северо-Западного Причерноморья, но и на левобережье Нижнего Днестра. После захоронения над площадкой была возведена небольшая насыпь, отчётливо видимая как всхолмление на поверхности поля на момент исследования. Этот небольшой курган располагался в 60 м к юго-востоку от насыпи, возведённой в раннем бронзовом веке (Глиное/Рыбхоз 1). По всей видимости, в данном случае речь идёт о сооружении скифского кургана (№2 группы «Рыбхоз») возле могилы «первопредка» (№1 группы «Рыбхоз»). При исследовании последней в 2019 г. были найдены следы тризны скифского времени в виде амфорного боя и фрагментов гончарных сосудов, при этом ни одного скифского погребения в кургане не было.

В связи с изложенным, скифская принадлежность кургана 2 группы «Рыбхоз» на левобережье Нижнего Днестра у нас сомнений не вызывает. При этом считаем крайне важным подчеркнуть, что данный комплекс демонстрирует ещё один, впервые зафиксированный, аспект фракийского влияния (кремация на стороне) на погребальный обряд скифов Северо-Западного Причерноморья.

Библиография

Agul'nikov, Sava 2004: S. Agul'nikov, E. Sava, Issledovaniia kurganov na levoberezh'e Dnestra. (Kishinev 2004) // С. Агульников, Е. Сава, Исследования курганов на левобережье Днестра (Кишинёв 2004).

- Arnăut 1999:** T. Arnăut, Necropolă getică de la Giurgulești. In: (eds. T. Arnăut, A. Zanoci, S. Matveev) Studia in honorem Ion Niculiță (Chișinău 1999), 135-145.
- Borziak, Levitskii 1989:** I.A. Borziak, O.G. Levitskii, Issledovanie dvukh kurganov v Kriulianskom raione. AIM v 1984 g., 1989, 109-127 // И.А. Борзяк, О.Г. Левицкий, Исследование двух курганов в Криулянском районе. АИМ в 1984 г., 1989, 109-127.
- Borziak, Manzura, Levitskii 1983:** I.A. Borziak, I.V. Manzura, O.G. Levitskii, Korzhevskie kurgany. AIM v 1979-1980 gg., 1983, 3-27 // И.А. Борзяк, И.В. Манзура, О.Г. Левицкий 1983. Коржевские курганы. АИМ в 1979-1980 гг., 1983, 3-27.
- Bruiako, Vanchugov, Savel'ev 2012:** I.V. Bruiako, V.P. Vanchugov, O.K. Savel'ev, Sloi ellinisticheskogo vremeni na gorodishche Novosel'skoe-II. MASP 12, 2012, 294-335 // И.В. Бруяко, В.П. Ванчугов, О.К. Савельев, Слои эллинистического времени на городище Новосельское-II. МАСП 12, 2012, 294-335.
- Bruiako, Iaroshevich 2001:** I.V. Bruiako, Iu.I. Iaroshevich, Gorodishche u s. Novosel'skoe na Nizhnem Dune (Odessa 2001) // И.В. Бруяко, Ю.И. Ярошевич, Городище у с. Новосельское на Нижнем Дунае (Одесса 2001).
- Gudkova, Dobroliubskii, Toshchev, Fokeev 1982:** A.V. Gudkova, A.O. Dobroliubskii, G.N. Toshchev, M.M., Otchet o rabote Izmail'skoi novostroechoi ekspeditsii IA AN USSR v 1981 g. Nauchnyi arkhiv IA NAN Ukrayiny, №1982/6 (Kiev 1982) // А.В. Гудкова, А.О. Добролюбский, Г.Н. Тошев, М.М. Фокеев, Отчёт о работе Измаильской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1981 г. Научный архив ИА НАН Украины, №1982/6 (Киев 1982).
- Iastrebov 1894:** V. Iastrebov, Optyt topograficheskogo obozreniya drevnosti Khersonskoi gubernii. Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnosti XVII, 1894, 63-176 [I] // В. Ястребов, Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии. Записки Одесского общества истории и древностей XVII, 1894, 63-176 [I].
- Irimia 2005:** M. Irimia, Cu privire la raporturile dintre sciți, geti și coloniile grecești de la Dunărea de Jos în secolele VI-IV a.Chr. Revista română de studii eurasiatice 1, 2005, 51-93.
- Ketraru, Sinika, Razumov, Tel'nov 2014:** N.A. Ketraru, V.S. Sinika, S.N. Razumov, N.P. Tel'nov, Dubossarskie kurgany (Arkheologicheskie pamiatniki Pridnestrov'ja. II) (Tiraspol' 2014) // Н.А. Кетрапу, В.С. Синика, С.Н. Разумов, Н. П. Тельнов, Дубоссарские курганы (Археологические памятники Приднестровья. II) (Тирасполь 2014).
- Khakheu 1992:** V.P. Khakheu, O getskikh pamiatnikakh Levoberezh'ia Moldovy. Anuar I, 1992, 122-128 // В.П. Хакхеу, О гетских памятниках Левобережья Молдовы. Анвар I, 1992, 122-128.
- Koltukhov 2012:** S.G. Koltukhov, Skify Severo-Zapadnogo Kryma v VII-VI vv. do n.e. (Arkheologicheskii al'manakh №27) (Donetsk 2012) // С.Г. Колтухов, Скифы Северо-Западного Крыма в VII-VI вв. до н.э. (Археологический альманах №27) (Донецк 2012).
- Marinescu-Bilcu, Rența, Matei 2000:** S. Marinescu-Bilcu, E. Rența, Gh. Matei, Les recherches archéologiques de sauvetage de Ciulnitză, le department de Ialomitza (1994-1997). Le tumulus I. Practiques funéraires dans l'Europe des XIIIe – IVe s. av. J.-C. Actes du IIIe Colloque International d'Archéologie Funéraire organisé à Tulcea, 15-20 septembre 1997, par l'Association d'Etudes d'Archéologie Funéraire avec le concours de l'Institut de Recherches Eco-Muséologiques de Tulcea, № 2 (Tulcea 2000), 149-165.
- Meliukova 1975:** A.I. Meliukova, Poselenie i mogil'nik skifskogo vremeni u s. Nikolaevka (Moskva 1975) // А.И. Мелиукова, Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка (Москва 1975).
- Meliukova 1995:** A.I. Meliukova, Novye dannye o skifo-frakiiskikh vzaimootnosheniiakh v IV-III vv. do n.e. RA 1, 1995, 28-36 // А.И. Мелиукова, Новые данные о скифо-фракийских взаимоотношениях в IV-III вв. до н.э. РА 1, 1995, 28-36.
- Redina 2000:** E.F. Redina, Nizhnii Dunai v sisteme kul'turnykh kontaktov skifov i frakiitsev. In: (red. O.V. Smintina, O.A. Prigarin) Arkheologiya ta etnologiya Skhidnoї Evropi: materiali ta doslidzhennia (Odessa 2000), 243-252 // Е.Ф. Редина, Нижний Дунай в системе культурных контактов скифов и фракийцев. В: (ред. О.В. Смінтина, О.А. Прігарін). Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали та дослідження (Одеса 2000), 243-252.
- Sergeev 1960:** G.P. Sergeev, Skifskii kinzhal iz Oloneshtskogo raiona, Moldavskoi SSR. Zapiski Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva I (34), 1960, 262-265 // Г.П. Сергеев, Скифский кинжал из Олонештского района, Молдавской ССР. Записки Одесского археологического общества I (34), 1960, 262-265.
- Serova, Iarovoi 1987:** N.L. Serova, E.V. Iarovoi, Grigoriopol'skie kurgany (Kishinev 1987) // Н.Л. Серова, Е.В. Яровой, Григориопольские курганы (Кишинёв 1987).
- Sinika, Chetverikov, Tel'nov 2014:** V.S. Sinika, I.A. Chetverikov, N.P. Tel'nov, Materialy iz razrushennykh skifskikh pogrebal'nykh kompleksov IV-II vv. do n.e. na levoberezh'e Nizhnego Dnestra. RA X, 1-2, 2014, 210-217 // В. С. Синика, И.А. Четвериков, Н.П. Тельнов, Материалы из разрушенных скифских погребальных комплексов IV-II вв. до н.э. на левом берегу Нижнего Днестра. РА X, 1-2, 2014, 210-217.

плексов IV-II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра. RA X, 1-2, 2014, 210-217.

Sinika, Lysenko, Razumov, Tel'nov 2019: V.S. Sinika, S.D. Lysenko, S.N. Razumov, N.P. Tel'nov, Skifskii kurgan 10 gruppy „Vodovod” na levoberezh’ye Nizhnego Dnestra. Oriental studies (5), 2019, 822-844 // В.С. Синика, С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, Н.П. Тельнов, Скифский курган 10 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра. Oriental studies, 5, 2019, 822-844.

Sinika, Lysenko, Tel'nov 2017: V.S. Sinika, S.D. Lysenko, N.P. Tel'nov, Scythian complexes of the barrows 5 and 6 from the «Garden» group on the left bank of the Lower Dniester. Tractus aevorum 4 [2], 2017, 156-173.

Sinika, Lysenko, Tel'nov 2018: V.S. Sinika, S.D. Lysenko, N.P. Tel'nov, Skifskii kurgan 9 gruppy „Sad” na levoberezh’ye Nizhnego Dnestra s litikom „monetnogo” tipa. In: (red. A.N. Kovalenko) Prichernomor’ye v antichnoe i rannesrednevekovoe vremia. Vyp. 2. Sb. nauch. trudov, posvyashch. 70-letiu prof. V.P. Kopylova (Rostov-na-Donu 2018), 166-176 // В.С. Синика, С.Д. Лысенко, Н.П. Тельнов, Скифский курган 9 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра с литиком «монетного» типа. В: (отв. ред. А.Н. Коваленко) Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 2. Сб. науч. трудов, посвящ. 70-летию проф. В. П. Копылова (Ростов-на-Дону 2018), 166-176.

Sinika, Lysenko, Tel'nov, Razumov 2019a: V.S. Sinika, S.D. Lysenko, N.P. Tel'nov, S.N. Razumov, Skifskii kurgan 7 gruppy „Vodovod” v Nizhnem Podnestrov’ye. Stratum plus 3, 2019, 365-390 // В.С. Синика, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, Скифский курган 7 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье. Stratum plus 3, 2019, 365-390.

Sinika, Lysenko, Tel'nov, Razumov 2019b: V.S. Sinika, N.P. Tel'nov, S.D. Lysenko, S.N. Razumov, Skifskii kurgan vtoroi poloviny V v. do n.e. v Nizhnem Podnestrov’ye. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia 1, 2019, 6-19 // В.С. Синика, С.Д. Лысенко, Н.П. Тельнов, С.Н. Разумов, Скифский курган второй половины V в. до н. э. в Нижнем Поднестровье. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения 1, 2019, 6-19.

Sinika, Razumov, Tel'nov 2016: V.S. Sinika, S.N. Razumov, N.P. Tel'nov, Arkheologicheskoe nasledie Pridnestrov’ya (Tiraspol’ 2016) // В.С. Синика, С.Н. Разумов, Н.П. Тельнов, Археологическое наследие Приднестровья (Тирасполь 2016).

Sinika, Tel'nov 2016a: V.S. Sinika, N.P. Tel'nov, Skifskii kurgan №1 gruppy «Vodovod» na levoberezh’ye Nizhnego Dnestra. Eminak 4 [16], 2016, 45-53 // В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Скифский курган № 1 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра. Емінак 4 [16], 2016, 45-53.

Sinika, Tel'nov 2016b: V.S. Sinika, N.P. Tel'nov, Skifskoe zakhoronenie s tamgoi rubezha IV-III vv. do n.e. s levoberezh’ia Nizhnego Dnestra. Novoe proshloe 4, 2016, 258-272 // В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Скифское захоронение с тамгой рубежа IV-III вв. до н. э. с левобережья Нижнего Днестра. Новое прошлое 4, 2016, 258-272.

Sinika, Tel'nov 2016c: V.S. Sinika, N.P. Tel'nov, Skifskoe pogrebenie s litikom-skarabeoidom s levoberezh’ia Nizhnego Dnestra. Starodavne Prichornomor’ya XI, 2016, 488-499 // В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Скифское погребение с литиком-скарабеоидом с левобережья Нижнего Днестра. Стародавнє Причорномор’я XI, 2016, 488-499.

Sinika, Tel'nov 2017a: V.S. Sinika, N.P. Tel'nov, Skifskie kurgany 2 i 3 gruppy „Sad” v Nizhnem Podnestrov’ye. Novoe proshloe 4, 2017, 286-306 // В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Скифские курганы 2 и 3 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье. Новое прошлое 4, 2017, 286-306.

Sinika, Tel'nov 2017b: V.S. Sinika, N.P. Tel'nov, Skifskoe pogrebenie s unikal’nym amuletom s levoberezh’ia Nizhnego Dnestra. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istorija. Politologija 8 (257), vyp. 42, 2017, 5-12 // В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Скифское погребение с уникальным амулетом с левобережья Нижнего Днестра. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология 8 (257), вып. 42, 2017, 5-12.

Sinika, Tel'nov 2017c: V.S. Sinika, N.P. Tel'nov, Skifskoe pogrebenie s frakiyskoi fibuloi na Nizhnem Dnestre. Stratum plus 3, 2017, 131-152 // В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Скифское погребение с фракийской фибулой на Нижнем Днестре. Stratum plus 3, 2017, 131-152.

Sinika, Tel'nov 2018a: V.S. Sinika, N.P. Tel'nov, Kurgan 5 gruppy „Vodovod” na levoberezh’ye Nizhnego Dnestra i skifskie kenotafy Severo-Zapadnogo Prichernomor’ya. Samarskii nauchnyi vestnik, t. 7, №1 (22), 2018, 133-144 // В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Курган 5 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра и скифские кенотафы Северо-Западного Причерноморья. Самарский научный вестник, т. 7, №1 (22), 2018, 133-144.

Sinika, Tel'nov 2018b: V.S. Sinika, N.P. Tel'nov, Skifskii kurgan 116 pervoi poloviny III v. do n.e. u s. Glinoe. In:

(red. V.S. Sinika, R.A. Rabinovich) *Drevnosti. Issledovaniia i problemy. Sb. statei v chest' 70-letiya N.P. Tel'nova* (Kishinev 2018), 223-266 // В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Скифский курган 116 первой половины III в. до н. э. у с. Глиное. В: (ред. В.С. Синика, Р.А. Рабинович) *Древности. Исследования и проблемы. Сб. статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова* (Кишинёв 2018), 223-266.

Sinika, Tel'nov, Lysenko 2018a: V.S. Sinika, N.P. Tel'nov, S.D. Lysenko, Skifskie pogrebeniia kurgana 4 gruppy „Sad” na levoberezh’ye Nizhnego Dnestra. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta* 1, 2018, 111-119 // В.С. Синика, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко, Скифские погребения кургана 4 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра. *Вестник Нижневартовского государственного университета* 1, 2018, 111-119.

Sinika, Tel'nov, Lysenko 2018b: V.S. Sinika, N.P. Tel'nov, S.D. Lysenko, Skifskii kurgan 7 gruppy „Sad” v Nizhnem Podnestrov’ye. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriiia. Politologii. Sotsiologii* 1, 2018, 125-138 // В.С. Синика, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко, Скифский курган 7 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье. *Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология* 1, 2018, 125-138.

Sinika, Tel'nov, Lysenko 2018c: V.S. Sinika, N.P. Tel'nov, S.D. Lysenko, Skifskii kurgan 8 gruppy „Vodovod” na levoberezh’ye Nizhnego Dnestra. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk*, т. 20, №3, 2018, 234-244 // В.С. Синика, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко, Скифский курган 8 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра. *Известия Самарского научного центра Российской Академии наук*, т. 20, №3, 2018, 234-244.

Sinika, Tel'nov, Lysenko 2018d: V.S. Sinika, N.P. Tel'nov, S.D. Lysenko, Skifskii kurgan 8 gruppy „Sad” na levoberezh’ye Nizhnego Dnestra. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* 2, 2018, 78-93 // В.С. Синика, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко, Скифский курган 8 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского* 2, 2018, 78-93.

Sinika, Tel'nov, Lysenko 2018e: V.S. Sinika, N.P. Tel'nov, S.D. Lysenko, Skifskii kurgan s detskimi pogrebeniiami na levoberezh’ye Nizhnego Dnestra. *Zapiski Instituta istorii material’noi kul’tury Rossiiskoi Akademii nauk* 18, 2018, 69-79 // В.С. Синика, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко, Скифский курган с детскими погребениями на левобережье Нижнего Днестра. *Записки Института истории материальной культуры Российской Академии наук* 18, 2018, 69-79.

Sinika, Tel'nov, Lysenko, Razumov 2019: V.S. Sinika, N.P. Tel'nov, S.D. Lysenko, S.N. Razumov, Skifskoe zakhoronenie v nestandardnoi poze na levoberezh’ye Nizhnego Dnestra. In: (red. A. Zanoci, M. Băt) *Contribuții la preistoria și istoria antică a spațiului carpato-danubiano-pontic*. In honorem professoris Ion Niculiță natalia sua octogesima celebrantis (Chișinău 2019), 281-295 // В.С. Синика, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, Скифское захоронение в нестандартной позе на левобережье Нижнего Днестра. In: (red. A. Zanoci, M. Băt) *Contribuții la preistoria și istoria antică a spațiului carpato-danubiano-pontic*. In honorem professoris Ion Niculiță natalia sua octogesima celebrantis (Chișinău 2019), 281-295.

Sinika, Tel'nov, Zakordonets 2017: V.S. Sinika, N.P. Tel'nov, O.A. Zakordonets, Skifskii kurgan №4 gruppy „Vodovod” na levoberezh’ye Nizhnego Dnestra. *Samarskii nauchnyi vestnik*, т. 6, №2 (19), 2017, 108-113 // В.С. Синика, Н.П. Тельнов, О.А. Закордонец, Скифский курган № 4 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра. *Самарский научный вестник*, т. 6, №2 (19), 2017, 108-113.

Sinika, Zakordonets 2018: V.S. Sinika, O.A. Zakordonets, Rakoviny iz skifskikh pogrebenii Severo-Zapadnogo Prichernomor’ia. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Istoriiia i filologiiia*, т. 28, №1, 2018, 81-87 // В.С. Синика, О.А. Закордонец, Раковины из скифских погребений Северо-Западного Причерноморья. *Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология*, т. 28, №1, 2018, 81-87.

Sunichuk 1985: E.F. Sunichuk, Skifskii mogil’nik Chaush v nizov’iakh Dunaia. In: (red. G.A. Dzis-Raiko) *Pamiatniki drevnei istorii Severo-Zapadnogo Prichernomor’ia* (Kiev 1985), 38-45 // Е.Ф. Суничук, Скифский могильник Чауш в низовьях Дуная. В: (ред. Г.А. Дзис-Райко) *Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья* (Киев 1985), 38-45.

Tel’nov, Chetverikov, Sinika 2016: N.P. Tel’nov, I.A. Chetverikov, V.S. Sinika, Skifskii mogil’nik III-II vv. do n.e. u s. Glinoe (Arkheologicheskie pamiatniki Pridnestrov’ia, III) (Tiraspol’ 2016) // Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, В.С. Синика, Скифский могильник III-II вв. до н. э. у с. Глиное (Археологические памятники Приднестровья. III) (Тирасполь 2016).

Tel’nov, Sinika 2013: N.P. Tel’nov, V.S. Sinika, Getskoe pogrebenie na levoberezh’ye Dnestra i nekotorye problemy frakiiskogo pogrebal’nogo obriada. *Tyragetia VII*, 1, 2013, 297-309 // Н.П. Тельнов, В.С. Синика, Гетское погребение на левобережье Днестра и некоторые проблемы фракийского погребального обряда. *Tyragetia VII*, 1, 2013, 297-309.

Виталий Синика, кандидат исторических наук, научно-исследовательская лаборатория «Археология», Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, ул. 25 Октября, 107, 3300, Тирасполь, Молдова, e-mail: sinica80@mail.ru

Сергей Лысенко, кандидат исторических наук, Отдел археологии энеолита – бронзового века, Институт археологии, Национальная Академия наук Украины, 04210, пр-т героев Сталинграда, 12, г. Киев, Украина, e-mail: suraganga@yandex.ru

Сергей Разумов, кандидат исторических наук, научно-исследовательская лаборатория «Археология», Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, ул. 25 Октября, 107, 3300, Тирасполь, Молдова, e-mail: razum_22@rambler.ru

Николай Тельнов, кандидат исторических наук, Отдел античной и средневековой археологии, Институт Культурного Наследия, Министерство просвещения, культуры и исследований, бульвар Штефан чел Маре, 1, 2001, Кишинёв, Молдова, e-mail: telnov_nikolai@mail.ru

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XVI _ nr. 1

IN MEMORIAM

**Dr.hab. OLEG LEVIȚKI
(1956-2020)**

Revistă indexată în bazele de date

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2020

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

**INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE**

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki†

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – dr. **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посыпать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according the *double blind peer-review* model

Александр Симоненко

Ритуальный депозит II-I вв. до н.э. из Брэвичень

Key words: horse harness, “hoard”, ritual deposit, hook-shaped frontlet, arch-shaped pendant, situla, helmet, chronology, Sarmatians, Late Scythians.

Cuvinte cheie: piese de harnășament, „tezaur”, depozit ritualic, prometopidion cu cârlig, pandantiv în formă de potcoavă, situlă, coif, cronologie, sarmați, scîti târziu.

Ключевые слова: конский убор, «клад», ритуальный депозит, налобник с крючком, подковообразная подвеска, ситула, шлем, хронология, сарматы, поздние скифы.

Aleksandr Symonenko

The Ritual Deposit of the 2nd – 1st century BC from Brăviceni

The “hoard” of items of horse equipment which had been discovered near Brăviceni village in 1956 and kept in the National Museum of History of Moldova is published and analyzed in the paper. The assemblage includes the bronze hook-shaped frontlet, silver beads and bridle rings, iron bits. Close parallels to Brăviceni items and the finds of this category make it possible to consider the assemblage the ritual deposit of the 2nd – 1st century BC and associate it with the Sarmatians.

Aleksandr Symonenko

Depozitul ritualic din sec. II-I a.Chr. de la Brăviceni

În articol se publică „tezaurul” compus din piese de harnășament descoperit în anul 1956 lângă s. Brăviceni, care se păstrează la Muzeul Național de Istorie a Moldovei. „Tezaurul” conține un prometopidion cu cârlig din bronz, margele și inele de căpăstru din argint, zăbale din fier. Cele mai apropiate analogii ale pieselor de la Brăviceni, dar și descoperirile specifice acestei categorii, ne permit interpretarea acestui complex drept depozit ritual din secolele II-I a.Chr. și să îl atribuim sarmășilor.

Александр Симоненко

Ритуальный депозит II-I вв. до н.э. из Брэвичень

В статье публикуется и анализируется «клад» конского снаряжения, найденный у с. Брэвичень в 1956 г. и хранящийся в Национальном музее истории Молдовы. В составе «клада» бронзовый налобник с крючком, серебряные бусины и кольца от узды, железные удила. Близкие аналоги вещам из Брэвичень и находки этого круга позволяют реконструировать комплекс как ритуальный депозит II-I вв. до н.э. и связать его с сарматами.

В 1956 г. во время исследований Прuto-Днестровской экспедиции у с. Брэвичень Оргеевского района были обнаружены металлические детали конского убора. Они более чем кратко упомянуты в монографии Г.Б. Федорова: во введении была опубликована фотография вещей (рис. 1), а в тексте помещен перечень находок и отмечено, что они относятся к эпохе Латена и имеют аналогии в некоторых памятниках Северного Причерноморья [Fedorov 1956, 9, ris. 1]. Вещи были найдены при раскопках П.П. Бырни мавзолея золотоордынского времени¹. Памятник исследовался «плактами», и публикуемые предметы были найдены в раскопе II, на глубине 62 см, при разборке пласти IV [Bulgna 1956, 112-113]. К сожалению, отчет П.П. Бырни не сопровождался иллю-

страциями, и установить стратиграфическую позицию находки сейчас невозможно. Обычно подобные депозиты помещались в насыпи курганов или в естественные возвышенности. В соседнем раскопе IV на глубине 85 см было обнаружено безынвентарное детское погребение, но говорить о наличии кургана при столь ограниченных данных рискованно. В любом случае, обсуждаемый ритуальный депозит не имеет никакого отношения к более позднему сооружению над ним мавзолея золотоордынского времени.

Памятник упоминался некоторыми авторами [Polin 1993; Simonenko 2010; 2015; Treister 1992], но никогда не публиковался полностью. Вещи несколько лет назад были обнаружены научным сотрудником Национального музея истории Молдовы Валериу Бубуличем в фондах музея и тогда же исследованы *de visu* авто-

1. Благодарю за помощь к.и.н. В.Ю. Малашева.

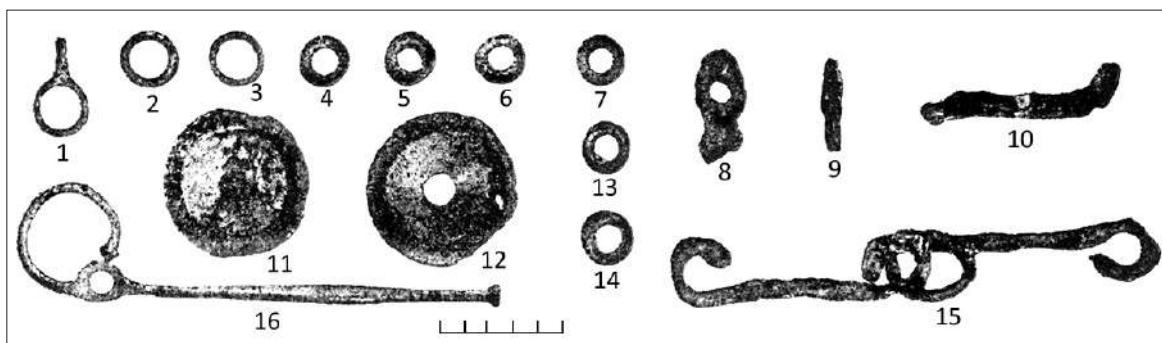

Рис. 1. «Клад» из Бравичен [по Fedorov 1956, 9, ris. 1].

Fig. 1. The “hoard” from Brävicensi [by Fedorov 1956, 9, fig. 1].

ром статьи².

Описание комплекса

1. Бронзовый налобник с прямым, слегка расширенным посередине стержневидным корпусом, который заканчивается конической кнопкой. Заготовка корпуса была плоской, а затем ковкой свернута в трубку, создающую утолщение. В верхней части корпуса – почти круглая в плане уплощенная петля размерами 2x1,8 см, с круглым отверстием диаметром 0,8 см; выше петли корпус загнут в кольцевидный крючок диаметром 4,5 см, конец которого оформлен биконической кнопкой. Верхняя часть корпуса ниже петли украшена врезными косыми насечками; нижняя часть (выше кнопки, до расширения) декорирована тремя секциями поперечных насечек, разделенных канавками. Общая длина налобника 19,5 см (рис. 2,1).

2. Две бронзовых³ ворварки диаметром 4,5 см с полусферическим умбоном высотой 1,5 см и отогнутым краем шириной 0,6 см. В центре умбона – отверстие диаметром 0,8 см. Основание умбона подчеркнуто линией чеканных точек. Отогнутый край оформлен чеканными арками с точками между ними (рис. 2,2).

3. Четыре⁴ бронзовых округло-биконических бусины с широким сквозным отверстием. Диаметр 2,2 см, высота 1,3 см, диаметр отверстия 1,1 см (рис. 2,3).

4. Два бронзовых кольца, уплощенные

2. Благодарю В. Бубулича за помощь в исследовании и рисунки вещей.

3. Г.Б. Федоров назвал их серебряными [Fedorov 1956, 9]. Вид металла определен В. Бубуличем в процессе реставрации.

4. На фото в книге Г.Б. Федорова таких бусин шесть. На сегодняшний день в фондах сохранилось четыре.

изнутри. На одном по верхней плоскости нанесены два концентрических врезных круга. Диаметр 2,4 см, сечение 0,4 см (рис. 2,4-5).

5. Бронзовая кольцевая пряжка с отростком в виде конской (?) головы с острой мордой и выделенными ушами. Кольцевой корпус пряжки уплощен с обеих сторон. Диаметр 2,3 см, длина зооморфного отростка 2 см (рис. 2,6).

6. Железные двухколенчатые удила с прямыми грызлами. Длина грызла 10,5 см (рис. 1,15).

7. Фрагменты С-видного (?) железного псалия: 8-видное расширение центральной части с одним сохранившимся отверстием и часть стрежня (рис. 1,8,10).

8. Железный втульчатый трехлопастный наконечник стрелы (рис. 1,9)⁵.

Типология и аналогии.

Налобник относится к типу **налобников с крючком**, выделенному 30 лет назад [Simonenko 1982]. Их основные характеристики таковы: топоровидный, стержневидный, узкий треугольный или фигурный корпус с вертикальной петлей в верхней части, от которой отходит «крючок», кольцевидно или S-видно загнутый вперед (рис. 3). Налобники изготовлены преимущественно из бронзы, реже – из серебра или железа, иногда пластированного золотом. Налобник из Брэвичень имеет стержневидный корпус, что является одним из вариантов этого типа [Simonenko 2015, 258]. Ближайшим аналогом по форме и орнаментации может служить такой же налобник из Марьевки на Южном Буге (рис. 4,1).

5. Вещи №№ 7-8 размещены на фото комплекса в книге Г.Б. Федорова, но отсутствуют в отчете П.П. Бырни.

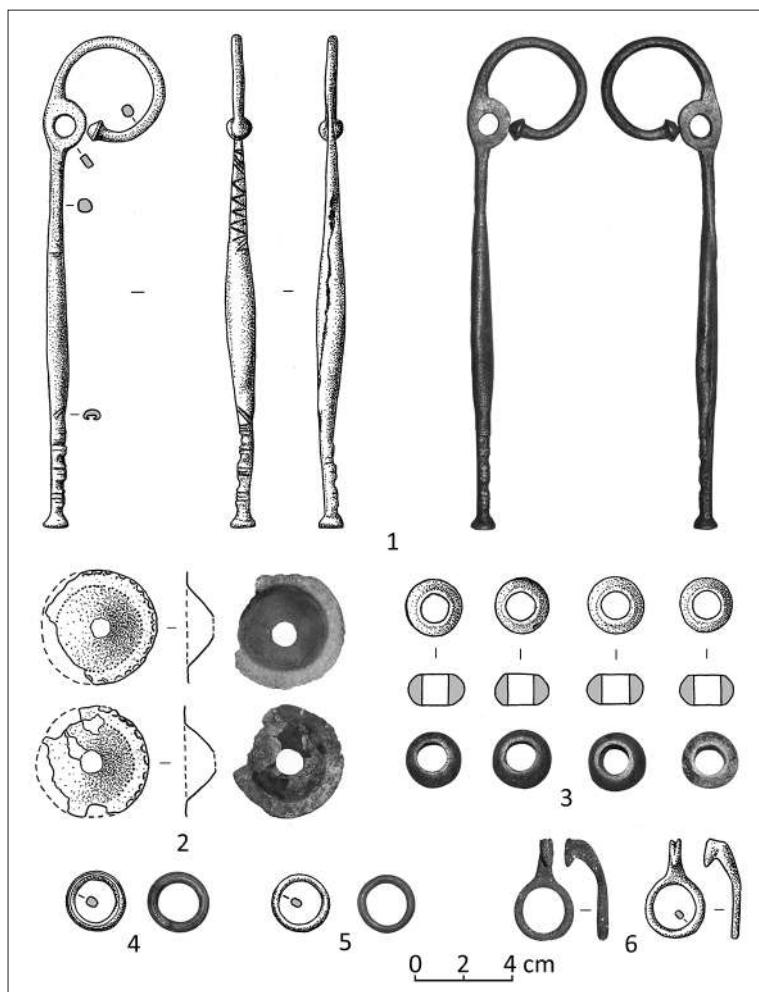

Рис. 2. Комплекс из Брэвичень (рисунок В. Бубулича, фото автора).

1. Налобник с крючком; 2. Ворварки; 3. Бусины; 4, 5. Кольца; 6. Зооморфная пряжка.

Fig. 2. The assemblage from Brăvicienii (drawings by V. Bubulici, photographs by author).

1. The hook-shaped frontlet; 2. Roundels; 3. Beads; 4, 5. Rings; 6. Zoomorphic buckle.

Стержневидные налобники с крючком (рис. 4) более редки, чем экземпляры с топоривидной, узкой треугольной или фигурной лопастью [Simonenko 2015, 255-261]. Аналоги налобникам этого варианта происходят из памятников, находящихся в противоположных концах северопонтийского региона. В погребении у прикубанской станицы Прочноокопской [Anfimov 1988, 54, ris. 5,21; Anfimov, P'iankov 2006, 209, ris. 3,1] найдена верхняя часть бронзового налобника такого типа (рис. 4,3). В Закубанье, в кургане на участке Зиссерманов [Gushchina 1983, 95, ris. 1,5] был также обна-

ружен бронзовый стержневидный налобник (рис. 4,5). Комплекс с бронзовым стержневидным налобником (рис. 4,6) был найден в районе Танаиса (могильник Красный-IV)⁶. Еще одно изделие этого типа (рис. 4,4) происходит из конской могилы 13 гетского некрополя Зимница⁷ в Румынии [Alexandrescu 1983, 77, fig. 7,5; 8,5]. Как и предыдущие, корпус и петля этого налобника орнаментированы насечками.

Внимательный анализ формы и орнаментации перечисленных налобников позволяет сделать некоторые наблюдения. Одни предметы обнаруживают определенную морфологическую и стилистическую близость, другие стоят особняком. Так, весьма близки между собой экземпляры из Марьевки, Брэвичень и Прочноокопской (рис. 4,1-3). Их крючки образуют правильный круг, хотя марьевский и брэвиченский слегка наклонены вперед, а прочноокопский, наоборот, слегка отогнут назад. Крючки всех трех налобников заканчиваются биконической кнопкой. Несколько различны петли с отверстием для налобного ремня: марьевская – овальная, уплощенная; брэвиченская и прочноокопская – круглые, первая – прямоугольная в сечении, вторая – уплощена изнутри. Фронтальная часть корпуса ниже петли у марьевского и прочноокопского налобников украшена рельефным орнаментом: три секции поперечных тройных насечек, разделенных канавками. У брэвиченского на этом месте – прочерченный зигзаг. Нижняя часть корпуса марьевского налобника утолщена; прочноокопский экземпляр обломан, но расширение сохранившейся части намекает на утраченный утолщенный корпус. На брэвиченском налобнике утолщение достигнуто скручиванием и последующей проковкой

6. Раскопки С.А. Науменко 2007 г. Хранится в Азовском историко-краеведческом музее-заповеднике.
7. В предыдущих моих публикациях на русском языке это название было ошибочно транслитерировано как Зимница.

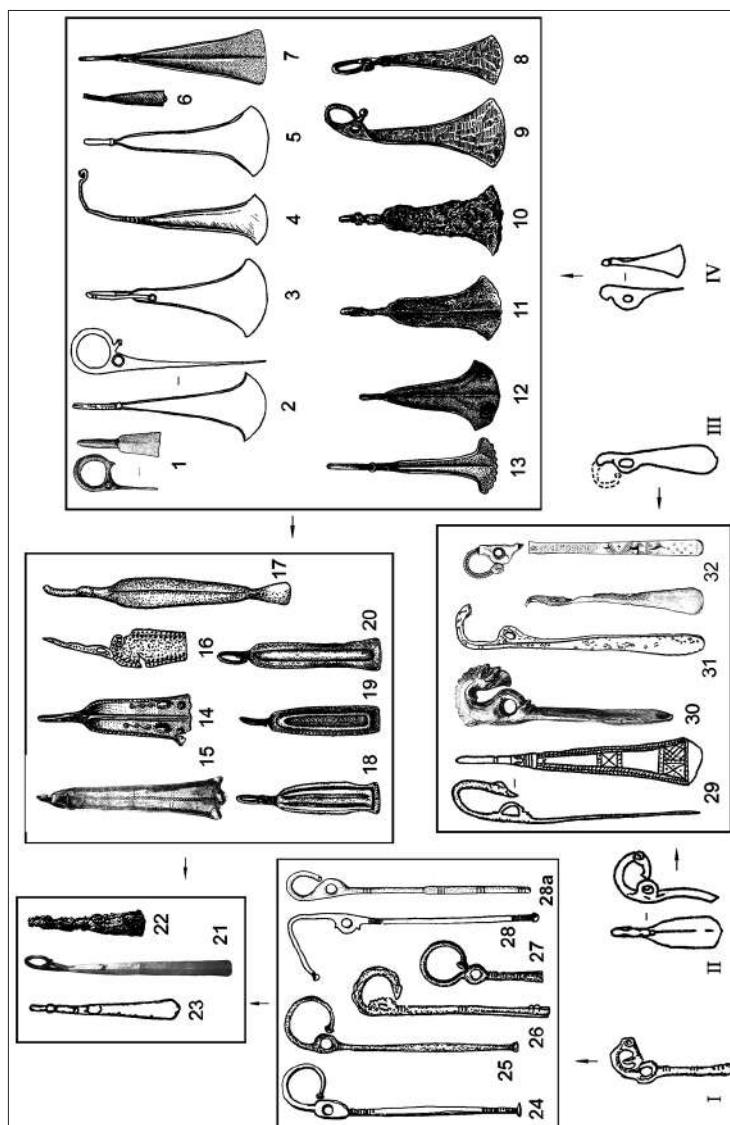

Рис. 3. Налобники с крючком. Типология.

1, 10-12, 22. Тираспольские курганы; 2. Тараклия; 3. Нововасильевка; 4. Семеновка; 5. Бубуче; 6. Кошары; 7. Коллекция Платар; 8-9. Снигиревка; 13-14. Великоплоское; 15. Клименков; 16. Антиповка; 17. Ханкальское городище; 18-20. Качалинская; 21. Бедражий Векь; 23. Ногайчинский курган; 24. Марьевка; 25. Брэвичень; 26. Участок Зиссерманов; 27. Прочноокопская; 28. Зимница; 28а. Красный; 29. Зеленской курган; 30. Васюринская Гора; 31. Керчь; 32. Гордашевка. I-IV. Скифские налобники IV в. до н. э.

Fig. 3. The hook-shaped frontlets typology.

1, 10-12, 22. Tiraspol barrows; 2. Taraclia; 3. Novovasylivka; 4. Semenivka; 5. Bubuieci; 6. Koshary; 7. Platar collection; 8-9. Snihurivka; 13-14. Velykoploske; 15. Klimenkov; 16. Antipovka; 17. Khankalskoe hill-fort; 18-20. Kachalinskaya; 21. Bädragii Vechi; 23. Nohaichynski Barrow; 24. Mariivka; 25. Bräviceni; 26. Zisserman farm; 27. Prochnookopskaya; 28. Zimnicea; 28а. Krasny-IV; 29. Zelenskoi barrow; 30. Vasuriinskaya Gora; 31. Kerch. 32. Hordashivka. I-IV. Scythian frontlets of the 4th c. BC.

плоской заготовки. Нижняя часть всех трех налобников орнаментирована таким же, как вверху, декором из четырех рельефных секций, две из которых состоят из двух и пяти насечек, а две – из четырех. Марьевский налобник заканчивается плоской кнопкой, бревиченский – конической; кнопка прочноокопского налобника утрачена.

Создается впечатление, что марьевский и прочноокопский налобники – «стандартные» экземпляры, сделанные и декорированные по единой схеме, а бревиченский – не совсем точная копия их. Более индивидуальны остальные три налобника этого варианта (рис. 4,4-6). Они также украшены несколькими рядами насечек ниже петли и перед кнопкой окончания, нижняя половина корпуса налобника из Красного утолщена. Кнопки полусферические, отделены врезной линией.

Налобники с крючком появились во второй половине III в. до н.э. как результат эволюции некоторых скифских форм V-IV вв. до н.э. [Simonenko 1982, 244]. Наиболее ранние экземпляры (с топоровидной лопастью) известны в комплексах Тираспольских курганов последней четверти III – первой четверти II в. до

н.э. [Tel'nov et al. 2016, 964]. Судя по находке в Неаполе Скифском литейной формы из ручки родосской амфоры III-II вв. до н.э. [Vysotskaia 1979, 120-121, ris. 53], такие налобники изготавливались в столице позднескифского царства достаточно долго – форма найдена в культурном слое середины – третьей четверти II в. до н.э. [Zaitsev 2007, 264]. Уже во II в. до н.э. налобники с крючком различных типов – стержневидные, с узкой треугольной и фигурной лопастью – распространяются на широкой территории от Дуная до Волги и от среднедонской лесостепи до предгорий Кавказа. Предполагается [Simonenko 2016, 481], что в середине II в. до н.э. сирако-меотская по происхождению элита тираспольской скифской орды вернулась на родину предков – Северный Кавказ, принеся

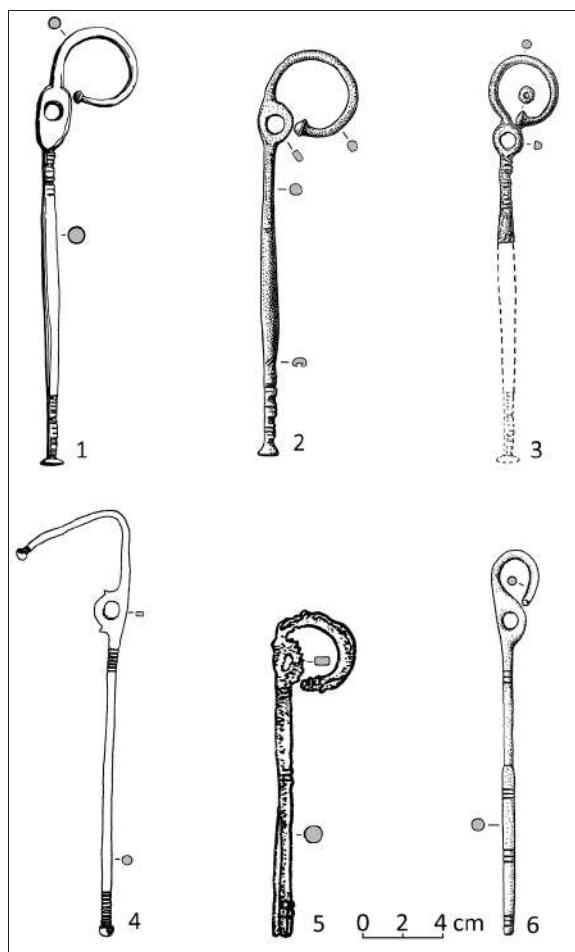

Рис. 4. Стержневидные налобники с крючком.
1. Марьевка; 2. Брэвичень; 3. Прочноокопская; 4. Зимница;
5. Имение Зиссерманов; 6. Красный-IV (реконструкция).

Fig. 4. The rod-shaped frontlets.
1. Mariivka; 2. Brävicheny; 3. Prochnookopskaya; 4. Zimnicea;
5. Zisserman farm; 6. Krasny-IV (reconstructed).

с собой моду на такие налобники⁸. На востоке с ними познакомились сарматы и их соседи (находки в курганах на азиатской стороне Боспора, Северном Кавказе, на Дону и Волге), и они стали деталью узды раннесарматского культурного круга. Налобники с топоровидной лопастью концентрируются в Северо-Западном Причерноморье⁹, а восточнее Днепра, вплоть до бассейна Волги и предгорий Кавказа, преобладают стержневидные, с узкой треугольной и фигурной лопастью (рис. 5).

8. По любезному сообщению к.и.н. Б.А. Раева, бронзовый налобник с топоровидной лопастью найден в Новолабинском могильнике.

9. Недавно такой налобник был найден в конском погребении могильника Альба Юлия в Трансильвании (любезное сообщение д-ра Виталие Быркэ).

Интересно, что четыре из шести известных стержневидных налобников (Марьевка, Прочноокопская, Зимница, Красный) найдены в комплекте с подковообразными или серповидными предметами. В Марьевке это бронзовая скоба из пластины толщиной 2 мм, U-образно согнутой по длинной оси (рис. 6,1). Концы ее свернуты в стержни и орнаментированы секциями тройных валиков, образованных врезными линиями. Завершаются они дисковидными окончаниями. В центре верхней части скобы изнутри вставлена повторяющая ее сечение пластинка, согнутая в горизонтальную петлю. Она соединена со скобой заклепками с высокими коническими головками (сохранилась одна).

Практически тождественная бронзовая скоба (рис. 6,2) была найдена на конском черепе в упомянутом погребении 2 Прочноокопского могильника на Кубани. Совпадают размеры, орнаментация, способ крепления; лишь конструкция петли несколько иная. Примечательно, что и в этой могиле скоба найдена вместе со стержневидным налобником.

Еще одна подобная вещь происходит из «клада» со 2-го Ханкальского городища. Она несколько отличается от марьевской и прочноокопской находок: это уплощенная бронзовая пластина со скошенными краями, в сечении близкая к П-образной (рис. 6,3). И здесь в составе убора присутствует налобник, но с фигурной лопастью.

В конском погребении 13 гетского некрополя в Зимниче дуговидная пластина П-образного сечения с горизонтальной петлей на обороте (рис. 6,4) также найдена вместе со стержневидным налобником [Alexandrescu 1983, 77, fig. 7,5; 8,5].

В могильнике Красный-IV на Нижнем Дону (раскопки С.А. Науменко 2007 г.) вместе со стержневидными налобником найдена бронзовая дуговидная пластина ступенчатого сечения (рис. 6,5).

В составе «клада» из станицы Качалинской в междуречье Дона и Волги – две бронзовых серповидных пластин подобного типа [Sergatskov 2009, 152, ris. 5]. Интересно, что они орнаментированы в одном стиле с бронзовыми налобниками с крючком, найденными тут же, и составляют гарнитур (рис. 6,6-7).

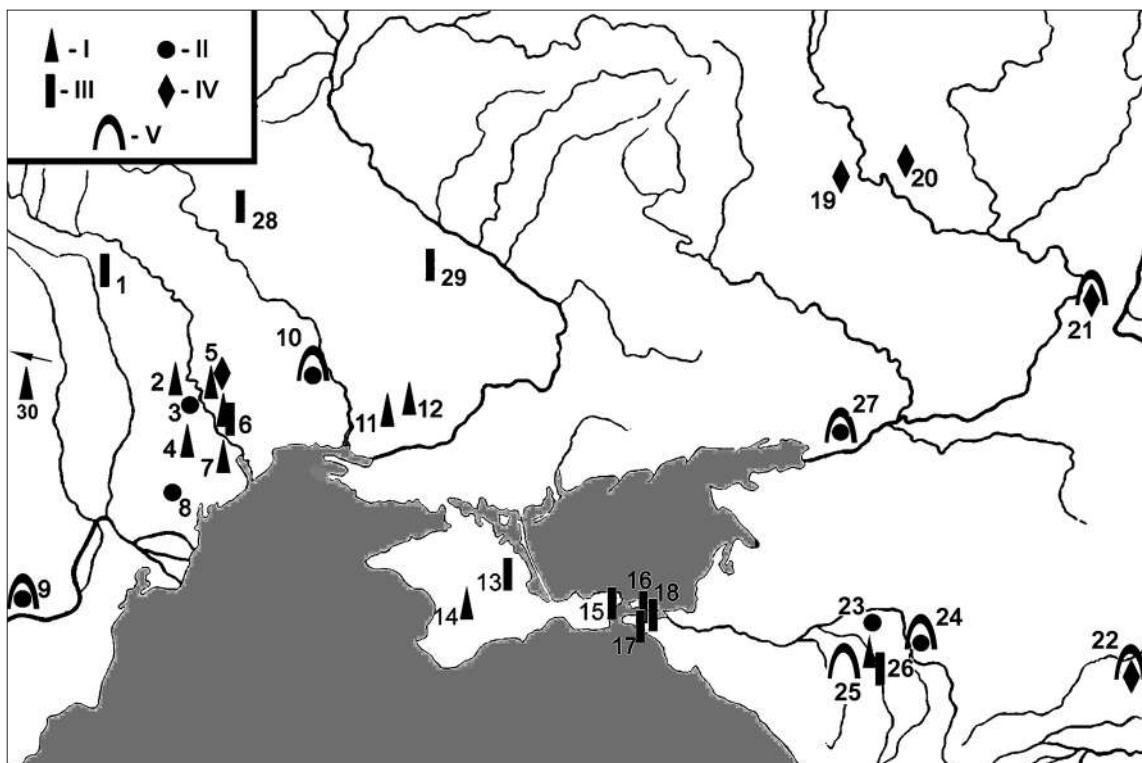

Рис. 5. Налобники с крючком и подвески науза.

I – топоровидные; II – стержневидные; III – с узкой и каплевидной лопастью; IV – с фигурной лопастью; V – подвески науза.
 1. Бедражий Векь; 2. Бубуечь; 3. Брэвичень; 4. Тараклия; 5. Великоплоское; 6. Тираспольские курганы; 7. Семеновка; 8. Веселая Долина; 9. Зимница; 10. Марьевка; 11. Нововасильевка; 12. Снигиревка; 13. Ногайчинский курган; 14. Неаполь Скифский; 15. Керчь; 16. Зеленской курган; 17. Васюринская Гора; 18. Ахтанизовская; 19. Клименков; 20. Антиповка; 21. Качалинская; 22. Ханкальское городище; 23. Имение Зиссерманов (Геймановский поселок); 24. Прочноокопская; 25. Гиагинская; 26. Новолабинская; 27. Красный-IV; 28. Гордашевка; 29. Малиновка; 30. Альба Юлия.

Fig. 5. Hook-shaped frontlets and neck pendants.

I – axe-shaped; II – rod-shaped; III – with narrow body; IV – with figured body; V – neck pendants.

1. Bädragii Vechi; 2. Bubuieci; 3. Brăvicien; 4. Taraclia; 5. Velykoploske; 6. Tiraspol barrows; 7. Semenivka; 8. Vesela Dolyna; 9. Zimnicea; 10. Mariivka; 11. Novovasylivka; 12. Snihirivka; 13. Nohaichynski Barrow; 14. Scythian Neapolis; 15. Kerch; 16. Zelenskoi barrow; 17. Vasiurinskaya Gora; 18. Akhtanizovskaya; 19. Klimenkov; 20. Antipovka; 21. Kachalinskaya; 22. Khankalskoe hill-fort; 23. Zisserman farm; 24. Prochnookopskaya; 25. Giaginskaya; 26. Novolabinskaya; 27. Krasny-IV; 28. Hordashivka; 29. Malynivka; 30. Alba Iulia.

Из станицы Гиагинской в Адыгее происходит бронзовая дуговидная пластина с центральным ребром [Kantorovich, Erlikh 2006, 143, 228, cat. 132]. В центре самой широкой части на внутренней поверхности двумя заклепками с выступающими головками была закреплена горизонтальная петля. Заостренные концы пластины увенчаны головками животных (рис. 6,8).

М.Ю. Трейстер интерпретировал марьевскую скобу как кельтский псалий [Treister 1992, 44], усмотрев в ней сходство с псалиями V в. до н.э. из комплексов Чехии [Soudska 1976, 631, obr. 5:2,3]. Но конструкция марьевского изделия совершенно иная, и, кроме отдаленного

сходства формы, ничего общего между ним и кельтскими псалиями нет.

Ю.П. Зайцев полагает, что это – вид плюмажа [Zaytsev 2013, 140]. Я сначала предположил, что эти загадочные скобы и дуговидные пластины – один из видов налобника, предложив назвать его подковообразным [Simonenko 2013, 378; 2015, 263]. В пользу такого определения говорили редкие находки *in situ*: в Прочноокопской и Зимниче эти вещи были найдены у черепа лошади (в первом случае между уздечными бляхами). Но, скорее всего, эти предметы служили подвеской науза – ошейника, на котором подвешивались амулеты-обереги и декоративные кисти. Во всяком случае, *in situ* оба раза

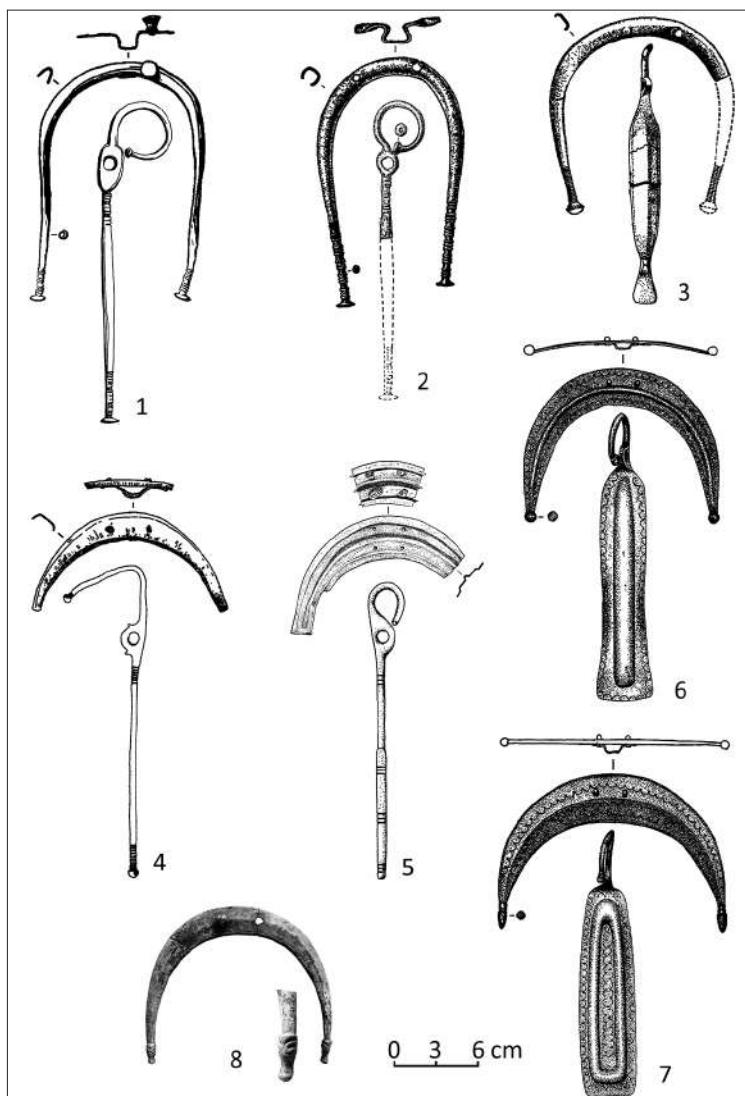

Рис. 6. Подковообразные подвески науза и налобники.
1. Марьевка; 2. Прочноокопской; 3. Ханкальское городище; 4. Зимница; 5. Красный-IV (реконструкция); 6-7. Ка-чалинская; 8. Гиагинская.

Fig. 6. The neck pendants and frontets.

1. Mariivka;
2. Prochnookopskaya;
3. Khankalskoe hill-fort;
4. Zimnica;
5. Krasny-IV (reconstructed);
- 6-7. Kachalinskaya;
8. Giaginskaya.

эти вещи были найдены в районе головы коня.

Примечательно, что эти предметы почти всегда найдены с налобниками с крючком (стержневидными и фигурными). Исключение составляет находка из Гиагинской¹⁰. Эк-

10. На сайте аукциона Виолити в 2016 г. было вывешено фото комплекса, добытого грабителями якобы в Днепропетровской области, где аналогичная гиагинской пластина найдена вместе с налобником с крючком (рис. 7). На сайте указано, что комплекс найден в силуле типа Баргфельд.

земпляры из Марьевки, Прочноокопской и Качалинской одинаково орнаментированы, составляя как бы гарнитур. Локализация таких предметов на Северном Кавказе и в прилегающих регионах заставляет предположить их кавказское происхождение.

Сближают брэвиченъский комплекс с находками из Марьевки и Прочноокопской и другие детали узды. В Марьевке найдено **бронзовое кольцо** с выступом в виде головки трифона (?) [Jakounina-Ivanova 1927, 101, fig. 2a-b], практически аналогичное брэвиченъскому (рис. 8, 2). Это пряжка с выступом-застежкой характерной для раннесарматского времени схемы [Moshkova 1960], хотя зооморфное оформление выступа встречается у сарматов нечасто. Ближайшие аналоги такой пряжке происходят из Восточного некрополя столицы позднескифского царства в Крыму Неаполя Скифского [Symonovich 1983, 43, pl. XXXIX, 4, 14; Zaitsev 2011, 588, ris. 2,8,9]. Могила 38, где найдена одна из таких пряжек, датирована I в. до н.э. – I в. н.э. [Symonovich 1983, 43]. Ю.П. Зайцев видит истоки этой формы в латенских древностях Центральной и Западной Европы периодов Латен С и Латен С2 [Zaitsev 2011, 589].

Ворварки, подобные брэвиченъским, также хорошо известны в древностях последних веков до н.э. Они найденные в комплексах из Великоплоского, Марьевки (рис. 8,5) и Веселой Долины, Федуловском, Клименковском и Качалинском (рис. 8,6) «кладах», в Прочноокопской (рис. 8,4). Там обе бляхи лежали по бокам черепа коня и названы фаларами [Anfimov, P'iankov 2006, 208]. Именно прочноокопские «фалары» и марьевская ворварка наиболее близки брэвиченъским размерами и орнаментацией (рис. 8,3-5). Такие вещи характерны для рассматриваемых ритуальных депозитов и неизвестны ранее II в. до н.э.

Крупные металлические **бусины**, украшавшие оголовье, также стабильно входят в

Рис. 7. Комплекс из Днепропетровской (?) области с аукциона Виолити [<https://auction.violity.com/2F20637877>].

Fig. 8. The assemblage from Dnipropetrov's'ka (?) region at the Violity auction [<https://auction.violity.com/2F20637877>].

состав «странных комплексов». Практически идентичные изделия происходят из «кладов» с Ханкальского городища, у ст. Качалинской, из грабительской находки в Днепропетровской (?) области (рис. 7). Декор оголовья крупными металлическими бусинами восходит к традициям IV – III вв. до н.э. [Sergatskov 2009, 155; Petrenko 1975, 258; Ochir-Goryaeva 2012, 302, fig. 335a].

Удила из Брэвичень типичной для Северного Причерноморья этого времени формы: железные, двухколенчатые, концы гладких грызл закручены в кольца. Такие удила во II-I вв. до н.э. существовали с удилами с «витыми» грызлами (Марьевка, Веселая Долина, Великоплоское, Квашино). Витой или рифленый профиль грызла, усиливая болевое ощущение, делает удила более строгими. Удила с витыми грызлами найдены только в «странных комплексах».

Псалий представлен сохранившимся фрагментом центральной части – 8-видным расши-

рением с двумя отверстиями. Судя по контексту находки, это мог быть С-видный псалий со сферическими или округло-биконическими окончаниями типа 1.1 или с зооморфными окончаниями типа 1.2 моей классификации [Simonenko 2015, 233]. Последний вариант был известен только в «странных комплексах» Северного Причерноморья (Нововасильевка, Квашино, Гордашевка, Малиновка¹¹, Веселая Долина, Ногайчинский курган, Гэвань), но недавно такие псалии были обнаружены в конских погребениях Новолабинского могильника в Закубанье¹². Псалии этого типа обычно датируют достаточно широко, III-I вв. до н.э., распространяя на них дату всей группы «кладов», и исследователи порой «выбирают» наиболее подходящую им дату без какой-либо аргументации; см., напр. [Polin, Karnaugh 2012, 141]. Мне неизвестен ни один комплекс с такими псалиями, надежно датированный III в. до н.э. Верхнюю дату псалиев с зооморфными окончаниями маркирует совместная находка их с ситулой Баргфельд и сковородой Айлесфорд в «кладе» у Малиновки – это вторая половина I в. до н.э. Если ситулы Баргфельд бытовали достаточно долго [Simonenko 2011, 49] – во II-I вв. до н.э. и, возможно, в первой половине I в. н.э. – то восточноевропейские комплексы со сковородами Айлесфорд укладываются в рамки I в. до н.э., преимущественно в его вторую половину [Raev 1993, 174]. Совместные находки С-видных псалиев и псалиев с зооморфными окончаниями позволяют определить время их бытования как II-I вв. до н.э.

Хронология комплекса

Находки из Брэвичень представляют собой инвентарь ритуального депозита («клада» или «странных комплекса», как их еще называют). Этой категории памятников посвящена обширная литература, а их хронология и этно-культурная принадлежность служат предметом неутихающей дискуссии. Исследуемый комплекс почти не упоминается в ней, и его хронология определяется, как правило, в рамках взглядов того или иного исследователя на весь массив памятников. Здесь с помощью

11. Случайная находка в Кировоградской области, готовится к публикации.

12. Раскопки Б.А. Раева. Благодарю коллегу за любезно предоставленную информацию.

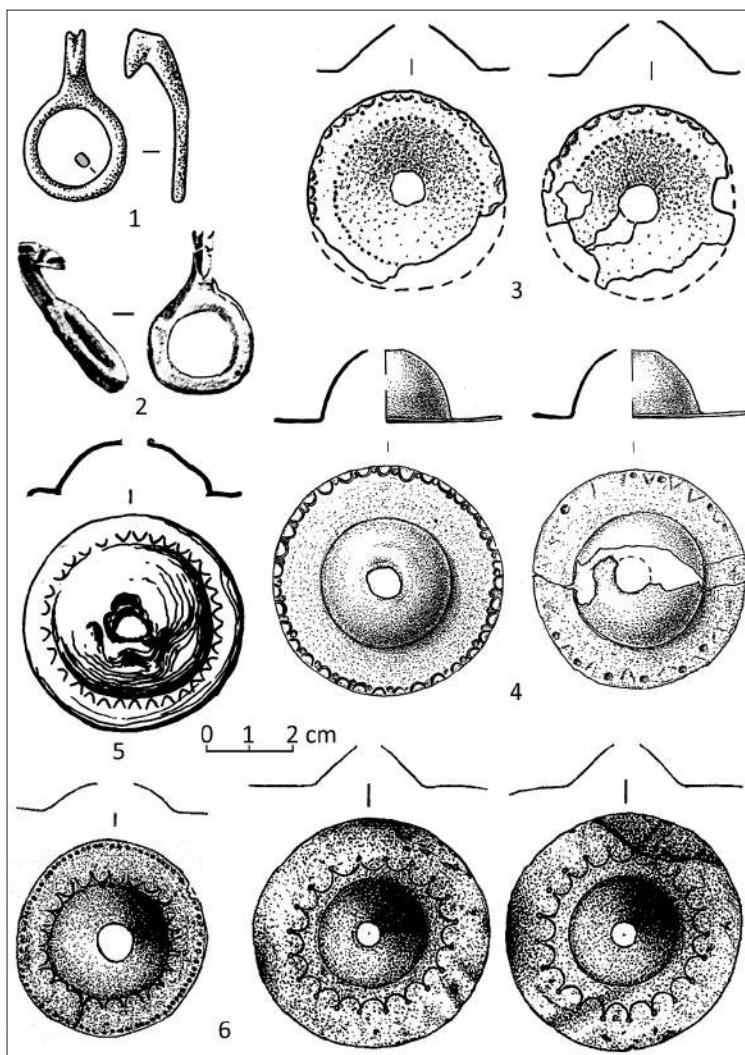

Рис. 8. Брэвичень: детали узды и аналоги.
1, 3. Брэвичень; 2, 5. Марьевка; 4. Прочноокопская; 6. Ка-
чалинская.

Fig. 8. Parts of horse harness from Brävicheni and the relatives.
1, 3. Brävicheni; 2, 5. Mariivka; 4. Prochnookopskaya; 6. Kachalinskaya.

ближайших аналогий делается попытка датировать комплекс из Брэвичень и определить его место в кругу остальных «странных комплексов».

Для уточнения даты находки из Брэвичень следует обратиться к хронологии комплексов, содержащих ближайшие аналоги брэвиченским вещам.

В комплексе из **Марьевки** [Jakounina-Ivanova 1927, 101-106] – ситула типа Баргфельд по Д. Брешчаку [Breščak 1982, 17], шлем типа Монтефортино, стержневидный налобник с крючком, подковообразная подвеска науза, коль-

цо с зооморфным крючком, два на-
конечника копий, удила и С-видные
псалтии, ворварка с умбоном¹³.

Находки *ситул типа Баргфельд* в Западной и Центральной Европе достаточно часты. Близкие им ситулы Эггерс 23 бытовали на ступени А, т. е., во II-I вв. до н.э. [Eggers 1951, 161]. Ситула типа Баргфельд из мог. 4 некрополя Валеджио суль Минчо в Северной Италии найдена вместе с кружкой типа Орнавассо и черпаком типа Песчаные и датируется I в. до н.э. [Tesori 1998, 132,133, no. 1.52]. В Средней Европе находки таких ситул и их фрагментов на кельтских опидумах относятся к позднему предримскому времени [Wielowejski 1985, 157]. На Балканах и в Иллирии такие сосуды дожили до раннего римского времени, о чем свидетельствуют находки в Бэдене [Sanie 1993, 344-351, pl. 4:1] и Сремске Раче [Miloshevih 1981, 35-41, tabl. VIII:2].

В Восточной Европе известно 10 ситул типа Баргфельд (Сипотень – 2 экз., Бэдене, Мана, Бедражий Векь, Веселая Долина, Марьевка, Малиновка, Новочеркасский музей, Кореновск). Они найдены вместе со шлемами Монтефортино (Марьевка, Веселая Долина, возможно, Новочеркасск), аналоги которым не старше II в. до н.э., фаларом с арочным орнаментом того же времени (Бедражий Векь), фибулой среднелатенской схемы (Сипотень) второй половины II-I в. до н.э., сковородой типа Айлесфорд второй половины I в. до н.э. (Малиновка). Немаловажно отсутствие таких сосудов в твердо датированных второй половиной III – первой половиной II вв. до н.э. памятниках той же территории – Тираспольских курганах и Чобручском поселении. Я не вижу оснований датировать ситулы типа Баргфельд из Восточной Европы ранее второй

13. Часть вещей из этой коллекции, опубликованная Л.И. Якуниной-Ивановой (фибула, крышка сосуда, зеркало-подвеска, фрагмент стригигля), не входила в состав комплекса [Raev, Simonenko, Treister 1991, 484].

половины II-I вв. до н.э. [Simonenko 2011, 49]. Комплекс из Маны, по мнению авторов публикации, датируется первой половиной или серединой I в. до н.э. [Tentiu et al. 2015, 240].

Шлем типа Монтефортино из Марьевки входит в группу 1 находок таких шлемов в Восточной Европе. Её датировка определяется в пределах II-I вв. до н.э. [Simonenko 2015, 183], по аналогии с экземплярами, найденными в археологическом контексте на Иберийском полуострове [Garsia Mauriño Múzquiz 1993, 124, fig. 35], в Южной Франции и Северной Италии [Schaaff 1988, 318]. Есть версия, что шлемы группы 1 попали к сарматам после перевооружения армии Митридата VI офицерами мятежного Сертория из Испании [Shchukin 1994, 143; Simonenko 2010, 147], т.е. комплексы с ними на территории Сарматии должны датироваться не ранее первых десятилетий I в. до н.э.

Аналог зооморфной пряжке происходит из склепа, захоронения в котором осуществлялись в I в. до н.э. – I в. н.э. [Symonovich 1983, 43].

Комплексы с аналогами подковообразной подвеске науза (Прочноокопский могильник и Ханкальское городище) датированы II [Anfimov, Р'iankov 2006, 208] или III – началом II в. до н.э. [Petrenko 1975, 259]. Типологически близкие предметы (Качалинская, Зимница) происходят из памятников, датированных концом II – началом или первой половиной I в. до н.э. [Sergatskov 2009, 157; Alexandrescu 1983, 77].

Комплекс из Марьевки относится, скорее всего, к концу II – первой половине I в. до н.э. [Raev, Simonenko, Treister 1991, 484]¹⁴.

По всей вероятности, к этому же времени следует отнести комплексы из Прочноокопской и с Ханкальского городища. Их датировку определяют подковообразные подвески науза, аналогичные находкам в Марьевке и Зимниче. В комплексах с более ранней датой таких подвесок нет. В «кладе» с Ханкальского городища обнаружена крупная глазчатая бусина – амулет-оберег оголовья [Dzneladze, Simonenko 2010, 30]. Она принадлежит типу 86 по классификации Е.М. Алексеевой, датирующемуся III-I вв. до н.э. [Alekseeva 1975, 69]. Такие бусины-аму-

14. Этот комплекс датировался II в. до н.э. [Symonenko 1986, 66], концом II – первой половиной I в. до н.э. [Raev, Simonenko, Treister 1991, 484] либо второй половиной I в. до н.э. [Raev 1986, 85]. Мнения исследователей по поводу даты комплекса см. [Treister 1987, 20-21].

леты – характерная деталь меото-сарматской узды последних веков до н.э. Конское погребение 13 могильника в Зимниче со стержневидным налобником и серповидной подвеской науза датировано концом II – началом или первой половиной I в. до н.э. [Alexandrescu 1983, 77].

Трудно сузить дату остальных двух комплексов со стержневидными налобниками. Погребение на участке Зиссерманов датировано концом III – началом II в. до н.э. [Gushchina 1983, 95], однако наличие в комплексе маленького втульчатого наконечника стрелы не исключает и более позднюю дату. «Клад» из Красного по наличию в нем подковообразной подвески не может быть древнее II в. до н.э., а аналог kostяному псалию происходит из комплекса среднесарматского времени [Simonenko 1993, 81]. Поэтому хронологический диапазон обоих комплексов не стоит замыкать на II в. до н.э. – они могут датироваться и более поздним временем.

Заключение

Проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам. Комплекс находок из Брэвичень является инвентарем ритуального депозита («клада») и может быть датирован II-I вв. до н.э. Этно-культурная принадлежность подобных «кладов» – предмет острой дискуссии. Их связывают с сарматами, поздними скифами, есть точка зрения о внеэтническом характере «кладов» [библиографию вопроса см. Zaitsev 2012, 67-68]. Будучи активным участником этой дискуссии и планируя принять в ней дальнейшее участие, здесь я ограничусь кратким изложением своей нынешней позиции. В отличие от прежних взглядов, сейчас я не считаю, что все «клады» относятся к эпохе Митридатовых войн – среди них есть и более ранние, и здесь мои оппоненты правы. Тем не менее, я не могу принять точку зрения о позднескифской принадлежности всех «кладов» – памятники поздней (II-I вв. до н.э.) группы, куда входит и комплекс из Брэвичень, найдены на сарматских землях (рис. 5). Истоки же традиции рассматриваемых ритуальных депозитов следует искать на Северном Кавказе – здесь, в кургане у ст. Пластуновской, найден наиболее ранний (четвертая четверть IV – начало III в. до н.э.) памятник этого типа [Marchenko, Limberis 2009, 72-73].

Библиография

- Alekseeva 1975:** E.M. Alekseeva, Antichnye busы Severnogo Prichernomor'ia. SAI G1-12. (Moskva 1975) // Е.М. Алексеева, Античные бусы Северного Причерноморья. САИ Г1-12. (Москва 1975).
- Alexandrescu 1983:** A.D. Alexandrescu, Tombes de chevaux et pièces du harnais dans la nécropole Gète de Zimnicea. Dacia N.S. XXVII, 1-2, 1983, 67-78.
- Anfimov 1988:** N.V. Anfimov, Katakombye pogrebenii Prochnookopskogo mogil'nika. In: (red. V.A. Kuznetsov) Metodika issledovaniia i interpretatsiia arkheologicheskikh materialov Severnogo Kavkaza (Ordzhonikidze 1988), 51-56 // Н.В. Анфимов, Катаомбные погребения Прочноокопского могильника. В: (ред. В.А. Кузнецова) Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа (Орджоникидзе 1988), 51-56.
- Anfimov, P'iankov 2006:** I.N. Anfimov, A.V. P'iankov, Mogil'nik Prochnookopskogo gorodishcha №3 po materialam arkhiva N.V. Anfimova. MIAK 6, 2006, 205-228 // И.Н. Анфимов, А.В. Пьянков, Могильник Прочноокопского городища № 3 по материалам архива Н.В. Анфимова. МИАК 6, 2006, 205-228.
- Breščak 1982:** D. Breščak, Anticno bronasto posodje Slovenije. Situla 22/1, 1982.
- Byrnia 1956:** P.P. Byrnia, Otchet o raskopkakh arkheologicheskogo kompleksa u s. Bravicheny 1956 g. Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii RAN, R-1, 1399, ll. 104-125, 1956 // П.П. Бырня, Отчет о раскопках археологического комплекса у с. Бравичены 1956 г. Научный архив Института археологии РАН, Р-1, 1399, лл. 104-125, 1956.
- Dzneladze, Simonenko 2010:** O.S. Dzneladze, O.V. Simonenko, Namistini – voins'ki amuleti III-II st. do n.e. Arkheologija 3, 2010, 22-34 // О.С. Дзнеладзе, О.В. Симоненко 2010. Намистини – войнські амулети III-II ст. до н.е. Археологія 3, 2010, 22-34.
- Eggers 1951:** H.Ju. Eggers, Der römische Import im freien Germanien. Atlas der Urgeschichte. Bd. 1 (Hamburg 1951).
- Fedorov 1956:** G.B. Fedorov, Prutsko-Dnestrovskoe mezhdurech'e v I tys. do n.e. MIA 1960, 89 // Г.Б. Федоров, Прутско-Днестровское междуречье в I тыс. до н.э. МИА 1960, 89.
- Garsia Mauriño Múzquiz 1993:** J. Garsia-Mauriño Múzquiz, Los cascós de tipo Montefortino en la peninsula Iberica. Complutum 4, 1993, 95-146.
- Gushchina 1983:** I.I. Gushchina, K voprosu o datirovke i etnicheskoi prinadlezhnosti nekotorykh vpusknykh zakhoroneni v kurganakh Prikuban'ia, issledovannykh N.I. Veselovskim v 1900 godu. In: (red. A.S. Skripkin) Istorija i kul'tura sarmatov (Saratov 1983), 92-98 // И.И. Гущина, К вопросу о датировке и этнической принадлежности некоторых впускных захоронений в курганах Прикубанья, исследованных Н.И. Веселовским в 1900 году. В: (ред. А.С. Скрипкин) История и культура сарматов (Саратов 1983), 92-98.
- Jakounina-Ivanova 1927:** L. Jakounina-Ivanova, Une Trouvaille de l'age de La Téne dans la Russie meridionale. Eurasia Septentrionalis Antiqua 1, 1927, 101-106.
- Kantorovich, Erlikh 2006:** A.R. Kantorovich, V.R. Erlikh, Bronzoliteinoe iskusstvo VIII-III vv. do n.e. iz kurganov Adygei (Moskva 2006) // А.Р. Канторович, В.Р. Эрлих, Бронзолитеиное искусство VIII-III вв. до н.э. из курганов Адыгеи (Москва 2006).
- Marchenko, Limberis 2009:** I.I. Marchenko, N.Iu. Limberis, Plastinchatyе konskie nalobniki iz Prikuban'ia. Arkheologija, etnografia i antropologija Evrazii 3(39), 2009, 69-74 // И.И. Марченко, Н.Ю. Лимберис, Пластинчатые конские налобники из Прикубанья. Археология, этнография и антропология Евразии 3(39), 2009, 69-74.
- Miloshević 1981:** P. Miloshević, Rimski nalazi u Savi pod Sremske Rache. Starinar. Nova serija XXXI/1980 (Beograd 1981), 35-41 // П. Милошевић, Римски налази у Сави под Сремске Раче. Старинар. Нова серија XXXI/1980 (Београд 1981), 35-41.
- Moshkova 1960:** M.G. Moshkova, Rannesarmatskie bronzovye priazhki. MIA 78, 1960, 293-307 // М.Г. Мошкова, Раннесарматские бронзовые пряжки. МИА 78, 1960, 293-307.
- Ochir-Goriaeva 2012:** M.A. Ochir-Goriaeva, Drevnie vsadniki stepei Evrazii (Moskva 2012) // М.А. Очир-Горяева, Древние всадники степей Евразии (Москва 2012).
- Petrenko 1975:** V.A. Petrenko, Klad konskogo snariazheniiia iz raskopok II Khankal'skogo gorodishcha (Checheno-Ingushetiiia). SA 4, 1975, 256-259 // В.А. Петренко, Клад конского снаряжения из раскопок II Ханкальского городища (Чечено-Ингушетия). СА 4, 1975, 256-259.
- Polin 1993:** S.V. Polin, Ot Skifii k Sarmatii (Kiev 1992) // С.В. Полин, От Скифии к Сарматии (Киев 1992).
- Polin, Karnaugh 2012:** S.V. Polin, E.G. Karnaugh, Gordashevskii „klad”. Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia III-II vv. do n.e. Mezhdunar. nauch. konf., Tiraspol', 16-19 okt. 2012 g. (Tiraspol' 2012), 134-144 // С.В. Полин, Е.Г. Карнаух, Гордашевский «клад». Древности Северного Причерноморья III – II вв. до н.э. Междунар. науч. конф., Тирасполь, 16-19 окт. 2012 г. (Тирасполь 2012), 134-144.

- Raev 1986:** B.A. Raev, Roman Imports in the Lower Don basin. BAR International Series 278 (Oxford 1986).
- Raev 1993:** B.A. Raev, Bronzovaia posuda epokhi pozdnego Latena v Sarmatii. Antichnyi mir i arkheologii 9, 1993, 160-175 // Б.А. Раев, Бронзовая посуда эпохи позднего Латена в Сарматии. Античный мир и археология 9, 1993, 160-175.
- Raev, Simonenko, Treister 1991:** B.A. Raev, A.V. Simonenko, M.Ju. Treister, Etrusco-Italic and Celtic Helmets in Eastern Europe. JahrRGZM 38/2, 1991, 465-496.
- Sanie 1993:** S. Sanie, La civilisation romaine et la romanisation à l'est des carpates. Actes du XII Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques 3 (Bratislava 1993), 344-351.
- Schaaff 1988:** U. Schaaff, Etruskisch-Römische Helme. In: Antike Helme. Sammlung Lipperheide und andere Bestände des Antikenmuseums Berlin. Monographien RGZM 14 (Mainz 1988), 318-326.
- Sergatskov 2009:** I.V. Sergatskov, „Klad“ II v. do n.e. iz okrestnosti stanitsy Kachalinskoi. RA 4, 2009, 149-159 // И.В. Сергацков, «Клад» II в. до н.э. из окрестностей станицы Качалинской. РА 4, 2009, 149-159.
- Shchukin 1994:** M.B. Shchukin, Na rubezhe er. Opyt istoriko-arkheologicheskoi rekonstruktsii politicheskikh so-bytii III v. do n.e. – I v. n.e. v Vostochnoi i Tsentral'noi Evrope (Sankt-Petersburg 1994) // М.Б. Щукин, На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе (Санкт-Петербург 1994).
- Soudska 1976:** E. Soudska, Hrob 196 z Manetina-Hradku a dalsi hroby s dvoukolovymi vozy v Cechah. Archeologické rozhledy XXVIII, 6, 1976, 625-648, 651-654.
- Simonenko 1982:** A.V. Simonenko, O pozdneskifskikh nalobnikakh. In: (red. A.I. Terenozhkin) Drevnosti Stepnoi Skifii (Kiev 1982), 237-245 // А.В. Симоненко, О позднескифских налобниках. В: (ред. А.И. Тереножкин) Древности Степной Скифии (Киев 1982), 237-245.
- Simonenko 1986:** O.V. Simonenko, Piznioskifs'kii kompleks z Mar'ivki Mikolaïvs'koï oblasti. Arkheologija 55, 1986, 80-88 // О.В. Симоненко, Пізньоскіфський комплекс з Мар'ївки Миколаївської області. Археологія 55, 1986, 80-88.
- Simonenko 1993:** A.V. Simonenko, Sarmaty Tavrii (Kiev 1993) // А.В. Симоненко, Сарматы Таврии (Киев 1993).
- Simonenko 2010:** A.V. Simonenko, Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ia (Sankt-Petersburg 2010) // А.В. Симоненко, Сарматские всадники Северного Причерноморья (Санкт-Петербург 2010).
- Simonenko 2011:** A.V. Simonenko, Rimskii import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ia (Sankt-Petersburg 2011) // А.В. Симоненко, Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья (Санкт-Петербург 2011).
- Simonenko 2013:** A.V. Simonenko, Eshche raz o nalobnikakh s kriuchkom. Shestaia mezhdunarodnaia Kubanskaia arkheologicheskaja konferentsii. Materialy konferentsii (Krasnodar 2013), 376-380 // А.В. Симоненко, Еще раз о налобниках с крючком. Шестая международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. (Краснодар 2013), 376-380.
- Simonenko 2015:** A.V. Simonenko, Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ya, 2-e izd. ispr. i dop. (Kiiv 2015) // А.В. Симоненко, Сарматские всадники Северного Причерноморья, 2-е изд., испр. и доп. (Київ 2015).
- Simonenko 2016:** A.V. Simonenko, O proiskhozhenii pozdneskifskoi kul'tury Nizhnego Dnepra. Starodavne Prichernomor'ia XI, 2016, 476-483 // А.В. Симоненко, О происхождении позднескифской культуры Нижнего Днепра. Стародавне Причорномор'я XI, 2016, 476-483.
- Simonenko 2018:** A.V. Simonenko, O sarmatskom zavoevaniii Skifii. Nizhnevолжskii arkheologicheskii vestnik 17/1, 2018, 27-49 // А.В. Симоненко, О сарматском завоевании Скифии. Нижневолжский археологический вестник 17/1, 2018, 27-49.
- Symonovich 1983:** E.A. Symonovich, Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (Kiev 1983) // Э.А. Сымонович, Население столицы позднескифского царства (Киев 1983).
- Tel'nov et al. 2016:** N.P. Tel'nov, I.A. Chetverikov, V.S. Sinika, Skifskii mogil'nik III-II vv. do n.e. u s. Glinoe (Tiraspol' 2016) // Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, В.С. Синика, Скифский могильник III-II вв. до н.э. у с. Глиное (Тирасполь 2016).
- Tentiuc et al. 2015:** I. Tentiuc, V. Bubulici, A. Simalcsik, A Cremation Burial of a Horseman near the Village of Mana (the Orhei district). Tyrageta IX [XXIV], 1, 2015, 221-248.
- Tesori 1998:** Tesori della Postumia. Archeologia e storia intorno a una Grande Strada Romana alle radici dell'Europa (Milano 1998).
- Treister 1987:** M.Ju. Treister, Kompleks metallicheskikh izdelii iz Mar'evki v sobranii GMII im. A.S. Pushkina (datirovka i interpretatsiia). Tezisy dokladov nauchnoi sessii, posviashchennoi itogam raboty GMII im. A.S. Pushkina za 1986 g. (Moskva 1987), 12-22 // М.Ю. Трейстер, Комплекс металлических изделий из Марьевки в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина (датировка и интерпретация). Тезисы докладов научной сессии, по-

священной итогам работы ГМИИ им. А.С. Пушкина за 1986 г. (Москва 1987), 12-22.

Treister 1992: M.Ju. Treister, Kel'ty v Pivnichnomu Prichernomor'ї. Arkheologija 2, 1992, 37-50 // М.Ю. Трейстер, Кельти в Північному Причорномор'ї. Археологія 2, 1992, 37-50.

Vysotskaia 1979: T.N. Vysotskaia, Neapol' – stolitsa gosudarstva pozdnikh skifov (Kiev 1979) // Т.Н. Высотская, Неаполь – столица государства поздних скифов (Киев 1979).

Wielowejski 1985: J. Wielowejski, Die spätkeltischen und römischen Bronzegefässe in Polen. Bericht RGK 66, 1985, 123-320.

Zaitsev 2007: Iu.P. Zaitsev, Kompleks iz Gevani (k probleme khronologii III v. do n.e.). Bosporskii fenomen: sakral'nyi smysl regiona, pamiatnikov, nakhodok (Sankt-Petersburg 2007), 258-268 // Ю.П. Зайцев, Комплекс из Гэвани (к проблеме хронологии III в. до н.э.). Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок (Санкт-Петербург 2007), 258-268.

Zaitsev 2011: Iu.P. Zaitsev, „Pozdneskifskii” kostium kak etnoindikator (na primere elementov poiasnoi garnitury III-I vv. do n.e.). Bosporskii fenomen. Naselenie, iazyki, kontakty: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Petersburg, 22-25 noiabria 2011 g.) (Sankt-Petersburg 2011), 584-592 // Ю.П. Зайцев, «Позднескифский» костюм как этноиндикатор (на примере элементов поясной гарнитуры III-I вв. до н.э.). Боспорский феномен. Население, языки, контакты: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2011 г.) (Санкт-Петербург 2011), 584-592.

Zaitsev 2012: Iu.P. Zaitsev, Severnoe Prichernomor'e v III-II vv. do n.e.: ritual'nye klady i arkheologicheskie kul'tury (postanovka problemy). Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia III-II vv. do n.e. Mezhdunar. nauch. konf., Tiraspol', 16-19 okt. 2012 g. (Tiraspol' 2012), 67-72 // Ю.П. Зайцев, Северное Причерноморье в III-II вв. до н.э.: ритуальные клады и археологические культуры (постановка проблемы). Древности Северного Причерноморья III – II вв. до н.э. Междунар. науч. конф., Тирасполь, 16-19 окт. 2012 г. (Тирасполь 2012), 67-72.

Zaitsev 2013: Iu.P. Zaitsev, „Lunnitsy” v konskoi uzde Severnogo Prichernomor'ia i Severnogo Kavkaza ellinisticheskogo vremeni. Shestaia mezhdunarodnaia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsia. Materialy konferentsii (Krasnodar 2013), 137-142 // Ю.П. Зайцев, «Лунницы» в конской узде Северного Причерноморья и Северного Кавказа эллинистического времени. Шестая международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции (Краснодар 2013), 137-142.

Александр Симоненко, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии НАН Украины, проспект Героїв Сталінграда 12, Київ 04210, Україна, e-mail: simonal@ukr.net

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XVI _ nr. 1

IN MEMORIAM

**Dr.hab. OLEG LEVIȚKI
(1956-2020)**

Revistă indexată în bazele de date

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2020

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

**INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE**

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki†

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – dr. **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посыпать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Eugen Mistreanu (<i>Chișinău</i>), Marcin M. Przybyła (<i>Kraków</i>). Despre planimetria aşezării gumelniteșene Taraclia I în cercetări vechi și noi	5
Майя Кашуба (Санкт-Петербург), Игорь Сапожников (Киев). История находки Бородинского (Бессарабского) клада	21
Aurel Mototolea (<i>Constanța</i>), Simina Margareta Stanc (<i>Iași</i>), Andreea Andrei (<i>Constanța</i>). The roadside inns (<i>khâns</i>) in Ottoman Dobrudja	48

MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Валерий Манько (Киев), Гурам Чхатарашвили (Батуми). Раннеголоценовая стоянка Джварцхма в Западной Грузии	63
Oleg Levițkiț, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chișinău</i>). Rezultatele investigațiilor arheologice efectuate în cadrul sitului Trinca-Izvorul lui Luca în anul 2001	78
Виталий Синика (Тирасполь), Сергей Лысенко (Киев), Сергей Разумов (Тирасполь), Николай Тельнов (Кишинэу). Курган 2 группы «Рыбхоз» в Нижнем Поднестровье и скифские кремации Северо-Западного Причерноморья	99
Александр Симоненко (Киев). Ритуальный депозит II-I вв. до н.э. из Брэвичень	108

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Vasile Haheu (<i>Chișinău</i>). Sistemul defensiv al fortificațiilor traco-getice (particularități constructive și principii de apărare)	121
Елена Журухина (Киев). Производство стеклянных изделий (по материалам ремесленных мастерских Киевского Подола XII – первой половины XIII века)	130

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Roman Croitor (<i>Aix-en-Provence</i>), Vitalie Burlacu (<i>Chișinău</i>). The Middle Paleolithic site of Buzdujeni 1 (Northern Moldova): evidence on periodic occupation by cave hyena	136
Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chișinău</i>), Vasile Diaconu (<i>Târgu-Neamț</i>), Nicoleta Vornicu (<i>Iași</i>). Despre vasul de cupru medieval descoperit la Cetatea Neamțului (județul Neamț, România). Noi considerații	145
Mariana Gugeanu (<i>Iași</i>). Textilă liturgică arheologică – <i>Mâneceuță</i> . Conservare și restaurare	157

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Kirsten Hellström, *Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet*

(2. Jh. v. Chr. - 3. Jh. n. Chr.). Arhäologie in Eurasien 39, Bonn, 2018,
284 pagini și 94 planșe, ISBN 978-3-7749-3948-6
(Vasile Iarmulschi, Berlin) 163

IN HONOREM

Dumitru Boghian la 65 de ani (Sergiu-Constantin Enea, Târgu-Frumos) 165

IN MEMORIAM

La adio Oleg Levički: Omul și Savantul (1956-2020)
(Vasile Haheu, Chișinău) 168

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 172

INFORMATII ȘI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 173

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL
MAGAZINE 174

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Vasile Haheu

Sistemul defensiv al fortificațiilor traco-getice (particularități constructive și principii de apărare)

Keywords: Thraco-Getae, fortifications, rampart and ditch, structure of wood and stone, entrance, scarp, bastion, tower.

Cuvinte cheie: traco-geti, fortificații, val și sănț, structură din lemn și piatră, intrare escarp, bastion, turn.

Ключевые слова: фрако-геты, фортификации, вал и ров, деревянная и каменная структура, вход, эскарп, бастион, башня.

Vasile Haheu

The defensive system of the Thraco-Getae fortifications (the constructive features and principle of the defense)

Currently, around 130 Thraco-Getae fortifications are known in the East Carpathian area (end of VIIth century – IIIrd century BC.). A comprehensive analysis of their defensive system allows certain conclusions to be drawn regarding the relationship between structural features, additional elements and the principles of defense of the structures. Each of the components had its strict and precise role in the conception of the site defense. The rampart of oval-rounded shape in plan, the internal organization of the enclosure, the complementary elements of the defensive line (tower, bastion, palisade), the arrangement of the entrance – all depended on the direction of the enemy's attacks, changing according to the needs of the time – the interdependence between tactics and strategy of attack and defense.

Vasile Haheu

Sistemul defensiv al fortificațiilor traco-getice (particularități constructive și principii de apărare)

În prezent, pentru spațiul de la est de Carpați sunt cunoscute în jur de 130 de fortificații traco-getice (sfârșitul sec. VII – sec. III a.Chr.). Analiza de ansamblu a sistemului defensiv a acestora permite a face anumite concluzii cu referire la corelația dintre particularitățile constructive, a elementelor lor complinitorii și principiile de apărare ale structurilor. Fiecare dintre componente își avea rolul său strict și precis în concepția defensivei sitului. Forma cu tendințe oval-circulare în plan a valului, modul de organizare internă a incintei, elementele complinitorii ale liniei defensive (turn, bastion, palisadă), modalitatea de amenajare a intrării – toate erau în dependență de contrapunerea direcțiilor strategiei de atac a inamicului, modificându-se în timp, conform necesităților vremii – interdependența dintre tactica și strategia de atac și apărare.

Vasile Xahay

Оборонительная система гето-фракийских городищ (конструктивные особенности и принципы обороны)

В настоящее время на восточно-карпатском пространстве известно около 130 гето-фракийских укреплений (конец VII в. – III в. до н.э.). Всесторонний анализ их оборонительной системы позволяет сделать определенные выводы относительно взаимосвязи между конструктивными особенностями, дополнительными элементами и принципами обороны этих сооружений. Каждый из компонентов имел свою строгую и определенную роль в концепции обороны городища. Овально-округлая в плане форма вала, способ внутренней организации крепости, дополнительные элементы оборонительной линии (башня, бастион, палисад), способ обустройства входа – все зависело от направления вражеских нападений, меняясь в соответствии с нуждами времени, существовала взаимосвязь между тактикой и стратегией атак и обороны.

În prezent, pentru spațiul de la est de Carpați sunt cunoscute în jur de 130 de fortificații ale tracicilor septentrionali, încadrate în linii mari în perioada din a doua jumătate a sec. VII - sec. III a.Chr. Până în prezent este diferită desemnarea taxonomică a noțiunii care ar diferenția aceste obiective conform destinației lor. Alăturându-ne opiniei lui

I. Glodariu [Glodariu 1983, 50], le aducem încă odată în discuție, făcând precizările de rigoare asupra funcționalității siturilor:

Așezare fortificată – obiectiv rezultat în urma edificării structurilor de apărare la o așezare deschisă existentă deja sau o fortificație nou construită în incinta căreia se află complexe de locuire

(urme de locuințe, construcții gospodărești etc.);

Cetate-centru – obiectiv fortificat, de regulă de proporții, plasat în centrul unor așezări deschise (numărul căror variază de la 3-4 la 12), care nefiind populat masiv permanent (sau fiind populat) constituie reședința conducătorului politico-militar, a anturajului acestuia și a „garnizoanei” militare din zonă. Este, de regulă și un centru religios;

Fortificație independentă (de refugiu sau cu rosturi militare) – obiectiv, de regulă redus ca dimensiune și nepopulat permanent, menit să bareze (cel puțin temporar) căile de acces în interiorul anumitor zone vitale, sau care formau complexul defensiv avansat al cetăților-centre. Dispunea sau nu de o unitate militară permanentă. În caz de necesitate se folosea ca loc de refugiu pentru populația din împrejurimi.

Toate acestea fac parte din categoria de structuri *de pământ*, deși termenul este folosit convențional. Până nu demult era unanim acceptat că linia de apărare a siturilor era valul/valurile de pământ și sănțul adiacent, ultimul aflat în partea exterioară și rezulta din excavarea solului pentru ridicarea valului. Săpăturile arheologice sistematice și de amploare întreprinse la unele dintre situri (Butuceni, Saharna, Horodca, Stâncești, Cotnari etc.) din ultimele decenii, au demonstrat prezența unei structuri interne și externe a sistemului defensiv destul de complexă, în edificarea acestuia fiind utilizate pe larg lutul, nisipul, piatra și lemnul în diverse combinații, evidențiindu-se și specificuri zonale, în dependență de resursele locale.

Elementele complinitorii ale structurii defensive aveau două funcții de bază: consolidarea și trăinicia/durabilitatea acestuia, precum și anumite funcții specifice de apărare propriu-zis. La primele enumerăm casetele de lemn, fundamentele de piatră, berma, contrafortul/cranțuri de amortizare. Alte elemente complinitorii, care de fapt constituie subiectul abordării noastre, sunt reprezentate de turnuri, bastioane, palisadă, planșeu/gardina, escarpări, intrări care aveau o destinație specială în strategia de apărare. La ultima se adaugă forma în plan a structurii de apărare și caracteristicile topografice ale locului de amplasare. Pornind de la ultima, constatăm că majoritatea fortificațiilor au fost edificate pe suprafețe de sol înalte, greu accesibile, cu posibilități mari de apărare naturală – promontorii, maluri de râu, râpe mari și platouri. În asemenea circumstanțe, de foarte multe ori

forma obiectivelor o repeta pe cea a suprafeței pe care erau amplasate.

Nu punem la îndoială dependența configurației obiectivelor fortificate de caracteristicile geomorfologice ale terenului și desigur, că aceasta determină formele lor, în general neregulate. În opinia noastră, spectrul formelor de plan ale siturilor în discuție este destul de variat, totuși, reducându-se din punct de vedere geometric la câteva forme: *oval-circulare*, *cvasi-triunghiulare*, *semicirculare/potcoavă* și *cvasi-poligonale*.

Coloanele tipologice, incluzând obiectivele din întreg spațiul de la Est de Carpați, lărgesc cu mult diapazonul de forme ale fortificațiilor propuse de A. Florescu și S. Teodor – poligonală [Florescu 1971, 103-116; Teodor 1989, 115-126]. Din observațiile noastre reiese că forma de plan dominantă este cea oval-circulară și triunghiulară, urmându-le cele de formă semicirculară/potcoavă, pe când configurația poligonală neregulată ocupă ultima poziție. Faptul că fortificațiile de formă oval-circulară constituie majoritatea din numărul total de obiective nu este deloc întâmplător. Cu atât mai mult, că constructorii antici știau să redea configurații cu tendințe spre circular și obiectivelor cu forme triunghiulare sau poligonale, asigurându-le laturi puternic arcuite (Stâncești, Brăhășești, Cotnari). Este caracteristic tuturor cetăților antice „de pământ” din lumea barbară și în general celor de până la apariția armelor de foc, redarea unei forme apropiată de cea circulară [Razin 1956, 21]. O asemenea configurație a structurilor impunea atacanților să efectueze doar manevre de învăluire și nu permitea realizarea unui asalt/atac frontal. În condițiile atacurilor frontale (procedeu de bază a epocii), aceasta era unica formă ce favoriza un unghi larg de acțiune și supraveghere asupra inamicului și nu permiteau atacul frontal – „rupeau” rânduiala atacanților, și dimpotrivă, formele de plan unghiulare facilitau acțiunile atacatorilor, acordându-le posibilitatea unor manevre de învăluire. Marcus Vitruvius Pollio, referindu-se la fortificațiile de epocă menționa: „...ele nu trebuie să fie dreptunghiulare și să nu aibă colțuri, ci rotunjite pentru a urmări inamicul din câteva locuri concomitent... cele cu colțuri sunt mai greu de apărat, deoarece colțurile mai degrabă servesc ca acoperire pentru inamic” [Vitruvius I, 2]*. Asupra aceleiași idei stăruie și un alt cunosător al artei militare antice – Flavius Vegetius Renatus [Flavius

Renatus IV, 2]. Corelația dintre configurația sitului și criteriile tacticii de atac erau într-o interdependentă reciprocă și se modificau continuu.

Din cele expuse mai sus reiese clar că forma de plan a fortificațiilor depinde nu numai de caracteristicile geomorfologice ale terenului pe care acestea sunt amplasate, ci, poate mai întâi de toate, din considerente strategice de ofensivă și apărare. Acest fapt este demonstrat destul de elovent și în cazul fortificațiilor ridicate în locuri deschise, „ne-fortificate” natural – Mateuți [Zlatkovskaia 1965, 220], Suruceni [Hynku 1987, 13] și.a., apariția cărora, în opinia noastră, a fost impusă exclusiv de unele necesități strategice. Însumând cele expuse, credem absolut necesar de a sublinia încă o dată, că configurația fortificațiilor, cu toată dependența lor de caracteristicile geomorfologice ale terenului pe care ele sunt amplasate, de fapt era dictată de considerente și cunoștințele militare ale epocii.

Gruparea obiectivelor pe baza asemănărilor și deosebirilor conform procedeelor tehnologice de modelare a compartimentului defensiv constituie un element dacă nu definitoriu în atribuirea monumentelor (cultural-cronologică, funcțională etc.), cel puțin important în evoluția lor. Din păcate, pentru epocă, pilonii cronologici, mai ales pentru fortificații, sunt încă destul de vag conturați, iar nivelul de cercetare nu permite a urmări evoluția sistemului defensiv în timp. Formarea coloanelor tipologice ale obiectivelor conform acestor caracteristici o vom face în aspectul evolutiv al logicii – de la simplu la compus, fiind conștienți de convenționalitatea procedurii. A urmări evoluția sistemelor de fortificație în timp este dificil și din cauza, că pentru perioada apariției acestora – sec. VII/ a doua jumătate a sec. VI – sec. V a.Chr. sunt cunoscute obiective complexe cu structuri, inclusiv interne, complexe (Butuceni, Saharna Mare, Rudi la Șanț etc.) și invers, pentru perioada evoluată a culturii – sec. IV-III a.Chr., au fost atestate obiective cu structuri simple (Ofatinți, Stâncești II etc.).

În analiza compartimentului defensiv al obiectivelor fortificate, în primul rând cu referire la „val” până în prezent nu există o opinie unanimă în ce privește structura și forma inițială a acestuia. Majoritatea sunt de acord că ceea ce avem în prezent este un rezultat al distrugerii și ulterior al deformării în timp a construcției. Până nu demult, în literatura de specialitate se vehicula „*valul simplu de pământ sau cu structuri interne complexe*” [Florescu 1971, 105;

Zanoci 1998, 37; Haheu 2008, 32]. În prezent lucrurile s-au schimbat spectaculos. Specialiștii din Republica Moldova care se ocupă de fortificațiile tracicilor septentrionali (în România tematica practic în ultimele decenii a fost abandonată) susțin că forma inițială a structurii defensive prezenta un zid format din paramente din lemn, piatră, elemente din lut ars (vălătuci, cărămizi etc.) sau diferite compozиții ale acestora [Zanoci 2010, 29]. Pentru majoritatea siturilor care se cercetează în ultimele decenii se constată că majoritatea prezintă ziduri de lemn în două, trei sau patru șiruri paralele, având în calitate de emplecton pământ tasat de diverse structuri cu particularități de coeziune: nisip și piatră – Butuceni [Nicușă, Teodor, Zanoci 2002]; Saharna Mare – 4 rânduri de pari [Nicușă, Zanoci, Arnăut 2008, 89-90]; Saharna Mică – trei rânduri de pari [Nicușă, Zanoci, Arnăut 2008, 26-27]; Saharna la Șanț – două rânduri de pari [Zanoci, Moldovan 2004, 130-138; Nicușă, Zanoci, Arnăut 2008, 152]; Saharna-La Revezchin [Levinschi, Covalenco, Abâzov 2002, 43]; Măscăuți-Dealul cel Mare [Zanoci 2004, 46]; Horodca Mică [Munteanu 2013, 312-325; Fig. 5.7.10.11]; Mateuți [Zlatkovskaia 1965, 220-222] etc.

Abordând în mod special problema tipologiei și evoluției construcției sistemului defensiv din spațiu est-carpatic, inclusiv pentru perioada secolelor VII/VI-III a.Chr., A. Zanoci ajunge la concluzia că menținerea verticalității părților exterioare ale valului era asigurat de o structură lemnoasă, dar tot acolo autorul constată că „Existența lemnului... poate fi dovedită mai mult teoretic decât practic” și că „...prezența lemnului în structura *valului* nu este întotdeauna atât de evidentă” [Zanoci 2011, 125]. Invocând componența alcalină a solului care descompune uneori fără urme lemnul se demonstrează prezența lemnului prin situația de la baza valului – gropi și șanțuri de pari. Se mai presupune că „urmele lemnului apar sub forma unor bârne carbonizate, dispuse orizontal și vertical în structura *valului*” [Zanoci 2011, 125]. Nu putem să nu întrevedem în expunerea supozиțiilor autorului o anumită nesiguranță, fiind nevoie de sintagme de tipul „se pare”, „nu este întotdeauna atât de evidentă”, „în care, probabil, erau fixate bârne” etc. O probabilitate și o incertitudine mai excesivă în această privință o constatăm în cazul sitului de la Stâncești, unde nu sunt vestigii certe de existență a structurilor lemnoase, pentru care se lăsă să se înțeleagă doar prezența palisadei în partea superioară a va-

lului [Florescu, Florescu 2005, 132-142], dar acesta este deja un alt caz.

a. Fortificații formate din palisadă. Sunt obiectivele linia defensivă a cărora este formată dintr-un singur șir de pari verticali îngropăți unul lângă altul. Avem certitudinea că nu era efectiv cazul cu distanțe între bărne care se completau cu „împletituri de nuiele” [Zanoci 2011, 126], deoarece în caz de atac acestea se incendiau ușor creând breșe. O asemenea structură a fost cercetată la Saharna Mare pentru faza inițială (sec. VI-V a.Chr.) de fortificare a sitului. Prezenta un șanț cu secțiune trapezoidală depistat în partea de sud-est a promontoriului și cercetat pe o lungime de 24 m. Lățimea în partea superioară era de 1,2-1,8 m, pe fund – 0,2-0,36 m și adâncimea de aproximativ 1 m [Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, 87-88, Fig. 50-51]. În opinia autorilor acesta era baza în care se îngropau parii, consolidăți cu pământ și pietre. Pentru obiectivul Stâncești I în partea de sud-sud-vest nefortificată artificial, în pantă abruptă (45°), s-a trasat secțiunea PI, care a evidențiat că pe timpul funcționării fortificației aici exista deja o structură reprezentată de două gropi (diametrul – 0,4 m), aflate la 18 m de limita actuală a incintei. În baza acestora, autorii presupun existența aici a unei îngrădituri solide de lemn [Florescu, Florescu 2005, 134]. A. Zanoci atenționează că aceste vestigii, în prezent nu sunt lizibile la suprafață, fiind documentate doar accidental. După cum v-am vedea în continuare, este destul de frecventă semnalarea palisadei pe creasta valului sau la jumătatea exteroară a acestora.

b. Fortificații constituite din val și șanț. Reprezintă cel mai numeros și mai simplu tip de obiective și constă din val de pământ ridicat din solul provenit din excavarea șanțului adiacent. De aici provine și calificativul de „cetate de pământ” în desemnarea acestui tip de obiective în general [Florescu 1971, 105; Teodor 1989, 116].

Procedura tehnologică de edificare a acestui tip de obiective este destul de simplă și constă din îngrădirea incintei (ce urma să fie fortificată) cu un sistem de apărare format din val și șanț adiacent în locurile accesibile (în cazurile când existau laturi apărate naturale), sau pe întreg perimetru (în cazul lipsei condițiilor naturale de apărare). De regulă, valul se ridică în partea dinspre incintă a șanțului. În mare, valul se ridică din pământul provenit din săparea șanțului și, astfel, demonstrându-se prin secțiunea valului, că în partea inferioară a acestu-

ia se depunea pământul de culori mai întunecate din partea superioară a viitorului șanț, după care urmau soluri de culori mai deschise și cel viu/nativ. Majoritatea specialiștilor sunt de părere că la acest tip de val se ținea cont de particularitățile de coeziune ale diferitor soluri și caracteristicile geotehnice ale acestora [Florescu, Florescu 2005, 132-137]. Sistemul defensiv analizat forma o linie dreaptă sau, de cele mai dese ori prezenta un segment arcuit spre exterior. Nu sunt rare cazuri în care un asemenea sistem defensiv dispunea de mai multe linii formate din val și șanț eșalonate, la oarecare distanță una de alta. În aceste cazuri era obligatoriu ca următoarea linie de apărare spre incintă (în interior) să disponă de un val mai înalt decât cel precedent.

După cum am menționat deja, procedura de edificare a sistemului defensiv în acest caz era simplă și necostisitoare. Conform datelor arheologiei experimentale, pentru a ridica un val înalt de 4 m cu lățimea la baza de 7 m, și în vederea îngrădirii unei incinte de 4 ha pe întreg perimetrul, erau necesare 2-4 luni de lucru și un număr de 240 de oameni [Audouze, Buchsenschutz 1989, 106]. Acest tip de fortificații are cele mai diferite forme de plan, și sunt plasate pe cele mai diverse suprafete de teren.

c. Fortificații formate din șanț, val și palisadă. Constituie de fapt o derivată directă a tipului precedent de obiective, cu frecvențe destul de stabilă. Pentru acest tip, valul de pământ era completat cu o puternică palisadă din lemn. Ultima constă din stâlpi de lemn cu diametrul 15-20 cm înfipăti vertical unul lângă altul pe întreg perimetru creștei valului, amplificându-se înălțimea și inaccesibilitatea acestuia. Credem că rămășițele lemninoase din partea superioară a valului de la Moșna, ilustrează anume acest tip de vestigii [Florescu, Rață 1969, 9-18]. În unele cazuri, a fost semnalată la mijlocul pantei exterioare a valului, pentru ambele cazuri, deseori sub un unghi de $70-80^{\circ}$ spre exterior [Florescu 1971, 115]. Unii cercetători presupun existența palisadei absolut la toate cetățile de pământ [Hynku 1987, *passim*], de fapt ea nefiind semnalată arheologic de fiecare dată, aceasta și din cauza perisabilității materialului lemnos [Florescu, Florescu 2005, 131-146].

d. Val de apărare cu structura internă complexă. În continuare ne vom opri succint la încă câteva cazuri, care redau fortificațiilor anumite

variații. Este vorba despre elementele care formează structura internă a valului. În opinia lui A. Florescu [Florescu 1971, 108], susținută aproape unanim de cercetătorii de specialitate, aceasta este determinată atât de locul plasării fortificațiilor (teren plan sau înclinat), cât și de proprietățile geotehnice ale solului, fiind îndreptate spre consolidarea stabilității valului. La aceasta se adaugă, fără îndoială, și acțiunile distructive asupra lui în urma operațiilor militare nemijlocite.

Structura valului, studiată prin secționarea acestuia, se compune din diferite elemente adăugătoare: pământ-lemn-piatră. Cercetarea fortificațiilor sub acest aspect este o activitate de durată mai lungă și costisitoare. De la bun început menționăm, că nivelul actual încă nesatisfăcător de studiu și publicare a materialelor nu permite formarea unor grupuri stable, ele, în general fiind desemnate ca varietăți ale tipului de fortificații din șanț și val.

Casete de lemn în componenta valului. Reprezintă unul dintre cele mai răspândite procedee tehnologice de edificare a valurilor cu o structură internă complexă. În ultimul timp, tot mai mulți specialiști desemnează acest component drept palisadă, zid din lemn [Zanoci 2010, 29-30], deși aceasta nu ni se pare corect. În lucrarea sa monografică dedicată fortificațiilor geto-dacilor din spațiul extracarpatic A. Zanoci evidențiază ca elemente defensive determinatorii valul cu șanț adiacent [Zanoci 1998, 36-39]. Autorul pornește de la faptul că pentru structura defensivă de bază a fortificațiilor traco-getice din spatele șanțului de apărare se utilizează termeni diferenți: palisadă, palisadă dublă, val, zid etc. În opinia sa, noțiunea cel mai des întâlnită – val, „...este adecvată pentru ruinele construcțiilor defensive” și că inițial „au avut cu totul altă formă și alte dimensiuni” [Zanoci 2010, 29]. Ultima afirmație este desigur justă în calitate de constatare, fapt asupra căruia am insistat și noi [Haheu 2008, 35-36]. Analizând rezultatele arheologice din ultimele decenii, dar de fapt pe cele din bazinul Răutului Inferior și al Nistrului Mijlociu, A. Zanoci întreprinde o reevaluare a sistemului defensiv, propunând o „nouă clasificare” a acestora. În acest fel, în funcție de materialele de construcție și de complexitatea îmbinării acestora sunt propuse patru tipuri de elemente defensive: I – palisadă; II – zid din lemn cu emplecton; III – zid combinat; IV – zid din piatră [Zanoci 2010, 29, fig. 2]. Este din nou o abordare justă și binevenită,

dar aceasta este o clasificare a reconstituirilor, indiferent dacă se realizează pe teren sau în cabinet, în baza documentației respective. Este o clasificare cu o înaltă pondere de subiectivism. Deși justă, necesară, totuși la nivelul interpretărilor, asociațiilor, mai mult sau mai puțin dependentă de imaginația cercetătorului, cu posibilități de extrapolare a experienței contemporane asupra realităților vremurilor demult trecute. Nu întâmplător, de la bun început între promotorii unei asemenea abordări se întrevăd interpretări diferite și contradictorii. Palisada prin esență este o construcție de suprafață, fiind atestată autonom, sau pe creasta valului ori pe partea lui anteroară și prezintă un sir de pari legați între ei, care îngreunau accesul inamicului. Este vorba despre un element din interiorul valului și are complet alte destinații. Tehnologia acestui procedeu este reflectată cel mai bine în cazurile valului de la Mateuți [Zlatkovskaia 1965, 221], dar și la al treilea și al patrulea val de la Butuceni [Nikulitse 1987, 91-92]. Construcția de lemn constă din două rânduri de pari verticali, paraleli unul cu altul la distanță de 5-7,2 m, de care se prindeau bârne orizontale. Spațiul dintre rânduri se completa cu pământ și pietre tasate. Pentru ca rândurile de stâlpi să nu se distrugă în rezultatul tasării, ele de asemenea au fost prinse între ele cu bârne transversale împărțind astfel carcasa lemnosă în secții. În acest fel se obțineau veritabile case din bârne dispuse longitudinal și transversal. Întreaga construcție în continuare a fost acoperită cu o manta de pământ. Structuri analogice au fost semnalate în continuare la fortificările dacice [Glodariu 1983, 115; Daicoviciu 1954, 41] și celtice [Audouze, Buchsenshutz 1989, 110-115].

Nucleu de piatră la baza valului. A fost atestat oarecum mai rar, în dependență de prezența în zonă a materiei prime necesare – piatra. Indiferent de nivelul de studiu și a fondului de izvoare, constatăm că la unele dintre obiectivele la care în structura valului erau prezente elemente de piatră, particularitățile de construcție sunt dintre cele mai complexe și impunătoare. În acest caz, piatra ca element complimentar a valului mărea stabilitatea și trăinicia acestuia. Deseori, acest nucleu de piatră (format de fapt din blocuri masive suprapuse) era adâncit cu 20-30 cm de la nivelul antic de călcare (Butuceni, Rudi-La Șanțuri).

La Butuceni talpa celui de-al doilea val o constituia un miez de pietre calcaroase mari cu

dimensiunile între 0,3-0,5x0,8 m și 0,4x0,5x1,5 m. Ele formează primele două rânduri ale structurii bazei, rândurile din partea superioară fiind alcătuite din pietre mai mici. Toată această construcție, în continuare a fost acoperită cu o tasare din pământ și prundiș [Nikulitse 1987, 90]. În legătură cu acest caz semnalăm câteva obiective la care toate aceste elemente – piatră, lemn, pământ erau utilizate împreună (Arsura, Cotnari, Butuceni, Saharna). La Cotnari-Cătălina stabilitatea valului de pe latura de SV era asigurată de un zid de piatră cu embleton de nisip și schelărie din bârne de stejar acoperite cu o manta de pământ [Florescu 1971, 110-111].

Lut ars în componența valului. În literatura de specialitate a fost desemnat ca val *vitrificat*, *zgurificat* sau *schlackenwal*. Și în acest caz, lutul ars, se utiliza pentru consolidarea stabilității valului. Este semnalat sub formă de incluziuni compacte în val a unor bucăți de lipitură arsă de la locuințele distruse [Nikulitse 1987, 35], bucăți de lut de formă circulară arse pe loc [Simion, Lăzurcă 1980, 45] sau „turte” din lut arse cum sunt cele de la Bucăvăț și Popești [Trohani 1988, 161-170]. Inițial aceste bucăți de lut ars se concentrau pe locul unde urma să fie ridicat valul și se bătătoreau până se obținea o masă compactă – nucleul viitorului val. Uneori astfel era căptușită și partea externă a valului [Smirnov 1949, 94]. La Beidaud, partea externă a valului a fost căptușită cu bucăți de lut și pietre bine tasate, după care au fost supuse unui foc puternic [Simion, Lăzurcă 1981, p. 49]. În asemenea cazuri, lutul incandescent se transforma într-o masă compactă, monolitică, capabilă să reziste acțiunilor distructive.

Lut argilos bătătorit în componența valului – „nucleu”. Este cazul semnalat la obiectivul de la Merești. Aici, în cadrul casetelor I și II s-au constatat următoarele. Terenul pe care a fost ridicat valul avea o structură slabă, nestabilă. Din cauza aceasta la baza valului pământul a fost bătătorit, deasupra amenajându-se un „pat” din trei straturi de argilă de asemenea bătătorite, suprapuse unul celuilalt pentru a se obține un suport mai rezistent [Popovici, Ignat 1986, 548].

Mult mai relevant este cazul de la complexul de la Stâncești. Toate secțiunile care au fost trasate prin sistemul defensiv au constatat existența unui nucleu argilos specific [Florescu, Florescu 2005, 132-138].

În continuare semnalăm încă o serie de elemente defensive, care de fapt constituie părți complementare ale tipului generator din sănț și val, formând doar variante ale acestuia. Despre aceste elemente vom vorbi detaliat în capitolul următor, aici limitându-ne doar la nominalizarea lor.

Escarpa. Este semnalată pentru obiectivele care dispun de anumite laturi apărate natural (promotorii, maluri abrupte de râu). În cazurile când aceste zone nu erau îndeajuns de accidentate și inaccesibile, pantă se intensifica prin *escarparea* solului (Stâncești, Hârtopul Mare, Olișcani, Horodiște-Pleșa, Cotnari-Cătălina, Mășcăuți, Butuceni etc.) [Florescu 1971, 108].

Planșeu (gardina). Prezintă un element semnalat mai rar pentru fortificațiile traco-getice. Cercetările de la Rudi-La Șanțuri au evidențiat în partea interioară a valului o suprafață orizontală nu prea mare, pe care, în opinia autorilor săpăturii, se plasau apărătorii sitului în cazurile atacurilor [Romanovskaia, Shellov-Kovediaev, Shcheglov 1981, 122]. Pentru Saharna Mare (bastionul central), de asemenea se semnalează prezența gardinelor în partea interioară a scheletului (carcasa) de lemn, care spre deosebire de partea exterioară nu se acoperea cu pământ fiind în trepte pentru a se urca apărătorii [Niculiță, Zanoci 2004, 104-129]. Un asemenea element a fost semnalat și la Piatra Roșie pentru epoca dacică [Daicoviciu 1954, 41].

Turnurile. Sunt reprezentate prin construcții din piatră de formă dreptunghiulară, care flancau intrarea, închizând accesul în incintă. Asemenea construcții au fost semnalate la Rudi-La Șanțuri – două turnuri care flancau intrarea [Romanovskaia, Shellov-Kovediaev, Shcheglov 1981, 122] și Butuceni [Nikulitse 1987, 94]. Au fost semnalate încă două tipuri de turnuri ridicate din pământ: înaintea porții din partea exterioară atestat la Hlijeni [Hynku 1987, 71], precum și „de veghe”, incluse în interiorul incintei, la Dochia și Moșna [Florescu 1971, 104]. A. Florescu nu exclude ca „...cel puțin unele cetăți, să fi fost prevăzute pe creasta valului eventual cu puncte de observare special amenajate – veritabile turnuri de veghe, construite din lemn” [Florescu 1971, 104]. În lumea celtică asemenea turnuri din lemn se construiau deasupra porții [Audouze, Buchsenschutz 1989, 121-122, fig. 54].

Bastioane. Prezintă forme auxiliare, speciale de fortificație, mai ales în contextul cetăților de proporții. Sunt edificate oarecum avansat de

linia defensivă principală. În cazul de la Saharna Mare distanța acesta este de 35-120 m. Aici au fost semnalate trei bastioane, dispuse în felul următor: unul se află la centrul valului, altele două la capetele lui. Însăși bastioanele, ca elemente defensive independente de asemenea erau încunjurate cu val și sănț [Smirnov 1949, 94; Hynku 1987, 41]. Asemenea construcții au mai fost semnalate la Saharna Mică și Curături (ultimul – inedit, observațiile autorului din 1994). Pe lângă faptul că aceste structuri puteau fi utilizate în calitate de puncte de supraveghere (după necesități), în cadrul operațiunilor militare nemijlocite, acestea aveau rolul de a dispersa linia de atac a inamicului, precum și de a reține la anumite distanțe.

Îngrădiri. Este un element de fortificație aparte, reprezentând o linie defensivă constând din val și sănț, care apără accesul apărătorilor spre izvoarele cu apă în cazurile când acestea se aflau în afara incintei și care era apărat aparte. M. Romanovskaja, autorul descoperirii și evidențierii acestui element defensiv la fortificația Rudi-La Șanțuri invocă analogii din lumea scitică [Romanovskaia, Shellov-Kovediaev, Shcheglov 1981, 121].

Intrarea. În mod normal la fiecare fortificație era una sau mai multe intrări, deși arheologic ele au fost semnalate mai rar. Prezintă unul dintre cele mai importante compartimente ale sistemului defensiv, dar și cel mai vulnerabil. Sunt cunoscute două tipuri de intrări. Cel mai răspândit este cazul când intrarea se prezintă printr-o intrerupere în val. O asemenea situație a fost semnalată la Rudi-La Șanțuri, intrarea dinspre nord, flancată de două turnuri [Romanovskaia, Shellov-Kovediaev, Shcheglov 1981, 121]. Aici intrarea avea pari de lemn dispuși vertical, de care se prindea poarta, iar drumul de acces era pavat cu piatră [Romanovskaia et al. 1977, 460]. La Crivești-Dealul Cetății valul și sănțul se întrerup în zona de sud-est, unde promontoriul pe care este amplasată fortificația are legătură cu podișul [Chirica, Tanasachi 1984, 380]. La Dersca-Berezna partea „nesăpătă” a porții are în zona sănțului lățimea de 20 m, îngustându-se la val până la 3 m [Păunescu, Șadurschi, Chirica 1984, 9]. La Stâncești au fost semnalate două intrări-întreruperi: una în colțul de est-nord-est al cetății I, ce legă fortificația cu lumea încunjurătoare, și alta pe latura de sud, pe unde se făcea legătura cu incinta cetății II [Florescu, Rață 1969, 9, Fig. 5/1; Florescu, Florescu 2005]. Destul

de originală ne apare intrarea în incinta fortificației de la Hansca. Situată pe platforma unei înălțimi dominante, intrarea prin intrerupere în incintă era continuată de o fâșie de pământ, ridicată artificial, lungă de 100-150 m și lată de 3-4 m, care legă platforma cu câmpia din jur [Hynku 1987, 3]. Rezultate importante a adus secționarea intrării de la fortificația hallstattiană de la Preușești, unde în rezultatul investigațiilor la capetele intreruperilor valului au fost semnalate bârne de lemn înfipte vertical de care, probabil, se fixa poarta [Popovici, Ursulescu 1986, 38, fig. 1]. În alte cazuri – Hlijeni, intrarea era direct pe val, fiind semnalată în forma unei albieri [Gol'tseva, Kashuba 1995, p. 5-6]. Aici, ca și în cazul obiectivului de la Rudi-La Șanțuri, în zona intrării a fost fixat un pavaj de piatră (drum de acces?) [Gol'tseva, Kashuba 1994, 6].

În scopul apărării intrării (accesului în incintă) – cel mai vulnerabil segment al liniei defensive, un caz aparte, dar destul de semnificativ a fost semnalat la obiectivul de la Pojorăni. Aici, capetele valului de apărare nu se uneau între ele, fiind suprapuse unul după altul pe o anumită distanță, formând un „coridor/culoar” [Arnăut, Sîrbu 1994]. Esența ultimului constă în aceia că atacatorii erau obligați să parcurgă această structură cu partea dreaptă (în mâna dreaptă fiind arma de atac!) spre valul din interior, pe care erau plasați apărătorii. În asemenea condiții atacanții nu se puteau folosi concomitent de dispozitivul de apărare – scutul – și armele de atac. În plus, o asemenea organizare a drumului de acces nu permitea atacanților să înainteze cu forțe, mai fiind nevoie să se regrupeze în rânduri și să traverseze acest corridor sub tragerea dublă a apărătorilor [Haheu 2008, 59].

Analiza obiectivelor fortificate mai denotă o serie de caracteristici, într-un fel sau altul legate de tactica apărării. Este vorba despre organizarea internă a incintei. Săpăturile arheologice la mai multe situri au evidențiat că vestigiile de locuit și gospodărești (dar în primul rând locuințele!) erau de regulă adosate valului sau în imediata lui apropiere: spre centrul acestora ele fiind lipsă [Zlatkovskaia 1965, 220]. O asemenea organizare a spațiului vital din incinta obiectivelor era cauzată de considerante tactice de apărare. În condițiile unui asalt, armele atacanților, constând, de regulă, din categoria celor de aruncat sau balistice (arcul cu săgeți, praștii, pietre, lănci etc.) făcea zona de centru a incintei dintre cele mai vulnerabile, con-

structiile adosate valului rămânând în siguranță.

În sfârșit, un element important în cadrul apărării durabile și de succes revine locului de păstrare a rezervelor de hrană și muniții. Semnalăm în acest sens invocăm cazul fortificației Rud-La Șanțuri, la care nu departe de intrarea de nord a incintei, în interior, lângă turnul cercetat de către M. Romanovskaia a fost găsită și studiată o groapă imensă placată cu pietre, pereții căreia erau unși cu var, interpretată ca loc de păstrare a rezervelor de provizii [Romanovskaia 1976, 476]. Referitor la

sursele de apă, acestea erau încadrate în incintă, iar în rarele cazuri când erau în afară, se apărau separat prin îngădiri speciale.

Însumând cele expuse se poate face anumite concluzii generale. Atât compartimentul de bază a liniei defensive din cadrul structurii fortificate – valul și șanțul adjacenter din exterior, dar și configurația în plan a acestora erau îndreptate spre stoparea tendințelor de asalt ale atacanților. La acestea se adaugă și celelalte elemente complinitorii.

Bibliografie

- *Izvoarele antice sunt citate după: Izvoare privind Istoria României I (București 1964).
- Arnăut, Sîrbu 1994:** T. Arnăut, V. Sîrbu, Raport preliminar de cercetare și valorificare arheologică a aşezărilor fortificate de la Stolniceni, Pojarani, Hanse pe anul 1993 (Chișinău 1994), Arhiva MNIM, nr. inv. 477.
- Audouze, Buchsenschutz 1989:** F. Audouze, O. Buchsenschutz, Villes, villages et campagnes de l'Europe céltiques. Du début du Ie millénaire à la fin du Ie siècle avant J.-C. (Hachette 1989).
- Bridiu, Păltânea 1972:** M. Bridiu, P. Păltânea, Cetatea daco-getică de la Brăhășești, jud. Galați. AM VII, 1972, 225-293.
- Chirica, Tănăsachi 1984:** V. Chirica, M. Tănăsachi, Repertoriul arheologic al jud. Iași, vol. I (Iași 1984).
- Daicoviciu 1954:** C. Daicoviciu, Cetatea dacică de la Piatra Roșie (București 1954).
- Florescu 1971:** A.C. Florescu, Unele considerații asupra cetăților traco-getice (Halsstattene) din mil. I î.e.n. de pe teritoriul Moldovei. Cercetări Istorice S.N. II, 1971, 103-116.
- Florescu, Florescu 2005:** A.C. Florescu, M. Florescu, Cetățile traco-getice din secolele VI-III a.Chr. de la Stâncești (jud. Botoșani) (Târgoviște 2005).
- Florescu, Rață 1969:** A. Florescu, S. Rață, Complexul de cetăți traco-getice (sec. VI-III î. e. n.) de la Stâncești, Botoșani. Studii și Materiale I (Suceava 1969), 9-18.
- Gol'tseva, Kashuba 1994:** N.V. Gol'tseva, M.T. Kashuba, O kul'turno-khronologicheskoi stratigrafii gorodishche Glinzheny. V. sb.: Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ya II (Tiraspol' 1994), 165-168 // Н.В. Гольцева, М.Т. Кащуба, О культурно-хронологической стратиграфии городища Глинжены. В сб.: Древнейшие Общности Земледельцев и Скотоводов Северного Причерноморья II (Тирасполь 1994), 165-168.
- Glodariu 1983:** I. Glodariu, Arhitectura dacilor (Cluj Napoca, 1983).
- Haheu 2008:** V. Haheu, Sisteme de fortificații traco-getice la est de Carpați (Chișinău 2008).
- Hynku 1987:** I.G. Hynku, Drevneishie pamiatniki rodnoho kraia (Kishinev 1987) // И.Г. Хынку, Древнейшие памятники родного края (Кишинев 1987).
- Levinschi, Covalenco, Abâzova 2002:** Al. Levinschi, S. Covalenco, E. Abâzova, Fortificația getică „Saharna-La Revezchin” - sistemul defensiv. Tyragetia VII, 2002, 41-48.
- Munteanu 2013:** O. Munteanu, Etapele de edificare ale fortificației de la Horodca Mică. Tyragetia VII [XXII], s.n., nr. 1, 2013, 311-328.
- Niculiță, Teodor, Zanoci 2002:** I. Niculiță, S. Teodor, A. Zanoci, Butuceni. Monografie arheologică (București 2002).
- Niculiță, Zanoci 2004:** I. Niculiță, A. Zanoci, Sistemul defensiv la traco-geții din regiunea Nistrului Mijlociu. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chișinău-Vadul lui Vodă, 6-11 septembrie 2004, II (Chișinău 2004), 104-129.
- Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008:** I. Niculiță, A. Zanoci, T. Arnăut, Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna) (Chișinău 2008).
- Nikulitse 1987:** I.T. Nikulitse, Severnye frakitsy v VI-I vv. do n.e. (Kishinev 1987) // И.Т. Никулицэ, Северные фракийцы в VI-I вв. до н.э. (Кишинев 1987).
- Păunescu, Șadurschi, Chirica 1976:** A. Păunescu, P. Șadurschi, V. Chirica, Repertoriul arheologic al județului

Botoșani. Vol. I (București 1976).

Popovici, Ignat 1986: D. Popovici, M. Ignat, Cercetările arheologice de la cetățuia de la Merești (com. Vulturești, jud. Suceava). Anuarul muzeului județean, 1981, VIII, 545-551.

Popovici, Ursulescu 1983: D. Popovici, N. Ursulescu, Începutul primei epoci a fierului în nordul Moldovei în lumenii cercetărilor de la Preușești (Suceava). In: Documente recent descoperite și informații arheologice, 1983, 25-32.

Razin 1956: E. Razin, Istoriia voennogo iskusstva (Moskva 1956) // Е. Разин, История военного искусства (Москва 1956).

Romanovskaia 1976: M.A. Romanovskaia, Issledovanie na gorodishche Rud'. AO 1975 goda, 1976, 476 // М.А. Романовская Исследование на городища Рудь. Археологические Открытия 1975 года, 1976, 476.

Romanovskaia et al. 1977: M.A. Romanovskaia, P.G. Gaidukov, N.M. Makarov, A.B. Varenov, Raskopki gorodishchha Rud'. AO 1976 goda, 1977, 459-460 // М.А. Романовская, П.Г. Гайдуков, Н.М. Макаров, А.В. Варенов Раскопки городища Рудь. АО 1976 года, 1977, 459-460.

Romanovskaia, Shellov-Kovediaev, Shcheglov 1981: M.A. Romanovskaia, F.V. Shellov-Kovediaev, A.N. Shcheglov Gorodishche Rud'-Metonii Ptolomeia? Vestnik Drevnei Istorii №4, 1981, 121-138 // М.А. Романовская, Ф.В. Шеллов-Коведяев, А.Н. Щеглов, Городище Рудь-Мэтоний Птоломея? Вестник Древней Истории №4, 1981, 121-138.

Simion, Lăzurcă 1980: G. Simion, E. Lăzurcă, Așezarea hallstattiană de la Beidaud-Tulcea. Peuce VIII, 1980, 37-54.

Smirnov 1949: G.D. Smirnov, Skifskoe gorodishche i selishche „Bil'shaia Saharna”. KS IIMK vyp. 26, 1949, 93-95 // Г.Д. Смирнов, Скифское городище и селище «Большая Сахарна». КС ИИМК вып. 26, 1949, 93-95.

Teodor 1989: S. Teodor, Civilizația geto-dacică la Est de Carpați. Considerații topografice. Symposia Thracologica, 7 (Tulcea 1989), 115-126.

Trohani 1988: Gh. Trohani, Materiale de construcție din lut ars descoperite în așezările geto-dace. TD IX, 1-2, 1988, 161-170.

Zanoci 1998: A. Zanoci, Fortificațiile geto-dacice din spațiul extracarpatic în sec. VI-III a.Chr. (București: 1998).

Zanoci 2004: A. Zanoci, Traco-getii din bazinul Răutului Inferior. Cetatea Măscăuți „Dealul cel Mare”. (Eds.I. Niculiță, A. Zanoci, M. Băț) Thracians and Circumpontic World. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology (sept. 2004, Chișinău-Vadul lui Vodă), II (Chișinău 2004), 45-81.

Zanoci 2010: A. Zanoci, Tipologia construcțiilor defensive din spațiul est-carpatic (sec. VII/VI-III a.Chr.). Arheologia între știință politică și economie de piață (Chișinău 2010), 28-57.

Zanoci 2011: A. Zanoci, Tipologia și evoluția construcțiilor defensive din spațiul est-carpatic în sec. XII/XI-III a.Chr. Tyragetaia S.N. 1, V, 2011, 117-152.

Zanoci, Moldovan 2004: A. Zanoci, V. Moldovan, Getic citadel Saharna-„La Şanț”. Thracians and Circumpontic World. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chișinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II (Chișinău 2004), 130-138

Zlatkovskaia 1965: T.D. Zlatkovskaia, Gorodishche Mateutsy. V sb.: Novoe v Sovetskoi Arheologii, (Moskva 1965), 220-225 Т.Д. Златковская, Городище Матеуцы. В сб.: Новое в Советской Археологии, (Москва 1965), 220-225.

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XVI _ nr. 1

IN MEMORIAM

**Dr.hab. OLEG LEVIȚKI
(1956-2020)**

Revistă indexată în bazele de date

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2020

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

**INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE**

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki†

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – dr. **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посыпать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Eugen Mistreanu (<i>Chișinău</i>), Marcin M. Przybyła (<i>Kraków</i>). Despre planimetria aşezării gumelniteșene Taraclia I în cercetări vechi și noi	5
Майя Кашуба (Санкт-Петербург), Игорь Сапожников (Киев). История находки Бородинского (Бессарабского) клада	21
Aurel Mototolea (<i>Constanța</i>), Simina Margareta Stanc (<i>Iași</i>), Andreea Andrei (<i>Constanța</i>). The roadside inns (<i>khâns</i>) in Ottoman Dobrudja	48

MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Валерий Манько (Киев), Гурам Чхатарашвили (Батуми). Раннеголоценовая стоянка Джварцхма в Западной Грузии	63
Oleg Levițkiț, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chișinău</i>). Rezultatele investigațiilor arheologice efectuate în cadrul sitului Trinca-Izvorul lui Luca în anul 2001	78
Виталий Синика (Тирасполь), Сергей Лысенко (Киев), Сергей Разумов (Тирасполь), Николай Тельнов (Кишинэу). Курган 2 группы «Рыбхоз» в Нижнем Поднестровье и скифские кремации Северо-Западного Причерноморья	99
Александр Симоненко (Киев). Ритуальный депозит II-I вв. до н.э. из Брэвичень	108

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Vasile Haheu (<i>Chișinău</i>). Sistemul defensiv al fortificațiilor traco-getice (particularități constructive și principii de apărare)	121
Елена Журухина (Киев). Производство стеклянных изделий (по материалам ремесленных мастерских Киевского Подола XII – первой половины XIII века)	130

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Roman Croitor (<i>Aix-en-Provence</i>), Vitalie Burlacu (<i>Chișinău</i>). The Middle Paleolithic site of Buzdujeni 1 (Northern Moldova): evidence on periodic occupation by cave hyena	136
Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chișinău</i>), Vasile Diaconu (<i>Târgu-Neamț</i>), Nicoleta Vornicu (<i>Iași</i>). Despre vasul de cupru medieval descoperit la Cetatea Neamțului (județul Neamț, România). Noi considerații	145
Mariana Gugeanu (<i>Iași</i>). Textilă liturgică arheologică – <i>Mâneceuță</i> . Conservare și restaurare	157

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Kirsten Hellström, *Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet*

(2. Jh. v. Chr. - 3. Jh. n. Chr.). Arhäologie in Eurasien 39, Bonn, 2018,
284 pagini și 94 planșe, ISBN 978-3-7749-3948-6
(Vasile Iarmulschi, Berlin) 163

IN HONOREM

Dumitru Boghian la 65 de ani (Sergiu-Constantin Enea, Târgu-Frumos) 165

IN MEMORIAM

La adio Oleg Levički: Omul și Savantul (1956-2020)
(Vasile Haheu, Chișinău) 168

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 172

INFORMATII ȘI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 173

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL
MAGAZINE 174

Елена Журухина

**Производство стеклянных изделий (по материалам ремесленных мастерских
Киевского Подола XII – первой половины XIII века)**

Keywords: Ancient Rus', Ancient Kyiv, handicraft, glassmaking workshops, local production, glassware, technology.

Cuvinte cheie: Rusia kieveană, meșteșuguri, ateliere de fabricare a sticlei, producție locală, produse din sticlă, tehnologie.

Ключевые слова: Древняя Русь, Древний Киев, ремесло, стеклоделательные мастерские, местное производство, стеклянные изделия, технология.

Elena Zhurukhina

Glassware production (relying on materials of handicraft workshop in Kyiv Podil district from the 12th – the first half of 13th centuries)

The article considers features of glassware production (jewelry at the first place) relying on archeological materials from glassmaking workshops from the 12th – the first half of 13th centuries in trade-handicraft district of Kyiv. The problem of local glassmaking production existence is generally considered, basing on morphological, chemical and technological aspects.

Elena Zhurukhina

Producția obiectelor din sticlă (pe baza materialelor provenite din atelierele meșteșugărești din regiunea Podil Kiev din secolul al XII-lea – prima jumătate a secolului XIII)

În articol se analizează o serie de obiecte care atestă procesul de producere a sticlei (în special bijuterii), bazate pe materiale arheologice provenite din cadrul atelierelor de fabricare a sticlei din secolul al XII-lea – prima jumătate a secolului al XIII-lea, din zona comercială și meșteșugărească a districtului Kiev. În linii mari, este analizată problema existenței producției locale de sticlă, bazată pe aspecte morfologice și chimico-tehnologice.

Елена Журухина

Производство стеклянных изделий (по материалам ремесленных мастерских Киевского Подола XII – первой половины XIII века)

В статье рассмотрены признаки производства изделий из стекла (в первую очередь украшений), основываясь на археологическом материале из стеклоделательных мастерских XII – первой половины XIII века торгово-ремесленного района в Киеве. В общих чертах рассмотрена проблема существования местного стеклоделательного производства, исходя из морфологического и химико-технологического аспекта.

Археологические раскопки древнерусских городов зафиксировали следы мастерских, которые специализировались на изготовлении разнообразных предметов из стекла или же их ремонте [Shchapova 1968, 230, 233]. Стекло могли варить непосредственно в самой мастерской, а могли использовать привозное сырье – слитки готовой стеклянной массы. Продукция таких мастерских носила массовый характер и имела широкий рынок сбыта. Процесс изготовления стеклянных предметов очень сложен: наличие сырья, наличие специализированных конструкций, следование температурному режиму, навыки работы со стеклянной массой и инструментами, а поэтому, в большинстве случаев, изделия из стекла распространялись из определенного центра производства в остальные пункты для обеспечения населения ремесленной продукцией [Goncharov 1950, 129-130;

Bogusevich 1957, 136; Shchapova 1968a, 116].

Наиболее информативный материал в вопросах изучения стеклоделательного производства был предоставлен исследованиями древнерусских слоёв Киева, а в особенности, торгово-ремесленного района Киева – Подола. Это объясняется несколькими причинами: во-первых, статусом города как политического, административного, экономического и культурного центра, а значит его социально-экономическим и культурным развитием, активной внутренней и международной торговлей; во-вторых, в средневековье стеклоделательное производство существовало в рамках государственных образований и было городским ремеслом. Мастерские в Киеве представляют большой интерес в освещении вопросов появления, развития и существования собственного стеклоделательного производства (включая на-

правления сбыта продукции и технологии производства) на территории Киевской Руси, а также его связи с регионами с уже существующими традициями стекловарения и стеклоделия.

Первые стеклоделательные мастерские могли появиться в Киеве к XI веку во время строительства культовых сооружений и необходимости их отделки. Тут под руководством греческих мастеров производили смальту для мозаики, оконное стекло и стеклянную посуду для внутренних нужд, а местные ремесленники постепенно осваивали технологию и производственные навыки изготовления стеклянных предметов [Bogusevich 1954a, 15-20; 1957, 135, 139-143; Karger 1958, 404]. Такие мастерские могли возникнуть и в других городах, где велось строительство храмов: в Переяславе-Хмельницком на территории Епископского двора или в Чернигове во время сооружения Благовещенской церкви [Bogusevich 1957, 137-138; Rybakov 1949, 73-75].

На территории Киевского Подола в разные годы исследований зафиксировано 10 стеклоделательных комплексов второй половины XII – первой половины XIII века: на углу улиц Героев Триполья и Волошской (раскопки 1950 г.), по улице Щекавицкой, 25-27 (раскопки 1981-1982 гг.), Нижний Вал (раскопки 1987 и 1989 гг.), Оболонской (раскопки 1989 и 1993 гг.), Межигорской (раскопки 1989–1990 гг.), ряд комплексов по Набережно-Крещатицкой (раскопки 1985, 2007, 2008 гг.) [Bobrovskii et al. 1990, 26-29; Bogusevich 1954a, 14-15; 1954, 50, 52; Gupalo, Ivakin 1980, 215-216; Gupalo et al. 1979, 54; Ivakin, Stepanenko 1985, 80, 100-102; Kaliuk 1991, 44; Sagaidak et al. 1997, 35; Sergeeva 1991, 77-78; Zotsenko, Sergeeva 2008, 4-5; Zhurukhina 2010, 74-77; Sergeeva, Zhurukhina 2018, 119, 123].

Доказательством существования местного производства, связанного со стеклом, являются находки остатков производственного оборудования: печей, инструментов, тиглей, сырья, производственного брака, непосредственно самих изделий. На самом деле довольно сложно зафиксировать ремесленный комплекс со всеми перечисленными составляющими. Срок эксплуатации печи мог быть недолг, найденные печи не поддаются реконструкции, а инструменты стеклодела (стержни для накручивания стеклянной массы, пинцеты, ножницы, трубки, формочки, тигли) использовались и в

ювелирном деле и не всегда их можно соотнести непосредственно со стеклоделательным производством. С другой стороны, наличие определённых признаков, таких как, ошлакованность внутренней поверхности и стекловидные натёки специализированных печей, тигли с прикипевшими остатками стеклянной массы, полуфабрикаты и т.д., может указывать на наличие производственного комплекса [Shchapova 1983, 82-84; Stoliarova 2015, 336].

Комплексный анализ упомянутых ремесленных мастерских Киевского Подола позволил сделать ряд выводов.

Мастерские размещались на территории усадеб и составляли часть жилищно-хозяйственных комплексов. Там, где была возможность проследить конструктивные детали мастерских, помещения представляли деревянные сооружения, в которых по углам были зафиксированы печи производственного назначения. Установлено, что по крайней мере четыре ремесленных комплекса имели по несколько печей.

Важным является дислокация мастерских. С помощью архитектурно-строительной программы Autodesk AutoCAD 2002 зафиксировано, что они концентрировались, в основном, в Северо-Западной части Подола и в непосредственной близости к водным артериям (река Днепр), что было обусловлено опасностью возникновения пожара во время производственной деятельности [Taranenko, Zhurukhina 2012, 170].

Исследованные производственные печи представляли собой небольшие глинобитные овальные конструкции с остатками сохранившихся свода и пода, с ошлакованной внутренней поверхностью, некоторые фрагменты которых покрыты налетом разноцветной стеклянной массы и кrustы. Размеры зафиксированных пяти печей были следующими: 0,3x0,4 м; 1,40x0,74x0,38 м; 1,5 м; 1,75 м; 3,0x1,1-1,4 м; 3,5x3,7 м.

В мастерских могли как непосредственно варить стекло и изготавливать предметы, так и использовать готовую стеклянную массу в виде привозных слитков (из натриевого и/или свинцовского стекла). Об этом свидетельствуют многочисленные находки сколов или кусков товарного стекла и разнообразные тигли, форма которых характеризует их производственное назначение: в форме горшков – для варки стекла, тигли-мисочки – для плавления и по-

догрева стекломассы, а также неглубокие мисочки с перегородками – для подогрева стекла нескольких цветов при изготовлении полихромных изделий. Преобладали мастерские с неполным производственным циклом, когда для изготовления предметов использовали готовую стеклянную массу.

Киевское стеклоделие основывалось на свинцовом (с содержанием свинца 50% и более) и свинцово-калийном стекле (с содержанием свинца 15% и 25-33%), о чём свидетельствуют находки сырья (свинцовые слитки, сколы товарного стекла) и необходимое для изготовления стекломассы оборудование (окись свинца покрывает внутреннюю поверхность фрагментов сосудов-тиглей), а также сделанные химические анализы фрагментов стеклянной массы, брака и готовой продукции из мастерских Киевского Подола [Zhurukhina, Kramchenkova 2012, 229-232]. Натриевое стекло (присутствует в результатах анализов химического состава) связано с Восточным Средиземноморьем и Византией, его могли импортировать в виде дисков и слитков на территорию Руси и использовать в изготовлении продукции широкого ассортимента. Свинцовое стекло имело довольно обширный ареал распространения в средневековье, его могли импортировать и/или варить на месте строительства храмов. Кроме того, необходимое для варки такого стекла сырьё – свинец – был доступен (в отличие от природной соды или золы растений определённых видов), свинцовое стекло было довольно простым по технологии варки (при температуре около 800°). Анализы химического состава стекла показали два варианта содержания оксида свинца: 50% и выше (из такого стекла могли изготавливать кубики смальты, браслеты и перстни) и в пределах 25-30% (для бус и перстней). Оба варианта сосуществовали, а меньшее количество свинца в составе можно объяснить попыткой сделать производство более экономичным. Калийное стекло могло возникнуть вследствие заимствования византийского рецепта, когда зола растений засушливой зоны в древнерусском варианте была заменена на золу растений континентальной зоны – поташ (доступный для местных мастеров источник щёлочного сырья). При добавлении в состав оксида свинца вязкость уменьшалась. Из такого стекла могли из-

готовлять предметы не только способом литья, вытягивания и навивки (украшения, смальта), оно ещё выдувалось (посуда, оконное стекло) [Shchapova 1965, 230; 1978, 76-78; Bezborodov 1969, 102; Stolarova 2016, 154-155].

Для мастерских Киевского Подола характерна, с одной стороны, узкая специализация производственных комплексов (о чём свидетельствует наличие одного-двух видов продукции – в большинстве случаев это украшения, например, бусы, перстни или браслеты). Такие мастерские использовали единый технологический приём: вытягивание стеклянной массы и навивка. Также замечена тенденция к использованию определённых цветов: каждая мастерская изготавлила стеклянные украшения «своей» цветовой гаммы, например, синяя-голубая-зелёная, голубая-фиолетовая, зелёная-жёлтая-коричневая, зелёная-жёлтая-красная.

С другой стороны, изготовление стеклянной продукции велось в ювелирных мастерских, что связано с родством технических процессов (стеклоделие являло собой несложные операции с жидким стеклом, что не требовало специального опыта для того, кто владел навыками работы с цветным металлом). Ювелирные мастерские Киевского Подола изготавливали не только металлические украшения, но и стеклянные предметы, а также были связаны с эмальерным делом, обработкой янтаря, изготовлением лаков и олифы [Ivakin, Stepanenko 1985, 103; Sagaidak et al. 1997, 36; Shchapova 2004, 71].

Продукция (изготовление украшений) стеклоделательных мастерских имела массовый характер и соответствовала потребностям рынка на то время. Если в XI веке украшения производились в мастерских по производству смальты и оконного стекла – их процент был невелик. Стеклянная масса, неиспользованная на основную продукцию, вторично шла на изготовление браслетов, бус и других мелких изделий. Срок таких мастерских был невелик – он напрямую зависел от сроков строительства монументальных сооружений (храмов, церквей) [Kaliuk 1987, 65-66]. С XII века ситуация меняется: появляются мастерские, для которых характерна узкая специализация, серийность производства индивидуальным способом.

Прослеживается соответствие цветовой гаммы и размеров в пределах одного типа украшений для определённой мастерской, также заметно, что для изготовления бус способом навивки использовали всю длину стержня, из-за чего крайние бусины не имели сквозного отверстия. Вместе с тем заметно невысокое качество и небрежность обработки – всё это свидетельствует о продукции массового изготовления. Номенклатура изделий мастерских Киевского Подола в основном следующая: монохромные бусы (отдел «круглые») зонной, кольцевидной, трапециевидной форм, многочастные пронизки; «ребристые» зонной формы; полихромные бусы разнообразной формы (шаровидные, зонные, кольцевидные, эллипсоидные, бочковидные), декорированные цветными стеклянными нитями; «треугольные» бусины, украшенные тремя глазками по углам; а также браслеты круглые гладкие, круглые гладкие перевитые стеклянной нитью, кручёные, плоско-выпуклые; плоско-выпуклые *перстни* с плоскими овальными

в плане щитками или без них; плоско-выпуклые круглые и овальные в плане *вставки*; тонкостенная *посуда* (конические сосуды на неустойчивом донце, сосуды на вогнутом донце, кубки на поддоне, ребристые сосуды) из светло-желтого, голубого, зеленого и коричневого разной степени насыщенности прозрачного и полупрозрачного стекла; *оконное стекло*.

Следует отметить, что установление типов мастерских, исследованных на территории Киевского Подола, затрудняет отсутствие комплексного химико-технологического анализа всех материалов, задействованных в производстве. Образцы для анализа химического состава стекла были взяты только из пяти мастерских; не всегда была возможности для анализа самой продукции или же остатков стеклянной массы из тиглей для сравнения результатов; не были исследованы остатки горнов и печей на огнеупорность, что помогло бы в установлении их температурного режима и назначения.

Библиография

- Bezborodov 1969:** M.A. Bezborodov, Khimiia i tekhnologiiia drevnikh i srednevekovykh stekol (Minsk 1969) // М.А. Безбородов, Химия и технология древних и средневековых стекол (Минск 1969).
- Bobrovskii et al. 1990:** T.A. Bobrovskii, V.N. Zotsenko, A.P. Trukhan, Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh Pochaininskogo otriada Podol'skoi postoianno deistvuiushchei ekspeditsii IA AN USSR za 1989 g. po ulytsse Nizhnii Val, 43. Fond ekspeditsii (Kiev 1990) // Т.А. Бобровский, В.Н. Зоценко, А.П. Трухан, Отчёт об археологических исследованиях Почайнинского отряда Подольской постоянно действующей экспедиции ИА АН УССР за 1989 г. по улице Нижний Вал, 43. Фонд экспедиции (Киев 1990).
- Bogusevich 1954:** V.A. Bogusevich, Arkheologichni rozkopki v Kievi na Podoli (rozkop na rozi vulits' Geroiv Tripillia i Voloskoi). Arkheologiiia IX, 1954, 42-53 // В.А. Богусевич, Археологічні розкопки в Києві на Подолі (розкоп на розі вулиць Героїв Трипілля і Волоської). Археологія IX, 1954, 42-53.
- Bogusevich 1954a:** V.A. Bogusevich, Masterskie XI v. po izgotovleniu stekla i smal'ty v Kiev. KSIA 3, 1954a, 14-20 // В.А. Богусевич, Мастерские XI в. по изготовлению стекла и смальты в Киеве. КСИА 3, 1954а, 14-20.
- Bogusevich 1957:** V.A. Bogusevich, Do istorii sklorobnogo virobnitstva v Kiiv's'kii Rusi. Narisi z istorii tekhniki 4, 1957, 134-144 // В.А. Богусевич, До історії склоробного виробництва в Київській Русі. Нариси з історії техніки 4, 1957, 134-144.
- Goncharov 1950:** V.K. Goncharov, Raikovetskoe gorodishche (Kiev 1950) // В.К. Гончаров, Райковецкое городище (Киев 1950).
- Gupalo, Ivakin 1980:** K.N. Gupalo, G.Iu. Ivakin, O remeslennom proizvodstve na Kievskom Podole. SA 2, 1980, 203-219 // К.Н. Гупало, Г.Ю. Ивакин, О ремесленном производстве на Киевском Подоле. СА 2, 1980, 203-219.
- Gupalo et al. 1979:** K.M. Gupalo, G.Iu. Ivakin, M.A. Sagaidak, Doslidzhennia Kiivskogo Podolu (1974-1975 rr.) In: (red. P.P. Tolochko) Arkheologiiia Kieva (doslidzhennia i materiali) (Kiev 1979), 38-62 // К.М. Гупало, Г.Ю. Івакін, М.А. Сагайдак, Дослідження Київського Подолу (1974-1975 рр.) В: (ред. П.П. Толочко) Археологія Києва (дослідження і матеріали) (Киев 1979), 38-62.
- Ivakin, Stepanenko 1985:** G.Iu. Ivakin, L.Ia. Stepanenko, Raskopki severo-zapadnoi chasti Podola v 1980-1982 gg. In: (red. P.P. Tolochko) Arkheologicheskie issledovaniia Kieva v 1978-1983 gg. (Kiev 1985), 77-105 // Г.Ю. Ивакин, Л.Я. Степаненко, Раскопки северо-западной части Подола в 1980-1982 гг. В: (ред. П.П. Толочко)

Археологические исследования Киева в 1978-1983 гг. (Киев 1985), 77-105.

Kaliuk 1987: A.P. Kaliuk, Kievskie masterskie vospolnaiushchego proizvodstva smal't. In: Aktual'nye problemy istoriko-arkheologicheskikh issledovanii. Tezisy dokladov VI Respublikanskoi konferentsii molodykh arkheologov (Kiev 1987), 65-66 // А.П. Калиук, Киевские мастерские восполняющего производства смальт. В: Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Тезисы докладов VI Республиканской конференции молодых археологов (Киев 1987), 65-66.

Kaliuk 1991: A.P. Kaliuk, Okhrannye issledovaniia NPK «Arkheolog» v Kieve v 1989 godu. In: Problemy vivchenia ta okhoroni pam'iatok arkheologii Kiivshchini: Tezy dopovidei I naukovo-praktichnoi oblasnoi konferentsii, prisviachenoi 140-richchiu z dnia narodzhennia V.V. Khvoiki (Bilogorodka 1991), 76-78 // А.П. Калиук, Охранні еисследования НПК «Археолог» в Києві в 1989 році. В: Проблеми вивчення та охорони пам'яток археології Київщини: Тези доповідей І науково-практичної обласної конференції, присвяченої 140-річчю з дня народження В.В. Хвойки (Білогородка 1991), 43-45.

Karger 1958: M.K. Karger, Drevniy Kiev. T. I: Ocherki po istorii material'noi kul'tury drevnerusskogo goroda (Moskva-Leningrad 1958) // М.К. Каргер, Древний Киев. Т. I: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города (Москва-Ленинград 1958).

Rybakov 1949: B.A. Rybakov, Drevnosti Chernigova. MIA 11, 1949, 7-99 // Б.А. Рыбаков, Древности Чернигова. МИА 11, 1949, 7-99.

Sagaidak et al. 1997: M.A. Sagaidak, M.S. Sergeeva, P.S. Mikhailov, Novye nakhodki drevnerusskogo remesla v Kieve. Drevnosti 1996, 1997, 31-37 // М.А. Сагайдак, М.С. Сергеева, П.С. Михайлов, Новые находки древнерусского ремесла в Киеве. Древности 1996, 1997, 31-37.

Sergeeva 1991: M.S. Sergeeva, Stekol'naia masterskaia na severo-zapadnoi okraine Podola. In: Problemi vivchenia ta okhoroni pam'iatok arkheologii Kiivshchini: Tezi dopovidei I naukovo-praktichnoi oblasnoi konferentsii, prisviachenoi 140-richchiu z dnia narodzhennia V.V. Khvoiki (Bilogorodka 1991), 76-78 // М.С. Сергеева, Стекольная мастерская на северо-западной окраине Подола. Проблеми вивчення та охорони пам'яток археології Київщини: Тези доповідей І науково-практичної обласної конференції, присвяченої 140-річчю з дня народження В.В. Хвойки (Білогородка 1991), 76-78.

Sergeeva, Zhurukhina 2018: M.S. Sergeeva, O.Iu. Zhurukhina, Gliniani formi dla vigotovlennia sklianikh posudin (za danimi rozkopok seredn'ovichnogo virobnichogo kompleksu Kiiv's'kogo Podolu). ADIU 4(29), 2018, 119-124 // М.С. Сергеева, О.Ю. Журухіна, Глиняні форми для виготовлення скляних посудин (за даними розкопок середньовічного виробничого комплексу Київського Подолу). АДІУ 4(29), 2018, 119-124.

Shchapova 1965: Iu.L. Shchapova, Steklianne braslety Polotska. SA 1, 1965, 225-235 // Ю.Л. Щапова, Стеклянные браслеты Полоцка. СА 1, 1965, 225-235.

Shchapova 1968: Iu.L. Shchapova, Masterskaia steklodela v drevnem Liubeche. In: (red. E.I. Krupnov) Slaviane i Rus' (Moskva 1968), 230-238 // Ю.Л. Щапова, Мастерская стеклодела в древнем Любече. В: (ред. Е.И. Крупнов) Славяне и Русь (Москва 1968), 230-238.

Shchapova 1968a: Iu.L. Shchapova, Skliani brasleti Kiivshchini. Arkheologija XXI, 1968, 106-116 // Ю.Л. Щапова, Скляні браслети Київщини. Археологія XXI, 1968, 106-116.

Shchapova 1978: Iu.L. Shchapova, O khimii i tekhnologii stekla. In: (red.: A.N. Bogoliubov) Estestvennye predstavleniya Drevnei Rusi (Moskva 1978), 74-81 // Ю.Л. Щапова, О химии и технологии стекла. В: (ред. А.Н. Боголюбов) Естественные представления Древней Руси (Москва 1978), 74-81.

Shchapova 1983: Iu.L. Shchapova, Ocherki istorii drevnego steklodeliia (po materialam doliny Nila, Blizhnego Vostoka i Evropy) (Moskva 1983) // Ю.Л. Щапова, Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы) (Москва 1983).

Shchapova 2004: Iu.L. Shchapova, Vizantiiskoe steklo: Ocherki istorii (Moskva 2004) // Ю.Л. Щапова, Византийское стекло: Очерки истории (Москва 2004).

Stoliarova 2015: E.K. Stoliarova, O priznakakh mestnogo proizvodstva stekla (na primere Drevnei Rusi). In: (red. P.G. Gaidukov) Steklo Vostochnoi Evropy s drevnosti do nachala XX veka (Sankt-Petersburg 2015), 336-343 // Е.К. Столярова, О признаках местного производства стекла (на примере Древней Руси). В: (ред. П.Г. Гайдуков) Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века (Санкт-Петербург 2015), 336-343.

Stoliarova 2016: E.K. Stoliarova, Steklo srednevekovoi Moskvy XII-XIV veka (Moskva 2016) // Е.К. Столярова, Стекло средневековой Москвы XII-XIV века (Москва 2016).

Taranenko, Zhurukhina 2012: S.P. Taranenko, O.Iu. Zhurukhina, Sklorobni maisterni 11-13 stolittia Podolu Kieva na arkheologichni karti. In: Starozhitnosti Vishgorodshchini: zbirka tez, dopovidei i povidomlen' 18-oi nauk.-prakt. konferentsii (Vishgorod 2012), 162-171 // С.П. Тараненко, О.Ю. Журухіна, Склоробні майстерні 11-13

століття Подолу Києва на археологічній карті. В: Старожитності Вишгородщини: збірка тез, доповідей і повідомлень 18-ої наук.-практ. конференції (Вишгород 2012), 162-171.

Zhurukhina 2010: O. Zhurukhina, Sklani virobi z rozkopok 2008 roku na Kiivs'komu Podoli. Ant: Visnik arkheologii, mistetstva, kul'turnoi antropologii 2009-2010, 22-24, 2010, 74-77 // О. Журухіна, Скляні вироби з розкопок 2008 року на Київському Подолі. Ант: Вісник археології, мистецтва, культурної антропології 2009-2010, 22-24, 2010, 74-77.

Zhurukhina, Khramchenkova 2012: E.Iu. Zhurukhina, R.Kh. Kramchenkova, Steklodelatel'nye masterskie Kiievskogo Podola. Filologiya i kul'tura 3(29), 2012, 226-234 // Е.Ю. Журухина, Р.Х. Храмченкова, Стеклоделательные мастерские Киевского Подола. Филология и культура 3 (29), 2012, 226-234.

Zotsenko, Sergeeva 2008: V.M. Zotsenko, M.S. Sergeeva, Zvit Tsentrarkheologii Kieva pro arkheologichni doslidzhennia na diliantsi budivnitstva u kvartali, stvorenому vul. Naberezhno-Khreshchatits'ka, Volos'ka, Illins'ka i Borisoglibs'ka (za adresou Naberezhno-Khreshchatits'ka, 21). Fond ekspeditsii (Kiiv 2008) // В.М. Зотценко, М.С. Сергеева, Звіт Центру археології Києва про археологічні дослідження на ділянці будівництва у кварталі, створеному вул. Набережно-Хрещатицька, Волоська, Іллінська і Борисоглібська (за адресою Набережно-Хрещатицька, 21). Фонд експедиції (Київ 2008).

Елена Журухина, заведующий научно-исследовательским отделом историко-археологических исследований Музея истории Десятинной церкви, ул. Обсерваторная, 21А, 04053, Киев, Украина, e-mail: lenzhurukh@gmail.com

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XVI _ nr. 1

IN MEMORIAM

**Dr.hab. OLEG LEVIȚKI
(1956-2020)**

Revistă indexată în bazele de date

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2020

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

**INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE**

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki†

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – dr. **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посыпать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Eugen Mistreanu (<i>Chișinău</i>), Marcin M. Przybyła (<i>Kraków</i>). Despre planimetria aşezării gumelniteșene Taraclia I în cercetări vechi și noi	5
Майя Кашуба (Санкт-Петербург), Игорь Сапожников (Киев). История находки Бородинского (Бессарабского) клада	21
Aurel Mototolea (<i>Constanța</i>), Simina Margareta Stanc (<i>Iași</i>), Andreea Andrei (<i>Constanța</i>). The roadside inns (<i>khâns</i>) in Ottoman Dobrudja	48

MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Валерий Манько (Киев), Гурам Чхатарашвили (Батуми). Раннеголоценовая стоянка Джварцхма в Западной Грузии	63
Oleg Levițkiț, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chișinău</i>). Rezultatele investigațiilor arheologice efectuate în cadrul sitului Trinca-Izvorul lui Luca în anul 2001	78
Виталий Синика (Тирасполь), Сергей Лысенко (Киев), Сергей Разумов (Тирасполь), Николай Тельнов (Кишинэу). Курган 2 группы «Рыбхоз» в Нижнем Поднестровье и скифские кремации Северо-Западного Причерноморья	99
Александр Симоненко (Киев). Ритуальный депозит II-I вв. до н.э. из Брэвичень	108

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Vasile Haheu (<i>Chișinău</i>). Sistemul defensiv al fortificațiilor traco-getice (particularități constructive și principii de apărare)	121
Елена Журухина (Киев). Производство стеклянных изделий (по материалам ремесленных мастерских Киевского Подола XII – первой половины XIII века)	130

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Roman Croitor (<i>Aix-en-Provence</i>), Vitalie Burlacu (<i>Chișinău</i>). The Middle Paleolithic site of Buzdujeni 1 (Northern Moldova): evidence on periodic occupation by cave hyena	136
Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chișinău</i>), Vasile Diaconu (<i>Târgu-Neamț</i>), Nicoleta Vornicu (<i>Iași</i>). Despre vasul de cupru medieval descoperit la Cetatea Neamțului (județul Neamț, România). Noi considerații	145
Mariana Gugeanu (<i>Iași</i>). Textilă liturgică arheologică – <i>Mâneceuță</i> . Conservare și restaurare	157

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Kirsten Hellström, *Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet*

(2. Jh. v. Chr. - 3. Jh. n. Chr.). Arhäologie in Eurasien 39, Bonn, 2018,
284 pagini și 94 planșe, ISBN 978-3-7749-3948-6
(Vasile Iarmulschi, Berlin) 163

IN HONOREM

Dumitru Boghian la 65 de ani (Sergiu-Constantin Enea, Târgu-Frumos) 165

IN MEMORIAM

La adio Oleg Levički: Omul și Savantul (1956-2020)
(Vasile Haheu, Chișinău) 168

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 172

INFORMATII ȘI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 173

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL
MAGAZINE 174

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Roman Croitor, Vitalie Burlacu

The Middle Paleolithic site of Buzdujeni 1 (Northern Moldova): evidence on periodic occupation by cave hyena

Keywords: *Crocuta crocuta spelaea*, Late Pleistocene, Eastern Europe, Micoquien, taphonomy.

Cuvinte cheie: *Crocuta crocuta spelaea*, Pleistocenul târziu, Europa de Est, cultura Micoquie, tafonomie.

Ключевые слова: *Crocuta crocuta spelaea*, поздний плейстоцен, восточная Европа, Микокская культура, тафономия.

Roman Croitor, Vitalie Burlacu

The Middle Paleolithic site of Buzdujeni 1 (Northern Moldova): evidence on periodic occupation by cave hyena

The new archaeozoological and taphonomical data identify the Middle Paleolithic site of Buzdujeni 1 as a periodic cave hyena (*Crocuta crocuta spelaea*) den. The most complete taphonomic evidence on hyena den come from the recently excavated squares K-5 and L-5 of layer 3, but the presence of hyena at Buzdujeni 1 site is also recorded in layers 4, 5, and 6. The evidence of cave hyena presence at Buzdujeni 1 include steak-like bone fragments, nibbled and chewed stick-like bone fragments, gnawed bones of large prey species (*Bison priscus*, *Coelodonta antiquitatis*), and skeletal remains of juvenile individuals. The composition of fauna from Buzdujeni 1 indicates generally open landscape in the environments of the site when Paleolithic layers were accumulated.

Roman Croitor, Vitalie Burlacu

Situl din Paleoliticul mijlociu Buzdujeni 1 (regiunea de nord a Moldovei): dovezi ale prezenței hienei de peșteră

Noile date arheologice și tafonomice din grota atribuită paleoliticului mijlociu Buzdujeni 1 indică prezența hienei de peșteră (*Crocuta crocuta spelaea*), care a folosit periodic acest loc ca vizuină, după ce stațiunea a fost părăsită de omul preistoric. Cea mai completă dovdă tafonomică a acestei specii de animale se găsește în cel de al treilea strat, în carourile K-5 și L-5. De asemenea, dovezi ale prezenței hienei de peșteră, sunt remarcate și în straturile 4, 5 și 6, prin prezența unor fragmente de oase mici sub formă de „așchii”, „așchii” specifice cu urme de la dinții unor animale de pradă, oase cu urme de roadere de la animale de talie mare (*Bison priscus*, *Coelodonta antiquitatis*), precum și resturile scheletice ale unor specii juvenile. Compoziția generală a faunei din grota Buzdujeni 1 indică un peisaj deschis în vecinătatea grotelor în timpul formării straturilor paleolitice ale stațiunii.

Роман Кроитор, Виталий Бурлаку

Среднепалеолитическая стоянка Буздужаны 1 (Северная Молдова): свидетельства о периодическом присутствии пещерной гиены

Новые археозоологические и тафономические данные из среднепалеолитической стоянки в гроте Буздужаны 1 указывают на периодическое существование в данном палеолитическом памятнике логова пещерной гиены (*Crocuta crocuta spelaea*), которая поселялась в гроте когда его покидали люди. Наиболее полные тафономические свидетельства логова пещерной гиены выявлены в недавно раскопанных квадратах К-5 и Л-5 третьего слоя памятника. Присутствие и деятельность пещерной гиены также отмечены в слоях 4, 5 и 6. Следы деятельности пещерной гиены включают мелкие фрагменты костей в виде «шепок», специфические «щепки» со следами зубов хищника, обгладанные кости крупных животных (*Bison priscus*, *Coelodonta antiquitatis*), а также скелетные остатки ювенильных особей. Общий состав фауны из грота Буздужаны 1 указывают на открытый ландшафт в окрестностях грота во время формирования палеолитических слоёв памятника.

Introduction

The Middle Paleolithic site of Buzdujeni 1 (situated above the Recovăț River valley, Edinet District, Moldova: see fig. 1) was discovered by I. Borziac [1973] and its main part was excavated during

the 70-s [Vishniatskiy et al. 2020]. The Paleolithic site is situated in a grotto with a 60 m² surface and includes nine layers, including the youngest Holocene one. The archaeological findings come from all Paleolithic layers, however, their distribution does

not permit to regard the identified layers as cultural strata. Recently, the reevaluation of stone artefacts permitted to refer Buzdujeni 1 to the Micoquien group of monuments [Vishniatskiy et al. 2020]. According to Vishniatskiy et al. [2020], the accumulation of Buzdujeni 1 layers took place most probably during MIS 3 that corresponds to the obtained earlier dating reported by Hedges et al. [1996: cal. 41–35 Ky BP for layers 6 and 8] and the dates recently obtained by Vishniatskiy et al. [2020: cal. 46–47 Ky BP for layers 6 and 2].

The deposits of grotto Buzdujeni 1 have yielded the abundant osteological material of large mammals dominated by cave bear that, according to Vishniatskiy et al. [2020], inhabited the grotto of Burdujeni when it was abandoned by humans. The faunal list and some general taphonomic features of the mammal assemblage from Buzdujeni 1 were reported by David [1980]. Besides cave bear *Ursus spelaeus*, the fauna from Buzdujeni contains an important amount of remains of cave hyaena

Crocuta crocuta spelaea, horse *Equus ferus ssp.*, and steppe bison *Bison priscus*. Other large mammals, such as *Saiga tatarica*, *Equus hemionus hydruntinus*, *Cervus elaphus*, *Megaloceros giganteus*, are represented by very few remains [David 1980]. David's [1980] brief report on Buzdujeni fauna does not provide data on stratigraphic position of mammal remains and only briefly mentions some bone modifications, such as tool marks, and the presence of burnt bones. A detailed taphonomic study of this interesting site was never carried out.

In 2017, new osteological material was discovered during the renewed archaeological excavations at Buzdujeni 1 [Vishniatski et al. 2020]. The unearthed mammal remains bring interesting taphonomical details that permit a better understanding of the character and history of bone accumulation at the Buzdujeni 1 site.

Material and Research Method

The studied new archeozoological material includes 310 bone fragments and isolated teeth. Most of the bone fragments are poor and species identification is not possible. Only 60 bone fragments and isolated teeth provided diagnostic characters that permitted taxonomic determination. The systematic composition and stratigraphic distribution of the studied material are presented in Table 1. All bone remains were screened for the presence of post-mortem surface modification marks (tooth marks and tool marks). The adapted in the present study terminology for bone fragmentation type is broadly used in the archaeozoological literature [Villa, Bartram 1996; Diedrich 2011]. Our archaeozoological results slightly differ from the data published by Vishniatski et al. [2020] since we take in consideration also the fragments of postcranial bones that we ascribed with a certain confidence to *Bison priscus* (layer 3) and *Mammuthus primigenius* (layer 4), and a bone fragment of *Coelodonta antiquitatis* that was omitted in the previous report. The comparative material involved in the present study is stored in the Institute of Zoology, Ministry of Education, Culture, and Research (Chisinau, Republic of Moldova).

We applied the multivariate cluster analysis of the main typical taphonomical features characteristic of human Paleolithic dwelling and hyena den according to the bibliographic data

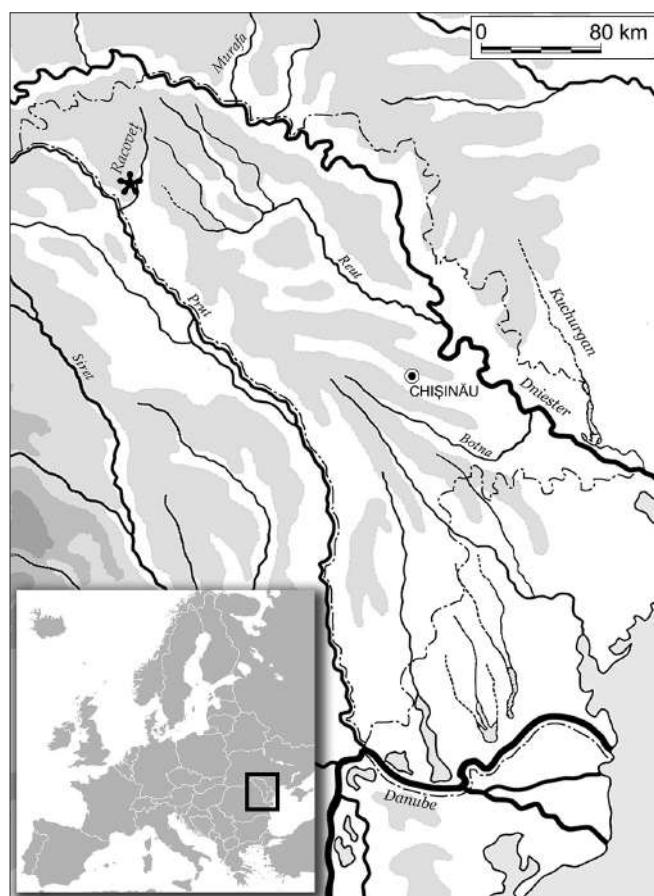

Fig. 1. The geographical location of the Middle Paleolithic site of Buzdujeni 1 (indicated by the asterisk).

Species	Layer 3	Layer 4	Layer 5	Layer 6	Layer 8
<i>Crocuta crocuta spelaea</i>	4	1	10		
<i>Ursus spelaeus</i>	6		2		1
<i>Bison priscus</i>	2	5	5		
<i>Equus ferus ssp.</i>			6		
<i>Coelodonta antiquitatis</i>				1	
<i>Mammuthus primigenius</i>		13		2	
<i>Marmota bobac</i>			2		
Not determinable	119	33	89	10	
Total sample amount	131	52	126	13	1

Table 1. Faunal remains from the Middle Paleolithic site of Buzdujeni 1 discovered during the 2017 archaeological campaign (squares K-5 and L-5).

[Brugal et al. 1997; Pokines, Peterhans 2007; Villa et al. 2010; Diedrich 2011; 2013; Dusseldorp 2011; 2013] compared to the taphonomic characteristics of the archaeozoological sample and the archaeological context [Vishniatski et al. 2020] from each included in the study layer of the Middle Paleolithic site of Buzdujeni 1 (Table 2). The hierarchical clustering paired group algorithm UPGMA was computed using the Jaccard Similarity Index for presence-absence data [PAST-3 application: Hammer et al. 2001]. The cophenetic correlation coefficient is computed in order to estimate how faithfully a dendrogram preserves the pairwise distances among the original unmodeled data points [Farris 1969].

Abbreviations used in the article: P, premolar; M, molar; C, canine; I, incisive; L, length; D, breadth; H, height; DLM, lateromedial measure-

ment; DAP, anteroposterior measurement. All measurements are indicated in millimetres.

Description

Layer 3. The third layer has yielded a large number (114 pieces) of small stick-like bone fragments. At least two of stick-like fragments bear clear carnivore tooth marks. Larger bone fragments and isolated teeth are represented by 17 specimens, one of which (a fragment of the long bone diaphysis of bison) also shows well-expressed tooth marks. The diagnostic bone remains indicate the presence

of cave hyena (*Crocuta crocuta spelaea*), cave bear (*Ursus spelaeus*), and bison (*Bison priscus*). *Crocuta crocuta spelaea* is represented by several postcranial bones (the distal fragment of ulna – probably a juvenile individual – with destroyed articulation part; the distal part of the radius with destroyed epiphysis; the metapodial diaphysis; and the third upper incisive I3). *Ursus spelaeus* is the most common species of the sample, but all remains are isolated teeth: the upper canine, the upper fourth premolar P4, the lower third molar M3 (Table 3), the incisor, the fragment of a molar, and the upper deciduous tooth DP2. *Bison priscus* is represented only by two fragments of limb bones: the poorly diagnostic limb bone fragment with tooth marks and the proximal fragment of the metacarpal bone. The measurements of proximal metacarpal epiphysis (DLM = 82.7 mm; DAP = 43.4 mm) suggest that this skeletal fragment belongs to a female.

Layer 4. The character of bone fragmentation from this layer is different. Bone fragments are larg-

Layers	tool marks	tools	burnt bones	tooth marks	bone stiks	bone flakes	juvenile hyenas	cave bear
Layer 3	0	1	0	1	1	0	1	1
Layer 4	0	1	1	0	0	1	1	0
Layer 5	1	1	0	0	1	1	1	1
Layer 6	0	1	0	1	0	1	0	0
Layer 8	0	1	0	0	0	0	0	1
Hyena den	0	0	0	1	1	0	1	0
Human dwelling	1	1	1	0	0	1	0	0

Table 2. Taphonomical features of archaeozoological samples unearthed from the squares K-5 and L-5 of the Middle Paleolithic site of Buzdujeni 1 compared to the typical taphonomic features of a hyena den and Paleolithic human dwelling.

Tooth	Measurement	Layer 3	Layer 5
P ⁴	L	20.0	21.7
	D	16.6	15.9
M ³	L	29.5	
	D	20.1	

Table 3. Measurements (millimeters) of isolated teeth of cave bear (*Ursus spelaeus*) from Buzdujeni 1.

er and may be described as “bone flakes”. One of the bone fragments is burned. The whole sample from this layer includes 52 bone fragments. The cave hyena (*Crocuta crocuta spelaea*) is represented by a single distal fragment of the juvenile radius with shed distal epiphysis. *Bison priscus* remains include four fragments of the mandible with alveoli for molar roots and a small fragment of the metacarpal bone. The presence of *Mammuthus primigenius* is confirmed by the fragment of enamel plate. Large fragments of thick postcranial bones (12 pieces) from this layer also should be ascribed to this species.

Layer 5. The deposits of this stratum yielded the richest and most diversified faunal remains. Unlike the above-mentioned layers, the bone fragments do not show a specific type of fragmentation and represent a mixture of large fragments of bones, “bone flakes”, and “bone sticks”. The bone remains from this layer do not show doubtless presence of tooth marks.

Horse remains (we prefer to designate the horse findings as *Equus ferus* ssp. since the taxonomy of Late Pleistocene horses still requires a revision) include an incisor and four fragmented cheek teeth. The better preserved upper cheek tooth provided the following measurements: the crown height is 75.2 mm, the crown length is 29.4 mm, the crown breadth is 31.0 mm, the protocone length is 15.0 mm. The relative length of its protocone (51.0 %) and tooth crown measurements allow defining this specimen as M1-2. Nonetheless, the protocone of this tooth is still very short if compared to the geologically younger horse from Duruitoarea Veche: the relative length of protocone in M1 and M2 of the horse from Duruitoarea Veche is 57.1% and 56.0% respectively.

Bison is represented by three skeletal fragments: a portion of the metacarpal, a part of molar and an incisor. The fragment of the metacarpal bone is the most interesting specimen since it is artificially polished from both sides.

As in previous cases, cave bear (*Ursus spelaeus*) is represented by isolated teeth: the upper fourth premolar P4 (Table 2) and the poor fragment of lower first molar (M1?) or deciduous tooth. The second carnivore species, *Crocuta crocuta spelaea*, is also represented only by isolated teeth: a lower first molar M1 (LxD = 31.3x14.2 mm), a fragment of canine, and a first lower incisor (I1). Two skeletal elements (a maxilla and a fragment of incisor) belong to *Marmota bobak* (= *Marmota bobac*).

The bone assemblage from Square L-4 of Layer 5 (not indicated in figure 3 in Vishniatskiy et al. 2020). This bone assemblage comes from the partially excavated Square L-4. It is interesting by the presence of upper and lower teeth that belong to the same individual of *Crocuta crocuta spelaea* (Table 4). Large herbivores also are represented by isolated teeth: *Bison priscus* (upper M2, M3) and *Equus ferus* ssp. (a poorly preserved incisor). This bone assemblage is included in the Layer 5 column of Table 1.

Layer 6. The sample contains a proximal part of the third metatarsal of *Coelodonta antiquitatis* bears the tooth marks in its lower part (fig. 2; 3). This specimen is used for Carbon-14 dating and was not available for direct study, therefore we cannot provide its exact measurements. Two molars of *Mammuthus primigenius* that also come from this layer are currently studied by E. Maschenko [Vishniatski et al. 2020]. According to E. Maschenko [Vishniatski et al. 2020], the mammoth teeth belong to two different individuals. Stick-like bone fragments are not present in this sample. The mammal remains from this level include also poorly diagnostic fragments of limb bones and ribs. It is difficult to have a clear idea about the bone fragmentation type in this case, but apparently, this fragmentation resulted from

Tooth	L	D	H
P ²	16.8	11.4	
P ³	24.4	18.5	
P ₃	22.0	15.6	
P ₄	22.7	14.3	
M ₁	29.8	12.9	
C ₁	18.6	13.5	40.5

Table 4. Measurements of teeth of cave hyena individual (*Crocuta crocuta spelaea*) from the bone assemblage of the Square L-4 of layer 5. The height of canine (H) is indicated with tooth's root.

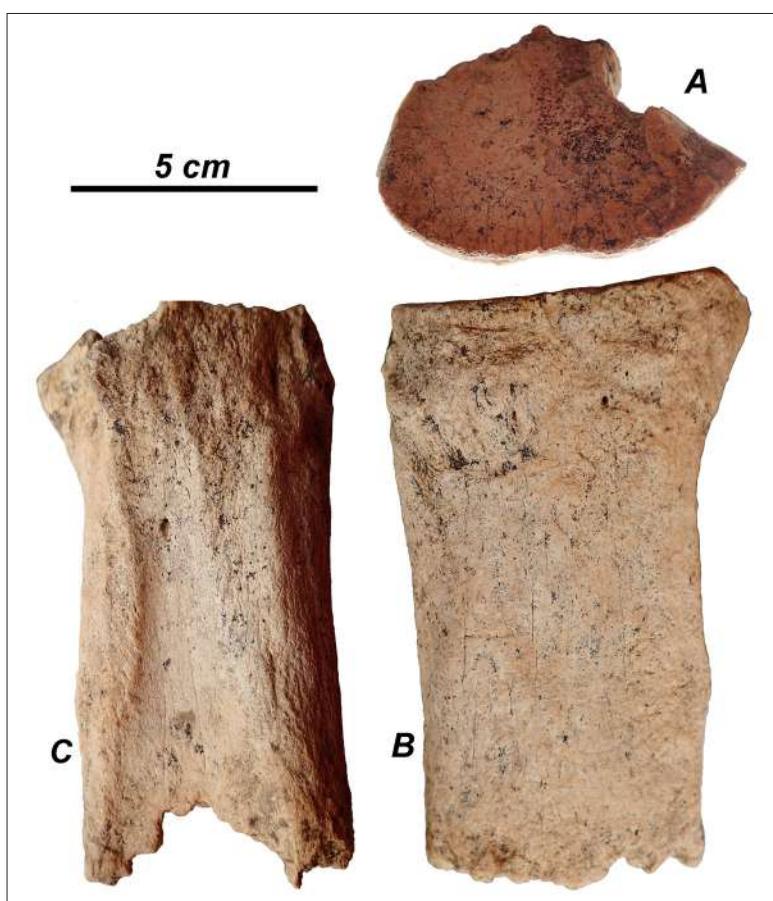

Fig. 2. The proximal fragment of the left third metatarsus of *Coelodonta antiquitatis* from layer 6 with hyena tooth marks: A, proximal articulation view; B, dorsal view; C, posteromedian view.

trampling, so we arbitrarily classify the bone fragments as “flakes”.

Layer 8. We have at our disposal a single animal skeletal fragment, the part of upper canine of cave bear *Ursus spelaeus* (fig. 4).

Cluster analysis. The cluster analysis shows that the bone assemblage from layer 3 is closely associated with “typical” hyena den (fig. 5). Layer 4 is most similar with “typical” human settlement due to the predominating taphonomical features characteristic of human activity. Layers 5 and 6 are associated with the human settlement taphonomical type to a lesser degree, apparently, because of containing traces of hyena presence and activity recorded in those layers. Finally, the poor faunal remains from layer 8 do not permit to give adequate results. The copro-
netic correlation index is 0.6894. A larger archaeozoological material with more detailed taphonomical analysis potentially will give more accurate results. It is necessary to stress that the revealed taphonomic similarities are restricted only to the squares K-5 and L-5 where the archaeozoological material comes from.

Discussion

The archaeozoological material that we have at our disposal suggests that the taphonomic history of the site of Buzdujeni 1 is rather complex and was influenced by several factors, some of which will be discussed here. The complicated history of layers accumulation is supported by the microlayer structure observed in layers 3, 4, 5, and 7 [Vishniatski et al. 2020]. Vishniatski et al. [2020] indicate that all layers of the site contain stone and bone artefacts that indicate the Paleolithic human presence in the Buzdujeni grotto during all period of Pleistocene sediments accumulation in this site. Nonetheless, the presence of ancient humans in the grotto was not permanent. Cave hyena is also responsible for bone accumulation in the grotto when it was abandoned by humans. The osteological material from layers 3, 5, and 6 show that the Buzdujeni Grotto was repeatedly occupied by *Crocuta crocuta spelaea*.

Fig. 3. The chewed by hyena distal part of the third metatarsus of *Coelodonta antiquitatum* from Buzdujeni 1.

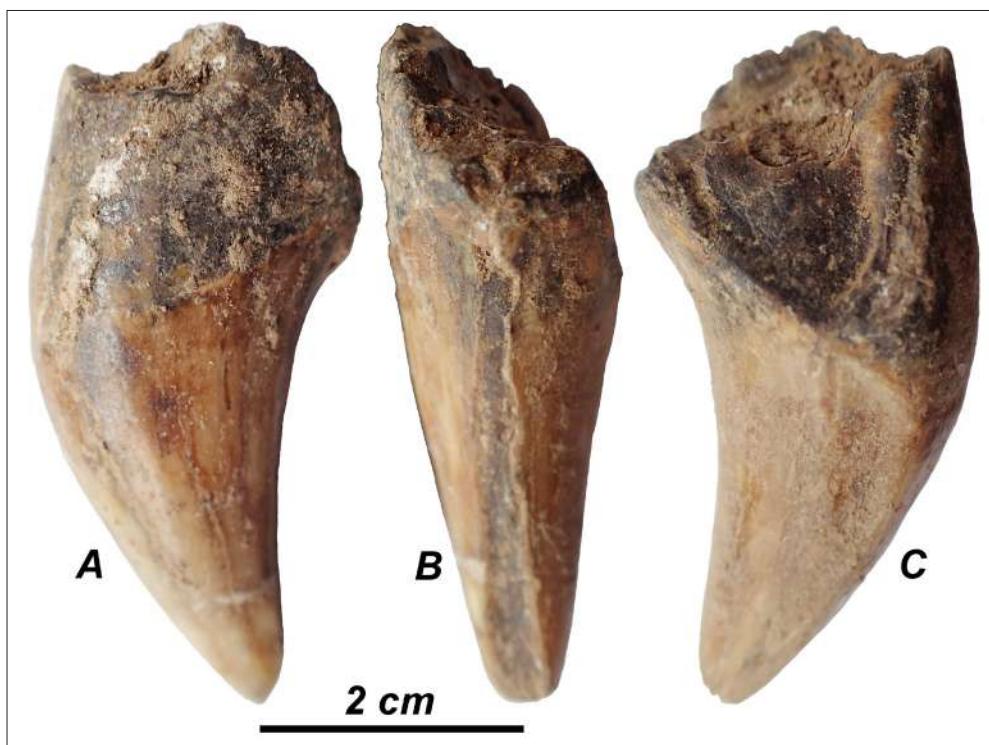

Fig. 4. The left upper canine of *Ursus spelaeus* from layer 8 of Buzdujeni 1: A, lateral view; B, posterior view; D, mesial view.

The most complete traces of cave hyena activity come from the squares K-5 and L-5 of layer 3 where the hyena den was situated. This conclusion is confirmed by the cluster analysis (fig. 5) of the main taphonomic features presented in Table 2. The almost entire bone accumulation from this layer (possibly with exception of cave bear remains) is hyena related: bison remains belong to a female that was the easier prey for a hyena individual or a pack of hyenas and one of the limb bones shows clear tooth marks. Steppe bison *Bison priscus* was a common prey for cave hyena and also served as prey for hyena in the Bohemian karst [Diedrich, Zák 2006] and other European Late Pleistocene sites [Villa, Bartram 1996; Diedrich 2011; Dusseldorp 2011]. All small bone fragments from this bone accumulation represent stick-like fragments resulted from bone cracking. At least two specimens represent peculiar for hyenas “nibbling sticks”, i.e. uni- or bipolar nibbled and chewed stick-like bone fragments [Diedrich, Zák 2006]. According to Diedrich and Zák [2006], the hyena cubs were the main producers of such characteristic bone fragments.

Another bone fragment with well-expressed tooth marks comes from layer 6. This is a proximal fragment of metatarsal of woolly rhinoceros *Coe-*

lodonta antiquitatis (fig. 2; 3). The woolly rhinoceros is another common for cave hyena prey species [Diedrich 2011; 2013; Dusseldorp 2011; 2013].

The partially destroyed distal parts of limbs of large herbivores from layers 3 and 6 (*Bison priscus* and *Coelodonta antiquitatis* correspondingly) with tooth marks represent a specific consumption habit of cave hyena to bring distal parts of prey legs to their den [Brugal et al. 1997; Diedrich 2011; Diedrich, Zák 2006].

The fragment of a juvenile radius of cave hyena from layer 4 may indicate the presence of a cub-raising cave den of *Crocuta crocuta spelaea*. Juvenile hyena remains are considered as typically indicative of hyena bone accumulations since juvenile hyenas stay in the den for the first 15 months of their life and experience high infant mortality [Dusseldorp 2011 and references therein]. The reported cases of alternate cave occupations by hyenas and humans are quite common, especially during Early and Middle Paleolithic of Europe [Brugal et al. 1997; Diedrich 2011; Dusseldorp 2013].

The large number of cave bear individuals represented by the correspondingly large amount of skeletal elements unlike the rest of species recorded at Buzdujeni (fig. 5). The richness and full-

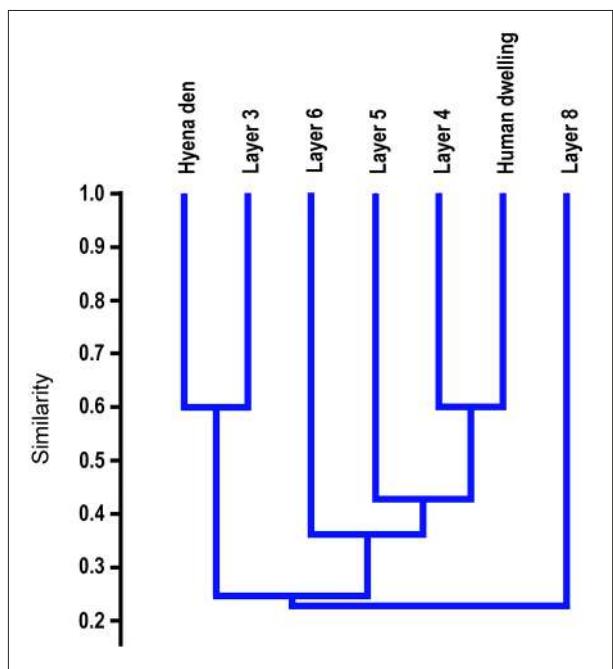

Fig. 5. The dendrogram based on taphonomic characteristics and archaeological context of layers from the Middle Paleolithic site of Buzdujeni 1 compared to the “typical” hyena den and Paleolithic human settlement.

ness of cave bear remains suggest that the Buzdujeni Grotto was periodically used by *Ursus spelaeus* for hibernation. A high number of cave bear remains from Buzdujeni 1 resulted from the attritional mortality during hibernation that is common in the similar sites with cave bear remains [Argenti, Mazza 2006; Dusseldorp 2013]. Hibernation-related death could be caused by such natural causes as starvation or disease. However, the hibernating cave bears were also quite often attacked by predators, such as hyenas and wolves [Argenti, Mazza 2006]. The taphonomic data demonstrate that cave bears were quite often scavenged by cave hyena [Diedrich 2011; 2013]. Unfortunately, we do not have at our disposal sufficient data that could reveal the mortality cases of cave bear from Buzdujeni 1 and shed light on the possible character of the relationship between cave bear and cave hyena at this site.

According to Vishniatski et al. [2020], cave bears are responsible for bone fragmentation at

Buzdujeni 1 through trampling that apparently resulted in most of the large bone fragments from layer 4. Therefore, the “bone flakes” from Buzdujeni 1 are not analogous to the bone flaking described by Villa and Bartram [1996], although the participation of hyenas in production of large bone fragments, for instance in the layer 6, cannot be excluded.

It is difficult to say which animal remains from Buzdujeni 1 were accumulated by humans only. As Dusseldorp [2013] demonstrated, Neanderthals appear to be preferentially associated with cervids, while hyena deposits contain more bovids, equids and megafauna. The data from Buzdujeni 1 are in accordance with the conclusions of Dusseldorp [2013] on cave hyena prey preference. The prey fauna from Buzdujeni 1 is dominated by steppe bison and horse (fig. 6), but remains of mammoths and rhinoceroses also are present [David 1980]. The predominance of *Bison priscus* and *Equus ferus* ssp. in the fauna from Buzdujeni 1 indicates rather open steppe-like landscapes, a biome

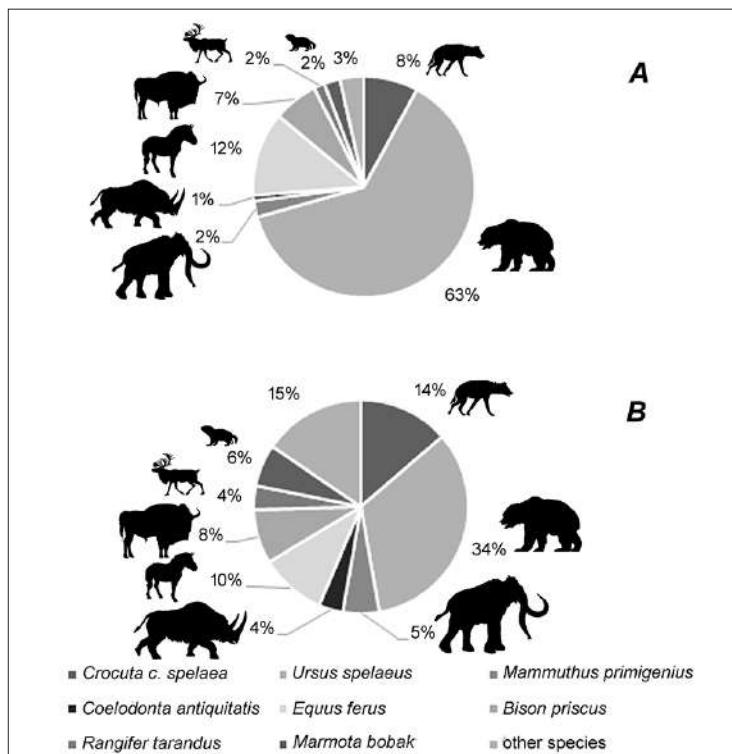

Fig. 6. Species composition of mammal assemblage from Buzdujeni 1: A, mammal remains composition according to bone number; B, mammal remains composition according to the minimum number of individuals. The diagrams include the data from David [1980] and the data obtained from this research.

that is well-suited to such cursorial pack hunter and scavenger as *Crocuta crocuta spelaea* [Croitor, Brugal 2010; Villa et al. 2010]. Cervid species (*Cervus elaphus*, *Megaloceros giganteus*, *Rangifer tarandus*), although present at Buzdujeni 1, are very low in number [David 1980].

Conclusions

The new archaeozoological and taphonomical data identify the Buzdujeni Grotto as a periodic hyena den. The most complete taphonomical evidence on hyena den come from squares K-5 and L-5 of layer 3, but the presence of hyena at Buzdujeni 1 site is also recorded in layers 4, 5, and 6. The evidence of cave hyena presence at Buzdujeni 1 includes steak-like bone fragments, "nibbling sticks" (nibbled and chewed stick-like bone fragments), gnawed bones of large prey species (*Bison priscus*, *Coelodonta antiquitatis*), and skel-

etal remains of juvenile individuals. The composition of fauna from Buzdujeni 1 (*Equus ferus ssp.*, *Equus hemionus hydruntinus*, *Bison priscus*, *Saiga tatarica*) indicates generally open landscape in the environments of the site when Paleolithic layers were accumulated. Remains of typically forest species are scarce at Buzdujeni 1 site. The results of this study reveal a complicate story of Late Pleistocene bone accumulation in the Middle Paleolithic site of Buzdujeni 1 that resulted from ancient human presence and activity, but also from the presence and bone accumulation of cave hyena (*Crocuta crocuta spelaea*), and from the presence of cave bear (*Ursus spelaeus*) that used the grotto for hibernation. The main conclusion is that we need more fossil remains from this interesting site in order to reveal the stratigraphic distribution of species and to understand better the history of the animal bone accumulation from Buzdujeni 1.

Bibliography

- Argenti, Mazza, 2006:** P. Argenti, P.P. Mazza, Mortality analysis of the Late Pleistocene bears from Grotta Lattaia, central Italy. *Journal of Archaeological Science* 33 (11), 2006, 1552-1558.
- Brugal et al. 1997:** J.P. Brugal, P. Fosse, J.P. Guadelli, Comparative study of bone assemblages made by recent and Plio-Pleistocene Hyaenids (*Hyena*, *Crocuta*). In: (L.A. Hahhus, L. Rossum, R.P. Winham) *Proceedings of the 1993 Bone Modification conference*, Hot Springs, South Dakota, Occasional Publication 1 (1), 1997, 158-187.
- Croitor, Brugal 2010:** R. Croitor, J.P. Brugal, Ecological and evolutionary dynamics of the carnivore community in Europe during the last 3 million years. *Quaternary International* 212 (2), 2010, 98-108.
- David 1980:** A.I. David, Teriofauna pleistotsena Moldavii (Chishinev 1980) // А.И. Давид, Териофауна плеистоценена Молдавии (Кишинёв 1980).
- Diedrich 2011:** C.G. Diedrich, Periodical use of the Balve Cave (NW Germany) as a Late Pleistocene *Crocuta crocuta spelaea* (Goldfuss 1823) den: Hyena occupations and bone accumulations vs. human Middle Palaeolithic activity. *Quaternary International* 233 (2), 2011, 171-184.
- Diedrich 2013:** C.G. Diedrich, Recycling of badger/fox burrows in Late Pleistocene loess by hyenas at the den site Bad Wildungen-Biedensteg (NW Germany): woolly rhinoceros killers and scavengers in a mammoth steppe environment of Europe. *Journal of Geological Research ID* 190795, 2013, 1-31.
- Diedrich, Zák 2006:** C.G. Diedrich, K. Zák, Prey deposits and den sites of the Upper Pleistocene hyena *Crocuta crocuta spelaea* (Goldfuss, 1823) in horizontal and vertical caves of the Bohemian Karst (Czech Republic). *Bulletin of Geosciences* 81 (4), 2006, 237-276.
- Dusseldorp 2011:** G.L. Dusseldorp, Studying Pleistocene Neanderthal and cave hyena dietary habits: combining isotopic and archaeozoological analyses. *Journal of Archaeological Method and Theory* 18 (3), 2011, 224-255.
- Dusseldorp 2013:** G.L. Dusseldorp, Neanderthals and Cave Hyenas: Co-existence, Competition or Conflict? In: (J.L. Clark, J.D. Speth) *Zooarchaeology and Modern Human Origins: Human Hunting Behavior during the Later Pleistocene* (Springer, Dordrecht 2013), 191-208.
- Farris 1969:** J. S. Farris, On the cophenetic correlation coefficient. *Systematic Biology*, 18 (3), 1969, 279-285.
- Hammer et al. 2001:** Ø. Hammer, D.A.T. Harper, P.D. Ryan, PAST - palaeontological statistics software package for education and data analysis. *Palaeontologia electronica* 4 (1), art. 4, 2001, 1-9.
- Hedges et al. 1996:** R.E.M. Hedges, R.A. Housley, P.B. Pettitt, C. Bronk Ramsey, G.J. van Klinken, Radiocarbon dates from the Oxford AMS system, *Archaeometry Datelist 21*. *Archaeometry* 38, 1996, 181-207.
- Pokines, Peterhans 2007:** J.T. Pokines, J.C.K. Peterhans, Spotted hyena (*Crocuta crocuta*) den use and taphonomy

- in the Masai Mara National Reserve, Kenya. *Journal of Archaeological Science*, 34 (11), 2007, 1914-1931.
- Villa, Bartram 1996:** P. Villa, L. Bartram, Flaked bone from a hyena den. *Paléo, Revue d'Archéologie Préhistorique*, 8 (1), 1996, 143-159.
- Villa et al. 2010:** P. Villa, M.F.S. Goni, G.C. Bescos, R. Grün, A. Ajas, J.C.G. Pimienta, W. Lees, The archaeology and paleoenvironment of an Upper Pleistocene hyena den: an integrated approach. *Journal of Archaeological Science*, 37 (5), 2010, 919-935.
- Vishniatski et al. 2020:** L.B. Vishniatski, V.A. Burlacu, E.V. Voskresenskaia, P.E. Nekhoroshev, Novye issledovaniia srednepaleoliticheskoi stoianki v grote Buzduzhany. *Stratum Plus* 1, 2020, 187-200 // Л.Б. Вишняцкий, В.А. Бурлаку, Е.В. Воскресенская, П.Е. Нехорошев, 2020. Новые исследования среднепалеолитической стоянки в гроте Буздужаны. *Stratum Plus* 1, 2020 187-200.

Roman Croitor, associated researcher, Aix-Marseille University, CNRS, Ministry of Culture, UMR 7269 LAMPEA, F-13094, Aix-en-Provence cedex 02, France // Senior scientific researcher, Institute of Zoology, Ministry of Education, Culture, and Research, Academiei Bd 1, MD-2028, Chisinau, Republic of Moldova; e-mail: romancroitor@europe.com

Vitalie Burlacu, Department of Archaeology, Institute of Cultural Heritage, Ministry of Education, Culture, and Research, Stefan cel Mare 1 str., Chisinau, Republic of Moldova; e-mail: burlacu_vitale@mail.ru

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XVI _ nr. 1

IN MEMORIAM

**Dr.hab. OLEG LEVIȚKI
(1956-2020)**

Revistă indexată în bazele de date

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2020

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

**INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE**

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki†

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – dr. **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посыпать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Eugen Mistreanu (<i>Chișinău</i>), Marcin M. Przybyła (<i>Kraków</i>). Despre planimetria aşezării gumelniteșene Taraclia I în cercetări vechi și noi	5
Майя Кашуба (Санкт-Петербург), Игорь Сапожников (Киев). История находки Бородинского (Бессарабского) клада	21
Aurel Mototolea (<i>Constanța</i>), Simina Margareta Stanc (<i>Iași</i>), Andreea Andrei (<i>Constanța</i>). The roadside inns (<i>khâns</i>) in Ottoman Dobrudja	48

MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Валерий Манько (Киев), Гурам Чхатарашвили (Батуми). Раннеголоценовая стоянка Джварцхма в Западной Грузии	63
Oleg Levițkiț, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chișinău</i>). Rezultatele investigațiilor arheologice efectuate în cadrul sitului Trinca-Izvorul lui Luca în anul 2001	78
Виталий Синика (Тирасполь), Сергей Лысенко (Киев), Сергей Разумов (Тирасполь), Николай Тельнов (Кишинэу). Курган 2 группы «Рыбхоз» в Нижнем Поднестровье и скифские кремации Северо-Западного Причерноморья	99
Александр Симоненко (Киев). Ритуальный депозит II-I вв. до н.э. из Брэвичень	108

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Vasile Haheu (<i>Chișinău</i>). Sistemul defensiv al fortificațiilor traco-getice (particularități constructive și principii de apărare)	121
Елена Журухина (Киев). Производство стеклянных изделий (по материалам ремесленных мастерских Киевского Подола XII – первой половины XIII века)	130

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Roman Croitor (<i>Aix-en-Provence</i>), Vitalie Burlacu (<i>Chișinău</i>). The Middle Paleolithic site of Buzdujeni 1 (Northern Moldova): evidence on periodic occupation by cave hyena	136
Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chișinău</i>), Vasile Diaconu (<i>Târgu-Neamț</i>), Nicoleta Vornicu (<i>Iași</i>). Despre vasul de cupru medieval descoperit la Cetatea Neamțului (județul Neamț, România). Noi considerații	145
Mariana Gugeanu (<i>Iași</i>). Textilă liturgică arheologică – <i>Mâneceuță</i> . Conservare și restaurare	157

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Kirsten Hellström, *Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet*

(2. Jh. v. Chr. - 3. Jh. n. Chr.). Arhäologie in Eurasien 39, Bonn, 2018,
284 pagini și 94 planșe, ISBN 978-3-7749-3948-6
(Vasile Iarmulschi, Berlin) 163

IN HONOREM

Dumitru Boghian la 65 de ani (Sergiu-Constantin Enea, Târgu-Frumos) 165

IN MEMORIAM

La adio Oleg Levički: Omul și Savantul (1956-2020)
(Vasile Haheu, Chișinău) 168

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 172

INFORMATII ȘI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 173

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL
MAGAZINE 174

Ludmila Bacumenco-Pîrnău, Vasile Diaconu, Nicoleta Vornicu

**Despre vasul de cupru medieval descoperit la Cetatea Neamțului
(județul Neamț, România). Noi considerații**

Keywords: vessels, cauldron, copper, Neamț Fortress, Moldova, Middles Ages, investigations non-invazive

Cuvinte cheie: vase de bucătărie, ceaun, cupru, Cetatea Neamțului, Moldova, evul mediu, investigații non-invazive

Ключевые слова: посуда, котел, медь, крепость Нямц, средневековье, неинвазивные исследования

Ludmila Bacumenco-Pîrnău, Vasile Diaconu, Nicoleta Vornicu

About the medieval copper vessel discovered at the Neamț Fortress (Neamț County). New considerations

Copper containers used in medieval and premodern Moldavia are a category of artifacts rarely found in archaeological sites. The finds in this category were rarely recovered in their entirety, most often being found in fragmentary condition. The purpose of this paper is to discuss the problem of copper vessels in Moldavia in the 14th – 18th centuries, as well as to expand the possibilities of historical interpretation of various aspects of daily life, in relation to the development of the metalcrafts in this space and the connections with workshops, craftsmen and trade centers in the neighboring regions, within this timeframe. The first medieval copper vessel discovered within the territory of Moldavia is the one of Neamț Fortress, which is preserved today in the collections of the Museum of History and Ethnography in Târgu Neamț. The vessel has been subjected to non-invasive investigations, and the results of metallographic analysis are the core of a specialist database that we intend to develop in the near future.

Ludmila Bacumenco-Pîrnău, Vasile Diaconu, Nicoleta Vornicu

Despre vasul de cupru medieval descoperit la Cetatea Neamțului (județul Neamț). Noi considerații

Recipientele de cupru folosite în Moldova medievală și premodernă reprezintă o categorie de artefacte rar întâlnite în siturile arheologice. Pieșele din această categorie au fost recuperate rareori întregi, de cele mai multe ori fiind găsite în stare fragmentară. Scopul lucrării de față este de a aduce în discuție problema vaselor de cupru din Moldova secolelor XIV-XVIII și de a lărgi posibilitățile de interpretare istorică a diverselor aspecte de viață cotidiană, dar și a meșteșugului prelucrării metalelor în acest spațiu, a posibilelor conexiuni cu atelierele meșteșugărești și centre economice din regiunile învecinate în acest interval cronologic. Primul vas medieval de cupru descoperit pe teritoriul Moldovei provine din Cetatea Neamțului și se păstrează astăzi în colecțiile Muzeului de Istorie și Etnografie din Târgu Neamț. Piesa a fost supusă unor investigații non-invazive, iar rezultatele analizelor metalografice constituie nucleul unei baze de date pe care intenționăm să o dezvoltăm în viitor.

Людмила Бакуменко-Пыренэу, Василе Диакону, Николета Ворнику

К вопросу о средневековом медном сосуде, обнаруженном в крепости Нямц (жудец Нямц, Румыния). Новые соображения

Медные сосуды, используемые в средневековой Молдове, представляют собой категорию находок, редко встречающихся на археологических памятниках. Артефакты из этой категории лишь иногда встречаются целыми, чаще всего они были найдены в фрагментарном состоянии. Целью данной работы является обсуждение проблемы распространения медных сосудов в средневековой Молдове в XIV-XVIII веков и расширение возможностей исторического осмысливания различных аспектов повседневной жизни, а также развития ремесла металлообработки в этом регионе, возможных связей с мастерскими из экономическими центрами соседних регионов в этом хронологическом интервале. Первый целый медный котел, обнаруженный на территории средневековой Молдовы, происходит из крепости Нямц и хранится сегодня в коллекциях Музея истории и этнографии из города Тыргу Нямц. Котел подвергался неинвазивным исследованиям и результаты металлографического анализа стали первыми из созданной нами базы данных, которую мы намерены расширить в будущем.

Introducere

Vasele din cupru, utilizate în Moldova secolelor XIV-XVIII, reprezintă o categorie de artefakte rar întâlnite în siturile arheologice. Repertoriul formelor de recipiente lucrate din fier de cupru este destul de modest, fiind reprezentat de cazane sau ceaune, tigăi, ulcioare, căni, căldări, lighene cu di-

ferite caracteristici morfologice și tehnice. Pieșele din această categorie au fost recuperate rareori întregi, de cele mai multe ori fiind găsite în stare fragmentară. Una dintre explicații este slaba rezistențitatea metalului și topirea vaselor uzate, respectiv, nefuncționale, pentru utilizarea ca materie primă. Remarcăm faptul că în sursele documentare

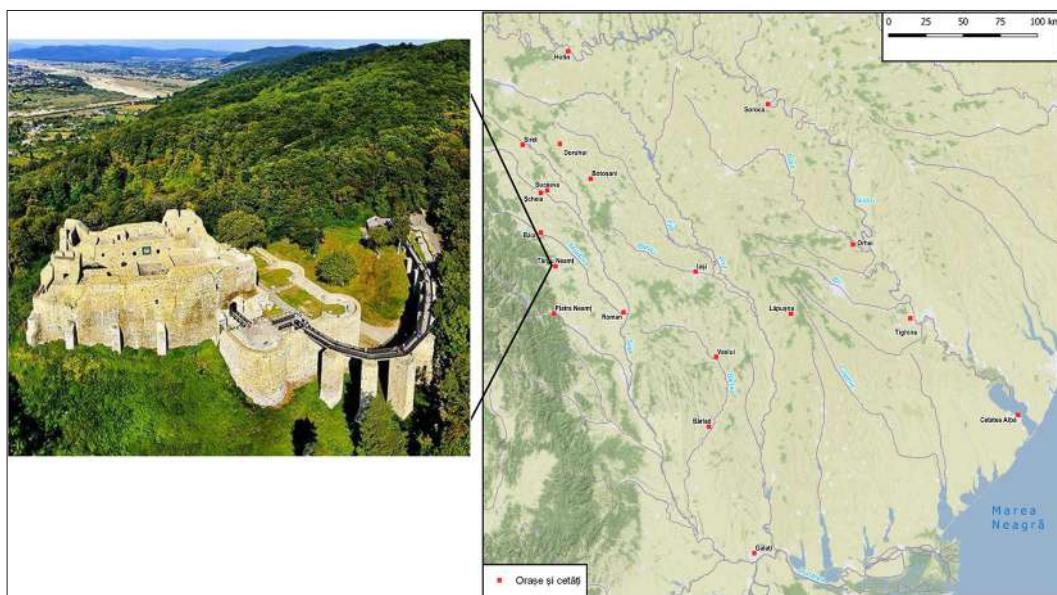

Fig. 1. Harta amplasării Cetății Neamțului.

Fig. 1. Mapp of the Neamț Fortress location.

din această perioadă întâlnim menționate diferite vase din acest material. O „meadelniță din aramă”, adică ligheanul în care își spălau mâinile înainte și după masă, 23 de căldări, patru „căldări mari de bere”, împreună cu alte bunuri, sunt consemnate în catastiful averii mănăstirii Galata din Iași din 25 noiembrie 1588 [Caproșu 1999, 31]. Căldări mici, căldări mari de bere, „blide de aramă”, tingiri, tăvi, tigăi au fost trecute în lista bunurilor recuperate de „giupâneasa lui Ureche” de la mănăstirea Sfânta Vineri din Iași la 1643 [Zahariuc et al. 2005, 43]. Din timpul domniei lui Vasile Lupu provine și actul din 11 noiembrie 1649, care arată în avereia unui anume Gheorghe „2 căldări, și o pivă de aramă cu pilug”, „o căldărușă mică, o tigae, și alte povije” [Olteanu 1959, 113]¹.

Revenind la vasele de cupru descoperite în situri arheologice, acestea provin din câteva puncte de pe teritoriul Moldovei istorice. Un recipient cu toartă de fier a fost descoperit în anul 1960 la Vatra Moldoviței-Hurghîșca (jud. Suceava, România), fiind atribuit secolelor XIII-XIV [Vasilescu 1969, 58, fig. 11; Spinei 1970, 601, fig. 3/6; 1994, 130, fig. 29/2]. Pieze asemănătoare găsite la Plop (jud. Prahova, România) [Ioniță, Ciupercă 2003, 177-184], Pogonești (jud. Vaslui, România) [Spinei 1985, 115], Mateuți-Școală Nouă (r-nul Rezina, Republica Moldova) [Khynku 1969, 163-165],

Costești-Gârlea (r-nul Ialoveni, Republica Moldova), au fost asociate populațiilor turanice și au avut o răspândire largă în teritoriile controlate de Hoarda de Aur. Pentru secolele următoare avem descoperiri de fragmente de vase de cupru identificate în orașul medieval de la Baia (jud. Suceava), care provin din locuințe datează din secolele XIV-XV [Neamțu, Neamțu, Cheptea 1980, 64-66; 1984, 112] și dintr-o locuință atribuită începutului secolului al XV-lea din așezarea rurală de la Mălești (jud. Neamț) [Popovici 1987, 172-173]. Un interes aparte merită recipientele descoperite la Corlăteni (jud. Botoșani, România), care cuprindeau un important tezaur de monede moldovenești de la sfârșitul secolului al XIV-lea emise de Petru I Mușat (1374-1391) și Ștefan I (1393-1399) [Andronic, Grigoraș 1957, 222-223; Popovici 2010, 23-24]. Din a doua jumătate a secolului al XV-lea provin vasele de bucătărie (ulcioare, tigăi, ceaune și un capac pentru acoperirea tigăii) descoperite la Suceava în anul 1985 [Emandi 1994, 272-275]. Două „căzănele cu toartă” și un al treilea vas de mici dimensiuni (ceașcă?) de cupru, au fost găsite sub dărâmăturile unor locuințe în timpul săpăturilor arheologice din cetatea de la Bârlad (1958, 1961-1962), care a avut, se pare, o scurtă perioadă de funcționare în vara anului 1476 [Matei, Chițescu 2002, 145]. Un vas de cupru a fost găsit în umplutura unei locuințe din secolul al XVII-lea din orașul Iași, deformat în urma prăbușirii unui

1. Documentul se păstrează la Arhivele Naționale Iași, Fondul Documente, CCCXXX/5.

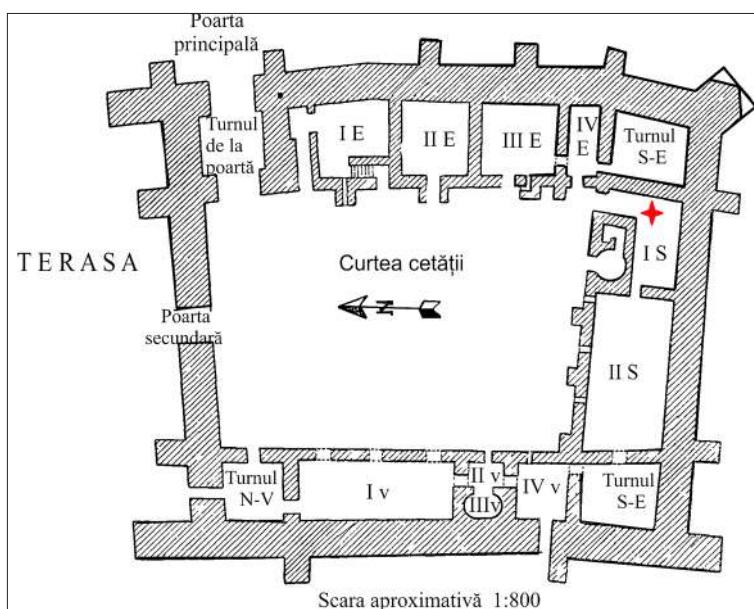

Fig. 2. Cetatea Neamțului; planul fortificației întocmit de D. Constantinescu [1946].

Fig. 2. The Neamț Fortress; plan of the fortress [by D. Constantinescu 1946].

perete a încăperii incendiate². Din secolele următoare menționăm depozitele de vase de bucătărie descoperite la Lipiceni (r-nul Rezina) [Hîncu 1990, 128-132] și la Mănăstirea Secu (jud. Neamț) [Josanu 2004, 419-430]. Observăm că, spre deosebire de vasele de bucătărie modelate din pastă de lut, cele lucrate din foi de cupru sunt descoperiri rare pe teritoriul Moldovei și, în acest moment, este dificilă stabilirea unei tipologii concludente pe anumite segmente cronologice.

Ceaunul păstrat astăzi în colecțiile Muzeului de Istorie și Etnografie din Târgu Neamț (nr. inv. 15), a fost recuperat din Cetatea Neamțului, una dintre cele mai importante fortificații din interiorul Țării Moldovei (fig. 1). Vasul este prima descoperire cunoscută din această categorie de artefacte de pe teritoriul Moldovei medievale, reprezentând un valoros vestigiu pentru reconstituirea anumitor aspecte ale culturii materiale și cotidianului din acest spațiu. Recipientul a fost supus unor investigații non-invazive, iar rezultatele analizelor metalografice constituie nucleul unei baze de date pe care intenționăm să o dezvoltăm în continuare.

Scopul lucrării de față este de a aduce în discuție problema vaselor de cupru din Moldova secolelor XIV-XVIII și de a lărgi posibilitățile

2. Material inedit (2019), responsabil științific de șantier: dr. Cătălin Hriban (Institutul de Arheologie, Iași).

de interpretare istorică a diverselor aspecte de viață cotidiană, dar și a meșteșugului prelucrării metalelor în acest spațiu, a posibilelor conexiuni cu atelierele meșteșugărești și centre economice din regiunile învecinate în acest interval cronologic.

Contextul descoperirii

Cercetările arheologice întreprinse la Cetatea Neamțului au contribuit la documentarea etapelor de construcție, a planimetriei și organizării militare a fortificației medievale, precum și a unor aspecte referitoare la viața de zi cu zi a celor care și-au manifestat puterea sau au găsit adăpost după zidurile cetății timp de câteva secole [Mitrea et al. 1955, 753-818; Constantinescu 1960, 81-102; 1963, 217-223; Popa 1968; Chițescu 1975; Diaconu, Dumitroaia 2012, 229-256 s.a.].

Studierea famoasei cetăți prin săpături arheologice începe în anul 1939, când, la inițiativa Comisiunii Monumentelor Iсторice, cunoscutul medievist ieșean Ilie Minea, împreună cu Nicolae Grigoraș și inginerul Gheorghe Cojoc, au organizat prima campanie arheologică [Minea, Grigoraș, Cojoc 1943, 141-210]. În acest an și în următorii, 1940-1942, se degajă încăperi, scări de acces, se fac sondaje în *intramuros* și *extramuros*, se recuperează materiale importante și se înregistrează destul de riguroz dimensiunile zidurilor dezvelite, ale spațiilor cercetate, fiind realizat și un plan detaliat al zonelor investigate [Constantinescu 1946a, 115-136; 1946b, 136-178; Diaconu 2019, 385-390].

În ziua de 2 octombrie anul 1940, în timpul lucrărilor efectuate pe latura sudică a cetății, a fost descoperit un vas de cupru, înregistrat drept „căldărușă”. Potrivit însemnărilor din jurnalul de șantier, întocmit de către Dumitru Constantinescu, asistentul lui Ilie Minea, recipientul a fost găsit în interiorul fortificației (fig. 2), pe pardoseala „făcută din piatră vânătă, sfârâmată (căreia i se spune pe aci „chisoc”)” din „camera I-a sudică”, sub un strat consistent de moloz, precedat de un „strat de cenușă și sgră”. Din notițele publicate aflăm că de la „adâncimea părții de jos a ultimei trepte”, săpătura a fost făcută „pe urma foulului, spre vest, la circa 1,80 m adâncime”, la care

Fig. 3. Cetatea Neamțului; ceaun.

Fig. 3. The Neamț Fortress; cauldron.

s-a efectuat „un sondaj” și s-a dat de pardoseală la 2,90 m adâncime „de la baza bolții în jos” [Constantinescu 1946a, 133], nivel de la care a fost recuperată piesa abordată în lucrarea noastră.

Descrierea piesei

Vasul a fost lucrat dintr-o singură foaie de cupru, prin batere, păstrând în interior urme de ciocan. Acesta are o formă tronconică, mai larg în partea superioară. Buza este răsfrântă în afară. Baza este convexă, în partea mediană observându-se o adâncitură concavă de formă circulară. Marginea recipientului a fost întărită cu o bară din fier, a cărei dimensiuni nu pot fi stabilite din cauza coroziunii puternice. Ceaunul a avut două torți dispuse simetric, prinse prin câte două nituri. Cele patru perforații pentru nituri, făcute din interior, sunt dispuse relativ simetric; s-au păstrat trei nituri de prindere a urechișelor, unite, pro-

babil, printr-o toartă de agățat vasul la foc. Pereții acestuia au grosimea de 0,1 cm; diametrul gurii – 24x25,5 cm, înălțimea – 14 cm; diametrul bazei – 20,5 cm, greutatea este de 819 gr. Suprafața ceaunului este acoperită în unele zone cu patină de culoare verde și alți produși de coroziune rezultați în timpul zacerii în sol, având o distribuție zonală, mai concentrată în interior. Vasul a fost utilizat pentru preparatul mâncării la foc, drept mărturie fiind cocleala de pe suprafața lui. De asemenea, în peretele vasului am constatat urmele unei reparații, având în vedere o gaură rămasă (fig. 3)³.

Rezultate și discuții

Cronologie

Contextul descoperirii nu furnizează informații

3. Desenul a fost realizat de domnul Romeo Ionescu (Institutul de Arheologie, Academia Română - Filiala Iași), căruia îi multumim și pe această cale.

clare pentru încadrarea cronologică a piesei. Din molozul aflat în proximitatea ceaunului a fost scos un fragment de „disc ornamental smâlțuit, de culoare verde-gri” [Constantinescu 1946a, 133], care însă nu poate restrânge datarea vasului. În general, se știe că discurile smâlțuite au fost folosite o perioadă lungă de timp pentru înfrumusețarea construcțiilor medievale. În acest sens, P.-V. Batariuc, specialistă recunoscută pentru cercetările sale în domeniul ceramicii monumentale din spațiul est-carpatic, a afirmat că la mijlocul secolului al XVII-lea se renunță la decorul ceramic „după ce, cu intreruperi, fusese utilizat în Moldova vreme de patru secole” [Batariuc 2012, 3-17]. Oricum, acest disc nu poate fi studiat, întrucât nu s-a păstrat în colecțiile muzeului. În ceea ce privește alte artefacte din „camera I-a sudică”, D. Constantinescu notează că a fost găsită „partea laterală a unei lulele negre” [Constantinescu 1946a, 134]. Lipsa unei descrieri privind forma, decorul, dimensiunile acestei piese ne împiedică să ne pronunțăm asupra cronologiei. În general, în zona Balcanilor, cele mai timpurii pipe au fost dateate în secolul al XVII-lea [Costea, Stănică, Ignat 2007, 336], iar limita inferioară pentru pipele întâlnite în Moldova și Dobrogea a fost stabilită în intervalul sfârșitului secolului al XVII-lea/incepertul veacului al XVIII-lea [Bilavscu 2017, 227].

În lipsa unor piese databile în proximitatea locului descoperirii, am încercat să urmărim istoria „răsipirii Cetății Neamțului” [Minea, Grigoraș, Cojoc 1943, 161-163]. Știm că ceaunul a fost recuperat de sub un strat consistent de moloz din „camera I-a sudică”, precedat de un „strat de cenușă și sgură, la adâncimea părții de jos a ultimei trepte” [Constantinescu 1946a, 133]. Această „răsipire” nu a avut loc în timpul domniei lui Alexandru Lăpușneanu [Pungă 1994, 153-159], întrucât cetatea era funcțională la 1600, când garnizoana pusă de Mihai Viteazul, opune rezistență trupelor polone conduse de cancelarul Jan Zamoyski [Popa 1968, 19]. Cetatea a fost utilizată și în timpul lui Vasile Lupu (1634-1653), domnul Moldovei păstrând acolo tezaurul domnesc („toată inima avuției” lui) [Popa 1968, 21]. Transformată temporar în mănăstire, în spatele zidurilor acestei fortificații și-au găsit adăpost boierii țării și familiile lor în timpul năvălilor tătarilor și cazarilor (1650) [Şerban 1991, 107, 157]. În incinta cetății a funcționat o monetărie pentru baterea de

bani falși, probabil, în timpul domniei lui Duca vodă (1668-1672) [Popa 1968, 21]. Nu știm dacă stratul consistent de moloz identificat în perimetrul încăperilor adosate zidurilor cetății, inclusiv de pe latura sudică, provine de la distrugerea făcută la porunca lui Dumitrașco Cantacuzino din anul 1675 [Neculce 1982, 244-245]. Se pare că Cetatea Neamțului a fost folosită și în perioada ulterioară acestei date, fiind supusă în mai multe rânduri unor atacuri, soldate, probabil, cu prăbușiri de ziduri și, apoi, scurte perioade de refaceri. Astfel, sursele documentare consemnează adăpostirea unor boieri moldoveni cu averile lor și întemnițarea altora; și, de asemenea, ocuparea cetății de către garnizoane poloneze sau austriece. Rămâne memorabil evenimentul din toamna anului 1686, când domnița Ruxanda, fiica lui Vasile Lupu, refugiată în cetate alături de alți mari boieri ai țării, a fost decapitată de o ceată de cazaci zaporojeni, condusă de postelnicul N. Krupenski [Şerban 1991, 36], alăturat polonezilor. Istoria funcționării cetății Neamțului se încheie definitiv în primii ani ai celei de-a treia domnii a lui Mihai Racoviță, probabil, în 1718, când acesta își trimite slujitorii să distrugă fortificația [Neculce 1982, 678; Popa 1968, 23].

Luând toate aceste în considerare, nu putem spune cu certitudine de când datează vasul. Cu o anumită marjă de eroare îl putem atribui celei de-a doua jumătăți a secolului al XVII-lea, întrucât stratul de moloz și cel de arsură care a acoperit ceaunul provine, probabil, de după încheierea domniei lui Vasile Lupu. Nu avem la îndemâna nici date concludente/comparabile în ceea ce privește caracteristicile tehnice ale vaselor de cupru folosite în Moldova în această perioadă, cunoașterea în acest sens fiind destul de sumară [Olteanu, Şerban 1969, 65].

Proveniența piesei

Una dintre întrebările pe care ni le-am pus la începutul cercetării noastre a fost dacă ceaunul descoperit în Cetatea Neamțului a fost realizat într-un atelier din Moldova sau provine din afara țării.

În secolul al XVII-lea, întâlnim numeroase mențiuni documentare despre căldărari, o categorie de meșteșugari, desprinsă din cea a fierarilor, care produceau căldări, cazane, tigai și alte vase din cupru. Astfel, într-un istoric scris între 1 septembrie 1623 – 31 august 1624, este menționat un anume țigan „Ivan căldărar cu casa lui” [Caproșu, Con-

stantinov 2006, 157-158]. Meșterii căldărari apar în acte în calitate de martori la vânzări sau cumpărări de ocine. Spre exemplu, potrivit unui zapis din 9 martie 1640, un anume Vasilie căldărar, alături de alți „oameni buni” era martor la vânzarea unei case de pe Ulița Nouă din Iași [Ciocan et al. 2003, 300; Caproșu, Zahariuc 1999, 364]. La 1665, Dumitrașco, fiu de căldărar și Mierăuță, fiu de căldărar, erau martori la cumpărarea unui loc de casă de către Gavrilaș logofăt pe Ulița Nouă din Iași [Caproșu 2000, 79-80]. Un Pană căldărar era martor la 1669 la cumpărarea unui loc de casă de lângă Mesărnici din Iași [Caproșu 2000, 227]. La 1676, la vânzarea unor case cu pivniță de pe Ulița Chervăsariei din Iași erau martori alături de alți „oameni buni” și doi căldărari, Vasilie și Dragne [Caproșu 2000, 403-404]. Cei doi martori apar între anii 1676-1680 în calitate de martori la mai multe vânzări de pe Ulița Nouă, de lângă mănăstirea Bărboi, în mahalaua Potcovarilor [Caproșu 2000, 418, 439-440, 467-468, 473]. La 1 ianuarie 1673, în Suceava, erau cel puțin trei căldărari: un Grigorie căldărar „scris pe ulița lui Mane”, un Ionașco căldărar „pe ulița Fruntea”, Roman căldărar „pe ulița lui Ponea” [Pavlescu 1939, 182-183]. Căldărarii liberi aveau dughene în orașe unde reparau, dar și lucrau căldări. Astfel, documentele amintesc pe Gheorghe căldărarul, fiul lui Miron căldărarul, care se judeca „pentru niște casă cu locul lor și cu dugheana de lucrat căldărării în mijloc, ce sănt tot într-un păreti, aice în Iași, ot Ulița Hagioiae”, care avea și diată din 1709-1710, în care se consemna că tatăl său îi lăsa moștenire „casa ce mare, cu camără din păretele de la vale” ficei sale Maria polcovnică, iar „casa piste tindă, în păretele de la deal, cu dugheana ce de lucrul căldărării și cu ciniile dughenii le-au dat feciorului său, lui Gheorghe”. Se mai arată în diată că Gheorghe căldărariul primea moștenire „și 58 ocă de aramă” [Caproșu 2001, 83-85]. Se țeau tocmai pentru deprinderea meșteșugului căldărăriei consemnate prin acte. Sursele documentare amintesc despre „tocmeala ucenicilor”, un asemenea caz fiind consemnat la 1792, când Tofan Vremete țigan căldărar, a încheiat zapisul cu vătavul boierului Ioan Cantacuzino că a luat un copil de țigan din satul Șerbești „să-l învăț deplin meșteșugul căldărăriei, cum și meșteșugul spoitoriei” [Pavlescu 1939, 503-513].

În ceea ce privește existența unor surse de aprovizionare cu materie primă și tehnice de prelucrare a cuprului în Moldova în perioada evului

mediu sau în prag de modernitate există anumite deficiențe/limitări și rămâne încă o problemă insuficient abordată [Olteanu, Șerban 1969, 65]. Cercetările n-au evoluat îndeajuns în acest sens, lipsește în continuare o bază de date metalografice pe categorii de artefacte. Pentru Moldova medievală nu avem informații directe despre extragerea minereului de aramă, cum avem pentru Țara Românească în timpul domniei lui Matei Basarab, desprinse din relatările lui Paul de Alep de la jumătatea secolului al XVII-lea [Olteanu 1959, 106]. Despre o exploatare minieră locală în munții din zona Neamțului în evul mediu relata misionarul catolic Marco Bandini în timpul lui Vasile Lupu, care scria că în acești munți se găsesc diferite minereuri, inclusiv de cupru, dar nu se exploatau din cauza tiraniei turcești [Bandini 2006, 372]. În această regiune, există localități bogate în mineruri (Broșteni, Dealul Fierului, Holdița, Pârâul Arămii, Zgureni), fapt confirmat în urma analizelor efectuate de specialiști încă la sfârșitul secolului al XIX-lea [Olteanu 1959, 105].

În acest context, problema provenienței ceaunului de la Cetatea Neamțului rămâne deschisă. Nu cunoaștem analogii perfecte în spațiul românesc, vasul fiind diferit ca formă și tehnică de lucru față de alte descoperiri cunoscute de către noi. Se poate admite ca ipoteză de lucru că ceaunul găsit la Cetatea Neamțului provine din afara granițelor Moldovei, dintr-un spațiu controlat de imperiul otoman. O pistă de interpretare în acest sens ne-a fost sugerată de doamna dr. Rodica Popovici de la Institutul de Arheologie din Iași. Din literatura de specialitate pusă la dispoziție cu generozitate, am remarcat un ceaun asemănător descoperit la Szolnok (Ungaria) [Kovács 1984, 86, fig. 7/7], cetate care s-a aflat sub ocupație turcească în perioada anilor 1552-1685. Acesta este lucrat din cupru, puternic deteriorat, și lipsește baza. Recipientul a avut două torți de o parte și de alta a gurii, prinse prin câte două nituri, mărturie fiind cele patru perforații pentru nituri, amplasate câte două în linie verticală. Diametrul gurii este de 22,5 cm, înălțimea de 8,2 cm [Kovács 1984, 85]. Arheologul maghiar Gy. Kovács arată că recipientul a fost folosit odinioară pentru prepararea bucătelor fierite sau prăjite, afirmând că și în ziua de azi vasele cu două torți sunt preferate în Turcia pentru fierul sau prăjitul alimentelor. Autorul face trimitere la cercetările lui F. Memişoglu, care a remarcat faptul

că în asemenea vase erau gătite bucătele din carne, mai ales de oaie. Prin urmare, vasele mai adânci de gătit (fiert), descoperite la Szolnok au fost identificate cu recipientele denumite în limba turcă „tençere” sau „kushane”, în care se gătea sub capac toată carnea. Potrivit lui Kovács, muzeul „Damjanich János” din orașul Szolnok păstrează în colecțiile sale și alte recipiente întregi din cupru (ibrice, ulcioare, tipsii, lighene), care, probabil, au fost produse în atelierele meșteșugărești anatoliene sau în țările balcanice. În susținerea acestei ipoteze, el menționează și registrele vamale turcești, care atestă o cantitate considerabilă de vase de cupru descărcate în portul din Szolnok [Kovács 1984, 91]. Revenind, la problema asemănării ceaunului de la Cetatea Neamțului cu cel din fortăreața de la Szolnok, menționăm că unele vase „otomane” din cupru din aceeași colecție au pe suprafața bazei o adâncitură concavă de formă circulară [Kovács 1984, 82, fig. 4/4-5], similară celei observate la ceaunul prezentat de noi (fig. 3). Aceste analogii par să sugereze proveniența ceaunului descoperit la Cetatea Neamțului ca fiind dintr-un atelier meșteșugăresc din spațiul controlat de otomani în secolul al XVII-lea. Totodată, luând în considerare numeroasele mențiuni documentare despre căldărari, care produceau diferite categorii de vase de cupru în orașele moldovenești în această perioadă, putem admite și ideea imitației unui model de vas „otoman” într-un atelier din Moldova.

Investigații non-invazive

Vasul descoperit la Cetatea Neamțului în campania arheologică din anul 1940 a fost studiat prin metode nedistructive de microscopie optică (OM), microscopie electronică (SEM) și spectroscopie de fluorescență cu raze X (XRF). Studiul a urmărit stabilirea compoziției materialelor utilizate la punerea în operă a obiectului și caracteristicile arheometric ale produșilor de coroziu rezultați în timpul zacerii în sol.

Microscopie optică. După pregătire, probele au fost studiate la un microscop de tip Olympus SZX 160, corelat cu programul compatibil Quick Capture Pro 2.0. și microscop digital U500XST2,

în vederea identificării degradărilor de suprafață.

Microscopie SEM. Suprafața a fost examinată folosind un Quanta 200 de tip ESEM, care funcționează la 20 kV cu electroni secundari în regim de vid scăzut (detector LFD). Microscopul Quanta 200 a fost echipat cu un sistem de raze X cu dispersie energetică (EDX) pentru analiză calitativă și cantitativă și cartografiere elementală.

Spectroscopie XRF. Spectroscopia cu fluorescență de raze X s-a realizat cu spectometrul portabil INNOV X, SUA, tehnica nedistructivă, în scopul determinării compoziției elementale a firelor metalice și a accesoriilor din metal. Aparatul este echipat cu un tub de raze X cu anod Ta, care lucrează la parametrii maximi ai tensiunii de 35kV și intensitatea curentului de 40µA; radiația fluorescentă este detectată și analizată cu un detector PIN Si, răcit termoelectric, controlat de un minicomputer. Pentru obținerea spectrului și realizarea analizei semi-cantitativă, a fost selectat software-ul de analiză a

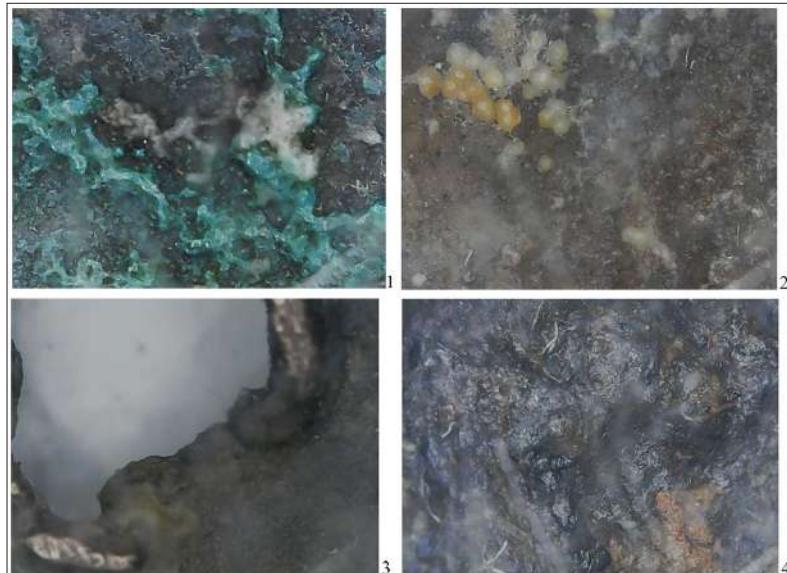

Fig. 4. a-dOM 350x. Imagini cu detalii structurale: găuri, crătere, fisuri, strat extern de depozitare pentru corozione: 1 - exterior, microstructuri încorporate în crusta de corozione; 2 - buza ceaunului, microstructuri asimilate din situl arheologic; 3 - ceaun, gaură nit, miez metalic parțial mineralizat, formațiuni de acoperire în relief mi; 4 - interior, microstructuri încorporate în crusta corozione.

Fig. 4. a-d OM 350x. Images with details on the degradation: holes, craters, cracks, external layer of corrosion storage: 1 - Exterior, microstructures incorporated in the corrosion crust; 2 - Cauldron lip, assimilated microstructures from the archaeological site; 3 - Cauldron, nit hole, partially mineralized metallic core, relief coverings mi; 4 - Interior, microstructures incorporated in the corrosion crust.

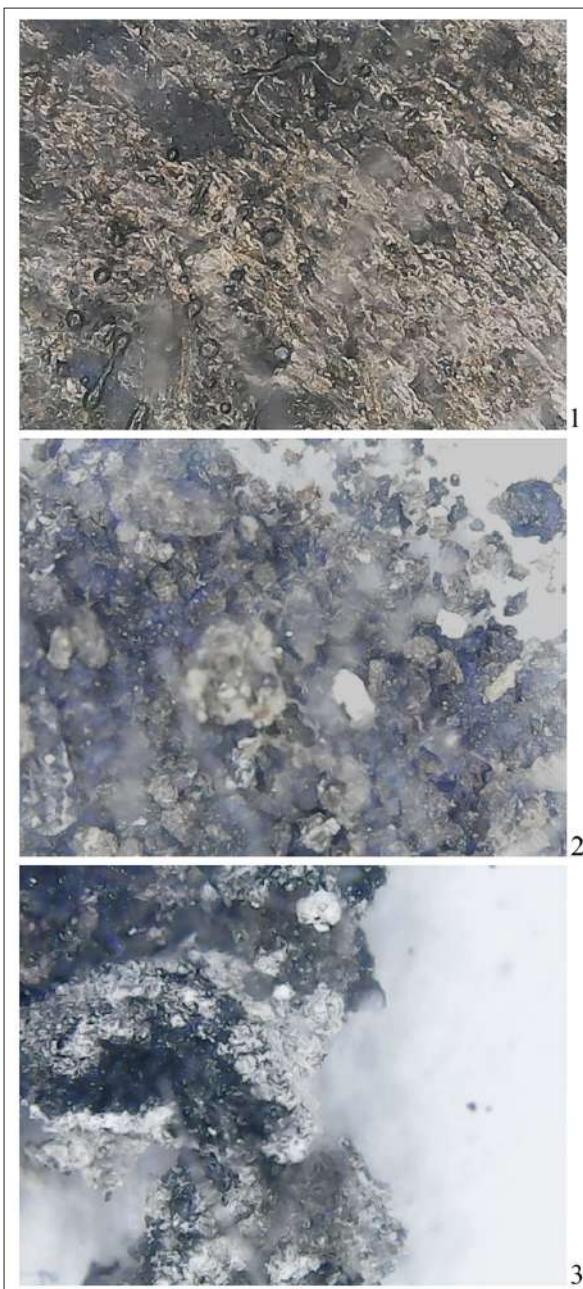

Fig. 5. Micrografia SEMx500: 1 - exterior (fisuri); 2 - interior (depozitele minerale); 3 - nit mâner (mineralizări, depuneri).

Fig. 5. SEMx500 micrograph: 1 - Exterior; 2 - Interior; 3 - nit handle (mineralization, deposits).

modului *Analytical*, cu durata de excitație de 10 s.

Studiul artefactelor confectionate din aliaje pe bază de cupru a arătat că în timpul perioadei de zacere apar o serie de transformări fizico-chimice [Vornicu, Bibire 2012; Vornicu 2014], care produc deteriorări (fisurări, măcinare) și alterări chimice, consecințe ale unor procese chimice (reacții de complexare, redox și acid-bazic). Aceste modifi-

cări apar la suprafață și în profunzimea obiectelor și sunt vizibile prin analiză macroscopică și microscopică. Microscopia optică (OM) s-a utilizat pentru identificarea diferitelor faze, inclusiv și alte caracteristici microstructurale. Studiul

Nr.crt.	Cu %	Pb%	Fe%
Fund ceaun	99,26	0,63	0,11
Mâner rupt	-	-	100
Inel margine	78,35	-	21,65
Cerc sustinere	21,11	0,24	78,65
Nit mâner	91,66	0,29	8,05
Coroziune	99,71	0,20	-

Tabelul 1. Rezultatele analizelor XRF a compoziției materialelor din care este confectionat ceaunul.

Table 1. Results of XRF analyzes of the composition of the materials from which the cauldron is made.

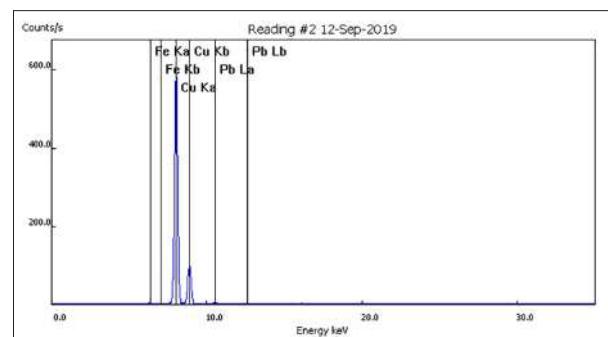

Fig. 6. Spectrul XRF, baza vasului.

Fig. 6. XRF spectrum, bottom cauldron.

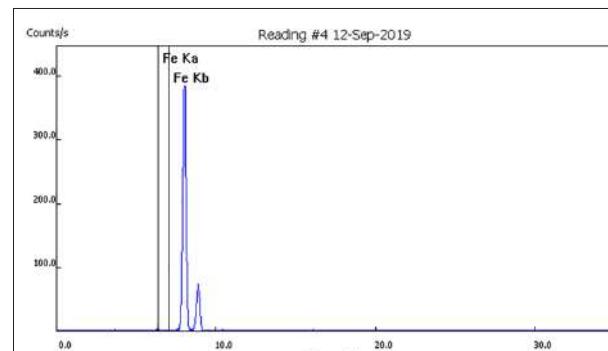

Fig. 7. Spectrul XRF, mânerul rupt.

Fig. 7. XRF spectrum, broken handle.

suprafețelor/straturilor de coroziune cu ajutorul microscopiei optice și electronice are avantajul obținerii unor rezultate imediate acționând neinvaziv. S-a observat existența unor zone cu patină naturală și zone unde crusta primară este în strat subțire pe suprafața metalului.

Stratul neuniform este format din cruste de coroziune ale cuprului, de compuși primari sau

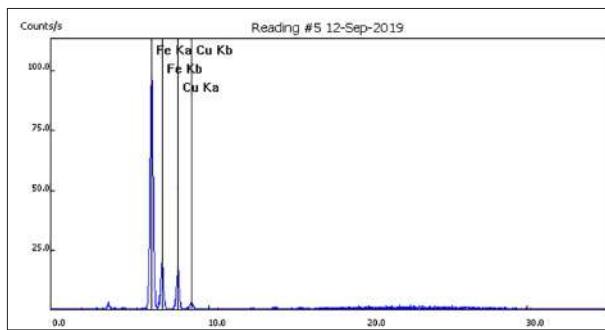

Fig. 8. Spectrul XRF, buza vasului.

Fig. 8. XRF spectrum, the lip of the cauldron.

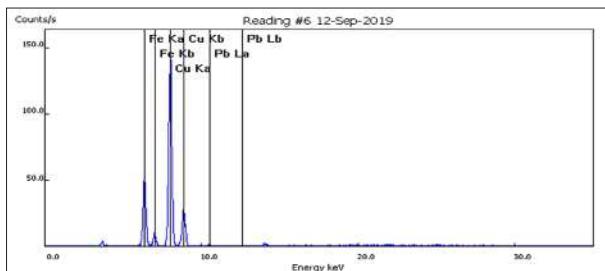

Fig. 9. Spectrul XRF, cercul de susținere.

Fig. 9. XRF spectrum, the support circle.

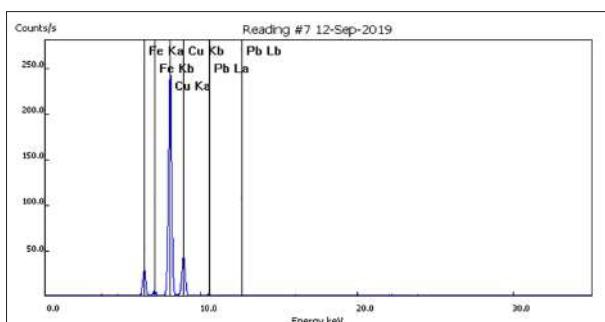

Fig. 10. Spectrul XRF, nit mâner.

Fig. 10. XRF spectrum, the nit handle.

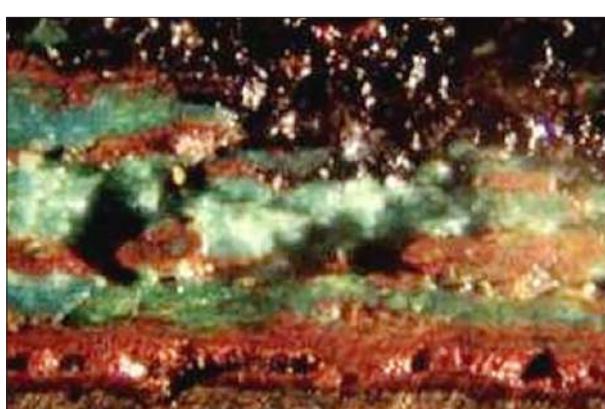

Fig. 11. Imagine OM, detaliu X500.

Fig. 11. Image OM detail X500.

Culoare și aspect	Minerale	Formula chimică
Roșu cărămiziu, gri-maroniu sau gălbui	cuprite	Cu_2O
Gri de tip Pb	calcocite	Cu_2S
Verde cu un aspect vitros	malachite	$\text{Cu}_2(\text{OH})_2\text{CO}_3$
Verde cu tonuri întunecate	athacamite	$\text{Cu}_2(\text{OH})_3\text{Cl}$

Tabelul 2. Rezultatele analizei colorimetrice pentru mineralele din structura patinei analizate.

Table 2. The results of the colorimetric analysis for the minerals from the analyzed patina structure.

secundari produși care se formează în diferite stadii de degradare. Depozitele cu produse de coroziune au o distribuție zonală, sunt mai concentrate la interiorul vasului (fig. 4).

Scanarea prin microscopie electronică a fost utilizată pentru caracterizarea incluziunilor de pe artefactul studiat. Examinarea acestor structuri cu SEM a evidențiat o suprafață relativ uniformă cu rețele de micro-fisuri vizibile (fig 5).

Granule alternate de clorură de cupru (mai întunecate) și cuprite (mai deschise) sunt clar vizibile. Microscopia SEM a evidențiat o structură aspră pe suprafața lor, neomogenă, cu relief inegal și micro-fisuri, iar depozitele minerale au rezultat din depuneri și monolitizare, dar și din segregare în fază de volum.

Analiza elementală prin fluorescență cu raze X a fost realizată pe suprafețe mici, curățate, ale ceaunului (evitând straturile de coroziune alterate) pentru a determina compoziția tablei și a altor părți componente ale vasului (nituri, cerc de susținere) (fig. 6-10).

Compoziția elementală determinată cu spectrometrul de fluorescență cu raze X este prezentată în tabelul 1.

Analiza colorimetrică prin reflexie s-a realizat cu ajutorul unui microscop U500XST2, punctele selectate pentru analiză sunt reprezentante de entități mineralogice din cele trei straturi ale coroziunii (fig. 11).

Rezultatele obținute prin analiză punctuală a culorii microcristalitelor confirmă prezența componentelor majoritare – Cu și Pb, în fazele mineralogice studiate și cu alte metode (XRF). Aceste rezultate arată natura materialelor utilizate la punerea în

operă a obiectului și caracteristicile arheometrice ale produșilor de coroziune rezultați în timpul zăcerii în sol, evidențind extensia lor la suprafață și spre interior (către miezul metalic).

Spectrometria XRF a permis identificarea materialelor utilizate în confecționarea ceaunului:

- foaia de tablă, nitul mânerului și marginea de susținere au element majoritar Cu peste 99% cu urme de Pb și Fe provenite din minereu.
- la nivelul mânerului rupt și a inelului de susținere s-a identificat component majoritar Fe. Este posibil ca aceste elemente să fi fost adăugate în urma unor reparații realizate în timp.

Microscopia SEM a evidențiat la suprafața ceaunului o structură neregulată, neomogenă, cu relief inegal și micro-fisuri, cu depozite de minerale rezultate din depuneri, monolitizare și din segregare. O parte dintre acestea se datorează perioadei de funcționare a vasului, iar altele din perioada de zacere în sol.

Pe baza rezultatelor obținute, am constatat că ceaunul s-a degradat și deteriorat sub acțiunea a două tipuri de procese: 1) interacțiuni chimice (coroziune chimică și microbiologică, hidrolize, carbonatari, fosfatari etc.), care conduc la crearea celor trei straturi de coroziune de suprafață, primară și secundară; 2) interacțiuni fizico-mecanice (segregare, recristalizare, monolitizare, depunere, eroziune etc.). Interacțiunile fizice duc la contaminarea produșilor de coroziune sub formă de depozite aderente, care formează patina de contaminare.

Corelația datelor rezultate din analizele mineralogice și colorimetrice cu datele obținute din spectroscopia XRF și SEM au permis stabilirea ca element de bază în aliaj a Cu cu diferite forme de oxidare Cu (I), Cu (II), Pb (II), Pb (III) oxizi. Datele obținute aduc o contribuție importantă la constituirea unei baze de date, care să permită autentificarea și încadrarea corectă în perioada istorică din care provin artefactele arheologice din aceasta categorie.

Concluzii

Cercetarea întreprinsă asupra ceaunului de cupru descoperit în timpul săpăturilor arheologice de la Cetatea Neamțului din perioada interbelică reprezintă o încercare de a aduce în discuție problema vaselor de

cupru din Moldova secolelor XIV-XVIII și de a lărgi posibilitățile de interpretare istorică a diverselor aspecte de viață cotidiană, dar și a meșteșugului prelucrării metalelor în acest spațiu, a posibilelor conexiuni cu atelierele meșteșugărești și centrele economice din regiunile învecinate în acest interval cronologic. În atenția noastră au stat aspecte, cum ar fi încadrarea cronologică și proveniența piesei, luând în considerare descoperirile din așezările urbane și rurale ale Moldovei medievale și premoderne cunoscute în literatura de specialitate.

Analizând contextul descoperirii, materialele asociate și sursele documentare referitoare la funcționarea Cetății Neamțului, am ajuns la concluzia că vasul în discuție poate fi atribuit celei de-a doua jumătăți a secolului al XVII-lea.

Se pare că ceaunul de cupru de la Cetatea Neamțului se individualizează ca formă și tehnică de lucru în aria culturii materiale est-carpatic din această perioadă. Problema provenienței acestuia rămâne încă deschisă. Asemănările identificate cu vasele de cupru „ottomane” găsite în fortăreața Szolnok din Ungaria sugerează realizarea acestuia într-un atelier meșteșugăresc din spațiul controlat de turci. Totodată, luând în considerare numeroasele mențiuni documentare despre căldărarii care produceau diferite categorii de vase de cupru în orașele moldovenești în această perioadă, putem admite realizarea ceaunului de la Cetatea Neamțului într-un atelier din Moldova.

Vasul a fost supus unor investigații non-invazive, dar lipsa unei baze de date metalografice pe categorii de artefacte medievale și premoderne realizate din metal, respectiv, din cupru, pe o scară mai largă, face dificilă stabilirea unor posibile conexiuni cu anumite ateliere meșteșugărești sau centre economice din regiunile învecinate în această perioadă. Continuarea acumulării de date metalografice privind alte vase de cupru descoperite în contexte arheologice clare va duce la stabilirea unor particularități tehnologice pentru anumite zone și intervale cronologice. Informațiile obținute ca rezultat al investigațiilor cu ajutorul microscopiei optice (OM), microscopiei electronice (SEM) și spectroscopiei de fluorescență cu raze X (XRF) contribuie la constituirea unui suport științific pentru distingerea pe viitor a artefactelor din cupru produse în atelierele din Moldova sau din alte spații economice.

Bibliografie

- Andronic, Grigoraș 1957:** Al. Andronic, N. Grigoraș, Tezaurul de monede moldovenești descoperit la Corlăteni. Studii și cercetări științifice VIII, 1, 1957, 222-223.
- Bandini 2006:** M. Bandini, Codex: vizitarea generală a tuturor bisericilor catolice de rit roman din provincia Moldova: 1646-1648 (Iași 2006).
- Batariuc 1995:** P.V. Batariuc, Decorul ceramic al monumentelor din Moldova medievală (secolele XIV-XVII). Stu-

- dii și Cercetări de Istoria Artei, Arta Plastică, 42, 1995, 3-17.
- Bilavschii 2017:** G. Bilavschii, Câteva tipuri de pipe din lut din Dobrogea și Moldova. AM XL, 2017, 225-240.
- Caproșu 2000:** I. Caproșu (ed.), Documente privitoare la istoria orașului Iași, II, Acte interne (1661-1690) (Iași 2000).
- Caproșu 2001:** I. Caproșu (ed.), Documente privitoare la istoria orașului Iași, V, Acte interne (1741-1755) (Iași 2001).
- Caproșu, Constantinov 2006:** I. Caproșu, V. Constantinov (ed.), Documenta Romaniae Historica, A. Moldova, XVIII (1623-1625) (București 2006).
- Caproșu, Zahariuc 1999:** I. Caproșu, P. Zahariuc (ed.), Documente privitoare la istoria orașului Iași, I, Acte interne (1408-1660) (Iași 1999).
- Chițescu 1975:** L. Chițescu, Cu privire la cetățile Moldovei în timpul lui Ștefan cel Mare. Revista de Istorie XXVIII, 10, 1975, 1533-1546.
- Ciocan et al. 2003:** N. Ciocan, D. Agache, G. Ignat, M. Chelcu, Documenta Romaniae Historica, A. Moldova, XXV (1639-1640) (București 2003).
- Constantinescu 1946a:** D. Constantinescu, Campania de săpături din anul 1940 de la Cetatea Neamțului. Anuarul Comisiunii Monumentelor Istorice pe 1943, 1946, 115-136.
- Constantinescu 1946b:** D. Constantinescu, Raport asupra săpăturilor din anul 1942 de la Cetatea Neamțului. Anuarul Comisiunii Monumentelor Istorice pe 1943, 1946, 136-178.
- Constantinescu 1960:** N. Constantinescu, Date noi în legătură cu Cetatea Neamțului. SCIV, XI, 1, 1960, 81-102.
- Constantinescu 1963:** N. Constantinescu, Din nou în problema Cetății Neamțului. SCIV, XIV, 1, 1963, 217-223.
- Costea, Stănică, Ignat 2007:** I. Costea, A. Stănică, A. Ignat, Pipe de lut descoperite la Babadag. Peuce V, 2007, 335-362.
- Diaconu 2019:** V. Diaconu, Primele cercetări arheologice la Cetatea Neamț. Contribuțiile lui Ilie Minea și Dumitru Constantinescu. In: (ed. V. Diaconu, L. Pîrnău) Un secol de arheologie în spațiul est-carpatic: concepte, metode, tendințe (Brăila, Piatra-Neamț 2019), 385-390.
- Diaconu, Dumitroaia 2012:** V. Diaconu, Gh. Dumitroaia, Mormintele medievale de la Cetatea Neamț. MA XX-VIII, 2012, 229-256.
- Emandi 1994:** E.I. Emandi, Civilizația medieval-urbană. Un depozit de marfă din vremea lui Ștefan cel Mare, descoperit la Suceava. Hierasus IX, 1994, 235-291.
- Hîncu 1990:** I. Hîncu, Vestigii strămoșești (Chișinău 1990).
- Ioniță 2003:** A. Ioniță, B. Ciuperca, Depozitul de la Plop (jud. Prahova). In: (coord. D. Marcu Istrate, A. Istrate, C. Gaiu) In memoriam Radu Popa. Temeiuri ale civilizației românești în context european (Cluj Napoca 2003), 177-184.
- Josanu 2004:** V. Josanu, Un depozit medieval târziu de vase din metal de la Mănăstirea Secu, jud. Neamț. MA XXIII, 2004, 419-430.
- Khynku 1969:** I. Khynku, Srednevekovyi mogil'nik Shkoala Noua iz sela Mateutsy. In: Dalekoe proshloe Moldavii (Chișinău 1969), 162-170 // И. Г. Хынку, Средневековый могильник Шкоала Ноуэ из села Матеуцы. В: Далекое прошлое Молдавии (Кишинэу 1969).
- Kovács 1984:** Gy. Kovács, Török rézédeények Szolnok megyéből (Vases de cuivre turcs provenant du comitat de Szolnok). Archeologiai Értesítő 111 (Budapest 1984), 78-91.
- Matasă 1934:** C. Matasă, Cetatea Neamțului. In: Boabe de grâu V, 3, 1934, 142-157.
- Matei, Chițescu 2002:** M.D. Matei, L. Chițescu, Cetatea de pământ de la Bârlad (Târgoviște 2002).
- Minea, Grigoraș, Cojoc 1943:** I. Minea, N. Grigoraș, Gh. Cojoc, Din trecutul Cetății Neamțului – în legătură cu campania noastră de săpături din vara anului 1939. Cercetări istorice XVII, 1943, 141-210.
- Mitre et al. 1955:** B. Mitrea, Gh. Diaconu, M.D. Matei, Al. Alexandrescu, N. Constantinescu, T. Martinovici, C. Nicolaescu, Șt. Olteanu, Șantierul arheologic Suceava – Cetatea Neamțului. SCIV VI, 3-4, 1955, 753-818.
- Neamțu, Neamțu, Cheptea 1980:** E. Neamțu, V. Neamțu, St. Cheptea, Orașul medieval Baia în secolele XIV-XVII, I. Cercetările arheologice din anii 1967-1976 (Iași 1980).
- Neamțu, Neamțu, Cheptea 1984:** E. Neamțu, V. Neamțu, St. Cheptea, Orașul medieval Baia în secolele XIV-XVII, II. Cercetările arheologice din anii 1977-1980 (Iași 1984).
- Neculce 1982:** I. Neculce, Opere. Letopisul Țării Moldovei și o samă de cuvinte (București 1982).
- Olteanu 1959:** Șt. Olteanu, Meșteșugurile din Moldova în secolul al XVII-lea. Studii și materiale de istorie medie III, 1959, 101-229.
- Olteanu, Șerban 1969:** Șt. Olteanu, C. Șerban, Meșteșugurile din Țara Românească și Moldova în evul mediu (București 1969).
- Pavlescu 1939:** E. Pavlescu, Economia breslelor în Moldova (București 1939).

- Popa 1968:** R. Popa, Cetatea Neamțului (București 1968).
- Popovici 1987:** R. Popovici, Cercetări arheologice în așezarea rurală medievală Mălești (secolele XIV-XVII). AM XI, 1987, 169-190.
- Popovici 2010:** R. Popovici, Corlăteni, dép. de Botoșani; 12 mai 1957. In: (ed. V. M. Butnariu), Corpus Nummorum Moldaviae – IV. Monnaies et parures du Musée Départemental de Botoșani (Gura Humorului 2010), 23-24.
- Pungă 1994:** Gh. Pungă, Țara Moldovei în vremea lui Alexandru Lăpușneanu (Iași 1994).
- Spinei 1970:** V. Spinei, Unele considerații cu privire la descoperirile arheologice din Moldova din secolul al XII-lea până în prima jumătate a secolului al XIV-lea. SCIV XXI, 4, 1970, 595-617.
- Spinei 1985:** V. Spinei, Realități etnice și politice în Moldova meridională în secolele X-XIII. Români și turanici (Iași 1985).
- Spinei 1994:** V. Spinei, Moldova în secolele XI-XIV (Chișinău 1994).
- Stoicescu 1974:** N. Stoicescu, Repertoriul bibliografic al localităților și monumentelor medievale din Moldova (București 1974).
- Şerban 1991:** C. Şerban, Vasile Lupu, domn al Moldovei (1634-1653) (București 1991).
- Vasilescu 1969:** Al. Vasilescu, Drumurile „tătărești” în lumina noilor descoperiri arheologice din județul Suceava. Studii și Materiale. Istorie (Suceava 1969), 59-63.
- Vornicu, Bibire 2012:** N. Vornicu, C. Bibire, Modern techniques in the research of metal objects from ecclesial heritage (Iași 2012).
- Vornicu 2014:** N. Vornicu, Instrumental methods in the authentication of cultural heritage. Application of instrumental methods in the authentication of cultural heritage. Case studies (painting, book, metal, stone). LAMBERT Academic Publishing, 2014.
- Zahariuc et al. 2005:** P. Zahariuc, C. Chelcu, M. Chelcu, S. Văcaru, D. Ciurea (ed.), Documenta Romaniae Historica, A. Moldova, XXVII (1643-1644) (București 2005).

Ludmila Bacumenco-Pîrnău, doctor în istorie, cercetător științific, Institutul de Arheologie, Academia Română-Filiala Iași, str. Codrescu, 6, Pavilion H / Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: ludmila.pirnau@gmail.com

Vasile Diaconu, doctor în istorie, Muzeul de Istorie și Etnografie Târgu Neamț, Complexul Muzeal Județean Neamț, Târgu Neamț, România, e-mail: diavas_n82@yahoo.com

Nicoleta Vornicu, doctor habilitat, Centrul Mitropolitan de Cercetări T.A.B.O.R., Iași, România, e-mail: cmctaboriesasi@yahoo.com

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XVI _ nr. 1

IN MEMORIAM

**Dr.hab. OLEG LEVIȚKI
(1956-2020)**

Revistă indexată în bazele de date

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2020

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

**INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE**

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki†

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – dr. **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посыпать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Eugen Mistreanu (<i>Chișinău</i>), Marcin M. Przybyła (<i>Kraków</i>). Despre planimetria aşezării gumelniteșene Taraclia I în cercetări vechi și noi	5
Майя Кашуба (Санкт-Петербург), Игорь Сапожников (Киев). История находки Бородинского (Бессарабского) клада	21
Aurel Mototolea (<i>Constanța</i>), Simina Margareta Stanc (<i>Iași</i>), Andreea Andrei (<i>Constanța</i>). The roadside inns (<i>khâns</i>) in Ottoman Dobrudja	48

MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Валерий Манько (Киев), Гурам Чхатарашвили (Батуми). Раннеголоценовая стоянка Джварцхма в Западной Грузии	63
Oleg Levițkiț, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chișinău</i>). Rezultatele investigațiilor arheologice efectuate în cadrul sitului Trinca-Izvorul lui Luca în anul 2001	78
Виталий Синика (Тирасполь), Сергей Лысенко (Киев), Сергей Разумов (Тирасполь), Николай Тельнов (Кишинэу). Курган 2 группы «Рыбхоз» в Нижнем Поднестровье и скифские кремации Северо-Западного Причерноморья	99
Александр Симоненко (Киев). Ритуальный депозит II-I вв. до н.э. из Брэвичень	108

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Vasile Haheu (<i>Chișinău</i>). Sistemul defensiv al fortificațiilor traco-getice (particularități constructive și principii de apărare)	121
Елена Журухина (Киев). Производство стеклянных изделий (по материалам ремесленных мастерских Киевского Подола XII – первой половины XIII века)	130

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Roman Croitor (<i>Aix-en-Provence</i>), Vitalie Burlacu (<i>Chișinău</i>). The Middle Paleolithic site of Buzdujeni 1 (Northern Moldova): evidence on periodic occupation by cave hyena	136
Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chișinău</i>), Vasile Diaconu (<i>Târgu-Neamț</i>), Nicoleta Vornicu (<i>Iași</i>). Despre vasul de cupru medieval descoperit la Cetatea Neamțului (județul Neamț, România). Noi considerații	145
Mariana Gugeanu (<i>Iași</i>). Textilă liturgică arheologică – <i>Mâneceuță</i> . Conservare și restaurare	157

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Kirsten Hellström, *Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet*

(2. Jh. v. Chr. - 3. Jh. n. Chr.). Arhäologie in Eurasien 39, Bonn, 2018,
284 pagini și 94 planșe, ISBN 978-3-7749-3948-6
(Vasile Iarmulschi, Berlin) 163

IN HONOREM

Dumitru Boghian la 65 de ani (Sergiu-Constantin Enea, Târgu-Frumos) 165

IN MEMORIAM

La adio Oleg Levički: Omul și Savantul (1956-2020)
(Vasile Haheu, Chișinău) 168

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 172

INFORMATII ȘI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 173

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL
MAGAZINE 174

Mariana Gugeanu

Textilă liturgică arheologică – *Mâncuță* descoperită la Mănăstirea Căpriana. Conservare și restaurare

Keywords: archaeological textiles, conservation, restoration, Căpriana Monastery, Bănulescu-Bodoni.

Cuvinte cheie: textile arheologice, conservare, restaurare, mănăstirea Căpriana, Bănulescu-Bodoni.

Ключевые слова: археологический текстиль, консервация, реставрация, Каприянский монастырь, Бэнулеску-Бодони.

Mariana Gugeanu

Epimanikon, an archaeological liturgical textile item discovered at the Căpriana Monastery. Conservation and restoration

The article deals with the issue of the conservation-restoration of the *Epimanikon*, a liturgical textile item originating from the crypt of Metropolitan Gavril Bănulescu-Bodoni. The discovery of the remains of Metropolitan Gavril Bănulescu-Bodoni's liturgical vestments at Căpriana Monastery, in 2016, raised specific problems as regards the conservation, research, restoration and turning to account of cultural heritage items with particular cultural and historical value. Out of all the constituent textile objects of the liturgical vestments, the left hand *Epimanikon* was in a severe degree of degradation. The results provided by the investigations on the nature of the constituent materials, types and nature of degradations, constituted the premises for establishing the stages of the conservation-restoration process. A support was designed for the textile item saved by conservation-restoration, in order to be turned to account in the museum, for the present and future generations.

Mariana Gugeanu

Textilă liturgică arheologică – *Mâncuță* descoperită la Mănăstirea Căpriana. Conservare și restaurare

Articolul prezintă problematica conservării-restaurării piesei textile liturgice – *Mâncuță*, provenită din cripta mitropolitului Gavril Bănulescu-Bodoni. Descoperirea în anul 2016, la Mănăstirea Căpriana, a vestigilor veșmintelor liturgice ale mitropolitului Gavril Bănulescu-Bodoni, a ridicat probleme de cercetare, conservare, restaurare și valorificare muzeală a unor bunuri de patrimoniu cultural de o valoare cultural-istorică deosebită. Dintre piesele textile componente ale veșmintelor liturgice, *Mâncuță* aferentă mâinii stângi, prezenta un grad accentuat de degradare. Rezultatele investigațiilor efectuate cu privire la natura materialelor componente, a tipurilor și a naturii degradărilor, au constituit premizele stabilirii etapelor procesului de conservare-restaurare. Pentru piesa textilă salvată prin conservare-restaurare a fost proiectat, special, un suport în vederea valorificării muzeale pentru generațiile prezente și viitoare.

Марияна Гуджеану

Археологический литургический текстиль – Поручи обнаружен в Кэприанском монастыре. Сохранение и Реставрация

В статье представлена проблема консервации-реставрации литургического текстильного изделия - *Поручи* из склепа митрополита Гавриила Бэнулеску-Бодони. Обнаружение в 2016 году в монастыре Кэприана остатков литургических облачений митрополита Гавриила Бэнулеску-Бодони поставило вопросы исследования, консервации, реставрации и музейной оценки объектов культурного наследия, представляющих особую культурно-историческую ценность. Среди текстильных деталей, которые входят в литургические облачения, левые *поручи*, показал повышенную степень деградации. Результаты исследований, проведенных в отношении природы компонентов, типов и характера деградации, послужили основанием для установления этапов консервационно-восстановительного процесса. Для текстильного изделия, сохраненного путем консервации-реставрации, была специально разработана, в частности, поддержка музеиных ценностей нынешних и будущих поколений.

Introducere

În cadrul cercetărilor arheologice fragmente de textile sunt foarte rar descoperite, comparativ cu obiectele din materiale anorganice (ceramică, metal). Descoperirea obiectelor textile în contextele arheologice prezintă un potențial enorm în cercetarea arheologică deoarece, prin cercetarea și examinarea atentă a fragmentelor de textile, acestea sunt capabile să „povestească”

despre aspectele sociale și culturale ale societăților din trecut, oferindu-ne, totodată, „unica ocazie de a fi foarte aproape de omul preistoric” [Andersson et al. 2010, 150].

Procesul de conservare-restaurare aplicat în cazul textilelor arheologice este unul dintre cele mai complexe, având în vedere atât natura organică a materialelor componente sau, de cele mai multe ori, compozită (în cazul alăturării unor ma-

teriale de natură diferită – organică și anorganică), cât și tipurile diferite de degradare generate de acțiunea cumulativă a factorilor existenți în mediu de înhumare.

Veșmintele liturgice, inclusiv mâncuțele, descoperite în cripta mitropolitului Gavriil Bănelescu-Bodoni, ca parte integrantă a patrimoniului cultural mobil, reprezintă o mărturie documentar-istorică a costumului liturgic arhieresc de la începutul secolului al XIX-lea, constituind un reper al evoluției acestui tip de veșmânt, de-a lungul timpului; mesajul informațional conținut este valoros atât din punctul de vedere al caracteristicilor textile specifice, cât și din cel al rolului componentelor vestimentare, în corelație cu semnificația simbolică și eclesiastică a acestora.

Descrierea piesei

Referitor la aceste piese vestimentare liturgice – *mâncuțe*, atât locul de origine, cât și momentul apariției și integrării, ca parte componentă a costumului clerical, nu sunt cunoscute, cu exactitate. *Mâncuțele*, numite și *rucavițe* (de la termenul slav *рука* – mâna), sunt piese vestimentare comune celor trei trepte ierarhice (diacon, preot, arhieeu), care se pun peste marginea mâncilor stiharului, pentru a le strânge, ca să nu stâñjenească mișcările mâinilor. Din secolul al XVII-lea, mâncuțele sunt purtate, ca și stiharul, de toate treptele ierarhiei clericale, simbolizând, întotdeauna, puterea divină care îl învrednicește pe slujitorul bisericesc să oficieze serviciul religios. Ele amintesc, totodată, de legăturile care au curmat mâinile Mântuitorului, atunci când oamenii lui Pilat și ai Caiafei L-au prins și L-au legat deferindu-L acestora, spre judecare [Gregorian 1941, 56].

Ca veșmânt liturgic, mâncuțele sunt accesorii ale stiharului fiind poziționate peste mâncile acestuia, în partea inferioară, cu rolul de a îngusta largimea mâncilor în zona încheieturii mâinii. În zonele laterale, mâncuțele sunt prevăzute cu verigi (un număr de cinci pe fiecare dintre cele două laterale) prin care este trecut un șnur cu ajutorul căruia se realizează fixarea, strâns, a mâncuțelor și, implicit, a părții infrioare a mâncilor stiharului, în jurul încheieturii mâinii; astfel, mișcările oficiantului, în timpul efectuării serviciului religios, nu sunt stânjenite.

Piesa textilă *Mâncuța* stângă, care constituie subiectul acestui studiu, este realizată în tehnica broderiei manuale pe suport multiplu (textil și păpetar), cu fire de mătase naturală colorate (maro, ocru – maroniu, galben-auriu, verde smarald), fire metalice din argint și argint aurit înfășurate pe miez de mătase naturală, benzi metalice spiralate și fațetate, paiete din cupru și din argint aurit, materiale componente care s-au păstrat în stare fragmentară (fig. 1; 3,a). Decorul broderiei este alcătuit din motive florale (trandafiri, lalele) și motive cu semnificație simbolică religioasă (crucea, mitra arhierească); acestea din urmă prezintă, în compoziția artistică, și pietre decorative din sticlă, de culoare roșie și albastră. *Mâncuța* stângă, după conservare-restaurare, are dimensiunea de 22,5x18,5 cm. Modalitatea de fixare a mâncuței la încheietura mâinii se realizează cu ajutorul unui șnur împletit manual din 10 fire de mătase naturală și verigi din Ag cu urme de aurire.

Etapele procesului de conservare-restaurare Starea de conservare

În momentul prelevării artefactelor, *Mâncuța* stângă prezenta o stare de degradare accentuată (fig. 1; 3,a). Din punctul de vedere al stării de conservare s-au constatat următoarele: deshidratarea și fragilizarea accentuată a materialelor textile; prezența depunerilor aderente de săruri și particule de pământ, a produșilor de descompunere organică, atât pe față, cât și pe reversul pieselor textile (fig. 1).

Fig. 1. *Mâncuța* stângă, înainte de detașare de pe stihar. Ansamblu.

Fig. 1. Left Epimanikon, before being detached from the Sticharion. Overview.

Fig. 2. Degradarea țesăturii – suport a broderiei, în diferite zone.

Fig. 2. Degradation of the embroidery's support weaving, in different areas.

Degradarea țesăturii utilizate ca suport a broderiei, respectiv lipsa integralității acesteia (din structura țesăturii păstrându-se doar unul dintre sistemele de fire componente, cel din mătase naturală) (fig. 2), uzura funcțională, anterior, momentului înhumării și, nu în ultimul rând, acțiunea factorilor de degradare specifici mediului de înhumare, au contribuit la detașarea și dispersarea elementelor componente ale broderiei (fig. 3,a). De asemenea, în același context, menționăm rezistența mecanică mult diminuată, atât a firelor de mătase naturală și a firelor metalice componente ale broderiei, cât și a firelor de mătase naturală componente ale șnurului utilizat pentru legarea acestei piese în jurul încheieturii mâinii. Alături de ceilalți factori de degradare, rezistența mecanică diminuată, a generat apariția scămoșărilor/a rupturilor cu lacune mari de material a acesteia, deformări și plieri ale materialului textil, produse în mod aleatoriu (fig. 3,a-b). Pe re-

versul piesei se observă existența a două fragmente, de mici dimensiuni, provenind de la țesături diferite, fapt ce presupune efectuarea, în cazul acestei piese, a unor intervenții anterioare (fig. 3,a).

Pe suprafața piesei textile se remarcă prezența, în cantitate mare, a produșilor de coroziune a metalelor, atât pe componenta metalică, cât și pe materialul textil aflat în imediata vecinătate a acesteia (fig. 2-3).

Menționăm de asemenea, prezența rădăcinilor de plante, foarte bine inserate în structura piesei și urme ale unui atac de insecte. Pe parcursul operațiilor de conservare-restaurare au fost identificate urme de ceară, poziționate în anumite zone, între firele metalice ale broderiei, fapt care a condus la presupunerea că, această piesă tex-

Fig. 3. Mânecuță înainte de conservare-restaurare. **a** - ansamblu; **b** - detaliu.

Fig. 3. Epimanikon before conservation-restoration. **a** - overview; **b** - detail.

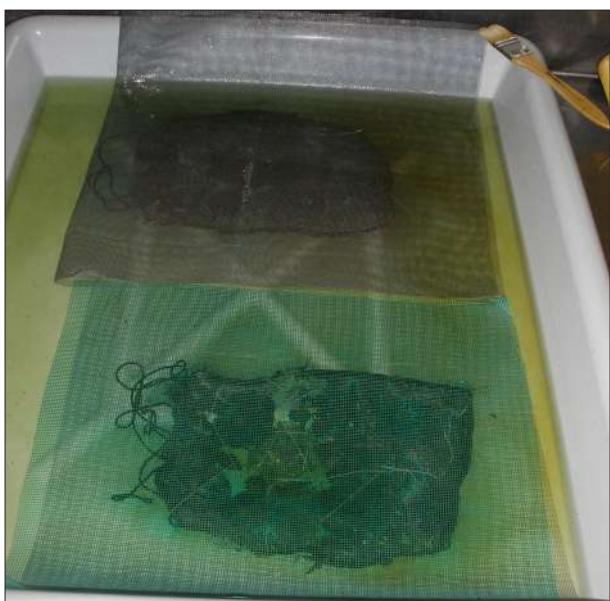

Fig. 4. Curățire chimică, prin imersie.

Fig. 4. Chemical cleaning by immersion.

tilă a fost utilizată, vreme îndelungată, în cadrul îndeplinirii ritualurilor prevăzute în canoanele bisericesti pentru anumite ocazii și sărbători.

Etape ale procesului de conservare - restaurare

Primele operații efectuate în cadrul procesului de conservare activă au constat în dezinfecția materialului arheologic, prelevarea de probe în vederea efectuării analizelor fizico-chimice și curățiri mecanice, în vederea îndepărțării impurităților fixate superficial. A urmat etapa hidratărilor progresive, alternate cu curățiri mecanice, operații pe parcursul cărora au fost îndepărtate și impuritățile a căror aderență la suportul textil, se diminuase. Elementele componente ale broderiei ce erau disperse, au fost aranjate ca piesele de puzzle, pe o plasă de terilenă; această etapă a fost necesară în vederea reconstituirii integralității piesei, înainte de aplicarea tratamentelor umede și chimice. Au urmat curățări umede, prin imersie în soluții de curățire conținând apă distilată, glicerină, alcool și detergent neutru. În continuare, s-au efectuat curățări chimice, prin imersie în soluție de Complexon III, urmate de clătiri repetitive până la neutralizarea materialului textil. Curățările chimice s-au făcut alternativ cu cele mecanice. Curățările mecanice s-au efectuat, sub lupă/stereomicoscop, cu ajutorul bisturiului și a periilor moi; în acest mod s-a reușit îndepărțarea impurităților, a resturilor de rădăcini de plante precum și a petelor de ceară descoperite în timpul tratamentelor. Procesul de conservare a continuat cu:

efectuarea de băi de emoliere, cu apă distilată și glicerină, în mai multe etape; curățire chimică, în mai multe etape, prin imersie în diverse soluții în vederea îndepărțării produșilor de coroziune a elementelor metalice din cupru și a firelor de argint și Ag aurit din compoziția piesei. Imersarea s-a făcut în tasă, piesa fiind consolidată, în prealabil, între două plăse de terilenă pentru a fi manevrată ușor (fig. 4).

Clătirea în etape succesive până la neutralizarea completă a materialelor și uscarea piesei textile, în mediu controlat, pe pat absorbant de hârtie de filtru au constituit etapele finale ale procesului de conservare activă.

Fig. 5. Consolidare broderie prin coasere. **a** - ansamblu; **b** - detaliu.

Fig. 5. Embroidery consolidation by sewing. **a** - overview; **b** - detail.

Fig. 6. Ansamblu. **a** - înainte de conservare-restaurare; **b** - după conservare-restaurare.

Fig. 6. Overview. **a** - before conservation-restoration; **b** - after conservation-restoration.

Şnurul din mătase naturală a fost tratat separat, alternând curătirile umede cu apă, alcool, glicerină și detergent neutru, cu băile de curățire repetitive, până la neutralizare completă. Verigile metalice din argint au fost conservate-restaurate până la o anumită etapă împreună cu partea textilă, în cadrul laboratorului de restaurare textile, apoi partea finală a procesului de conservare-restaurare s-a realizat în cadrul laboratorului de restaurare metal.

A urmat etapa de pregătire a materialelor textile pentru consolidare (fire de borangic, ţesătură de mătase naturală, ţesătură de bumbac și tul), atât pentru fața piesei, cât și pentru revers. Materialele textile au fost vopsite utilizând coloranți naturali

din plante și coloranți chimici, pentru a obține nuanțe cât mai apropiate de fondul broderiei, urmărind respectarea principiului integrării cromatice. Consolidarea s-a realizat prin coasere, cu fire de borangic, pe un suport textil nou având caracteristici similare suportului broderiei originale, în vederea integrării cromatice a zonelor degradate în unitatea piesei. Firele de mătase naturală, componente ale broderiei, care s-au mai păstrat, au fost paralelizate și fixate prin coasere, cu fire de borangic (fig. 5). Între cele două ţesături, față și reversul piesei, a fost fixată prin coasere o altă ţesătură din bumbac, vopsită în nuanță fondului broderiei. Pe această ţesătură de bumbac a fost aplicată o altă ţesătură, tot din bumbac, prin termolipire, pentru a conferi piesei originale, stabilitate dimensională, în timp.

Pentru fața piesei s-a vopsit tul, respectând principiul integrării cromatice. Tulul vopsit a fost aplicat prin coasere, cu fire de borangic, peste broderia restaurată, în vederea protejării acesteia în cazul manevrărilor ulterioare pentru transport/depozitare. A fost confecționată o dublură nouă, din ţesătură de mătase naturală, vopsită în cromatica piesei. A urmat reasamblarea părților componente, prin coasere manuală, cu fire de mătase naturală. Fixarea verigilor metalice, prin coasere, cu fire de mătase naturală, pe reversul piesei, a fost ultima etapă a procesului de conservare-restaurare. Astfel, după un îndelungat și complex proces de conservare-restaurare, dintr-un amestec de elemente eterogene (fire metalice, fire de mătase naturală și elemente de broderie dispersate) (fig. 6,a), piesa a fost salvată și valorificată muzeal (fig. 6,b).

În vederea valorificării muzeale, pentru această piesă a fost proiectat și realizat un suport special, astfel încât piesa să nu fie tensionată și să fie bine pusă în valoare.

Mulțumiri:

Domnului prof. dr. hab. Gheorghe Postică, Universitatea de Stat din Moldova, Chișinău pentru încrederea acordată în restaurarea pieselor, Doamnei dr. Maria Geba, șef Centrul de Cercetare și Conservare Restaurare a Patrimoniului Cultural, pentru investigațiile fizico-chimice realizate, doamnei ing. Doina Anăstăsoaei pentru colaborare, Complexul Muzeal Național „Moldova” Iași și domnului Loredan Baiardi, TVR Iași, pentru documentația foto realizată.

Bibliografie

Andersson et al. 2010: E. Andersson Strand, K.M. Frei, M. Gleba, U. Mannering, M.-L. Nosch, I. Skals, Old textiles-new possibilities. European Journal of Archaeology 13(2), SAGE Publications, 2010, 149-173.

Gregorian, 1941: V. Gregorian, Veșmintele liturgice în Biserica Ortodoxă. Tipografia Sfintei Mitropolii a Olteniei (Craiova 1941).

Mariana Gugeanu, expert restaurator textile, IA, Centrul de Cercetare și Conservare Restaurare a Patrimoniului Cultural, Complexul Muzeal Național „Moldova” Iași, România, e-mail: m_gugeanu@yahoo.com

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XVI _ nr. 1

IN MEMORIAM

**Dr.hab. OLEG LEVIȚKI
(1956-2020)**

Revistă indexată în bazele de date

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2020

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

**INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE**

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki†

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – dr. **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посыпать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Eugen Mistreanu (<i>Chișinău</i>), Marcin M. Przybyła (<i>Kraków</i>). Despre planimetria aşezării gumelniteșene Taraclia I în cercetări vechi și noi	5
Майя Кашуба (Санкт-Петербург), Игорь Сапожников (Киев). История находки Бородинского (Бессарабского) клада	21
Aurel Mototolea (<i>Constanța</i>), Simina Margareta Stanc (<i>Iași</i>), Andreea Andrei (<i>Constanța</i>). The roadside inns (<i>khâns</i>) in Ottoman Dobrudja	48

MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Валерий Манько (Киев), Гурам Чхатарашвили (Батуми). Раннеголоценовая стоянка Джварцхма в Западной Грузии	63
Oleg Levițkiț, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chișinău</i>). Rezultatele investigațiilor arheologice efectuate în cadrul sitului Trinca-Izvorul lui Luca în anul 2001	78
Виталий Синика (Тирасполь), Сергей Лысенко (Киев), Сергей Разумов (Тирасполь), Николай Тельнов (Кишинэу). Курган 2 группы «Рыбхоз» в Нижнем Поднестровье и скифские кремации Северо-Западного Причерноморья	99
Александр Симоненко (Киев). Ритуальный депозит II-I вв. до н.э. из Брэвичень	108

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Vasile Haheu (<i>Chișinău</i>). Sistemul defensiv al fortificațiilor traco-getice (particularități constructive și principii de apărare)	121
Елена Журухина (Киев). Производство стеклянных изделий (по материалам ремесленных мастерских Киевского Подола XII – первой половины XIII века)	130

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Roman Croitor (<i>Aix-en-Provence</i>), Vitalie Burlacu (<i>Chișinău</i>). The Middle Paleolithic site of Buzdujeni 1 (Northern Moldova): evidence on periodic occupation by cave hyena	136
Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chișinău</i>), Vasile Diaconu (<i>Târgu-Neamț</i>), Nicoleta Vornicu (<i>Iași</i>). Despre vasul de cupru medieval descoperit la Cetatea Neamțului (județul Neamț, România). Noi considerații	145
Mariana Gugeanu (<i>Iași</i>). Textilă liturgică arheologică – <i>Mâneceuță</i> . Conservare și restaurare	157

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Kirsten Hellström, *Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet*

(2. Jh. v. Chr. - 3. Jh. n. Chr.). Arhäologie in Eurasien 39, Bonn, 2018,
284 pagini și 94 planșe, ISBN 978-3-7749-3948-6
(Vasile Iarmulschi, Berlin) 163

IN HONOREM

Dumitru Boghian la 65 de ani (Sergiu-Constantin Enea, Târgu-Frumos) 165

IN MEMORIAM

La adio Oleg Levički: Omul și Savantul (1956-2020)
(Vasile Haheu, Chișinău) 168

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 172

INFORMATII ȘI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 173

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL
MAGAZINE 174

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Kirsten Hellström *Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. Jh. v. Chr. – 3. Jh. n. Chr.)*
Archäologie in Eurasien 39, Bonn 2018,
284 pagini și 94 planșe. ISBN 978-3-7749-3948-6

În rândurile ce urmează, semnalăm apariția unei monografii care, cu siguranță, va fi interesantă specialiștilor în arheologia epocii Latene și romane. Este vorba de lucrarea *Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. Jh. v. Chr. – 3. Jh. n. Chr.)* // *Fibule și portul fibulelor de epocă sarmatică în nordul Mării Negre*, semnată de Kirsten Hellström, a căzut lumina tiparului la prestigioasa editură Dr. Rudolf Habelt GmbH din Bonn. Menționăm că volumul reprezintă varianta în bunătățită a lucrării de doctorat susținută de autor la Freie Universität Berlin în anul 2015.

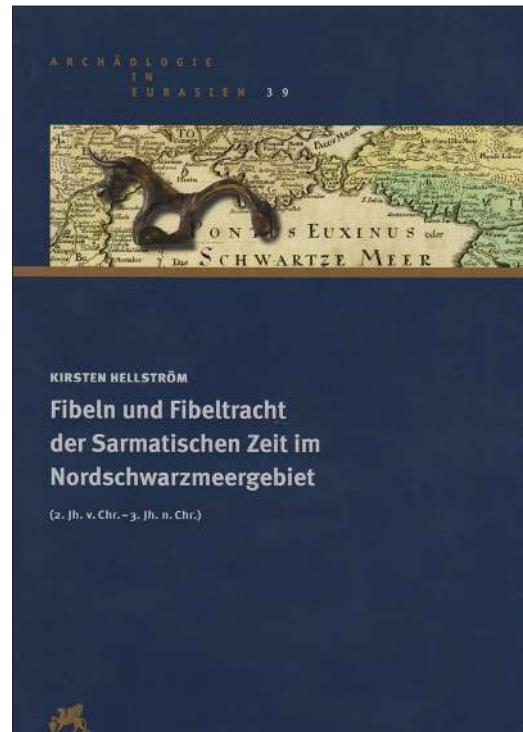
Așa cum reiese din sumar, volumul este alcătuit din: *Cuvânt al editorului; Cuvânt al autorului; Introducere; cinci capitole; Rezultate*, la care se adaugă *Sintezele* în limbile germană, engleză și rusă; *Bibliografia; Catalogul descoperirilor și planșele*.

În partea introductivă se prezintă succint scopul și obiectivele de bază ale studiului, cadrul cronologic (secolul II a. Chr. – sec. III p.Chr.) și geografic (zona de stepă cuprinsă între râul Don și Carpații Orientali) al lucrării. Totodată, este relevată și importanța pe care o are analiza detaliată a fibulelor în cercetarea epocii „sarmatice”¹ din nordul Pontului Euxin.

În primul capitol, intitulat *Kulturhistorischer Überblick // Situația cultural-istorică: date generale* (p. 7-16) K. Hellström prezintă informații generale referitoare la populațiile și grupurile-culturale care au populat spațiul nord-pontic în perioada secolelor II a. Chr. – III p. Chr.: cultura „sciților târzii”, cultura sarmatică, grecii și romani în nordul Mării Negre.

În următorul capitol, *Chronologie der sarmatischen Epoche im Nordschwarzmeergebiet // Cronologia epocii sarmatice din nordul Mării Negre* (p. 18-25) autorul supune discuției diferite aspecte

1. Este un termen utilizat, mai cu seamă, în literatura de specialitate din Ucraina și Federația Rusă.

legate de cronologia culturii sarmatice și a culturii „sciților târzii” din nordul Pontului Euxin. Abordând cronologia culturii sarmatice, K. Hellström în mare parte acceptă periodizarea și încadrarea cronologică propusă de Al. Simonenko. Astfel, fiind definite trei etape ale acestei culturi: 1. Faza timpurie (sec. II a. Chr – prima jumătate a sec. I p. Chr.); 2. Etapa mijlocie (a doua jumătate a sec. I – mijlocul sec. II p. Chr.); 3. Perioada târzie (a doua jumătate a sec. II – sec. IV p. Chr.). În cadrul perioadei târzii au fost evidențiate două subfaze: 1. Subfaza timpurie (a doua jumătate a sec. II – mijlocul sec. III p. Chr.); 2. Subfaza târzie (mijlocul sec. III – sec. IV p. Chr.) (p. 21-22).

În ceea ce privește cronologia culturii „sciților târzii”, autorul se aliniază periodizării propuse de A. Trufanov, care a evidențiat 7 etape de evoluție a respectivei culturi: 1. sec. I a. Chr – primul sefert al sec. I p. Chr.; 2. anii 25/70 ai sec. I p. Chr.; 3.

ultimul sfert al sec. I – primele decenii ale sec. II p. Chr.; **4.** Prima jumătate a sec. II p. Chr.; **5.** a doua jumătate a sec. II p. Chr.; **6.** prima jumătate a sec. III p. Chr.; **7.** a doua jumătate a sec. III – începutul sec. IV p. Chr. (p. 25).

Cel de-al treilea capitol denumit *Forschungsgeschichte und aktueller Stand der Fibelforschung // Istoricul și stadiul actual al cercetării* (p. 26-30) este dedicat prezentării istoricului cercetărilor fibulelor de epocă Latène și romană, descoperite în nordul Mării Negre. În finalul acestui capitol, K. Hellström constată că, deși a trecut mai mult de un secol de la primele abordări și analize ale acestei categorii de piese, nu există încă o tipologie bine structurată a fibulelor găsite în nordul Pontului Euxin (p. 30).

Iar, pentru a depăși acest „handicap” științific în următorul capitol intitulat *Typo-chronologische Analyse // Analiza tipologică și cronologică* (p. 31-127), autorul propune o nouă clasificare (proprie) a fibulelor. Luând la bază, în primul rând, tipologia propusă de A. Ambroz care a identificat 21 de grupe, K. Hellström evidențiază opt grupe de fibule, pe care, la rândul său, le delimitizează în mai multe tipuri și variante. Fiecare tip de fibulă este complex abordat prin prisma următoarei structuri: istoricul cercetării, distribuție geografică și culturală și cronologie.

În capitolul cinci, denumit *Überlegungen zum Gebrauch der Fibeln // Considerații privind utilizarea fibulelor* (p. 128-140), K. Hellström analizează diferite aspecte referitoare la portul fibulelor de schemă Latène și romană în nordul Mării Negre.

În ultimul capitolul intitulat *Ergebnisse // Rezultate* (p. 141-163), care este prezentat bilingv (germană/rusă), autorul face o totalizare a rezultatelor

propriilor cercetări. Astfel, discutând problema apariției „costumului cu fibule” la periferia „lumii Latène”, K. Hellström presupune că această modă a fost preluată de către sarmați și „sciții târzii” de la „purtătorii” culturilor Poienești-Lucașeuca și Zarubineck (p. 149-150). Tot aici, în baza descoperirilor de fibule în mormintele de inhumare, se încearcă evidențierea unor grupuri locale în regiunea cuprinsă între râurile Don și Nipru.

În concluziile finale ale lucrării, care sunt prezentate în trei limbi (germană, engleză și rusă), K. Hellström prezintă succint conținutul monografiei și trasează o serie de direcții în cercetarea acestui subiect de interes pentru arheologia spațiului nord-pontic.

Volumul se încheie cu o vastă listă bibliografică (p. 171-193); catalogul desfășurat al descoperirilor (p. 194-278); un appendix (p. 279-284), care cuprinde tabelul schematic al descoperirilor pe regiuni (Federația Rusă, Ucraina și Republica Moldova) și 94 planșe de o înaltă calitate grafică, unde sunt prezentate în linii mari toate vestigiile arheologice supuse analizei.

Făcând bilanțul rândurilor de mai sus, constatăm că lucrarea prezintă un interes științific deosebit, în special pentru arheologii preocupăți de epociile Latène și romană, dar și pentru studenții de la specializările arheologie și istorie veche. Indiscutabil, monografia semnată de K. Hellström va deschide calea unor explicații referitoare la fenomenele și proceselor cultural-istorice ce s-au derulat în nordul Mării Negre în perioada cuprinsă între sec. II a. Chr. – III p. Chr. Nu ne rămâne decât să felicităm colega noastră pentru acest interesant și valoros studiu.

Vasile Iarmulschi

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XVI _ nr. 1

IN MEMORIAM

**Dr.hab. OLEG LEVIȚKI
(1956-2020)**

Revistă indexată în bazele de date

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2020

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

**INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE**

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki†

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – dr. **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посыпать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Eugen Mistreanu (<i>Chișinău</i>), Marcin M. Przybyła (<i>Kraków</i>). Despre planimetria aşezării gumelniteșene Taraclia I în cercetări vechi și noi	5
Майя Кашуба (Санкт-Петербург), Игорь Сапожников (Киев). История находки Бородинского (Бессарабского) клада	21
Aurel Mototolea (<i>Constanța</i>), Simina Margareta Stanc (<i>Iași</i>), Andreea Andrei (<i>Constanța</i>). The roadside inns (<i>khâns</i>) in Ottoman Dobrudja	48

MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Валерий Манько (Киев), Гурам Чхатарашвили (Батуми). Раннеголоценовая стоянка Джварцхма в Западной Грузии	63
Oleg Levițkiț, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chișinău</i>). Rezultatele investigațiilor arheologice efectuate în cadrul sitului Trinca-Izvorul lui Luca în anul 2001	78
Виталий Синика (Тирасполь), Сергей Лысенко (Киев), Сергей Разумов (Тирасполь), Николай Тельнов (Кишинэу). Курган 2 группы «Рыбхоз» в Нижнем Поднестровье и скифские кремации Северо-Западного Причерноморья	99
Александр Симоненко (Киев). Ритуальный депозит II-I вв. до н.э. из Брэвичень	108

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Vasile Haheu (<i>Chișinău</i>). Sistemul defensiv al fortificațiilor traco-getice (particularități constructive și principii de apărare)	121
Елена Журухина (Киев). Производство стеклянных изделий (по материалам ремесленных мастерских Киевского Подола XII – первой половины XIII века)	130

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Roman Croitor (<i>Aix-en-Provence</i>), Vitalie Burlacu (<i>Chișinău</i>). The Middle Paleolithic site of Buzdujeni 1 (Northern Moldova): evidence on periodic occupation by cave hyena	136
Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chișinău</i>), Vasile Diaconu (<i>Târgu-Neamț</i>), Nicoleta Vornicu (<i>Iași</i>). Despre vasul de cupru medieval descoperit la Cetatea Neamțului (județul Neamț, România). Noi considerații	145
Mariana Gugeanu (<i>Iași</i>). Textilă liturgică arheologică – <i>Mâneceuță</i> . Conservare și restaurare	157

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Kirsten Hellström, *Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet*

(2. Jh. v. Chr. - 3. Jh. n. Chr.). Arhäologie in Eurasien 39, Bonn, 2018,
284 pagini și 94 planșe, ISBN 978-3-7749-3948-6
(Vasile Iarmulschi, Berlin) 163

IN HONOREM

Dumitru Boghian la 65 de ani (Sergiu-Constantin Enea, Târgu-Frumos) 165

IN MEMORIAM

La adio Oleg Levički: Omul și Savantul (1956-2020)
(Vasile Haheu, Chișinău) 168

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 172

INFORMATII ȘI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 173

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL
MAGAZINE 174

IN HONOREM

**Profesorului nostru,
domnul conf. univ. dr. hab. Dumitru BOGHIAN la ceas aniversar**

Ne face o deosebită plăcere să încchinăm aceste rânduri profesorului nostru, domnul Dumitru D. Boghian, acum, când a împlinit o vîrstă frumoasă, o vîrstă simbol, o vîrstă a bilanțului, dar și a creionării proiectelor de viitor, numeroase ca întotdeauna.

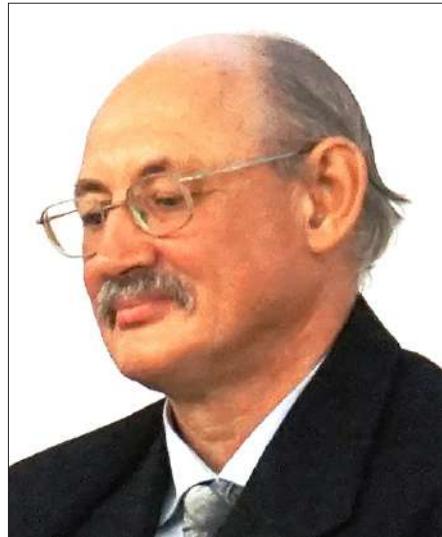
Scurte date biografice¹

Domnul profesor s-a născut la data de 16 aprilie 1955 la Câmpulung Moldovenesc (jud. Suceava). Studiile primare le-a făcut la Vicovul de Sus (clasa I, 1962) și Rădăuți, clasele II-IV, continuând studiile gimnaziale la Școala Generală nr. 4 (azi Școala Gimnazială „Regina Elisabeta”) până în 1970. Urmează apoi studiile liceale între 1970-1974 în același oraș la Liceul nr. 2, profil umanist, astăzi Colegiul Tehnic Rădăuți. În anii liceului, are contacte mai solide cu istoria prin participarea la activitățile unui Cerc de Istorie, precum și prin recuperarea unor materiale ceramice de pe terasa Suceviței, probabil momentul când a fost deturnat ireversibil către patima dulce a arheologiei.

Urmează Facultatea de Istorie și Filosofie din cadrul marii universități ieșene *Alexandru Ioan Cuza* între 1975-1979, în timpul căreia a luat contact cu doi din marii preistoricieni ai țării: academicianul Mircea Petrescu-Dîmbovița, cel care îi va coordona mai târziu teza de doctorat și profesorul Dinu Marin, alături de care a participat la cercetările arheologice de la Băiceni-*Dâmbul Morii* (1977-1978) și Cucuteni-Gosanu (1979 și apoi 1980-1987, 1989).

După absolvirea facultății, a fost repartizat, la cerere, în 1979, la Liceul Industrial Târgu Frumos, poate și pentru a fi mai aproape de centrul universitar și de cercetare ieșean și de mirajul stațiunii eponime a culturii Cucuteni. Activitatea didactică și managerială de la liceul din Târgu Frumos (director adjunct și director între 1985-1991) s-a îmbinat armonios cu activitatea de cercetare, printre altele, domnul profesor investigând în 1980 aproximativ 120 m² în stațiunea de la Săcărești, com. Cucuteni.

1. Unele din datele următoare ne-au fost furnizate, cu amabilitate, chiar de domnul profesor D. Boghian.

În 1991, domnul profesor Boghian se va încadra, prin concurs, la Facultatea de Istorie-Geografie de la Universitatea „Ştefan cel Mare” din Suceava, urcând treptat și în ierarhia universitară (lector 1991, conferențiar 2004, abilitat 2017). În 1999, susține, la Universitatea „Alexandru Ioan Cuza” din Iași, teza de doctorat *Comunitățile culturii Cucuteni din Bazinul Bahluilului*, sub îndrumarea științifică a academicianului M. Petrescu-Dîmbovița.

Repere din activitatea arheologică

Desigur că, având în vedere profilul acestui text, nu ne-am propus să trecem în revistă întreaga

Tăcuta-Dealul Miclea, 2015

activitate științifică și de cercetare care l-a consacrat pe domnul profesor, ci doar să redăm pentru cei prezenți și posteritate câteva detalii mai importante.

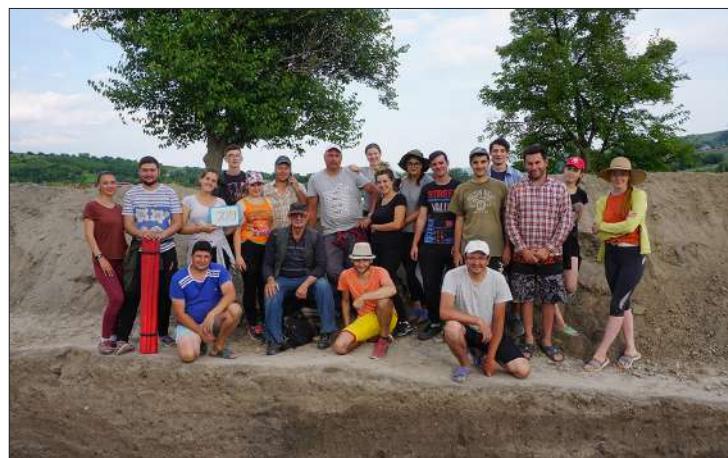
Arheolog expert, atestat oficial în anul 2005, s-a specializat în preistorie universală și carpato-danubiană, în special în problemele neoliticului, eneoliticului și epocii bronzului, cu contribuții importante și cercetări arheologice în situri din centrul și nordul Moldovei în calitate de responsabil științific și/sau membru în colectivele de cercetare; săpături la Cucuteni, Târgu Frumos-Baza

Pătule (1991-2005) și Tumulul I (2019-2020), Buznea (2017), Costești (jud. Iași, din 2012-prezent), Fetești (jud. Suceava, 2000-2006), Costâna (jud. Suceava, 2011-2012), Tăcuta (jud. Vaslui, 2011-prezent), Ripiceni (jud. Botoșani, din 2010-prezent).

Rezultatele cercetării s-au concretizat în publicarea, singur și/sau în colaborare, a șase cărți, coordonarea unui volum și peste 110 studii și articole, 65 rapoarte arheologice, precum și elaborarea și prezentarea a peste 200 de comunicări la manifestări științifice naționale și internaționale².

Trebuie amintită aici și activitatea de coordonare a numeroși studenți în cadrul programelor de licență și masterat, a practicii arheologice și itinerante, precum și a doctoranzilor, începând din anul 2018.

Îndepărându-ne acum de limbajul ușor academic în care am încercat să trasez câteva direcții din prodigioasa carieră didactică, academică și de

Costești-Cier, 2019

cercetare a domnului profesor, îmi amintesc cu drag și nostalgie că am participat împreună în ultimii zece ani la peste 20 de campanii arheologice, în siturile: Târgu Frumos-Baza *Pătule*, Tăcuta-Dealul *Miclea*, Costâna-*Imaș*, Ripiceni-*Holm*, Costești-Cier, Râșești-*Lutărie* (jud. Vaslui), Buznea-Dealul *Siliștea*, Târgu Frumos-Tumulul I, precum și la numeroase cercetări de suprafață pe teritoriile județelor Iași, Vaslui și Botoșani, prilej cu care am identificat noi așezări din diferite epoci pre-/proto- și istorice sau am adus necesare precizări pentru unele situri deja cunoscute.

Merită să ne amintim aici de ploile crunte care ne-au umplut secțiunile de multe ori, de apa scoasă cu căldările din secțiuni duminica, seara, dimineața, totul pentru a putea munci mai repede și mai bine, de gheață tradițională de iulie care ne însoțea la Costești, de grătarul la lopată brevetat la Tăcuta, de toaleta improvizată armonios la Ripiceni, dar furată creștinește într-o zi de mare sărbătoare ortodoxă dintr-un august torid, de uzualele întrebări ale tuturor dacă am găsit aur?, dacă nu avem treabă acasă?, dacă avem familii?, cât costă cioburile? etc..., de privirile mirate ale sătenilor care se uitau la arhitecții și inginerii³ prăfuiți, murdari, uzi, obosiți, arși de soare, de soneria telefonomului profesorului de dimineață și, mai ales, de ordinul suprem dat dimineață, pentru mulți prea dimineață, când ochii lipiți încă nu deslușeau nici aproapele, nici culorile: ... **SE MERGE PE SIT!!!**

Amintiri frumoase, domnule profesor, care arăta, probabil, un mod de viață comun cunoscut tuturor colegilor arheologi, din categoria celor de teren.

2. Din lipsă de spațiu, vom da aici numai titlurile volumelor, urmând ca o listă completă a publicațiilor să fie dată în volumul omagial care este în curs de pregătire: *Arheologia preistorică a lumii*, vol. I-II, Ed. Helios, BAI XII, Iași, 2003, 308 + 200 p. (în colaborare cu V. Chirica); *Începuturile Istoriei Omenirii*, Ed. Bucovina Istorică, Suceava, 2003, 350 p.; *Comunitățile cucereniene din bazinul Bahluilului*, Ed. Bucovina Istorică/Ed. Univ. „Ștefan cel Mare” Suceava, Suceava, 2004, 350 p.; *Comunitățile cucereniene din zona Târgului Frumos. Cercetări interdisciplinare în siturile de la Costești și Giurgești*, Ed. Univ. „Al. I. Cuza”, Iași, 2014 (în colaborare cu S.-C. Enea, S. Ignătescu, L. Bejenaru, M. S. Stanc), 350 p.; *Monografia orașului Târgu Frumos*, Ed. Univ. „Al. I. Cuza”, Iași, 2018, 677 p. (în colaborare cu S.-C. Enea, M. Chelcu, I. Minea); *Monografia rușilor lipoveni din Târgu Frumos*, Ed. CRLR, București, 2020, 500 p. (în colaborare cu S.-C. Enea, M. Chelcu, P. Tudose, N. Fedot) sub tipar; *Semper Fidelis! In Honorem Magistri Mircea Ignat* (B.-P. Niculică, D. Boghian (eds.), Ed. Istros a Muzeului Brăilei, Suceava, 2013, 412 p.; *Eternal Cucutenian...*, Catalogul expoziției Comunitățile cucereniene în NE României, Ed. Terra Design, Suceava, 2004, 20 p. (în colaborare).

3. De multe ori, sătenii ne spuneau arhitecți și ingineri în loc de arheologi...

Dincolo de rezultate, ne amintim și de voința crudă a profesorului de a fi acolo, de a fi lângă noi, de a fi pe deal, de a sta în soare, de a suporta vântul, de a fotografia roua dimineții și fumul ridicat de prin sate, de a ne sfătui mereu, de a ne explica tămăduirile plantelor călcate în picioare, binefacerile ceaiurilor de buruieni, de a ne ghida cu glasul bland sau de a tuna la nevoie...

Dincolo de rezultate, dincolo de titlurile academice și de activitatea științifică omagiem un **OM**, un **PRIETEN**.

LA MULTI ANI domnule profesor Dumitru Boghian, pentru că mai trebuie să ne suportați, pentru că mai avem, împreună, idei, pentru că avem proiecte de terminat și altele de început...

Sergiu-Constantin Enea

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XVI _ nr. 1

IN MEMORIAM

**Dr.hab. OLEG LEVIȚKI
(1956-2020)**

Revistă indexată în bazele de date

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2020

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

**INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE**

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki†

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – dr. **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посыпать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Eugen Mistreanu (<i>Chișinău</i>), Marcin M. Przybyła (<i>Kraków</i>). Despre planimetria aşezării gumelniteșene Taraclia I în cercetări vechi și noi	5
Майя Кашуба (Санкт-Петербург), Игорь Сапожников (Киев). История находки Бородинского (Бессарабского) клада	21
Aurel Mototolea (<i>Constanța</i>), Simina Margareta Stanc (<i>Iași</i>), Andreea Andrei (<i>Constanța</i>). The roadside inns (<i>khâns</i>) in Ottoman Dobrudja	48

MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Валерий Манько (Киев), Гурам Чхатарашвили (Батуми). Раннеголоценовая стоянка Джварцхма в Западной Грузии	63
Oleg Levițkiț, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chișinău</i>). Rezultatele investigațiilor arheologice efectuate în cadrul sitului Trinca-Izvorul lui Luca în anul 2001	78
Виталий Синика (Тирасполь), Сергей Лысенко (Киев), Сергей Разумов (Тирасполь), Николай Тельнов (Кишинэу). Курган 2 группы «Рыбхоз» в Нижнем Поднестровье и скифские кремации Северо-Западного Причерноморья	99
Александр Симоненко (Киев). Ритуальный депозит II-I вв. до н.э. из Брэвичень	108

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Vasile Haheu (<i>Chișinău</i>). Sistemul defensiv al fortificațiilor traco-getice (particularități constructive și principii de apărare)	121
Елена Журухина (Киев). Производство стеклянных изделий (по материалам ремесленных мастерских Киевского Подола XII – первой половины XIII века)	130

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Roman Croitor (<i>Aix-en-Provence</i>), Vitalie Burlacu (<i>Chișinău</i>). The Middle Paleolithic site of Buzdujeni 1 (Northern Moldova): evidence on periodic occupation by cave hyena	136
Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chișinău</i>), Vasile Diaconu (<i>Târgu-Neamț</i>), Nicoleta Vornicu (<i>Iași</i>). Despre vasul de cupru medieval descoperit la Cetatea Neamțului (județul Neamț, România). Noi considerații	145
Mariana Gugeanu (<i>Iași</i>). Textilă liturgică arheologică – <i>Mâneceuță</i> . Conservare și restaurare	157

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Kirsten Hellström, *Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet*

(2. Jh. v. Chr. - 3. Jh. n. Chr.). Arhäologie in Eurasien 39, Bonn, 2018,
284 pagini și 94 planșe, ISBN 978-3-7749-3948-6
(Vasile Iarmulschi, Berlin) 163

IN HONOREM

Dumitru Boghian la 65 de ani (Sergiu-Constantin Enea, Târgu-Frumos) 165

IN MEMORIAM

La adio Oleg Levički: Omul și Savantul (1956-2020)
(Vasile Haheu, Chișinău) 168

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 172

INFORMATII ȘI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 173

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL
MAGAZINE 174

IN MEMORIAM

**La adio Oleg Levițki: Omul și Savantul
(1956-2020)**

Ne aflăm în fața unui adevăr tragic – **Omul și Savantul-arheolog Oleg Levițki** nu mai este. Ne-a părăsit subit și parcă fără motive vizibile la o săptămână înainte de ziua sa de naștere, când ar fi împlinit 64 de ani, practic în floarea vârstei, în deplin apogeu de cercetător.

Născut la 26 mai 1956 în satul Pohrebeni, raionul Orhei, în familia lui Gheorghe și Maria Levițki, a fost cel de-al doilea copil, mai având un frate mai mare și o soră mai mică. Pe când avea 14 ani, în 1970, a decedat subit tatăl său, veteran de război, mama sa urmând a crește copiii de una singură. A realizat cu succes această sarcină deloc ușoară, reușind să ajute ca toți copiii să capete studii superioare. După absolvirea școlii medii din sat, între anii 1973-1978, Oleg Levițki este student la Facultatea de Istorie și Pedagogie a Institutului Pedagogic de Stat „Ion Creangă” din Chișinău, pe care o absolvește cu mențiune. Încă din primele cursuri de la facultate se simte atras de cercetarea științifică, devinând un adept fidel al *Societății științifice studențești*, participând la mai multe conferințe republicane și

internationale. Posedând anumite calități personale, care îi facilitează aspirațiile (memorie deosebită, logică, spirit analitic etc.), la anul doi de studii, studentul Oleg Levițki are marea șansă și norocul de a face cunoștință cu Tânărul și talentatul profesor Iurie Popovici, care până la absolvirea facultății îi devine tutore și mentor în ceea ce privește activitatea de cercetare științifică. Se poate spune cu certitudine că anume această colaborare fructuoasă *student-profesor-savant* l-a determinat în alegerea drumului vieții. În anul 1977, participă la conferința științifică studențească unională de la Kiev. Iurie Popovici era specialist în etnografie, orientându-și discipolii în direcția de cercetare respectivă. Urmează primele lucrări de curs și teza de licență, având ca subiect obștea sătească din Moldova pe baza tradițiilor și obiceiurilor nescrise. Un moment important pentru studentul Oleg Levițki devin expedițiile etnografice de teren la care participă cu entuziasm, de rând cu alți colegi. În cadrul acestora, capătă deprinderi importante în ceea ce privește acumularea artefactelor și completarea primară a documenta-

ției de teren. Dar, în anul 1978, după absolvirea facultății, este înrolat în rândurile armatei sovietice. În toamna aceluiși an, în urma unui accident stupid, dar tragic, moare Iurie Popovici... Revenit din armată în anul 1980, Oleg se aranjează la lucru în cadrul Academiei de Științe a RSSM, la Secția de Etnografie și Studiul Artelor, dar la moment nefiind posturi vacante la specialitatea Etnografie este angajat temporar la Secția de Arheologie. S-a întâmplat aşa că între timp nu a mai apărut posibilitatea de a reveni în domeniul etnografiei (visul tinereții sale!) și rămâne să activeze în calitate de arheolog. Anticipând, constatăm că noua alegere s-a dovedit de un bun augur, iar proaspătul absolvent reușește prin sărăguință, perseverență șimeticulozitate nu numai să se aprofundeze în labirintul științei arheologice (atât în ceea ce privește cercetările de teren, precum și a interpretării vestigilor), dar și să devină un foarte bun profesionist, parcurgând într-o ascendență de invidiat calea de la laborant superior până la cea de cercetător științific principal. Un timp îndelungat este antrenat în activitatea administrativă și de organizare a cercetării științifice în calitate de șef al Secției de Arheologie Preistorică și Tracologie din cadrul Institutului de Arheologie și Etnografie al AŞM, iar din 2006 este director al Centrului de Arheologie, între timp susținând tezele de doctor (Leningrad/Sankt-Petersburg, 1991) și doctor habilitat (Chișinău, 2002). În perioada 1 aprilie 2013 – 27 octombrie 2014 a activat în calitate de director interimar al Institutului Patrimoniului Cultural, după care revine în funcția de director al Centrului de Arheologie. Grație efortului, insistențelor, precum și a propriilor capacitați manageriale, în colectivul de cercetare se creează și se menține o autoritate și recunoaștere unanimă a nivelului de investigare a colaboratorilor. Promovează o strategie de completare și menținere a cadrelor cu capacitați înalte de creștere profesională, contribuind la asigurarea realizării temelor științifice planificate. Sunt implantate, cultivate și multiplicate mai multe tradiții științifice și de etică profesională, care duc la formarea unei atmosfere de creație, propice abordării și soluționării mai multor direcții de activitate. Menționăm marele merit al lui Oleg Levițki în organizarea editării **Revistei Arheologice, serie nouă**: pentru primele cinci volume (2005-2010) – redactor responsabil, iar pentru următoarele (2011-2020) – redactor-șef, precum și contribuția sa personală în recunoașterea acesteia departe de hotarele

republicii, aceasta fiind indexată în mai multe baze de date internaționale de prestigiu, inclusiv în SCOPUS, începând cu volumul XIV din 2017.

La inițiativa și cu concursul său nemijlocit se organizează tradiționalele **Mese rotunde Arheologia Moldovei: trecut, prezent și viitor**, în cadrul cărora au fost comemorate activitatea de cercetare ale colegilor generațiilor precedente, precum și contribuția științifică a acestora. O grijă deosebită se acorda completării în continuare a fondului bibliotecii Centrului. Capătă amploare stabilirea și dezvoltarea multiplelor contacte de colaborare științifică cu mai multe instituții de profil și savanți notorii din țară și de peste hotare.

De la începuturile carierii sale științifice, deși aceasta s-a petrecut în cadrul Sectorului expedițiilor de salvare de teren și care constă în verificarea, descoperirea și cercetarea monumentelor arheologice în zonele construcțiilor noi din republică (sisteme de ameliorație, construcția de drumuri, iazuri, gazoducte, plantarea livezilor și a viilor etc.), Oleg Levițki se orientează în direcția de cercetare a culturii tracilor timpurii – Hallstattul canelat de la est de Carpați, foarte de curând redescând și primele sale publicații științifice. Tematica culturii materiale a perioadei timpurii din istoria tracilor septentrionali a fost dragostea sa dintâi și pentru totdeauna, căreia i s-a dedat din tot sufletul. În acest sens, a avut norocul ca pe parcursul mai multor campanii de săpătură să cerceteze masiv mai multe situri arheologice apropiate unul de altul din microzona Trinca (raionul Edineț), care l-au răsplătit cu descoperiri de valoare în domeniul. Este vorba despre aşezarea Trinca-*Izvorul lui Luca* (1982, 1984, 1989-1990, 1994-2002, 2004), fortificația Trinca-La Șanț (1999, 2011) și necropolă Trinca-*Drumul Feteștilor* (1991, 1994-1995, 1999). Dintre alte șanțiere mai deosebite invocăm investigațiile de la Tomai (1983), Petrușeni (1984), Căușeni (1985), Cobilnea (1986-1987), Chișinău-*Valea Morilor* (2010), Hîncești-Conacul Manuc Bei. În anul 2011, a condus Școala arheologică internațională de vară *Исследования археологических памятников микрозоны Тринка (Единецкий район, Республика Молдова) как пример изучения культурного наследия древних обществ*.

Continuând cele mai bune tradiții ale școlii arheologice din Sankt-Petersburg (discipol al căreia se recunoaștea cu mândrie), ulterior stabilește

legături strânse și benefice cu elita științei tracologice din România. În anul 1987, obține o stagiune de perfecționare profesională la prestigiosul Institut de Cercetare a Culturii Materiale din URSS (Filiala Leningrad/Sankt Petersburg). În același an, susține cu succes examenele și este înscris la aspirantură (secția de zi), după care în anul 1991 susține teza de doctor. Deși formal conducătorul său de acolo era Konstantin K. Marcenko cu care conlucrează eficient și întreține relații prietenești. Un moment decisiv în această perioadă l-a avut cunoașterea și colaborarea fructuoasă pentru mai mult timp cu prestigioasa cercetătoare de la Muzeul Ermitaj Galina I. Smirnova, specialist cu recunoaștere internațională pe problemele primei epoci a fierului din spațiul Europei de Est. Galina I. Smirnova, Konstantin K. Marcenko, Valdim S. Bockarev au fost persoanele și autoritățile științifice, care au marcat profund formarea Tânărului pe atunci cercetător de la Chișinău. Colaborarea cu aceștia, îndelungatele și interminabilele discuții științifice nu numai contribuie la largirea orizontului de cunoaștere al aspirantului, dar și devine un suport serios în determinarea crezului său științific în activitatea ulterioară. Puțin timp mai târziu (după 1991), Oleg Levițki face cunoștință cu mai mulți specialiști de valoare în problemele hallstattului tracic din România. Dacă până atunci le cunoștea doar opera bibliografică, acum se stabilesc relații personale, următe de întâlniri atât la Chișinău, precum și în diverse centre de profil din România. De un bun augur devine stabilirea contactelor prietenești cu Marian Guma, Petre Roman, Attila László, Nicolae Ursulescu, Valeriu Sârbu și mulți alții. Un loc aparte în acest sens ocupă relația cu Petre Roman, pe atunci directorului Institutului Român de Thracologie, grație căruia devine angajat prin cumul al acestei instituții, beneficiind de finanțarea a nouă campanii arheologice de teren între anii 1994-2002, investigând amplu monumentele din microzona Trinca. Primește suport financiar și pentru publicarea primelor patru studii monografice, mai publicând importante studii în edițiile institutului *Thrac-Dacia și Cercetări arheologice în aria Nord-Tracă*, precum și beneficiind de mai multe vizite de documentare la diverse instituții de profil.

Pe parcursul activității sale științifice, Oleg Levițki se străduia nu numai să se mențină în vâltoarea proceselor novatoare de cercetare, dar și

contribuia vehement la elaborarea și implementarea unor abordări metodologice performante.

Invocând, doar rezumativ, contribuția savantului Oleg Levițki pe cântarul arheologiei din țară și respectiv regiune – investigarea, analiza și interpretarea vestigiilor tracilor timpurii, dar și abordarea acestora în contextul culturilor arheologice sincrone din regiune conturăm doar câteva dintre acestea, fiind reprezentate de lucrările sale monografice: *Cultura Hallstattului canelat la Răsărit de Carpați* (București 1994, 255 p.), *Lumea tracică și masivul cultural nord-pontic în perioada hallstattiană timpurie (secolele XII-X î.e.n.)* (București 2003, 430 p.), precum și *Necropola tumulară hallstattiană târzie Trinca-Drumul Feteștilor* (Iași 2006, 148 p.). Anume în rândurile acestora se conține esența contribuției științifice a savantului Oleg Levițki. Începând cu selectarea exhaustivă a materialelor cunoscute din diverse publicații, dar și cercetând situl nou Trinca-Izvorul lui Luca, autorul face o analiză comparativă a materialelor, aprofundând procedura în timp și spațiu. O atenție sporită se acordă interferențelor culturale cu culturile sincrone din regiunile limitrofe. Concluzia de bază a cercetătorului, în prezent dintre cele mai acceptabile, este lipsa legăturilor genetice cu culturile precedente locale de la sfârșitul epocii bronzului, caracterul venit al purtătorilor culturii Chișinău-Corlăteni, precizarea pro-Patriei și a limitelor cronologice ale acesteia. O altă concluzie este lipsa legăturilor genetice și contribuției în formarea culturilor hallstatiene ulterioare, în primul rând cea cu ceramică imprimată și incizată de tipul Cozia-Saharna-Solonceni. O apreciere remarcabilă a activității sale științifice devine acordarea în anul 2004 a Diplomei de Onoare a Prezidiumului Academiei de Științe a Republicii Moldova.

A fost membru al Comisiei Naționale Arheologice a Ministerului Educației, Culturii și Cercetării al Republicii Moldova, membru al Comisiei de experți a CNAA (2007-2012). Din anul 2011 a fost membru al Colegiului de redacție al revistei *Peuce. Studii și cercetări de istorie și arheologie*, S.N., editată de Institutul de Cercetări Eco-Muzeale din or. Tulcea, România; membru de onoare al Colegiului de redacție al revistei *Cercetări arheologice preventive în Republica Moldova*, editată de Agentia Națională Arheologică (din 2014).

În calitate de profesor universitar a contribuit nemijlocit la pregătirea didactică a cursuri-

lor de profil a masteranzilor Universității de Stat din Moldova și a Universității Pedagogice de Stat „Ion Creangă”, dintre care, mai mulți, ulterior au devenit specialiști arheologi cu renume. Atitudinea grijulie față de studenți, masteranzi, aspiranți se manifesta plenar la lecții, seminare și examene, susținerea tezelor de masterat și doctorat. Opiniile și aprecierile sale erau, de regulă, profunde, precise și obiective, iar critica – constructivă și binevoitoare, pentru el contând grija și atitudinea părinților de față de știință și oamenii științei. Diferența de vîrstă, în înțelegerea sa era doar formală și nu se resimtea în relații.

Oleg Levițki a trăit și a primit viața în toată multitudinea ei de aspecte – cu dăruiri și cu lovituri,

dedându-se acesteia deplin și definitiv, până la capăt.

Cu siguranță, Oleg Levițki ar mai fi reușit încă multe de făcut pe tărâmul cercetării științifice, avându-se în vedere maturitatea de cercetare, cunoștințele acumulate și experiența personală, dar soarta și providența au decis altfel...

Începem să ne obișnuim, din păcate, cu lipsa fizică a omului Oleg Levițki (prieten, coleg) în această lume pământească, dar vom păstra în permanență amintirea despre el, care, cu siguranță va, persista pe parcurs grație paginilor lucrărilor sale. Cu plecarea lui, am pierdut nu doar un savant și cercetător notoriu, un bun organizator al procesului de cercetare, un profesor-pedagog de calitate, dar și un prieten adevărat.

Vasile Haheu